

Лесли Форбс

Пробуждение Рафаэля

«Лесли. Пробуждение Рафаэля: Роман»: Издательский Дом «Азбука-классика»; СПб;
2008
ISBN 978-5-91181-722-0

Аннотация

Своим дебютным романом «Лёд Бомбея» Лесли Форбс прогремела на весь мир. Разошедшаяся тиражом в два миллиона экземпляров и переведённая на многие языки, эта книга, которую сравнивали с «Маятником Фуко» Умберто Эко и «Смиллой и её чувством снега» Питера Хёга, задала новый эталон жанра «интеллектуальный триллер». За «Льдом Бомбея» последовал роман «Рыба, кровь, кости», также имевший огромный успех, и вот наконец впервые на русском языке выходит третий роман писательницы — «Пробуждение Рафаэля». На его страницах буквально оживает современная Италия — страна накануне второго Ренессанса, где тесно переплелись комичное и трагичное, романтика и насилие. Действие происходит в идиллическом Урбино — родном городке Рафаэля. Английский реставратор Шарлотта Пентон работает над восстановлением рафаэлевской картины «Немая», а телевидение снимает об этом фильм, причём и телевизионщики, и местные мачо увиваются вокруг сексапильной канадки Донны — юной актрисы, рассчитывающей на то, что участие в этом телепроекте послужит стартом её звёздной карьеры. Когда же при торжественном открытии отреставрированного полотна его повреждает сумасшедшая с ножом, а затем полотно чудодейственно кровоточит, из прошлого начинают как по команде всплывать неудобные тайны, и даже могущественная мафия вынуждена искать помощи на стороне...

Мастерски исследуя взаимосвязи между искусством, религией и политикой, Лесли Форбс выстраивает захватывающий сюжет, в котором бурлит неподдельная человеческая драма. Свет, вкус, запахи — Италия раскрывается перед читателем во всей красе... Истинный праздник для ценителей интеллектуального триллера в духе Артуро Переса-Реверте или Йэна Пирса.

Booklist

Форбс легко преодолевает внутренне присущие жанру ограничения, и не только благодаря своей обширной эрудиции, отточенному стилю письма, безупречному таланту рассказчика: главная её заслуга — создание абсолютно живых героев, которым сопереживаешь с первой страницы до последней... Ей удалось написать интеллектуальный триллер в лучших традициях «Имени розы».

The Wall Street Journal

Разумеется, историей реставрации картины Лесли Форбс не ограничивается — не зря же она заслужила славу мастера триллера. И пролить свет на тайну рафаэлевской «Немой» здесь может лишь настоящая немая, некогда явившаяся свидетельницей преступления столь чудовищного, что лишилась дара речи. Как и в двух предыдущих романах — «Лёд Бомбея» и «Рыба, кровь, кости», — основную сюжетную линию подкрепляет натуральный вал дополнительной информации: тут вам и политика с искусствоведением, и высокая кухня с историей религиозных подделок...

Guardian

Лесли Форбс

ПРОБУЖДЕНИЕ РАФАЭЛЯ

Посвящается, как всегда, Эндрю,
расширившему моё восприятие перспективы,
и Майе, прорицательнице

Несколько месяцев назад в Варшавской картинной галерее двое польских политиков варварски изуродовали восковую скульптуру работы Маурицио Каттелана,¹ изображающую в натуральную величину Папу Римского, поражённого метеоритом, которую они сочли оскорбительной для католической веры. Хотя смотрительницы помешали им, было слишком поздно, и Папа лишился нижней половины ноги.

«Гейт мэгэзин», август 2001

Нет, ответил он, недолго поколебавшись, нет, не знаю, какого признания добивались от несчастного в обмен на прощение, но сразу понял бы, да, понял бы с первого взгляда, присутствуй я при этом.

Сэмюэл Беккет. История, которую я слышал

ЧУДО № 1

ГАЛИЛЕЕВО ПРЕОБРАЗОВАНИЕ²

— Мы видим, как он украдкой оглядывается, будто... будто убегает с места преступления.

Это была первая репетиция выступления Шарлотты перед камерой, и беспощадный свет телевизионных софитов выдавал, что она нервничает больше, чем юноша на портрете, о котором она рассказывала.

— Но кто он — преступник или же просто свидетель? — продолжала она. — Убедена, художник хотел, чтобы мы задались подобными вопросами, почувствовали себя участниками интриги. Понимаете, картина — это окно в иные пространство и время, в данном случае — в пятнадцатый век. Вся композиция картины призвана усилить впечатление, что этот юноша, который как бы опирается одной рукой о раму, сейчас шагнёт из своего мира в наш.

¹ Каттелан Маурицио (р. 1960) — итальянский художник, известный своими вызывающими сатирическими скульптурами, в частности упоминаемой здесь «La Nona Ora» («Девятый час»), изображающей Папу Иоанна Павла II, в которого угодил метеорит. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Формулы преобразования координат при переходе от неподвижной системы отсчёта к движущейся, выведенные Галилео Галилеем (1564–1642) — итальянским мыслителем эпохи Возрождения, основоположником классической механики, астрономом, математиком, физиком.

— Вылитый Паоло, — заметила Донна. — Такой же сексуальный рот.

Не обращая внимания на девушку, Шарлотта продолжала:

— Другой пример подобного впечатляющего приёма — полотно Рафаэля «Мута», то есть «молчащая» или «немая» женщина. Название подразумевает, что она могла бы, если бы захотела, обратиться к нам, находящимся по сю сторону плоскости картины, поведать о виденном и... — ...предупредить всех нас, что время репетиции кончилось, — подхватил итальянец из съёмочной группы, стуча пальцем по своим часам. — А сейчас время ланча!

Для Муты первое предупреждение появилось в виде волка. Немая собирала возле разрушенной колокольни листья одуванчиков себе на завтрак, когда старый тощий волк размашистыми прыжками влетел в Сан-Рокко; наверное, его принудило к этому отчаяние или болезнь, если он среди бела дня так приблизился к людям. Когда-то много лет назад Мута видела волков, танцевавших, как неуклюжая юная парочка на своей первой деревенской ярмарке, но этому волку давно было не до танцев. Зверь остановился в тени башни всего в нескольких метрах от неё, его сухой язык болтался между чёрных растянувшихся губ. Мутные глаза вспыхнули и расширились, заметив Муту, язык мгновенно, как у хамелеона, скользнул в пасть, щёлкнули челюсти, брызнув кровавой пеной.

Так они стояли, глядя друг на друга, последние уцелевшие свидетели прошлого мира. Волк находился так близко, что Мута видела следы когтей на его заду и неровную борозду на боку, оставленную пулей. Одно ухо было разорвано почти пополам и покачивалось, как крыло сломанной ветряной мельницы, когда бока зверя тяжело вздымались. Издалека донёсся какой-то звук, заставив его насторожить драные уши, и Мута, проследив за взглядом старого волка, увидела свору собак, появившуюся на горизонте со стороны виллы «Роза». Не в силах бежать дальше, волк повёл острой седой мордой, оглядывая разрушенную деревушку в поисках укрытия, и не успела Мута опомниться, как он бросился к колокольне, промчавшись совсем рядом — можно было бы коснуться его рукой.

Она смотрела, как он падает. В нескольких местах свод подвала рухнул, и она смотрела, как волк летит вниз, колотя лапами, скребя когтями о камень; его жёлтые с чёрными ободками глаза смотрели на неё, не прося о помощи и не ожидая её. Мута понимала, что он сейчас чувствует.

Собаки приближались. Впереди своры нёсся длинноногий ветеран, лишившийся глаза и половины челюсти три зимы назад, защищая хозяина от раненого кабана. Муте привелось видеть, как точно такая же гончая сражалась с гадюкой толщиной с её, собачью, голову, стиснула змею челюстями и трясла, будто палку. Мута знала: такая собака достанет и дьявола в Аиде и вернётся назад, а ещё она знала, что свора не охотится одна и близко должны быть люди.

Она было хотела броситься в подвал, но там же волк, раненый или мёртвый, а даже мёртвый волк мог выдать её, и потому, когда свора ворвалась на разорённые виноградники и помчалась к Сан-Рокко, она поступила вопреки инстинкту самосохранения и побежала не от собак, а навстречу им, по волчьему следу, и её собственный зловонный запах подвала и одежды, снятой с мертвецов, забивал волчий, когда она махала руками на полуобезумевших собак, окончательно остервеневших, потому что уже знали вкус убийства. Видя, что это не помогает, она стала швырять в них камни, куски дёрна, палки. Старый одноглазый гончак взвился в воздух, поймал брошенную палку и перекусил пополам изуродованными челюстями, и в этот момент Мута увидела шагающих охотников, которые были уже недалеко. Положение было критическое. Она швырнула ком грязи в собачьи морды, оскалилась, беззвучно зарычала и выставила скрюченные пальцы, как когти. Опешив от неожиданного нападения странного получеловеческого существа, свора рассыпалась и, смущённо помахивая хвостами, обежала смесь запахов женщины и волка, чтобы вновь собраться на окраине Сан-Рокко.

Хозяева их были ещё на порядочном расстоянии, когда Мута узнала человека, шедшего

впереди, узнала его лицо даже теперь. «Вспомнит ли он меня? Почему он вернулся спустя столько лет?» Затем стрелой помчалась вверх по склону к старой дороге и прочим ходячим призракам.

— Видали? — крикнул один из охотников.

Пожилой мужчина, возглавлявший группу, отозвался, не отрывая глаз от женщины, взбиравшейся на крутой холм:

— Думаешь, она живёт в Сан-Рокко, Лоренцо?

Спросивший был лет семидесяти с небольшим, сущее животное, громадный и тучный, но бодрый, продублённый, в богатой экипировке; в его голосе звучало раздражение, выдававшее недовольство паразитами, заведшимися в его владениях, паразитами, за избавление от которых он уже отдал немалую сумму. По его виду было ясно: он намерен добиться, чтобы каждый грош был отработан, на то у него было много людей, готовых вытрясти из тебя душу.

— Сомневаюсь, — ответил Лоренцо. — Скорее всего у неё нора наверху, там, где она вышла на старую немецкую дорогу. Ты ведь знаешь, те холмы все продырявлены пещерами.

Старик наклонился, рассматривая что-то на земле.

— Она потеряла ботинок.

— Выглядит как музейная вещь, оставшаяся с войны.

— «Оставшаяся с войны»... — Старик поднял ботинок за шнурки и перевёл заплывшие глаза с мешками под ними на холм; женщина уже исчезла. — Как Прокопио кличет своего пса с изуродованной мордой? Бальдассар? Ты мне говорил, что он может выследить кого и что угодно.

— Почти что угодно...

Но когда они попытались поймать Бальдассара, тот не дался. Попятился, посмотрел на них, злобно скаля не изуродованную кабаном сторону морды, потом повернулся и, не слушая окриков, побежал домой.

— И это наш лучший пёс, — сказал Лоренцо. — Что будем делать?

Шарлотта Пентон шагала одна по разбитой дороге — одной из множества, испещривших эту холмистую часть Италии наподобие переплетений паутины, — и любовалась видом, открывавшимся с вершины холма на виллу «Роза», идиллический отель, где два часа назад наслаждалась одиноким и очень дорогим ланчем. Это был её первый по-настоящему свободный день за шесть недель, и теперь, когда реставрация портрета работы Рафаэля близилась к завершению, Шарлотта дала себе зарок провести в своё удовольствие время, оставшееся до возвращения в Англию. Хотя, конечно, из-за недавнего развода одиночество становилось иным, не столь желанным.

Она вдохнула всей грудью тёплый, душистый послеполуденный воздух. Пейзаж, расстилавшийся по правую руку от неё, был исполнен гармонии и изящества, как на полотнах Рафаэля. На переднем плане, обрамлённая живописными деревьями с аккуратными и пушистыми, напоминающими перьевые метёлки, кронами, мощёная белая дорога уходила прямой линией перспективы к воротам отеля и дальше, к шпилям и черепичным крышам Урбино, бледно-розовым, а у городков, совсем далеко видневшихся среди холмов, казавшихся лиловатыми. Свет — тот дивный золотой свет Италии, который смягчал очертания предметов, в то же время таинственным образом делая их чище и звонче, — переполнял Шарлотту, как роскошное, густое вино. «Я всегда узнаю это место, — думалось ей. — Я уже знаю его». Ибо ещё студенткой во Флоренции она восхищалась этими самыми холмами и замками на портрете Федерико да Монтефельтро, величайшего правителя Урбино, и ещё до приезда сюда ей было ясно, что она могла бы полюбить этот пейзаж.

Слева открывался вид тоже знакомый, но суровый и дикий, — на предгорья Апеннин, круто уходившие вверх, и развалины необычного строения, в одиночестве сопротивлявшегося натиску леса и кустарника. Пейзаж более напоминал мрачные творения фламандских и

немецких мастеров, которые ей приходилось реставрировать, изображавшие мучеников и распятия, лишённые всего светлого, с зияющими пропастями и дикими потоками — знаками жизни, полной неистовых страстей или трагической. Она представила себе, что холм, с которого спускалась, — это грань выбора, чётко делящая страну на до и после, на или-или. Мысленно подбрасывая монетку (руины или цивилизованный мир: что она предпочла бы?), она обратила внимание на единственное движение в этом разделённом пейзаже — фигуру в развевающихся лохмотьях, быстро выбежавшую из густого леса на некультурную сторону холма. С расстояния двух или меньше километров с трудом можно было понять, что это человек, и то только потому, что через несколько мгновений следом из того же леса появилась свора собак. Натягивая длинные поводки, они волокли за собой пятерых охотников с ружьями, торчавшими над плечами, как ручка метлы у пугала.

Ветер доносил лай собак, такой слабый, что он казался никак не связанным со сценой, разворачивавшейся внизу. Поначалу Шарлотта вообразила, что наблюдает итальянский вариант потешной охоты, которую устраивали в доме её родителей в Англии, когда натаскивали собак и след для них вместо лисы оставлял бегущий человек. Но когда дистанция между собаками и беглецом сократилась, она увидела, что он стал судорожно метаться из стороны в сторону — повадка больше звериная, нежели человеческая, выражавшая отчаяние, что опровергало всякое предположение об игре. Собачий красновато-коричневый клин и охотники в одежде защитного цвета неумолимо двигались вперёд, как ожившая часть леса или безжалостный вал земляного оползня.

И всё же этот одинокий беглец — человек или нет? Предвечернее солнце слепило Шарлотту, превращая фигуры внизу в чернильные кляксы на пейзаже художника.

Неужели ещё существуют такие вещи, как травля человека собаками? Это немыслимо, по крайней мере не в наше время, не в 1993 году. Шарлотте, привыкшей воспринимать себя как стороннего наблюдателя, мало на что могущего повлиять (разве только после того, когда уже что-то случится, когда вред уже причинён, — реставраторша, починщица), потребовалось несколько минут, чтобы среагировать на происходящее. Даже пробившись сквозь густые кусты и побегов — какая нелепость! — вниз по склону, она всё ещё не верила ни своим глазам, ни тому, что она делает. Она была слишком далеко, чтобы успеть что-то изменить, да к тому же бежала медленно, неловко, спотыкаясь на каждой кочке, словно зеркально повторяя неровный шаг другого бегущего, и видела себя проигрывающей обречённый забег — как на драматическом полотне художника, где положение фигур заранее определено.

Фигура, шатаясь, перевалила крутой гребень холма и в тот же миг исчезла. Трое охотников бегом бросились вдогонку, криками подгоняя собак; вопли и лай слились в общий гомон, в котором невозможно было отличить людей от зверей. Шарлотта рванулась вперёд, выкрикивая на бегу: «Стойте! Basta!³ Хватит!» — но встречный ветер швырял её крик обратно, словно подтверждая тщетность её протеста.

Собаки достигли крутого обрыва, куда бросился беглец, и резко остановились на краю. Они молча метались взад-вперёд, поводки спутались, как спагетти. Две из них бросились вниз, застряли в ветках кустов и, визжа, барахтались на поводках, пока мужчины с трудом не высвободили их.

Затем все пятеро охотников и их собаки перебрались через гребень и исчезли в зарослях кустарника.

Шарлотта перешла на шаг и, часто моргая, смотрела вниз, в долину, ожидая, когда охотники появятся вновь. Она заметила влажное сверканье — ручей среди смутных очертаний валунов и кустарника, которые поглотили охотников.

Прошло пять минут. Десять. Далёкий тот сюжет, разворачивавшийся внизу, какой бы ни совершил он поворот, уступил место мучительному воспоминанию, далёкому, как детство. Она думала о том, какое удовольствие получал от охоты её отец-солдат. До чего она

³ Хватит! (*ит.*) .

ненавидела те моменты, когда её посылали принести что-нибудь из холодильника: замороженный кусок дичи, парнокопытной или летающей!

Прошла ещё минута, и Шарлотта решила, что, должно быть, ошиблась, предположив, что идёт охота на человека. То, что я видела, убеждала она судью в себе, было всего лишь обычной охотой на кабана или оленя. Легко объяснить неясное «видение» следствием напряжённой, ювелирной работы над Рафаэлевым портретом: зрение, особенно в последние недели, случалось, играло с ней шутки. Ночью ей виделось, что женщина на портрете стучит пальцем по своим упрямо немым губам, порываясь заговорить.

К тому же день был необычно жаркий для октября. «Надо захватить воды, — подумала Шарлотта, поворачивая назад к безопасной вилле «Роза», — наверно, выпила слишком много вина за ланчем».

На том же гребне холма, по той же тропе примерно в километре впереди Шарлотты спускался учёный, который приехал на короткое время домой после многолетней отлучки. Профессор Серафини из Итальянского комитета по исследованию паранормальных явлений и Шарлотта, таким образом, смотрели на поле в долине практически с одной точки, и тем не менее профессор ничего не видел. Ни охотников, ни преследуемого. Несколько недель спустя, слушая рассказ Шарлотты, он заявил, что математически невозможно увидеть то, что, по её утверждению, она видела, находясь в том месте в то время дня. На обороте конверта он начертил схему: два склона, угол, под которым падали солнечные лучи на глубокую долину, и поля между холмами Сан-Рокко и тем, на котором она находилась. Начертил очень аккуратно, пунктирными линиями, обозначив углы символами a , b , c и т. д. Потом, сказав что-то вроде: «С началом координат x , y , z в точке 0 (это вы, Шарлотта)...», сослался на лоренцевские преобразования от неподвижной системы координат к движущейся, «которые заменили Галилеевы преобразования».

Шарлотта, признаться, ничего не поняла из объяснений Серафини, но к тому времени для неё это уже не имело никакого значения; ей не требовались математические доказательства того, что она видела собственными глазами и чему предпочла возвращение под защиту виллы «Роза». Тем не менее она сохранила конверт Серафини как напоминание об ограниченных возможностях науки, сунув его в записную книжку к открытке с тем рисунком Гойи, подпись к которому словно подводила итог этому странному случаю: «Сон разума рождает чудовищ».

ЧУДО № 2 УВИДЕТЬ ВОЛКА

Мута дождалась захода солнца и, удостоверившись, что охотники не последовали за ней вверх по ручью, многомильным окольным путём, занявшим несколько часов, вернулась, путая след, в Сан-Рокко. Она чувствовала себя в относительной безопасности, несмотря на зловещее сияние огромной красной луны, пока не оказалась близ бетонных дворики, где закалывали свиней. Меж лопаток возник и пополз по шее холодок, и почти тут же она заметила жёлтые огоньки, тогда как в этот час полагалось светиться только светлякам своим бледно-голубым светом. На сегодня забой уже должен был закончиться. Она ползком пробралась вперёд в кусты над двориком, где в углу сбились свиньи, тесно прижавшись одна к другой, подальше от глыбы пронзительно-розовой плоти, которая распласталась, или её *расплатали*, на внутренней калитке.

Против жёлтого, неурочного света темнели силуэты людей, неясные и незнакомые, кроме одного — мужчины много старше остальных, который стоял в стороне, наблюдая, как другие растягивают что-то голое и бескостное, как свежеснятая, но ещё не разделанная шкура.

Мута успела узнать это *что-то* своих жутких видений и, заметив блеск большого свежевочного ножа, поняла, что всё начинается снова, и поползла на четвереньках назад сквозь заросли ракутника и колючего можжевельника по жёсткой поросли дикого тимьяна.

Когда она наконец поднялась на ноги, ладони её кровоточили, но перед глазами продолжало стоять его лицо, подкрепляя подозрения, что убийцы вновь собираются, как позже соберутся вороны над двойными холмами Урбино (двуличными холмами, по выражению мэра).

Она вернулась домой по старой козьей тропе, бежавшей среди деревьев-пугал. В Сан-Рокко зажгла сухой сук и в его неровном свете прошла, ступая по рассыпанной по земле черепице с развалин кухни, в густую тень, где находился люк в её подвал. Она с колотящимся сердцем дважды совала пальцы под слой мха, скрывавший его, и отдёргивала их, сознавая опасность, какую представлял собой больной или попавший в ловушку волк; об этом рассказывал ей отец в те времена, когда горы кишели волками. Она положила руку на рукоятку ножа, висевшего на поясе; факел и нож придали ей мужества, и, подняв наконец крышку люка, она отступила в сторону.

Когда ничего не случилось, Мута осторожно подошла к лестнице, ведущей вниз; оттуда резко пахло кровью и звериной мочой. На сей раз это был реальный волк, хотя демоны подземелья часто набрасывались на неё с такой силой, что она теряла сознание и приходила в себя с синяками на голове, с вывихнутым плечом. Она вытащила из-за пояса нож и выставила перед собой факел. Потёки смолы попали в пламя, и на мгновение во тьме у основания лестницы вспыхнули два жёлтых пятна, словно искры от соснового факела. Глаза метнулись к Муте, и она почувствовала лицом жёсткую щетину окровавленной волчьей морды. Миг — и он сбил её с ног. Она выбросила вперёд руку с ножом, волчьи челюсти сомкнулись на её запястье, как изуродованные челюсти старого гончак — на палке, которую она швырнула в него сегодня; она выронила нож и ждала, что сейчас волк мотнёт головой и раздастся хруст кости. Волчьи клыки прокусили кожу; она почувствовала, как налетевший на неё призрак оттолкнул её, промелькнул над ней. Затем поняла, что свободна. Волк скрылся.

Она подобрала нож и спустилась по лестнице в подвал. Газеты, которыми помещение было оклеено от пола до потолка, висели клочьями там, где волк скрёб когтями стены, пытаясь выбраться. Коврик пропитан кровью, на всём земля, осыпавшаяся со свода, шкаф опрокинут. Но припасы нетронуты, даже форель, подвешенная для копчения, в целости и бочонок с водой. Возможно, волк был слишком перепуган, чтобы есть и пить, или слишком болен. Страх воды, вспомнилось Муте, — это признак жестокой болезни.

ЧУДО № 3 ПЕРСТ ФОМЫ НЕВЕРНОГО

— Эй, Примо, ты говорил с кем-нибудь о том, что случилось в Сан-Рокко? — спросил бармен в баре «Рафаэлло» в Урбино.

Он налил вторую порцию граппы своему приятелю Примо, мэру, который зашёл купить еженедельный лотерейный билет — редкий безнадёжный кивок удаче, не замечавшей его. Бывший коммунист, превратившийся в циника вследствие неспособности прежней своей партии зажечь итальянских рабочих, мэр стал ещё большим циником после 1991 года, когда итальянская компартия раскололась на два крыла и его уговорили присоединиться к не-коммунистической-но-всё-таки-относительно-левой PDS, или Partito Democratico della Sinistra.⁴ «Более сбалансированное объединение», — утешала его жена, на что он отвечал: «Ну конечно, более сбалансированное, сидит на заборе, свесив яйца по обе стороны».

— А что такого случилось в Сан-Рокко? — спросил он.

— Брось, Примо, не прикидывайся. Мне-то можешь доверять.

— Ты о том, что случилось неделю назад на свиноферме?

— Нет, об этом любой может догадаться. Парень вроде Доменико Монтанья, который работает на консорциум, парень с прошлым, который слишком много пьёт, слишком много болтает, — с таким рано или поздно должно было произойти несчастье. Сам знаешь, я говорю

⁴ Левая демократическая партия (*ит.*) .

о том, что случилось много лет назад.

— Ну, жене. Жене рассказал.

— Понятное дело, жене, всё рассказывают жёнам... Больше никому?

— Ты, Франко, знаешь хоть кого-нибудь, кто любит таких, которые болтают, которые поднимают шум? В конце концов, кроткие наследуют землю, разве им этого мало? — Примо, кому были знакомы несговорчивый характер местных, и бесплодность земли, видел в этом обещанном наследии последнюю шутку Старика. — Давайте, кроткие и скромные, вся эта пыль да камни — ваши. Судный день ещё не скоро настанет, придётся им подождать, — сказал Примо и добавил: — А чего они ещё могут желать?

Франко налил себе и приятелю ещё по стаканчику граппы.

— Ты думаешь, где-нибудь в других местах не так, как у нас?

— Откуда мне знать, парню, который всю жизнь прожил в Италии?

— Я тоже, съездил только разок в Лурд, когда жена ещё была жива, да покоится она с миром, какого не знала при жизни. Но мой брат, Беппо, который перебрался в Чикаго, тот всегда говорит...

— Обойдёмся без Великих Поговорок твоего братца, Франко. Слишком ещё рано для них!

— Я только говорю...

— А, так это *ты* говоришь?

— Я только говорю, всё может измениться, разве не так, Примо? Возьми Ренессанс, например. То есть когда ты...

— Он говорит «Ренессанс»! Он говорит «например»! Думаешь, такие, как мы с тобой, могут изменить мир, Франко?

— Может, не мир, а...

— Да ты в баре-то своём почти ничего не изменил, хотя больше тридцати лет прошло, как получил его от покойной вдовой тётки, по которой не очень-то скорбел. Да поможет нам Бог, если ты сподобишься хоть на какое-то изменение, кроме как переключишься на другую радиостанцию! Так или иначе, а некоторые вещи лучше не трогать, такие, которые невозможно изменить, вроде того, что случилось в Сан-Рокко. Ты, Франко, чересчур много думаешь о Сан-Рокко, а кончится тем, что разочаруешься во всём человечестве.

Шарлотта Пентон безуспешно пыталась сосредоточиться на письме бывшему мужу и не чувствовала себя виноватой в том, что невольно подслушивает разговор двух итальянцев. В эти дни, казалось, почти вся её жизнь проходит на людях. И если мало кто в Урбино задумывался над тем, насколько хорошо она понимает их язык, хотя уже три недели слышали, как она говорит на нём, то чья в этом вина?

Наверно, думала она, я стала неслышимой, невидимой, по крайней мере для мужчин, после того как нож развода с Джоном обстругал её, как ветку, и теперешняя её худоба соблазнительна лишь в совсем юных женщинах. Она ощущала себя по-новому, и это ей нравилось. Ей нравилось хотя бы на день-другой превратиться в особу, которой ничего не стоит солгать; нравилось писать: «Жизнь в Италии волшебным образом сказала на моих любовных делах, Джон! Никогда не представляла, что секс может быть таким!» Больше восклицательных знаков в жизни — вот что ей было необходимо, но она довольствовалась тем, что вскользь упоминала о том, как продвигается работа по восстановлению рафаэлевской картины, и скупой хвалила молодых помощников, Паоло и Анну, местных реставраторов, которые занимались портретом до того, как она приехала.

«Паоло — милый юноша, прекрасно осведомлённый о последних научных достижениях в нашей области, — написала она, потом прибавила, желая досадить Джону: — А ещё он очень привлекателен и выглядит настоящим распутником — как опечаленный молодой сатир с панно Пьеро ди Козимо в Национальной галерее».⁵ Хотя она не надеялась возбудить в

⁵ Имеется в виду панно «Смерть Прокриды» итальянского художника эпохи Возрождения Пьеро ди Козимо

Джоне чувство ревности, но всё же гордилась этой своей последней фразой с оттенком задиристости, внушённой, возможно, этим кафе, что по соседству с домом, в котором родился Рафаэль. Она часто приходила сюда, в бар «Рафаэлло», почитать, что-то написать, ценя в нём всё то, что в Англии возненавидела бы: радио, постоянно настроенное на итальянскую спортивную станцию, футболки в рамках и старые флаги на стенах, пожилых итальянок в домашних халатах в голубой цветочек, каждое утро врывающихся в бар, откидывая стеклянскую занавеску входа, чтобы почитать местные газеты и с приятным испугом поохать над извещениями о смерти подруг и соперниц.

Сейчас дрянное крохотное заведение было пусто, не считая бармена и его приятеля-мэра, потому, наверно, их болтовня и мешала ей сосредоточиться, и слова «Сан-Рокко» гудели в ушах с настойчивостью далёкого церковного колокола. Она уже слышала о Сан-Рокко, думала Шарлотта, собираясь уходить, но где? Почему оно вызывает в ней какое-то тревожное чувство?

Примо смотрел вслед уходящей англичанке, любуясь её высокой, стройной фигурой — может, чуточку худой, на его вкус, но ему нравились её испуганные голубые глаза, вызывавшие желание защитить её. А ещё ему нравились её большой рот и бело-розовая кожа, какой не увидишь у итальянок её возраста. Опять-таки, большинство итальянок её возраста и положения одеваются сексуальнее, стараются выгоднее подать себя.

— Рассказать тебе о волке, которого видели в Сан-Рокко на прошлой неделе? — спросил Франко, не спуская глаз с женщины. — Волк исчез, как растворился, а вместо него, откуда ни возьмись, — женщина.

— Ещё одно твоё чудо?

— Да правду говорю! Знакомый парень, который отвозил охотников в долину, сказал, что та сумасшедшая цыганка возникла из ниоткуда, даже напугала одноглазого Прокопиева пса...

— Прокопио тоже там был?

— Он одолжил им своих собак...

— Быть не может! Того одноглазого? Прокопио никому не одалживает Бальдассара! Этот пёс по любому зверю работает, трюфели ищет — лучший из всех, какие у него когда-нибудь были! Да он ему жизнь спас!

— Знаю, Примо, думаешь, не знаю? Но один из этих охотников был крупная шишка, которому Прокопио то ли чем-то обязан, то ли...

— А-а, обязан — Примо, годы проведенные в политике, было прекрасно известно, куда могут завести обязательства. — Должно быть, серьёзно обязан...

— Ты знаешь историю Прокопио.

Франко снял с полки над стойкой один из кубков, когда-то давно завоёванных местной футбольной командой. Протирая манжетой позолоченный металл, прочитал выгравированное на нём имя брата. Наверно, надо было тоже уехать в Чикаго вслед за Беппо, он звал всё время. Бежать из этой страны туда, где проблемы не такие застарелые и не воняют, когда их трогаешь.

— Во всяком случае, — сказал Франко, — подумай над этим, ладно?

— Я только одно думаю: этим охотникам померещилось. В Сан-Рокко ни души нет, даже цыган. Чего им там делать? Конечно, на карте по-прежнему значится: *Localito*⁶ Сан-Рокко, но ты знаешь — да все знают, — там, по сути, ничего не осталось после войны.

Ничего, подумал Примо, одни развалины. Даже тут, в Урбино, нет прямых путей к истине, а там, за городом, в предгорьях, сплошь подъёмы да спуски, тупики и умирающие, мёртвые горные деревни, обиталище волков и гадюк — и дикобразов, уничтожающих

(1462–1521), находящееся в лондонской Национальной галерее.

⁶ Населённый пункт (*ит.*) .

корневища диких ирисов, которые эти колючие динозавры выкапывают лапами словно в кожаных митенках, как древние *plongeurs*.⁷ Что до кабанов, то эти всегда рылись в земле в поисках трюфелей и прочей заплесневелой подземной дряни. Кое-что из этого Примо видел и не хотел увидеть снова и теперь предпочитал заглядываться куда подальше местечек вроде Сан-Рокко. Его линия проходила по разным барам Урбино, по давнишнему политическому кладбищу Италии, бывшему неотъемлемой частью неизбежных разора, возрождения и обновления: «Возродившийся в пятнадцатом веке, восставший из пепла века девятнадцатого и с тех пор пребывающий в процессе восстановления». Застань его за четвёртой порцией граппы, и услышишь, как он потешается над тем, что нация-феникс, которую он так любит, втиснула в свой тесный багажник всякие чудотворные реликвии вроде нетленного языка святого Антония, последнего вздоха святой Агаты, решётки, на которой поджаривали на медленном огне святого Лаврентия, перста Фомы Неверного, который он вложил в рёбра живого Иисуса после Его Воскресения. («Это всё правда, — заявил Франко в прошлом году. — Я видел собственными глазами! Настоящий палец! В церкви Санта-Кроче в Риме!») И перья с крыльев архангела Гавриила в количестве, достаточном, чтобы вас охватил священный трепет перед истинной *величиной* ангелов.

— Да, — сказал Примо, — когда Люцифера вышвырнули из рая, там, где он приземлился, враждебный нашему человеческому миру, должно быть, случился страшный грохот, Франко. Наверняка в том месте остался след.

— И ты, Примо, знаешь, где он оставил его, верно?

Примо знал одно: открой он правду о Сан-Рокко, и тут же появятся чудо и чудотворец, а он больше не верил в чудеса, даже в экономические.

ЧУДО № 4 ОЖИВШИЙ СОН

— Мадонна!

Граф Маласпино говорил больше себе, чем девушке, которая стояла перед ним полностью нагая. Точёная фигура казалась безупречной, однако посмотреть на них (её, балансирующую на шаткой скамеечке для ног, и его, пожилого, одетого мужчину, который крепкими ладонями мял и давил её плоть), подумаешь, что он лепит её из глины, стремясь добиться совершенства в соответствии с более строгим канонем красоты.

Опять то ли «*Ma donna!*», подумала молодая канадка, то ли «*ma Donna*». ⁸ Донне Рикко, три поколения назад оторванной от итальянских корней, было известно, что её имя означает «госпожа» или «женщина»; этим её знание итальянского языка почти и ограничивалось.

— Тип лица караваджиевский, — пробормотал граф, — нет, рафаэлевский!

— Отец говорит, я копия Авы Гарднер.

Граф Маласпино слегка нахмурился в ответ на её замечание и обнял её сзади; правая ладонь легла под её левую грудь, словно он собрался приподнять Донну и перенести на более устойчивый пьедестал.

— Повтори мой жест, — велел граф, и она послушно приложила ладонь к груди, а он отступил назад, чтобы оценить её новую позу.

— Что...

Но он заставил её замолчать, прижав палец к её губам, потом раздвинул их, и она обхватила его губами.

— Выше... руку, — сказал он, — палец ласкает сосок...

Донна перенесла вес на другую ногу, чтобы дать отдых затёкшей, и старалась не

⁷ Ныряльщики (*фр.*).

⁸ «Моя госпожа!»... «моя Госпожа» (*ит.*).

захихикать — или не заговорить, что было много труднее. Кто это сказал, что она не способна замолчать даже ради спасения собственной жизни? А, да, тот индюк в школе, Майк Брэдшоу, вот кто. Давным-давно, когда Донна ещё была толстой девчонкой со скобами на зубах и римским носом, который не соответствовал тогдашним телестандартам красоты. Увидел бы ты меня *сейчас*, Майки-малыш!

— Левая рука внизу... ещё ниже, прикрывает низ живота, но слегка, чтобы в то же время будить воображение. Вот так. Да... и выражение почти в точности как у неё — Рафаэлевой «Форнарины». Или...

Донна, может, и не понимала всех его аллюзий, но, быстро всё схватывая, улавливала общий смысл и не возражала против роли молчаливой музы, потому что чувствовала... а что она чувствовала? Это не зависит от неё, вот что! Была готова вот-вот разрешить загадку «Моны Лизы», понять, чему Мона так чертовски самодовольно улыбается. Как там выразилась Шарлотта на прошлой неделе? Да: такое впечатление, что сейчас она шагнёт с полотна в знакомый пейзаж, «мгновенно узнаваемый, *как оживший сон*». Именно это Донна искала в Италии. Не денег, но нечто... *утраченное*, чего никак не могла найти. Нечто, присутствующее фоном на картинах и в сновидческих пейзажах старых фильмов вроде «Босоногой графини»,⁹ отцовском самом любимом из тех, что с Авой Гарднер.

Двадцатиоднолетняя и не слишком образованная, ну и ладно! Зато соблазнительная, сообразительная, полная решимости устроить свою судьбу, Донна смотрела на этого графа как на мужчину, который, как никто другой, сможет кое-чему научить, кое о чем рассказать. Он был частью её Большой Удачи, той самой, о которой отец постоянно твердит, советуя не упустить. «Не зарься на деньги, — говорит отец, расплачиваясь за операцию по исправлению её носа, — но пусть у мужа они будут». Он был доволен, узнав, что титул у графа настоящий, а не просто одно из средств, к которым итальянцы часто прибегают, чтобы легче было глотать горькие пилюли, преподносимые жизнью (в Италии нет просто «мистеров»: всяк, с кем она знакоилась, был или «professore», или «dotto»¹⁰). Маласпино по всем статьям граф. Стопроцентный.

Донна узнала об этом задолго до того, как поднялась по внешней лестнице в лоджию длиной чуть ли не в городской квартал. *Loggia*, думала она, шикарное словечко для веранды, которое она усвоила в Риме на ускоренном курсе истории искусства, где ещё научилась ценить этот вид жилья, уставленного мраморными торсами, разбитыми терракотовыми вазами, безрукими терракотовыми же статуями и разрозненными доспехами на стене. Никаких глициериново блестящих новодельных антиков, какие стоят у её собственных стариков. Здесь не увидишь ничего, что блестело бы, было бы целым. Донна могла представить себя хозяйкой этих хором — не спасовала бы, будьте уверены! Вроде замка на вершине холма, которым любуешься издали или внутри через красные канаты ограждения. *La Contessa*.¹¹ Завистливые шепотки: «Родилась в Канаде, можете поверить? Но из римского рода...» — «*Старинного римского рода*», — поправляла Донна, обращаясь к воображаемой аудитории, припомнив, как в Европе было важно не только то, откуда идёт твой род, но и то, что он живёт там очень долго *и располагает бумажкой, доказывающей это*. Родословие — вот слово, которое Шарлотта повторяла множество раз.

Именно восхищённый рассказ Шарлотты об этом отеле да ещё его описание в путеводителе подвигли Донну на непозволительную роскошь: отправиться на такси из Урбино пообедать там. «Вилла Роза, чьи лучшие времена, похоже, преданы забвению, была построена в 1500-х годах как охотничий дворец семьи Маласпино. Превращённая в 1950-х в

⁹ Фильм 1954 года с Авой Гарднер и Хамфри Богартом в главных ролях, сценарий и режиссура Джозефа Манкевича. Получил «Оскар» за роль второго плана (Эдмунд О'Брайен).

¹⁰ «Профессор», «доктор» (*ит.*).

отель, она поныне сохраняет многие черты некогда роскошного палаццо, в частности гербы Маласпино, вырезанные над входами в холлы. Отель с рестораном, обставленный в стиле *belle époque*, — среди лучших в округе, и гостям, интересующимся историей, могут предложить апартаменты, в которых, по слухам, любил останавливаться Муссолини со своей любовницей».

С пластинки на древнем проигрывателе графа Маласпино сквозь шипение и потрескивание звучали замирающие вздохи.

— Изумительно, не правда ли? — сказал он. — Алессандро Морески, последний великий кастрат...¹²

— Кастрат?

— Один из наших певцов-кастратов... Мужчина, который пожертвовал всем ради того, чтобы обрести ангельский голос...

«Я, может, лишился не меньшего, — подумал граф, — а что приобрёл взамен? Стал хозяином отеля, пиарщиком». Земли, акр за акром, друзья, один за другим, — всё исчезло после войны, колонизировано иностранцами вроде этой девчонки, которая приехала в Италию, надеясь скупить историю и образ жизни, теперь почти забытый. Даже виллу Роза, любимый дворец дяди, пришлось превратить в отель, дом же, где прошло его детство, продали много лет назад, а следом вскоре и последние крохи от бабушкиного поместья. Кроме нескольких побитых реликвий в этих комнатах, всё, что осталось от его прежней жизни, можно увидеть в окна, выходящие на крутые одичавшие холмы над Сан-Рокко. Чёткие некогда линии террас из белого камня теперь запачканы пятнами ежевичных кустов или полностью стёрты десятками оползней и ползучими сорняками, так что лишь рваная тень указывает, где стояли стены фермы.

«А когда я был молод, — размышлял он, — те возведённые человеком террасы казались не менее крепкими, чем любой выход горных пород». До войны отцовские владения казались живым воплощением лоренцеттиевского¹³ живописного цикла «Разумное и неразумное правление», этой мягкой аллегории добродетели, изображающей «разумно управляемую» сельскую местность, где процветают поощряемые культура, торговля и охота, — и поэтому прекрасную и составляющую резкий контраст с нею картину крайнего, варварского хаоса, который воцаряется при власти жестокого тирана. Отец предпочёл последовать за тираном. Граф оглянулся на обнажённую девушку и увидел, что её пристальный взгляд устремлён на бутылку вина на столике, на отражённую в ней Италию, где все приметы пасторального небрежения свелись к аккуратной миниатюре с парой ворон, кружащих над виллами величиной с почтовую марку пернатыми кавычками над идеей, остающейся невыразимой — или невозстановимой, во всяком случае недостижимой.

Он налил им вина, окунул в бокал палец, чтобы обвести влажными красными контурными линиями груди девушки, помечая их, как помечают на географической карте обнажения горных пород. Богатая грудь, подумал он, из новой и богатой страны. Место для отказа от старых обязательств, для новых стартов.

Будь Донна рассудочнее, она могла бы найти в этих линиях неприятную аналогию с действиями патологоанатома. Эта девушка в последние годы внимательно приглядывалась к некоторым мясным рынкам, лакобилась своей долей вырезки. Навидалась всех этих отметок:

¹² Морески Алессандро (1858–1922) — последний (но как певец отнюдь не самый великий) кастрат и единственный, чей голос был записан на пластинку в 1902 и 1904 гг. Пел в Сикстинской капелле с 1883 по 1893 г., после чего перешёл там же на должность хормейстера.

¹³ Лоренцетти Амброджо (1290–1348) — сохранилось всего шесть работ Лоренцетти, авторство которых документально подтверждено. Одна из них — «Разумное и неразумное правление», настенная роспись в сиенском Палаццо Пубблико.

ромштекс, филе-миньон, лопатка, проводимых в предвкушении яства. И всё же от красных границ, которыми граф Маласпино выделил её груди, возникло ощущение их особой прелести, и такой же линией был тон, каким он прошептал: «Я хочу любить вас», когда они встретились в его ресторане на другой стороне внутреннего дворика. О'кей, линия такая же, как всякая другая, но, кроме него, никто не говорил ей «хочу любить»: ни футбольные звёзды, ни теннисные тренеры, ни самоуверенные телепродюсеры — все те мужчины, с кем она обычно встречалась. Эти говорили: «Ты меня по-настоящему заводишь», или «Ты такая сексуальная», или «Хочешь переспать? Хочешь потрахаться? Хочешь поразвратничать?». Или просто делали это. Расстёгивали молнию и делали без всяких предисловий.

— Не нравится, дорогая?

— Что?

— Это вино... — Он кивнул на её едва пригубленный бокал. — Последняя бутылка редкостного вина с виноградников моей бабушки.

— Ах нет, нет... вино... замечательное. Но обычно я пью белое — шардонне, люблю шардонне. Очень холодное. «Напа вели»...

— Надо будет заняться тобой, развить твой вкус, дорогая... — Его пальцы скользнули вниз по ложбинке её позвоночника, между ягодиц. — Видишь ли, молодое вино может быть резким, неуступчивым, но выдержанное, оно... — Пальцы скользнули вглубь, на разведку. — Оно раскрывается, и ощущаешь возбуждающую смесь ароматов: смолы, цветов, варенья и меха .

Спустя несколько минут он спросил:

— Тебе это приятно, *cara* ?¹⁴

— Да, конечно!

Донна постаралась не выдать голосом своего разочарования. Хотя бы разделся, что ли, чтобы всё это меньше походило на осмотр у врача: стоишь голая на скамеечке, а он ощупывает тебя худыми пальцами, словно обследует. Теперь, того гляди, вытащит свой стетоскоп. Свой *буравчик* ! Она едва не захихикала, но сдержалась. Пока он ещё не стал как один из тех, кто, трахая её, издаёт звериные звуки, изображает из себя льва или огромного косматого медведя. Или как тот француз месяц назад в Париже, который пыхтел несколько минут, как паровоз: «чух, чух, чух, чух!»), пока наконец не заорал: «Приехали!» Что она ему, железнодорожная станция? На прошлой неделе Джеймс, её начальник, захотел вывалить банку «хайнца», холодных бобов в томате, на её голый зад! Равнодушная и к разогретым, даже на гренке, Донна отказалась, предположив, что бобы — прелюдия к кое-чему менее съедобному. Теперь Джеймс притормаживает и взгляд у него осторожный, будто, подъезжая к ней, видит красный свет впереди.

Граф сзади подхватил её груди, взвесил на ладонях их тяжесть, прижал друг к другу, потом его руки скользнули вниз, к животу, ещё сохранившему летний загар, и дальше, меж длинных мускулистых ног.

Донна обратила внимание на коричневый кружок плечи на макушке, окружённой редующими волосами, которая напомнила ей о её дяде. Покойном. Дядя *Пьетро* . Или Пит, как его звали, когда он наезжал в Штаты. Ей было четырнадцать, толстушка, которой была приятна его благородная галантность. С тех пор у неё слабость к дядюшкам Питам. К тому же этот дядюшка, этот граф, был действительно красив, но печальной красотой потрёпанного Грегори Пека, что должно было делать его старше всех, с кем она до сих пор встречалась. Опять же, *граф* .

Он шептал что-то неразборчивое.

— Пардон?

— Этруски, — ответил он. — Атлеты, как ты, которые три тысячи лет назад выращивали здесь виноград среди диких оливок и миртовых деревьев.

¹⁴ Дорогая (*ит.*) .

Донне вспомнилось, что у неё была тётушка Мертл,¹⁵ может, двоюродная.

— Римляне называли их варварами, даже злобными варварами, и растоптали эту тонкую, чувственную культуру своими ножищами завоевателей. Означает ли, что глупец, убивающий камнем соловья, выше соловья?

«Д. Г. Лоуренс писал об этом, — вспомнил граф, — и Дитер учил меня тому же». Опустившись на колени у ног девушки, он пробежал пальцами по её высокому подъёму.

— Мой прадед был из Рима, — проговорила она.

Он почти не слушал её. От стояния на коленях суставы заныли, и боль напомнила ему о тех, других стариках, которым он прошлыми похождениями позволил вовлечь себя в их порочную орбиту. Он лишь несколько дней в Урбино после многолетнего отсутствия, а воспоминания уже терзают его. Он думал о том, что девушки вроде этой — большинство людей — проживают жизнь, так и не разобравшись в себе, тогда как он понял (ему помогли понять) горькую, отвратительную правду уже в двенадцатилетнем возрасте. Покаялись ли те старики в грехах? Нашёлся ли священник, который смог простить им то, что граф предпочитал называть, даже когда говорил по-английски, *incidunte*?¹⁶ Прегрешение, за которое все они заслужили место в шумных кругах ада, думал он, прегрешение, которое он искупает всю жизнь. Прегрешение, о каком по любым критериям не принято говорить... Однако как люди устанавливают, о чем можно и о чем нельзя говорить в наши времена, когда газеты выезжают за счёт всякой мерзости, одна непристойнее другой?

О чем из пережитого можно говорить с этой девушкой? Теперь он сомневался, что она может дать ему то, в чем он так нуждался.

С усилием поднявшись, он отхлебнул вина — подкрепить силы. Может, из-за боли в коленях от жёсткого кафельного пола ему стало так грустно, а может, причиной тому сожаление, что он уже мало что способен предложить этой или любой другой молодой женщине. Поставив бокал, он отошёл и вернулся с маленькой фигуркой из обожжённой глины, осторожно неся её на сложенных ладонях. Последняя память, до сих пор не повреждённая.

— Этот сосуд — реликвия из бабушкиного поместья, — сказал он. — Маленькая этруская дама, по всей видимости, третьего столетия до Рождества Христова, была найдена здесь во время войны в груде битых черепков одним из моих лучших друзей детства, немецким студентом-археологом. — Это не вполне соответствовало истине, но он предпочитал так рисовать себе прошлое. — Её обнаружили в пустых, заросших травой курганах, где бабушкины *contadini*¹⁷ хранили своё вино. До этого никто не верил, что этруски так далеко проникли на восток, но у моего друга не осталось никаких сомнений, когда я показал ему курганы. «Типичные этрусские захоронения, — сказал Дитер, — один холм для живых, другой для мёртвых».

Он погладил продолговатые глаза и ноги статуэтки, губы с блуждающей на них неясной улыбкой, пробежал пальцами сквозь завитки волос в углублении на шее с тем же инстинктивным желанием, с каким чуть раньше раздвигал губы Донны.

— Хочешь подержать её секундочку?

— Нет, спасибо. Она кажется слишком хрупкой.

Донна не была уверена, что статуэтка ей нравится — с широкими бёдрами и поднятыми руками, как ручки вазы. Сосуд, сказал он. Внезапно она ощутила себя дешёвой имитацией вроде тех аляповатых мадонн, которые начинают плакать настоящими слезами. Разве что никогда не увидишь голую Мадонну.

— Можно мне одеться? Что-то прохладно.

¹⁵ Название миртового дерева и женское имя по-английски пишутся и произносятся одинаково.

¹⁶ Недоразумение (*um.*) .

¹⁷ Крестьяне (*um.*) .

— О дорогая, какой я невнимательный! — Он снял пиджак и набросил ей на плечи. — Поднимемся наверх, там теплее.

Он понимал, что разумнее было бы избавиться от неё, пока не случилось конфуза. С возрастом он всё больше потворствовал своим маленьким извращениям, становясь в них изощрённее, пока не потерял уверенность, что даже с молодой девушкой (особенно с такой молодой девушкой, как эта) сможет поручиться за успех. Но он предпочёл забыть о риске. Он ненавидел одиночество.

В спальне граф сел на постель и начал распускать галстук.

— Эта статуэтка — моя самая большая драгоценность, — проговорил он, стараясь оттянуть момент, когда надо будет стянуть рубашку и обнажить сетку уродливых шрамов, покрывающих всю спину.

Объяснят ли шрамы ей что-нибудь или придётся делать это самому? Ему так надоели объяснения, к тому же он считал, что английский, который хорош как деловой язык, слишком конкретен в подобных обстоятельствах; слова не сыплются с языка, как в итальянском с его безудержными и невразумительными «ох!» и «ах!».

— Единственная вещь, которую я спас от огня... Тебя это поражает, кажется странным? Не сомневаюсь, что ты захотела бы спасти фотографию родителей или братьев и сестёр. Для меня эта статуэтка — то же самое, бесценный сосуд, сделанный для мёртвого этруска и захороненный в пещерах, полных теней погибших.

— Теней погибших, — тихо повторила она. — Хотелось бы взглянуть на те пещеры. Где они?

— О, они больше не существуют. Деревня была уничтожена во время войны. Теперь на её месте одни развалины, только колокольня уцелела.

— Как она звалась? — Ей нравилось, чтобы всё имело название, клеймо.

— Сан-Рокко. — Он был доволен, что сумел захватить её воображение, и это приятное чувство смешалось с воспоминанием о друге, которого он когда-то любил. Он стиснул коленями ладони, ощущая волнение. — Но если бы не гранаты, мы никогда не нашли бы её... — Чудо, подумал он и, продлевая это ощущение, закрыл глаза и прошептал, обращаясь не к девушке рядом с ним, а к молчаливой терракотовой женщине: — В глубине, под теми пещерами, где она спала столетия, невидимо улыбаясь сквозь напластования камней, медленно пробиваясь на поверхность.

Донна не была суеверной, даже не читала свой ежедневный гороскоп, но почувствовала дрожь внутри, словно предчувствие, что что-то произошло с пейзажем, который описывал этот человек, местом, где белые валуны поднимались сквозь пятнистую зелёную шкуру, будто колени или грудные клетки, вспучивая траву громадного кладбища. Она почти слышала, как ветер вздрагивает вокруг погребённой статуи, и вообразившийся звук взволновал её и совершил то, что не удалось пальцам графа, но сумели сделать определённые ноты в странной музыке, которую он играл, сумела Европа. Как... исход лета... как... Она не могла выразить словами это желание быть частью чего-то древнего и прекрасного, и даже ещё прекраснее оттого, что уже почти уничтожено. Наклонившись, она обвила руками мужчину у своих ног и прижалась губами, а потом щекой к его шее, Она чувствовала что-то похожее на любовь, начало её.

— Я хочу... — «любить тебя», — не договорила она (как, однако, слащаво и старомодно это звучит!), но глаза его вдруг распахнулись, он высвободился из её объятий и вскочил; лицо его побледнело.

— Что случилось? — спросила она.

Он двинулся к двери спальни и повелительно махнул рукой, чтобы она замолчала.

ЧУДО № 5 ЭТРУССКИЙ ГЛАЗ

— Жена, — одними губами сказал граф и снова злым взмахом руки (так учат собак

исполнять команды) приказал Донне молчать.

Снизу донёлся голос, в котором Донна уловила американский акцент:

— Этот консорциум — такая скучища!

— Я думал, ты вернёшься позже, дорогуша! — отозвался граф с той же вкрадчивой, отработанной нежностью в голосе, какую Донна уже слышала у него.

Он вышел из спальни и толкнул дверь, которая едва не захлопнулась, но Донна успела незаметно для него скользнуть следом, чтобы слышать их разговор.

— Им недостаточно слова дочери мюнхенского банкира, — услышала Донна женский голос. — Так что, боюсь, придётся тебе самому появиться в зале заседаний и ещё раз щегольнуть родословной.

— Уверен, дорогая, ты сможешь справиться с этим народом. — Граф добавил что-то по-итальянски, на что его жена ответила по-английски:

— Свиноводы, птицеводы да гангстеры...

— Это была твоя идея — вернуться сюда, — мягко сказал он.

— Мне хотелось вновь обрести корни, Дадо. Невозможно ведь убегать всё время.

— И твои братья не могут вечно выручать нас.

— Но эти люди, которых они нашли, — ты просто не представляешь! Может, моим братьям не тех порекомендовали? Кроме Лоренцо, который...

— Лоренцо?

— Сальваторе Лоренцо, который...

— Только не это... Бывший шеф полиции?

— Правда? Не знала, но он, по крайней мере, джентльмен...

— Ты не говорила мне, что Лоренцо участвует в этом... этом... консорциуме...

— Я давала тебе список имён, но тебе, наверно, было недосуг заглянуть в него, слишком был занят покровительством театру — или балету, уж не помню. Последней у тебя была балерина, не так ли?

Донна вышла на лестничную площадку, откуда они с графом могли видеть друг друга; граф ничем не выдал, что заметил её.

— Я надену подходящий пиджак, дорогая, и отправлюсь с тобой, — сказал он жене и, быстро поднявшись наверх, увлёк Донну в спальню.

— Прости, моя красавица, — сказал он. — Я должен покинуть тебя, а ты оденься и будь готова уйти сразу после меня. — Он снял с её плеч свой пиджак и облачился в него. — Через несколько минут пошлю за тобой секретаря, он заберёт тебя и посадит в надёжное такси. Или вот что, чёрный ход — так, наверно, будет ещё лучше.

Он кивком показал на дверь в углу и, вынув из бумажника изрядную пачку лир, сунул ей в руку.

— Это что такое? — с трудом выдавила Донна.

— На дорогу обратно... откуда там ты приехала.

Донна потеряла дар речи. Ещё минуту после того, как замерли его удаляющиеся шаги, она стояла, не в состоянии двинуться с места, и, сдерживая слёзы, стискивала в кулаке деньги. Потом, как была, голая, поднялась на верхнюю площадку лестницы и остановилась спиной к огромному зеркалу, разглядывая женщину внизу, которая ждала мужа в гостиной. Профиль вкрадчивый, как у кошки, светлые волосы забраны кверху замысловатой причёской, одежда кремовых и цвета слоновой кости оттенков: *La Contessa*. Вот, значит, что имело успех! Всё обесцвеченное.

Граф вновь появился, в его руке был портфель.

— Очень деловой вид, Дадо, — сказала жена. — Непременно произведёшь впечатление на свиноводов, которые ждут внизу. Кстати, брат говорит, что в отношении двоих из них ведётся следствие, которое возбудили эти бесстрашные «Чистые руки»¹⁸ в Милане. Нас это

¹⁸ «Mani pulite» («Чистые руки») — группа, состоявшая из прокурора Милана Антонио ди Пьетро и троих следователей миланской прокуратуры, которая в 1992–1994 гг. возглавила масштабную антикоррупционную

должно беспокоить? Они по меньшей мере подозреваются в даче взяток за получение господрядов.

— Карло де Бенедетти, владельца двух крупнейших газет, тоже обвиняли во взятках, но это не помешало продаже «Республики» и «Эспрессо». Если продолжат возбуждать иск против каждого итальянца, виновного в мелком взяточничестве, чем они занимаются уже почти два года, суды не разгребут всех дел до второго пришествия.

— Полагаю, ты рассчитываешь на своего друга Карло Сегвиту...

— Он мне не друг! — оборвал её граф. — Желательно, чтобы твои братья обращались к любому другому лондонскому банкиру, только не к нему.

— Продолжаешь настаивать, но в таком случае, дорогой, почему ты пригласил Сегвиту пожить в этих апартаментах на прошлой неделе? Почему ты...

— Я его не приглашал. Он попросил. Даже потребовал. Он приезжал по *нашим* делам, не забывай. И потом... он не тот человек, которого мне нравится оскорблять.

— По делам? Охота на волков или кабанов или ещё какая причуда? Не хочешь рассказать об этом Сегвите что-нибудь, о чем ты умалчиваешь, Дадо?

— Не о чем рассказывать, — отмахнулся граф.

— Несмотря на его костюмы с Сэвил-роу, он производит впечатление ряженого мафиозо. Я тоже хочу, чтобы мои братья выбрали другого...

— Отложим обсуждение этих деталей на другое время, дорогая.

— Я уже несколько месяцев пытаюсь обсудить с тобой эти, как ты выражаешься, *детали*.

Сверкнувший в этот момент блик света от зеркала позади Донны должен был привлечь внимание графини, и Донна не ошиблась. Графиня наконец посмотрела наверх. Донна ждала, когда немолодая дама заметит её. Она увидела, как гладкое лицо графини напряглось и на нём появилось выражение крайней усталости; тогда она выдавила из себя улыбку, решительно подняла руку и разжала пальцы.

Яркие, как конфетти, банкноты графа полетели, кружась, вниз. Граф следил за ними, с напряжением поднимая голову, будто шея требовала смазки, морщины на его лице стали отчётливее, словно в них собралась пыль.

— Ты собираешься оставить свою юную посетительницу так, в голом виде? — бросила его жена. — Или вы договаривались иначе?

Граф тяжело опустил голову на плечо жены. Он выглядел неожиданно постаревшим, как древняя хрупкая фарфоровая статуэтка, которой нужна подпорка.

— Иначе, — ответил он, взял жену под руку, и они пошли через холл к дверям.

Донна почувствовала, что грудь её стиснуло как тисками. Было больно дышать. Она повернулась и увидела себя в зеркало — посмешище; будто прежняя толстая девчонка, последняя, кого зовут в команду, последняя, кого приглашают танцевать. Забрав одежду из спальни, она прокралась вниз по мраморной лестнице в гостиную за своими центурионскими сандалиями, которые оставили такую брешь в её первом чеке.

Статуэтка стояла там, где граф оставил её, — на столе рядом с бутылкой вина. Может, приближалась гроза и оттого в голове у неё рос горячий пульсирующий грохот — вызов, исходящий от этой маленькой, цвета земли, женщины с её длинными узкими ступнями и таинственно улыбающимся ртом. Опустившись на корточки, чтобы внимательнее рассмотреть статуэтку, Донна заметила, как тяжёлые ягодицы фигурки отражаются в бутылке (ещё наполовину полной, самой последней бутылке из виноградников его бабушки), и, бросив сандалии, приложила ладонь к зелёному стеклу, закрыв это напоминание о своём двойном унижении наверху.

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, она тихонько толкнула бутылку. Та покачалась, вперёд-назад, вперёд-назад, и медленно, медленно, медленно упала на пол; по

операцию, приведшую к аресту нескольких тысяч политиков и крупнейших бизнесменов, роспуску ряда политических партий и падению итальянской послевоенной Первой республики.

старинному кафелю разлетелись осколки, потекло красное вино.

Этого было мало. Недостаточно битого стекла и красного пятна (*постоянного* пятна, заподозрила Донна с пронизательностью девушки, отец которой заработал немало денег, выкладывая плиткой полы на террасах), она позволила гневу охватить её — в кипящее масло их, никакой тюрьмы, спалить и разграбить ублюдков, атомную бомбу на них сбросить. Она взяла маленькую статуэтку в руки — пальцы чувствовали непрочность старой, хрупкой глины (Как там отец всегда говорит? «Детка, у тебя настоящее *чутьё* на хорошие вещи!»), — легко отломила ей ступни, потом нажала на красно-коричневые мускулистые ноги, которые тоже не оказали особого сопротивления. Чтобы разбить пустое туловище, было достаточно разок ударить им о стол — хотя голова, что поразительно, осталась невредимой, правда ненадолго. Замахнувшись, как при теннисной подаче, Донна изо всей силы швырнула её о дальнюю стену, где загадочная улыбка статуэтки в один миг превратилась в облачко пыли.

Бесценная — так он сказал. Бесценный сосуд. Теперь этот сосуд ничего не стоит. Завоевательница, она босиком зашагала к двери, не чувствуя боли в подошвах, пока не заметила, что за ней тянутся кровавые следы. Крохотный осколок красной глины, который она вытащила из подошвы, оставил глубокий порез; наверняка будет шрам. Но Донна небрежно отбросила в сторону этот последний осколок истории.

У графа Маласпино на изгнание нечистой силы ушло времени больше. Возвратившись спустя несколько часов, он услышал от секретаря о поспешном уходе Донны.

— Молодая... *дама*, которая брала у вас... интервью...

Телеведущая...

— Телеведущая!

— Да, сэр. Из программы о Ренессансе. Она ведёт программу о реставрации Рафаэля, которую вы спонсируете.

— *Эта* девица? Чёрт знает что! Да ведь она даже не говорит по-итальянски!

Он попытался припомнить разговор с женой; много ли они с ней говорили по-английски? Сыграло ли это роль? Ругая себя влюбчивым старым дураком, граф Маласпино пытался представить, что девушка могла слышать. Оставалось лишь надеяться, что, ради их обоюдной безопасности, ни имена, ни названия ничего ей не говорили.

— Она прошла мимо меня, сэр, не сказав ни слова!

Как раз мимо окон, за которыми граф и графиня, стоя к ней спиной, вели дипломатичную беседу с местными воротилами. Секретарь решил тактично умолчать о том, что она была босиком — это в октябре-то! А красное платье, в которое она была одета, *почти* одета! Настолько облегающее (и какие формы облегающее!), что видно было: под ним ничего нет. Везучий ублюдок его босс!

— Ничего не украла? — спросил граф. Прежде такое случалось, но он решил, что с тех пор стал лучше разбираться в людях.

— Не думаю, сэр. Она ушла вскоре после вас, и при ней была только маленькая сумочка. Но... кажется, произошла... неприятность...

Граф один вошёл в апартаменты, направился по кровавым следам Донны в гостиную и замер на пороге при виде её римских сандалий, валявшихся среди осколков разбитой бутылки и терракотовых черепков бабушкиной статуэтки. Какое варварство! Статуэтка была уничтожена безвозвратно, и только невероятным усилием он обнаружил относительно крупный осколок — часть терракотового глаза, испачканного кровью, в котором, хотелось верить, сохранился намёк на этрусскую улыбку. Опустившись на колени, чтобы поднять его, он почувствовал, что его собственные глаза наполняются слезами.

Он услышал звук открывающейся входной двери и предупреждающий голос жены:

— Дадо, я привела доктора Лоренцо! Он с любовью говорил о твоих дяде и отце, с которыми познакомился во время войны...

— И об изумительном виде из этих окон, которым мы любовались...

Граф неуклюже обернулся на голос, один из тех, которые он много лет старался стереть из памяти. Замешкавшись среди осколков стекла и керамики, он ещё не успел подняться на ноги, когда высокий элегантный старик с военной выправкой возник в дверях гостиной.

— ...виде на холмы над Сан-Рокко, — договорил старик, с интересом глядя на разгром и поднимающегося с пола Маласпино, который в одной испачканной в вине руке держал осколок статуи, а в другой римские сандалии Донны. — Эти виды рождают такие воспоминания, не правда ли, граф? Уверен, ваш отец, будь он жив, был бы рад узнать, что вы восстанавливаете старые знакомства.

Паоло позже увидел Донну, размашисто шагавшую босиком по Урбино с таким видом, будто улицы принадлежат ей, красное платье развевается, как боевое знамя амазонок.

— Донна! — окликнул он её из кафе, где сидел с друзьями. — Донна! — Но она не слышала его или притворилась, что не слышала.

— Читал сообщение? — спросил Фабио, его приятель. — Наконец опубликовали подробности об этом старике, Доменико Монтанья, том, который на прошлой неделе умер на свиноферме под Сан-Рокко... — Он зашелестел газетой, нетерпеливо ища нужную страницу. — Паоло, да ты слушаешь меня или переживаешь, что та сучка в красном не оглянулась?

— Слушаю, слушаю, — вздохнул Паоло и провёл по волосам пятернёй в пятнах вчерашней краски.

То, что не удалось подъехать к Донне, угнетало его почти так же, как медленное продвижение работы над Рафаэлевым портретом, реставрация которого длилась дольше, чем предполагалось, по причине колебаний городского совета, не могущего решить, что делать с трещинами в живописном слое портрета, с не видными прежде исправлениями, или пентименто,¹⁹ которые он обнаружил при расчистке. Его мучила совесть из-за того, что Шарлотта, чьим мастерством и самоотверженностью он восхищался, отдаёт портрету куда больше времени, чем он. Больше того, казалось, она просто одержима Рафаэлем. Наблюдая, как Шарлотта нежно касается полотна тончайшими кистями (словно это живое лицо, а не холст), Паоло решил, что для неё это способ выразить чувственную сторону своей натуры — может быть, единственный способ после развода. Но он тоже обладал чувственной, страстной натурой, однако как дать понять это красавице Донне, если он постоянно занят? Через несколько дней съёмки здесь закончатся, и она переедет в другой город делать новую программу. Он снова вздохнул и посмотрел через пятаццу вслед скрывшейся девушке.

Фабио всё не мог оторваться от газетного сообщения.

— Тут пишут, что Монтанья, вероятно, остался на ферме после работы распить бутылочку. Его вообще не должно было там быть в такое позднее время. Очевидно, он напился и случайно упал в одну из ванн с химическими растворами, которые используют для снятия шкур.

— Так и пишут, «случайно»? Имя репортёра? — Паоло выхватил газету у Фабио, чтобы взглянуть на подпись. — Так я и думал! Стефано Кракси — такой придурок! Неужели он думает, что кто-нибудь просто так возьмёт и бросится в ванну с кислотой?

— В нём потому ещё сохранилось хоть сколько-то крови, чтобы сделать анализ на присутствие алкоголя, что сработала сигнализация и сторож умудрился вытащить то, что от него осталось, крючком, на которых подвешивают туши.

Паоло с гримасой отвращения посмотрел на пиццу у себя на тарелке.

— Как, веришь этой истории? — спросил Фабио.

¹⁹ Детали, закрытые краской самим художником и проступающие со временем.

— Кто верит тому, что пишут в газетах? Можно биться об заклад, что эта история, как любые другие подобные «новости», кого-то устраивает.

— Особенно консорциум Нерруцци.

ЧУДО № 6 ГРУДИ ДОННЫ

Паоло говорил себе, что его привлекает в Донне не просто её красота. Он знал множество не менее красивых девушек. «Меня восхищают в ней её прямота, — решил он, — её душа, готовность ко всему новому. А если всё-таки красота, то что в данном сочетании груди, губ и бёдер так пленяет меня?» Насколько он мог судить, грудь Донны, хотя и пышная, была не более округлой или упругой и соски торчали не больше, чем у Флавии, девушки его друга (которая к тому же была ещё и изящной невысокой блондинкой с голубыми глазами — женский тип, который он вообще-то предпочитал). Правда, ноги у Донны бесспорно длиннее, она по-особому, по-американски длиннонога, как жеребёнок.

В университете он был уверен, что красоту можно проанализировать, разобрать на составляющие, сочетания сфер, углов и пирамид. Рационалист в душе, он в своей диссертации по истории искусства попытался вывести точную математическую формулу понимания различными художниками идеала красоты. Идя в этом направлении, надеялся он, можно будет легче понять их творчество. Его героем был великий итальянский архитектор и теоретик архитектуры Эрнесто Роджерс,²⁰ мечтой которого — мечтой человека Возрождения — было широкое использование промышленности в интересах человеческого общества. «От ложки до градостроительства» — такова, по Роджерсу, была высшая цель дизайна, и Паоло хотел составить схожий манифест, по меньшей мере своего рода убедительный ответ историкам искусства вроде Э. Г. Гомбриха,²¹ который утверждал, что величайшее значение Моны Лизы не в её знаменитой полуулыбке, а, скорее, в давинчиевском сфумато, то есть смягчённых рисунке и цветовых переходах, манере, позволяющей формам сливаться и всегда оставляющей простор для зрительского воображения.

По поводу теории Гомбриха Шарлотта сухо заметила:

— Таким образом мы выясняем приёмы, какими была создана тайна, сама же тайна остаётся тайной.

Усилия Паоло навязать красоте логическую закономерность в конце концов потерпели крах в силу её случайного характера, случайности её составляющих. Почему, к примеру, раковина красива? Какая тут преследуется цель? Если форма обусловлена функцией, как учили его профессора, тогда почему красавицы ничем не лучше подходят для рождения детей, чем дурнушки?

Он начал своё исследование с «Форнарины», портрета полуобнажённой женщины, которая, вероятно, была возлюбленной Рафаэля, чувственной в своей глубине, *настоящей* красавицы, очень не похожей на ангельских блондинок, каких, как принято считать, обычно

²⁰ Роджерс Эрнесто Натан (1909–1969) — итальянский архитектор. Рационализм был свойствен ему в 1930-е годы, когда он работал в созданной им совместно с тремя сокурсниками миланской архитектурной студии BBPR. Однако в послевоенный период он больше выступал в качестве журналиста, критика и публициста и в этом качестве оказал большое влияние на архитектуру Европы и Америки, в частности сыграл исключительную роль в переходе от рационализма к признанию исторического контекста как фактора, определяющего стиль архитектуры.

²¹ Гомбрих Эрнст Ганс Йозеф (1909–2001) — историк искусства, родился и учился в Вене. В 1936 г. эмигрировал в Англию, где был директором института Варбурга и преподавал историю классической живописи. Автор ряда книг, среди которых особо выделяются четыре работы по психологии изобразительного искусства: «История искусств», «Искусство и иллюзия», «Чувство стиля» и «Новый взгляд на старых мастеров». В 1972 г. был удостоен рыцарского звания.

изображал Рафаэль. Не сумев установить каких-либо отличий знаменитой левой груди Форнарины от, например, той же самой части тела на изображениях Пинтуриккьо,²² молодой реставратор тем не менее смог обнаружить кое-что довольно любопытное. Съёмка в рентгеновских лучах показала, что художник первоначально поместил на заднем плане просторный и подробно выписанный пейзаж, но в дальнейшем заменил его интимным фоном, которым служат густые и тёмные древесные кроны. Угрюмая листва мирта, айвы и лавра тесно и недвусмысленным образом обнимает розовато-смуглые обнажённые грудь и живот Форнарины. Листва скрывает её тайну от мира, чтобы этой красотой наслаждаться, изучать её наедине, и в то же время открывает для восхищённых взоров посторонних. Чем объяснить такое решение? Паоло, отвлечённый от своих поисков математических доказательств интересом к интимной жизни этой пары, задавался вопросом: не в том ли причина, что отношения Рафаэля и Форнарины, когда он писал её портрет, завершились близостью? Не потому ли он поступился открытой далью, что захотел так обозначить новый этап их любви?

Вот что может сделать с человеком любовь, размышлял он теперь. Любовь способна лишить широты взгляда. Вполуха слушая планы друга относительно «совместного перформанса», Паоло спросил его:

— Что ты сказал, Фабио? Ах да, конечно, очередное чудо, почему бы и нет.

ЧУДО № 7 **ДИНАМИКА КОМПОЗИЦИИ**

В тот же самый день, в воскресенье, множество людей в долине уверяли, что слышали, как звонил разбитый колокол в Сан-Рокко — в первый раз со времени трагедии, происшедшей пятьдесят лет назад. Кто твердил: чудо! Другие говорили: дурной знак!

И хотя Итальянский комитет содействия жертвам шарлатанов и гуру отверг любую возможность подобного явления, похоже, что реставратор Шарлотта Пентон тоже слышала колокол. В тот день она гляделась истинной англичанкой в пушистом свитере мягких серых, бежевых и голубоватых тонов, скрадывавшем её угловатую худобу, — туманное облачко лондонского ненастья, быстро двигавшееся среди пылающих осенних лесов к юго-западу от Урбино и виллы «Роза». «Как акварель, не к месту оказавшаяся на выставке полотен Тициана, — подумала она, — и такая же потерянная».

Шарлотта, переживавшая кризис среднего возраста, середины жизни, не верила в чудеса; она знала, что стрелки часов не повернуть вспять. Прислушиваясь к звону с далёкой квадратной башни, она отметила для себя, как разнятся голоса колоколов: одни звучат радостно, другие Дерзко, третьи же гудят похоронно, требовательно; взимают с нас дань. Этот колокол звонил не по ней пока что, тем не менее он заставил её поднять голову и посмотреть сквозь редкие просветы в густом пологе листвы на небо, и его яркая гончарная синева, уже начинавшая тускнеть и розоветь, сказала ей, что здесь, под деревьями, скоро станет темно.

Звук колокола растворился в вязкой тишине. Чувствуя себя неуютно в углубляющемся безмолвии, Шарлотта шла, на ходу поддевая носками грубых башмаков сухую листву под ногами, но шорох её шагов, усиленный молчаливым лесом, навёл на мысль, что пора завершать «приятную прогулку по холмам», так заманчиво описанную в путеводителе «Короткие маршруты по окрестностям Урбино», книге, которой она добросовестно следовала, хотя с самого начала убедилась, что полагаться на неё не следует. Ничего из обещанных «достопримечательностей» она так и не нашла. Ни «Вида на Виллы, Обрамлённые Горами, Запоминающегося Сочетания Уникальных Природы и Архитектуры». Ни «Руин Средневекового Селения Сан-Рокко, с его Колокольной в Романском Стили, Напоминающей о

²² Пинтуриккьо Бернардино (1454–1513) — итальянский художник эпохи Возрождения и, как упоминает Вазари, друг Рафаэля, более всего известный как создатель фресок. Вместе с Перуджино работал над росписями в Сикстинской капелле в Ватикане.

Непревзойдённой Древней Италии».

Тем не менее Шарлотта с неохотой покидала такие запоминающиеся места, особенно Сан-Рокко, который и был целью её приезда сюда. Слова мэра, услышанные сегодня утром в баре «Рафаэлло», извлекли из сумбурного каталога памяти забытое воспоминание, возможно и вызвавшее её «видение» на холме над виллой «Роза». Она вспомнила картину с изображением охоты на волка — полотно второстепенного художника, кажется, конца восемнадцатого века, которое она и Паоло видели, должно быть, с месяц назад, вскоре после её приезда из Лондона. Однако оно предстало перед ней сейчас совершенно отчётливо: фигура бегущего волка, круговое развитие жестокого действия, увлекающее глаз мимо охотников на переднем плане к идиллической деревушке на холме на втором плане, под которой шла надпись золотом «Сан-Рокко», — и дальше к вилле «Роза», тоже отмеченной золотой подписью.

Почему тот пейзаж, одно из посредственных произведений живописи, выставленных в тёмных верхних залах герцогского дворца, произвёл на неё такое впечатление? Шарлотта могла лишь предположить, что всё дело в тогдашнем комментарии Паоло. «Только на этой картине можно увидеть, каким был Сан-Рокко, — сказал он. — Его больше не существует. Много лет назад там произошло нечто ужасное».

И, учитывая призрачность Сан-Рокко, в которой она сегодня убедилась, Паоло скорее всего прав. Глянув на часы, она решила пройти по дорожке ещё немного, минут пятнадцать, не больше. Она всегда так делала, устанавливала себе ограничения, пытаясь как-то упорядочить неуправляемый мир.

Через десять минут дорожка растворилась среди сплетений тропинок, пробитых стадами. Ясный, оживлённый звук колокольцев (коровы? козы?) напомнил Шарлотте, что час уже поздний, и, признав своё поражение, она повернула назад. Сколь ни нравилось ей представлять, как она отважно шагает сквозь густые итальянские сумерки, у неё было мало желания испытать, каково это будет в действительности.

Стремление бежать от действительности, а также радостное ощущение, что она впервые за долгое время *по-настоящему* нужна кому-то, погнали её в Италию, памятную тем, что там она была счастлива до замужества. Шесть недель назад она приехала в Урбино, небольшой дивный город эпохи Возрождения, чтобы помочь Паоло и Анне завершить восстановление малых произведений Рафаэля, горстку его картин, доныне остающихся здесь, в городе, где он родился, наиболее значимой из которых была «Мута».

Реставрация картин стала для Шарлотты смыслом жизни с тех самых пор, как она исключительно мирно разошлась с её исключительно миролюбивым мужем. Со своей стороны, Джон, успешный искусствовед, отбросил двенадцать лет их совместной жизни так же небрежно, как отбрасывал старые номера журнала Королевской академии искусств. Выдержав пристойную паузу, он женился на молоденькой, пусть толстой, зато плодовитой помощнице (одной из многих, которые «помогали» ему все эти годы, как о том узнала Шарлотта) и стал отцом. И назвал девочку не то Гиперместрой, не то Клоакиной,²³ не то ещё как-то в том же роде, с ехидством подумала Шарлотта, вспомнив отвращение, с каким в своё время бывший муженёк отказался заводить детей. Пришлось согласиться: мир так враждебен, что рождать новых детей — значит брать на себя слишком большую ответственность.

Она и Джон, обоим далеко за сорок, после развода остались «добрыми друзьями», никаких «обид», и продолжали «видеться время от времени» (за последний год всего дважды, если быть честной). По крайней мере, такую историю она пыталась всучить, как нечитабельный церковный бюллетень, их общим друзьям. Могут ли быть общими друзья в наши времена? Как выяснилось, с трудом. Больше его друзья, чем её.

²³ Гипермистра — одна из Danaid, пятидесяти дочерей Даная, единственная из своих сестёр отказавшаяся убить своего супруга в брачную ночь и тем избежавшая участи сестёр, которых боги наказали бесплодием. Клоакина («очистительница» — эпитет Венеры) — богиня подземных вод и хранительница знаменитого римского подземного сточного канала Cloaca Maxima, что давало первым христианам повод для насмешки.

В отличие от развода реставрация Рафаэлевой «Молчащей женщины» проходила не столь гладко. Основной конфликт возник из-за того, что Шарлотта, вопреки здравому смыслу, стала консультантом телефильма о недолгом жительстве Рафаэля в Урбино, одного из серии фильмов об итальянском Возрождении. Она вдруг вспомнила прозвище, которое ей дали в съёмочной группе. *Сестра Шарлотта*: не аскетично элегантная (какой она как-то вообразила себя), а чопорная и прямая. Не женщина, а свинцовый карандаш. Неужели она производит такое унылое впечатление?

Колокольный звон, на сей раз близкий, неистовый, прервал мысли Шарлотты. Она услышала хруст веток, крик. Сквозь подошвы башмаков чувствовалось, как сотрясается земля. Это сейсмоопасный район, но...

Вдруг невесть откуда появились мулы, тёмная масса катилась на неё по буковому лесу, огромная, чёрная, косматая, взрывая копытами землю и топча подрост. Шарлотта прижалась к дереву, и они промчались так близко, что она чувствовала травяной пар из их ноздрей. Одна из толстых палок, которыми они были навьючены, упав, больно ударила её по ноге, прорвав длинную дыру в брюках. За мулами, едва различимый в облаках поднятой ими пыли, спешил гигант с топором в одной руке и свёрнутым длинным кнутом в другой, размахивая ими в такт некоего подобия песни, которую орал во всю глотку. Шарлотта не понимала ни слова. Перескакивая через сучья, которые теряли несущиеся в панике мулы, он свирепо ругался, поминая мать, сестёр и всю Господню родню, и исчез у подножия холма так же быстро, как появился.

— Дуу-да-дуу-да... — доносилось до неё; хриплый удалявшийся голос выводил что-то невразумительное. — Плаакама деенеж кита кабыла... — И только мелодия да припев были неправдоподобно знакомые: «Кейптаунского ипподрома»...

Через две минуты всё кончилось. В лесу воцарилась прежняя тишина. Шарлотта, отерев взмокшее лицо, заметила кровь на ладони — кровь мулов, не её: она никакой боли не чувствовала. Она удивилась, даже обрадовалась, потому что не думала, что так близко от Урбино есть ещё люди, которые продолжают использовать мулов, собирая Дрова в лесу. Эти животные представились ей (обладавшей более романтическим воображением, чем можно было предположить, судя по её строгой внешности) неистовыми призраками всех былых стад земли, вернувшихся, чтобы в последний раз яростно промчатся по планете. Показалось, что её окружает пейзаж столь же дикий, как в «Мадонне в скалах» да Винчи, картине, динамика композиции которой неотделима от её драматического содержания.

Она вновь почувствовала тревогу, когда, похлопав по карманам, не обнаружила путеводитель и поняла, что, должно быть, обронила его на том взрытом поле боя, которое осталось после промчавшихся мулов. Но, в конце концов, толку от книжки чуть, подумала Шарлотта, и, убедив себя, что сама знает, в каком направлении идти, отправилась в Урбино.

Новая тропа, по которой она шагала уже минут двадцать, видимо, была когда-то, а может, и сейчас есть по весне, руслом ручья, потому что ноги постоянно вязли в мягкой почве, и она едва не потеряла башмак в грязи. Было очень жарко, но она не могла снять куртку и нести её в руках — при спуске руки должны быть свободны. Она то и дело поскальзывалась, и, чтобы не полететь вниз, приходилось хвататься за колючие плети ежевики. Наконец, забредя в глухие заросли крапивы, Шарлотта вынуждена была признаться себе, что безнадежно заблудилась. В лесу совсем стемнело. Ни птичьего зова, ни дыхания ветерка. Если бы не новый гулкой удар колокола, положение было бы ещё отчаяннее. Но где звонит колокол, там должны быть и люди. Подняв голову, она внимательно прислушалась к колоколу и пошла на звук, продираясь сквозь ветви и густой подлесок. Когда она наконец вышла на тропу в поредевшем лесу, спускавшуюся вниз с крутого холма, она сильно хромала — на ногу, ушибленную жердиной, которая упала со спины мула, было больно ступать. Разросшиеся виноградники повторяли очертания холма, видно было, что за ними давно нет присмотра. Резные листья нестиранным бельём болтались на проволоках растяжек, таких же запущенных, как покрывшиеся мхом камни террас, что опоясывали склон. К счастью, полумилей ниже, в долине, виднелась

небольшая деревушка с колокольной (уж не те ли самые «Руины Средневекового Селения Сан-Рокко?»), чей колокол она и слышала.

К деревушке вела ухабистая дорога, она отчётливо видела её, но тропинки, которые, как показалось ей вначале, соединяются с ней, или снова поднимались вверх, или заканчивались у крутых стен и переплетений колючей проволоки. Наконец Шарлотта вроде бы отыскала безопасный проход и уверенно двинулась вперёд. И в этот миг из-за стены поднялся волк.

Шарлотта застыла на месте. Она сдавленно вскрикнула, зверь прынул ушами и с низким рычанием опустил узкую морду. Все старые страхи ожили в Шарлотте. Действительно ли это волк? Или, может, бродячая собака? Но если собака, почему она не лает? Зверь был страшно тощим, с ввалившимися боками и торчащими рёбрами, шерсть тусклая, свалывшаяся, местами облезлая до шкуры, покрытой струпьями. Может, он болен? В нём чувствовалось какое-то неутихающее внутреннее беспокойство, уж не бешеный ли?.. К тому же волки живут стайей, почему же этот один? Или не один? Шарлотта метнула взгляд через плечо. Когда она снова посмотрела на волка, он был ближе на несколько шагов. Теперь их разделяло не больше десяти метров, и с этого расстояния она разглядела свежие раны на его костистом плече и рёбрах.

Зверь сделал ещё два шага и опустил плечи. Разинул пасть и защёлкнул. Шарлотта хотела закричать, но голос не повиновался ей. Она видела, как мускулистые лапы подобрались, готовые распрямиться в прыжке. Три скачка — и он обрушится на неё. Медленно, стараясь не оступиться, Шарлотта попятилась обратно вверх по склону холма.

И так же, шаг за шагом, волк следовал за ней. Каждый раз, как Шарлотта останавливалась, он снова опускал морду и в его глотке перекатывалось глухое рычание. Она сообразила, что волк гонит её назад к опушке леса. Она вспомнила старые фильмы, виденные по телевизору: как волк гнал оленя к месту, где его поджидала вся стая. Деревушка с её спасительным колоколом снова скрылась, заслонённая выгибом холма. Они почти достигли опушки, преследователь и жертва, а если они войдут в лес... И только она подумала, что случится потом, неловко ступила на больную ногу и...

ЧУДО № 8 АД

Шарлотта закрыла глаза и приготовилась к худшему, ко вдруг увидела, что стоит на широкой твёрдой дороге, не мощёной, но хоженной. Произошло чудо: волк в последний миг остановился в нерешительности, отступил назад, и она с изумлением увидела, как тощий драный зверь повернулся кругом и исчез.

Ещё несколько мгновений Шарлотта не могла пошевелиться. Только когда ноги перестали дрожать и сердце успокоилось, она двинулась вниз по дороге. Видел бы Джеффри её сейчас! При этой мысли она с трудом раздвинула губы в слабой улыбке, убеждённая, что её начальник в лондонской галерее, где она работала, считает её человеком не от мира сего, не способной никуда найти дорогу, кроме разве что музейного туалета. Это он позвонил вскоре после её приезда в Италию и настоятельно советовал — для её же пользы принять участие в съёмках этой англо-американской телепрограммы. «Понимаешь, сериал будет показываться по всему миру», — сказал он, упирая на важность привлечения потенциальных спонсоров, международной известности и т. д. и т. п.

Два дня назад, когда она пожаловалась, что историческая точность её сценария кладётся на алтарь «яркой» личности ведущей, в ответ он выразил надежду, что она почаще будет упоминать о галерее «прямо перед камерой». Шарлотта попыталась объяснить, что этот телесериал, которому он оказывает содействие, не имеет ничего общего с новым взглядом на эпоху Возрождения, как продюсер убеждал в том Джеффри.

— Это же кабельное телевидение, а у них всё поверхностно. Больше похоже на... поп-группу, играющую Баха.

— Кавер-версия? — Джеффри был приятно удивлён. — Пожалуй, это может быть

интересно. Мы всё время ищем новые рынки...

— Ведущая — совсем девчонка, Джеффри! Ни бельмеса не смыслит в истории искусства... Она... она даже не в состоянии правильно произнести имя художника!

Шарлотта не могла себе представить, как девушку взяли на такую работу. Внешность, предположила она. Сексапильность.

— Этот сериал превращает Ренессанс в броский лозунг, Джеффри, в ещё один... ещё один модный логотип, не более!

Шарлотта никогда не умела отстаивать то, что ей было дорого. От волнения она часто начинала заикаться, если вообще не замолкала.

— Оставь ты этот свой снобизм, Шарлотта. Ничего нет дурного в привлечении молодёжной аудитории! — И это говорил Джеффри, завзятый бюрократ. — Ты знаешь, что мы все силы прилагаем, чтобы расширить круг наших посетителей. Если считаешь, что нам нужны перемены, Шарлотта, выскажи своё мнение! Не робей!

У неё не хватало смелости откровенно сказать, что она думает о переменах, уже произведённых. Как он это воспримет? «По существу, Джеффри, я занимаюсь только тем, что пишу свои замечания режиссёру на полях сценария, которые потом он и ведущая опять вычёркивают». Первоначально Шарлотту внесли в список «говорящих голов», у которых Донна, ведущая, не видевшая разницы между Рафаэлем и Луи Рено, должна была брать интервью, но, когда она оказывалась перед камерой, её застенчивость выглядела как высокомерие и никак не удавалось избавиться от холодной английской сдержанности, так что её участие постепенно свелось к роли консультанта.

Сдержанность, вечная её проблема. Вот их красотка ведущая этим не страдает, о нет! Труднее всего бывало, когда её приглашали на ланч. Донна, та просто рта не закрывала, болтала и болтала, ничуть не заботясь о том, что говорит самые банальные вещи. Шарлотте редко доводилось встречать человека, способного говорить так много и сказать так мало. Ничто и никто не могло остановить этот поток — ни камера, ни легион восторженных экспертов-историков и прочей более мелкой итальянской аристократии (все поголовно мужчины). Кроме одного: любого изменения, внесённого Шарлоттой в сценарий.

— «*Историчность пентименто!*» — простонала вчера Донна. — Кто-нибудь слышал, чтобы так говорили?

Слышал, итот кто хаварил, передразнила про себя Шарлотта акцент Донны, прежде чем спокойно ответить:

— Я так говорю.

Слышишь, Джеффри. Вот и я подала голос!

— Ну, ты такая... *умная*, Шарлотта. — Донна сладко стрельнула тёмными глазами на режиссёра. — Я имею в виду обыкновенных людей. Пентименто: звучит вроде как мятный шоколад! То есть если хочешь реставрировать эту картину, к чему сохранять какую-то ошибку Рафаэля?

— Не сомневаюсь, что даже...

Шарлотта прикусила язык. «Не сомневаюсь, что даже *тебе*, — хотела она сказать, — даже *тебе*, неотёсанной представительнице племени таких же, как ты, варваров, должно быть понятно, как важно установить, является ли пентименто делом рук реставратора или свидетельством неудовлетворённости автора!» Разумеется, Шарлотта не сказала ничего в таком роде, а учтиво обратилась к режиссёру:

— Джеймс, вы согласны, что пентименто представляет исторический интерес, когда речь идёт о такой картине, как «Мута»?

— Представляет, но в какой-то степени... мм... косвенный, — ответил Джеймс, явно покорённый пышной грудью Донны и её крохотной юбчонкой, крутым задом, стройными длинными ногами и высоченными, того гляди грохнется, каблуками. Нелепейшие туфли! Как женщины могут рассчитывать на серьёзное к себе отношение, если носят такие туфли! — А может, Донна права? — добавил он.

«Донна всегда права», — сказала про себя Шарлотта и согласилась вычёркнуть своё

примечание. Как всегда. Во вторник утром отреставрированная картина должна быть возвращена на своё место в герцогском дворце. И тогда, с облегчением подумала Шарлотта, я навсегда развяжусь с этими телевизионщиками.

Она почувствовала себя намного спокойнее, когда тропа соединилась с широкой грязной дорогой, идущей по низу долины. Приятно было распрямить ноги, болевшие после долгого спуска по крутому склону. Она убедила себя, что волк вовсе был не волк, а бездомная охотничья собака. Тем не менее она с облегчением увидела вдалеке пашню и маленький трактор на гусеничном ходу, какие только и годились для работы на этих крутых склонах, однако облегчение почти улетучилось, когда она дошла до селения, которое сперва увидела сверху; ибо если здесь и был звонарь, то звонарь-призрак, разбуженный резким холодным ветром с Апеннинских гор. Крохотная деревушка или то, что было когда-то деревушкой, теперь представляло собой пустырь, и единственным признаком жизни был букет полевых цветов у подножия церковной колокольни, стоявшей без крыши. Подойдя ближе, чтобы посмотреть, насколько свежи цветы, она заметила, что тяжёлая деревянная дверь сплошь в старых выбоинах от пуль. Почувствовав на себе чей-то взгляд, она оглянулась и увидела волка-собаку, лежавшего футах в двадцати от неё поперёк Дороги, по которой она хотела было направиться: голова поднята, длинные лапы вытянуты вперёд — как Анубис, бог-шакал, ассоциирующийся с кладбищами и мертвецами. Словно знал, что она появится здесь. И ждал её.

Мута сидела на корточках, прислонясь спиной к стене холодного подвала под колокольней и чувствовала, как дрожь камня от гудящего колокола ручейком воды струится по коже. Она откинула голову назад, чтобы затылком ощутить, как башня колокольни возносит её к небу сквозь траву и кусты, вцепившиеся нитями корней в известковые швы между камнем стен. Дикая мальва, порей и шалфей, и прелестный черноголовник, без которого любой салат не салат, и иссоп, который очищает людские души от греха, и они становятся белее снега... все травы, о которых она узнала от мамы и священника, растения, причиняющие боль желудку или лечащие его, и те, что, тушенные с салом и луком, теряют свою горечь, и те, что останавливают кровь, да, кровь... *иные давнишние уроки всплывают в па-мята с того дня, как она увидела то лицо, неделю назад...* никогда она не видела столько крови, крови светящейся, чёрной в свете луны, красной только в свете факелов. Ей виделся нож, вонзавшийся довольно быстро, хотя ещё неумелому мяснику, должно быть, казалось, будто он пытается пробить твёрдый чёрный капустный кочан, так неловко у него это получалось, не то что у остальных. Под конец они с мерзейшей руганью отбросили ножи, и те мечущиеся синие тени, и кости, и грязная ругань вновь возвращаются, отмечая место, где рухнул и поднялся Змий.

Мута с трудом отогнала от себя рой видений — случившегося неделю, год, пятьдесят лет назад, — чтобы внимательно приглядеться к женщине, которую увидела сквозь щель между неплотно прилегающими камнями колокольни. Она также увидела тощего волка и узнала в нём того, её волка. Он больше не пугал её. Как он, она долгие годы так мало ела, так мало места занимала на земле, что была уверена в своей безопасности, пока хранит молчание.

Она ошибалась. Всякое чудо всё же имеет свою цену. Случайно она нашла нож, откопала в земле, и теперь у неё был хотя бы нож. Свидетельство прошлого, как кости, пули и восемь разрозненных перчаток, башмаки и выбитые зубы, — всё это она хранила в корзине возле лестницы в своём подвале памяти.

Осторожно пятясь от волка, Шарлотта снова нащупала спасительную гравийную дорогу и только тогда почувствовала себя достаточно уверенной, чтобы отвести взгляд от следящих за ней жёлтых звериных глаз, и быстро зашагала прочь, открыв беззащитную спину. Она

двинулась в направлении, противоположном тому, которое, как ей представлялось, в конце концов привело бы в Урбино — к тому далёкому трактору, знаку человеческого присутствия, — побоявшись идти мимо волка.

Если отвлечься от трактора, она шла словно среди ожившего каталога Средневековья. Часослов, подумала она, остро ощутив, как меркнет свет. Белизна призрачных стад становилась ярче на фоне потемневших холмов, и небо светилось, как у художников Кватроченто, которое придавало всем их Преображениям и Благовещениям нечто пророческое, сюрреальное. Ожидая, что вот сейчас появятся ангелы и голубки, Шарлотта услышала писк летучих мышей, а потом и кожаный шорох, когда их похожие на сломанные зонтики силуэты возникли из давнего прошлого и замелькали, ловя насекомых, появляющихся с сумерками. Она проходила мимо крестьянских домов, как один пустых. Время от времени оглядывалась, не следует ли волк за ней. Но зверь остался сзади, пропал из виду.

«Fattoria Procopio»²⁴ — гласила написанная от руки вывеска на первом обитаемом доме, к которому она подошла ещё через милю. Выцветшая и вся в оспинах от пуль охотников, вывеска, такая же, что и на кафе в Урбино, куда Шарлотта частенько навевывалась, тем не менее была чистой, не забрызганной грязью. Похоже, единственная чистая вещь среди этой грязи, решила Шарлотта. Босховская сценка, брейгелевский крестьянский дом, тянущийся за нагромождением ломаного и ржавого полевого инвентаря и клетей, слишком плотно набитых кроликами и курами. Да, решила Шарлотта, Брейгель Младший «Адский» побывал здесь со своей дьявольской кистью и превратил то, что, возможно, выглядело идиллическим домом итальянского селянина, в жилище, достойное разве лишь забитых батраков. Эта часть «нетронутой старой Италии» стоила того, чтобы поработать над её корнями. Правда, шестёрка обезумевших мулов не красила картину. Сейчас, привязанные к кольцам в стене хлева, эти, недавно ужасные, животные смиренно стояли перед шестью одинаковыми охапками сена. Дрова, какие им не удалось раскидать по лесу и склону, были небрежно свалены у дверей хлева. То ли из его недр, то ли со двора позади него доносились мужские голоса, сопровождаемые странным хором... «Дуу-да-дуу-да». Довольное фырканье и ржание мулов мешало понять, откуда несётся пение.

— Эй? — крикнула она. — Мм... *c'e qaalcuno* ?²⁵

Невесть откуда с лаем выскочила собака и бросилась на Шарлотту, но цепь остановила её. Шарлотта резко отскочила назад. Не зная, злая это собака или нет, поскольку морда одноглазого пса в любом случае казалась оскаленной из-за шрама, идущего от носа до левого уха, Шарлотта осторожно пробралась между псом и мулами по месиву жидкой грязи, мочи и навоза. Мулы косили на неё глазом, а парочка так норовила лягнуть или схватить жёлтыми зубами. Шарлотта раздумывала, удобно ли будет постучать в двери хлева, когда они распахнулись, и она оказалась лицом к лицу с человеком, которого видела с мулами в лесу; сейчас его лицо было сплошь забрызгано кровью.

— *Madr' Dio* !²⁶ — Он сделал шаг назад, словно увидел чудовище. Промытые глаза в кайме мыльной пены, казалось, глядели в разные стороны.

— Извините, — заикаясь сказала она и повторила по-итальянски: — *Mi displace* .

Он нагнулся, подхватил два бревна размером со взрослого мужчину и вскинул их на плечи, легко, словно пальто набросил. Жестом свободной лапищи пригласил зайти в хлев, и, немного поколебавшись, она последовала за ним, хотя разбегающиеся его глаза и хриплый голос пугали её.

²⁴ Ферма Прокопио (*ит.*) .

²⁵ Есть кто-нибудь? (*ит.*) .

²⁶ Мать Божья! (*ит.*) .

Внутри царила непроглядная тьма, только чувствовался запах коров и слышалось их мягкое сопение. Пришлось пробираться вперёд ощупью вдоль деревянной перегородки (отделявшей, как она догадалась, стойла животных), ориентируясь лишь на полосу красновато-желтоватого мигающего света, видимого сквозь щёлку неплотно прикрытой двери в дальнем конце хлева. Провожатый проорал: «Вот и я! Вот и я!» Она заторопилась и нагнала его в тот момент, когда он распахнул дверь в бетонный загон и к источнику пляшущего света.

Пылающий огонь — первое, что она заметила, пытаясь сосредоточить взгляд на его едком дыме, чтобы не чують смрада, ударившего в ноздри: пота, мочи, экскрементов и сладковатого — крови. Такого она не предполагала увидеть. Трое здоровенных мужчин, голых по пояс Торсы, штаны, обувь — в крови. Кровь на стенах, ножах, выплёскивающаяся из котла над огнём. Вёдра с кровавыми внутренностями. Свежие кишки на бетонном полу, и несчастное окровавленное визжащее существо, подвешенное на верёвке за задние ноги.

Шарлотта отступила назад, а человек рядом с ней заорал: «EWIVA IL COLTELLO!» Двое других подхватили его крик: «EWIVA IL COLTELLO!» Слова эти, означавшие «Да здравствует нож!», ошеломили её, как и вопль существа, бьющегося на верёвке, и Шарлотта, к своему позору, почувствовала, как в горле поднимается тот же крик.

— Дуу-да-дуу-да! — ревел погонщик мулов. Человек, державший в руке нож, молчал. Глаза на лице, похожем на маску из грязи и крови, окружал белый ободок, на мощном обнажённом торсе кожаный фартук до полу, лоснящийся от крови, — бог дикарей. Не обращая внимания на крик Шарлотты, он поднял руку с алым ножом, крикнув, с силой вонзил его в горло свиньи и быстро шагнул назад, отвернув лицо, но недостаточно быстро, чтобы уклониться от струи крови, ударившей из перерезанной артерии, темно светящейся, бывшей постепенно слабеющими толчками, пока сердце свиньи наконец не остановилось.

Казалось, это длилось очень долго. Красно красно красно красно.

И — черно.

ЧУДО № 9 ВОРОТА ЛЮЦИФЕРА

Очнувшись, Шарлотта увидела, что сидит (*развалилась*, с досадой подумала она, выпрямляясь) на скамье в чисто прибранном дворе, обнесённом стеной. Напротив сидел человек с бычьей шеей и мясистым лицом, огромная рука сжимала сигару, такую толстую и длинную, что ею, как дубинкой, можно было бы выбить признания из самых упорных арестантов. Он не умещался на стуле, который перевернул спинкой вперёд и оседлал, как лошадь, и в этой своей позе, с этим грубым продублённым лицом и мраморными завитками рыжеватых с проседью волос, он походил на скульптурный эскиз в глине. «Кентавр», — тут же мелькнуло у Шарлотты. Незаконченный, но тем не менее кентавр, замысел художника совершенно очевиден.

Она была в замешательстве от его бесцеремонного взгляда и оттого, что одет он был безукоризненно. Туфли без пятнышка грязи, белая шёлковая рубашка с серебряными запонками на манжетах — вряд ли можно ждать такого от фермера. Кто он? Откуда появился?

— Извините, то есть *mi dispiace*, — сказала она.

Всё, что она знала по-итальянски, вылетело из головы. Хорошо бы здесь была женщина, фермерская жена. Но чистота во дворе — вместо герани железная полоска у двери, чтобы счищать грязь с подошв, вместо лужайки отмыли кирпич — служила чисто практической цели, а не была делом женских рук.

— Это я должен принести извинения, — ответил мужчина на правильном английском, хотя и с сильным акцентом, — Меня... — Он запнулся, подыскивая нужное слово, бессильно помотал своей крупной головой и продолжил: — Анджелино, этот... *castrato stupido* ²⁷ чья

²⁷ Баран кастрированный (*um.*).

семья, не знаю, как правильно сказать по-английски, мне родственники... не должен был приводить вас... Нужно было предупредить забойщика, что с ним гостя... впечатлительная гостя.

— Это было ужасно, жутко, — прошептала она, чувствуя облегчение оттого, что оказалась в обществе цивилизованного человека. — Никогда не представляла, никогда...

— Сожалею, что вам пришлось это увидеть, синьора, но это забой свиней, не убийство. Подобный отвратительный кошмар происходит каждую осень, чтобы люди вроде вас могли наслаждаться *proscuitto* и *lardo*²⁸ и беконом. Смерть может быть куда страшнее... да и жизнь, коли на то пошло. Уверяю вас, — слабо улыбнувшись, уступил он, — насколько я знаю, свинья не чувствует боли после первого удара, быстро перерезающего артерию.

— Можно было использовать ружьё! В Англии мы...

и потом, этот... этот человек...

Он выждал, пока она не замолчала, так и не договорив, и спросил:

— Этот человек?

— Мясник, — прошептала она. — Ужасно... он будто... *получал удовольствие* от этого. И крики... — «Почти человеческие», — подумала она.

— Ах, этот. Нельзя ждать поэзии от мясника. Хотя можно быть хорошим мясником точно так же, как бывают хорошие поэты. Что до визга свиньи — ей, как вам, не нравится запах крови. Особенно своей... и, наверно, её друзей и родственников, если можно так выразиться. При таком способе, когда свинью закалывают, она умирает медленно, это правда, но зато кровь можно использовать для приготовления колбас. Если их стрелять, они всё равно умирают, но кровь остаётся в теле, и мясо становится очень дряблым.

Хороший мясник выпускает кровь долго — извлекла Шарлотта из памяти похороненную в ней цитату,²⁹ успокаивая себя возвращением в прошлое, где ей было уютнее. Никогда она не была большой любительницей мяса и сейчас думала о предсказании Леонардо да Винчи, что придёт время, когда человечество станет относиться к убийству животных как к убийству людей. Вегетарианца Леонардо, назвавшего человеческий рот «могилой всех животных».³⁰

— Уже поздно, — внезапно объявил её собеседник, глянув на свои часы. — Нужно позаботиться о вашем возвращении в цивилизованный мир, синьора Пентон.

То, что он назвал её по имени, заставило её испуганно вздрогнуть.

— Откуда вам известно, как меня зовут, синьор?..

— Как было не догадаться? Урбинская газета полна сообщений о реставрации Рафаэлло и о международной телевизионной группе, прибывшей снять торжественное возвращение «Муты» на принадлежащее ей место. Вы — искусный реставратор, и ещё есть та, другая... такая... мм... живая.

«Та чёртова трещотка, которая не может заткнуться», — подумала Шарлотта.

— А кто *вы*? — спросила она тоном более холодным, чем намеревалась.

— Я — Прокопио, Франческо Прокопио. А это моя *fattoria*, моя ферма, где вы изволили упасть в обморок.

Шарлотта совсем забыла о вывеске на воротах фермы.

— Прокопио? Тот, что на вывеске кафе в Урбино?

— Тот Прокопио, который придумал мороженое. Один я делаю такое мороженое.

— Значит... это *ваше* кафе? — Несмотря на его элегантный вид, ей было трудно представить этого голиафа в старинном интерьере кафе.

²⁸ Ветчиной и шпиком (*um.*).

²⁹ Из романа Томаса Гарди «Джуд Незаметный» (1896).

³⁰ Цитата из «Записных книжек Леонардо да Винчи».

— И готовлю я.

Шарлотта посмотрела на массивную сенаторскую голову, крупные, с тарелку, ладони. Она не могла представить в этих кулачищах борца чашечку с цветками жасмина, который, как объявляло меню Прокопио, подаётся к каждой порции особого мороженого. Это был человек, как выразился Данте, «и до сих пор горе и камню сродный».³¹ Пусть эта гора мышц с возрастом и потеряла твёрдость камня (сколько ему — пятьдесят? шестьдесят?), ни фигура Прокопио, ни костюм не соответствовали его притязанию на роль урбинского Микеланджело от марципана, Брунеллески от сахарной ваты.: Шарлотта, с её острым глазом реставратора на любую подделку, обратила внимание на его шёлковую рубашку со слишком длинными двойными манжетами (непрактичные для шеф-повара) и скорее сказала бы, что он крупье — нет, вышибала в ночном клубе, цирковой силач, который удерживает в каждой руке по толстушке в балетной пачке.

Прокопио улыбнулся и встал:

— Я делаю мороженое — то есть когда не убиваю невинных свинок.

— Так это... это... это были... вы?

Перед глазами встал образ человека в окровавленном фартуке, и она зажмурилась, а когда вновь посмотрела на Прокопио, улыбка исчезла с его лица. Он выглядел усталым, измученным (то раздражённое кряканье, с каким он вонзал нож).

— Итак, синьора, после того как я всё о себе рассказал, доверите мне отвезти вас в пансион Рафаэлло, где, уверен, вы остановились?

— Благодарю, вы слишком добры. Я могу пойти сама... если покажете мне дорогу. — Ответ прозвучал так невежливо, что, забыв о волке, она быстро добавила: — Слишком далеко вам ехать до города.

Но Прокопио нахмурился и настоял на своём, уверяя, что хорошей дороги до города нет, а та, что есть, очень тяжёлая.

С трудом удерживаясь от желания оглянуться на двор, Шарлотта ковыляла к джипу. Прокопио не делал попытки помочь ей. К счастью, шум включённого мотора заглушал их молчание, а дорога от фермы была настолько разбитая, машина так ревела, что всякий разговор был невозможен, пока они не выехали на трассу и её водитель не прибавил скорость.

Шарлотта сознавала, что, проявив слабость, обидела человека, и очень английское желание загладить своё неумение соблюсти приличия сделало её несвойственно разговорчивой.

— В жизни не падала в обморок, — начала она. — Так глупо с моей стороны... Вы, наверно, подумали, что я ужасно наивная, если восприняла так... мелодраматически... то, что естественно... для здешней жизни. — Ей хотелось показать этому человеку, что она отнюдь не невежда в итальянской культуре (хотя какое ей дело до его мнения?). — Скажите, синьор Прокопио, люди, которые с вами... Ваши помощники, которые выкрикивали перед тем, как вы... «Ewiva il coltello!», правильно?

Он кивнул.

— Что означает, как я понимаю, «Да здравствует нож»?

— Верно.

— Это что, старинный обычай? — спросила она осторожно.

— Мм...

— Клич местных мясников?

— Не совсем так... — Прокопио с излишним вниманием принялся переключать передачи, поправлять зеркало заднего вида; до этого он всё это проделывал автоматически. — Видите ли, синьора, если вам интересно... если желаете знать всю подноготную... — Теперь пришёл черёд хозяина кафе подыскивать слова.

³¹ Данте. Божественная комедия. Ад. Песнь XV. Пер. М. Лозинского.

— Извините... — начала она.

— Нет, это вы должны извинить несчастных остолопов, которые... — Он поднял руку и хлопнул по рулю, как хлопают по заду заупрямившегося осла. — Послушайте, надобно знать, что мы здесь, в Марке, знамениты не только Рафаэлем, Россини и герцогом Монтефельтро.

Она чувствовала, что он хотел сказать что-то совершенно другое, но он продолжал, всё больше воодушевляясь.

— Возьмите Норчию, город в Умбрии, откуда родом моя мать...

— О, ещё бы! — воскликнула она. — Известный своей салями, не так ли?

— Есть и другое, чем известна Норчия, кроме салями, — хотя это связано с их умением забивать свиней и кастрировать боровов, которым пришлые норчийцы заслужили дурную славу в здешних местах...

Она улыбнулась и кивнула, поощряя его продолжать.

— Понимаете, область Марке ещё знаменита своими... певцами-кастратами... У них были ангельские голоса! Концертные залы Европы в восьмисотые и девятисотые годы ломались от публики, жаждавшей услышать их!

— Не совсем понимаю, какая тут связь... — Она не договорила, внезапно представив себе отвратительную картину.

— Связь между кастрацией кабанов и кастрацией мужчин? — спросил он. — Буду откровенен, синьора: для тех крестьян в прошлые века, что были бедны, но честлюбивы, всегда оставалась возможность послать кого-то из своих многочисленных отпрысков к норчино, забойщику, норчийский нож которого всегда готов был превратить мальчишек Марке в ангелов. Вот так у публики на концертах возник обычай приветствовать выдающегося неповторимого кастрата криком: «Ewiva il coltello!» И теперь, синьора, когда свинья поёт, мои люди встречают её таким же криком. Вот что вы слышали.

— Понимаю. Да.

Она отвела глаза и уставилась в окно машины. Там была уже полная тьма. И в этой тьме, затопившей долину, по которой они ехали, скользило отражение её осунувшегося лица — сплошные углы, глаза, огромные от усталости, белокурые волосы, серые от пыли, слипшиеся с одной стороны от грязи, в которую она упала. Она машинально запустила в них пальцы, чтобы как-то расчесать. Частицы засохшей грязи (и крови?) медленно полетели ей на брюки. Она хотела упомянуть о волке, но чем больше она думала о нём, тем он казался более нереальным.

— По дороге на вашу ферму я прошла разрушенную колокольню, синьор Прокопио, — заговорила она тоном ленивой туристки.

Он продолжал смотреть на дорогу.

— Это, случаем, был не Сан-Рокко?

— Был когда-то. Здесь вы чаще услышите, как его называют *La porta di Lucifero* или иногда *Vaeropoito di Lucifero*.

— Ворота Люцифера? Его воздушные ворота? — Она забыла думать о волке. — Почему?

— Там произошло страшное. Во время войны. Бомба или мина разрушила большую часть деревни, оставила воронку, огромную, как от падения Люцифера, когда он был низвергнут с небес, — так говорят люди, которые верят в подобные вещи.

— Поэтому люди покинули Сан-Рокко?

— Не совсем покинули. Добрый дух иногда оставляет там приношения.

— Этот дух — вы?

— Не я! Немая, которая работает уборщицей в герцогском дворце.

— *Немая* ?

Он неохотно добавил:

— В этой долине говорят, что она первая увидела волка много лет назад и с тех пор он следует за ней как тень.

— Не понимаю. Я...

— Никогда не слышали этой присказки? Всякий в этих местах скажет вам прямо: если

человек увидит волка прежде, чем волк увидит его, он лишится речи от страха, его поразит немота. — Он метнул на неё взгляд из-под тяжёлых век. — Я лишь повторяю то, что говорят посторонним.

— Таким, как я, вы хотите сказать.

— Всем, — ухмыльнулся он, — даже тем, кто из Карпеньи, до которой отсюда пятнадцать километров, может, и меньше. Народ в этой долине знает, как заставить людей не молоть лишнего, он знает, что немота не порок. Назови дьявола по имени, и выпустишь демонов, которых больше всего боишься.

— Та немая женщина... она... она не принадлежит к одному из старинных родов Сан-Рокко?

— Те, о ком вы говорите, все вымерли, — быстро ответил он. — Никто не знает, почему она пришла сюда. Она малость *razza* — малость сумасшедшая.

Следующий вопрос застрял у Шарлотты в горле, когда он, резко крутанув руль, свернул на ещё более узкую дорогу. Она вцепилась в ремённую петлю, свисавшую с потолка машины.

— Сейчас я покажу вам настоящее безумие.

В его голосе чувствовалась злость. Что она сказала такого, что оскорбило его на сей раз?

— Вы хотите срезать покороче к Урбино, синьор Прокопио?

— Можно сказать и так. Срезать, *certo*.³²

Его язвительный ответ вызвал в её памяти торчащие в ряд ножи в бетонном дворе его фермы.

— Видно, этой дорогой не пользуются, — нервно сказала она. — Слишком тряская.

— Зато прямая. Немцы всегда строили прямые дороги. Они проложили целую сеть их вдоль этих холмов в сорок четвёртом. Здесь всюду можно найти участки мощёных дорог, построенных немцами, чтобы облегчить продвижение транспорта.

Мысли Шарлотты метались: «Он может завезти меня неведомо куда... и эти его неожиданные смены настроения... Кому известно, где я сейчас, кроме его приятелей-мясников и того ненормального... Места дикие... Но наверняка тут есть другие фермы... хотя дома не попадались уже очень давно». Её возбуждённый внутренний диалог постепенно затих, когда джип поднялся на очередной холм и она увидела вдали огни Урбино и славу города, *Facciata dei Torrichini*,³³ западный фасад дворца, украшенный стройными остроконечными башнями, на пять этажей возвышающийся над склоном. Залитые серебристым светом, его розовато-лиловые стены на фоне остальных строений замка герцога Монтефельтро, погруженных во тьму цвета индиго, придавали Урбино неземной вид, как на акварелях Артура Рэкхема³⁴ к книгам сказок. Шарлотта понимала: полагаться на то, что в виду башен Урбино с ней не случится ничего ужасного, так же наивно, как верить в те старые сказки. Тем не менее остатки оптимизма, сохранившиеся в ней после дезертирства Джона, заставляли её верить в это.

Прокопио остановил машину и закурил сигару. Внизу, справа от них, лежала большая, ярко освещённая ферма, и по ударившей в нос Шарлотты вони, которую не спутаешь ни с какой другой, она поняла, что ферма свиная. Она нервно взглянула на человека на соседнем сиденье.

— Полюбуйтесь! — воскликнул он, указывая сигарой. — Посмотрите хорошенько туда! Вытянув шею, она выглянула из окна машины и увидела копошащуюся массу грязной

³² Точно (*ит.*) .

³³ Фасад с башнями (*ит.*) .

³⁴ Рэкхем Артур (1867–1939) — английский художник, известный своими иллюстрациями к произведениям классической (Шекспир, Чарлз Диккенс, Джонатан Свифт, Вашингтон Ирвинг, Джон Милтон, Эдгар По) и детской литературы (в частности, к сказкам братьев Гримм).

розовой плоти, которая теснилась в высоких стенах квадратных бетонных загонов.

— Вот ваш современный способ разведения свиней, — сказал он.

Свиньи стояли по брюхо в грязи и так плотно, что ни одна не могла повернуться, только если все вместе. Лишь взгромоздясь одна на другую, животные на дне загонов могли бы увидеть клочок неба. Шарлотта отвернулась.

— Что до меня, то я убиваю в сезон только три-четыре свиньи в день, синьора, а эта фабрика, её забойщики — полторы тысячи в неделю. Они работают сдельно, поэтому для них главное — быстрота, пятнадцать минут на голову: убить током, выпустить кровь, выпотрошить и отправить в холодильную камеру.

— Я понимаю вас, синьор Прокопио. — Голос Шарлотты дрожал. — Ни к чему держать меня здесь дольше.

Не обращая внимания на её протест, он продолжал, подкрепляя каждое своё слово взмахом сигары:

— Откуда я всё это знаю? Я работал здесь, когда начинал как мясник... Дядя Тито устроил меня сюда. Старый добрый Тито. Никогда не позволял забывать, какое *огромное* одолжение мне сделал...

Он принялся живописать свои первые, страшно неумелые попытки забить животных, и Шарлотта вздрагивала от каждого слова. А они продолжали и продолжали сыпаться на неё, как камни. Пронзительные вопли свиней звучали, не смолкая, всё выше и выше, кровь лилась из многочисленных ран, а Прокопио наносил ножом удар за ударом и никак не мог попасть в артерию.

— Мои верные товарищи по работе не желали прерываться, чтобы помочь мне, не желали потерять в оплате.

Удары ножа, клочья шкуры, напарники, прячущие глаза... И это продолжается, продолжается...

— Опасное место, синьора. Не только для свиней. На прошлой неделе здесь убили человека. После работы, чего ему было делать там в такое время? Говорят, был пьян, но кто знает? Может, работал сверхурочно... может, просто оказался не в том месте не в то время... как вы сегодня.

Теперь он угрожает ей? Что это, скрытая угроза? Или ему доставляет удовольствие пугать её?

— Я бы хотела вернуться домой, пожалуйста, синьор Прокопио. Или, если хотите, могу выйти здесь.

Он без слов завёл мотор и, круто развернувшись, помчал обратно по дороге, какой они приехали. Сигару он выбросил в окно. Несколько минут спустя он стал извиняться:

— Простите, это была моя ошибка. — Он запустил громадную пятерню в свои жёсткие, как у быка, завитки. — Простите, — повторил он сокрушённо. — Единственное моё оправдание...

— Не нужно оправдываться, — сказала она, а про себя добавила: «Ты, ублюдок!»

— Нет, нужно, пожалуйста. Очень нужно. Не следовало мне возить вас в это место. Но я вижу вас каждый день, когда вы приходите в моё кафе поесть, и, хотя меня вы никогда не видите, польщён тем, что вы выбрали моё кафе, и теперь, когда мы наконец встретились, вы с таким презрением... а я, между прочим, откармливаю моих бедных свинок зерном, желудями и остатками со стола, тогда как этих, с конвейера, которые считаются более вкусными, пичкают антибиотиками и стероидами. Комиссия Евросоюза дала консорциуму, владеющему этой свинофермой, лицензию на торговлю мясом. А мне — нет! Мол, мои методы не вполне соответствуют санитарным нормам. Сюда прилетала группа английских продовольственных журналистов, попробовать продукцию консорциума. Их поили и кормили на родовой вилле Нерруцци и продемонстрировали старинное хозяйство семейства Нерруцци, которое участвует в бизнесе, очень живописное и очаровательное... Они, конечно, туда не пошли, только издали им полюбовались, как не пошли и в химическую компанию, которая снабжает консорциум Нерруцци кормом для свиней, или в другую, нефтехимическую, в чьих руках

грузовые перевозки по Европе! А теперь при помощи денег от Евросоюза и новой строительной технологии, которую предоставили им наши друзья с юга, консорциум может дальше увеличивать производство...

— Наши друзья с юга? — переспросила она, чтобы остановить нескончаемый поток слов.

Он бросил на неё странный взгляд, словно решил, что она издевается над ним.

— Наши друзья — большие специалисты по цементу, — сказал он после минутной паузы. — Они снабжают консорциум дешёвыми жилыми блоками, автоматическими кормушками, бетонными хлевами, где свиноматку можно отделить от приплода, чтобы она их не придавила...

Они выехали на асфальтированную дорогу, ведущую в Урбино. Облегчённо вздохнув, Шарлотта перестала прислушиваться к словам Прокопио и обратилась мыслями к высоким зубчатым стенам герцогского дворца.

— ...если свиноматке *есть* где повернуться, — продолжал зудеть голос рядом.

«Камелот», — подумала Шарлотта. Урбино всегда заслуживал такого названия, разумеется, между 1450 и 1508 годами, когда этой гористой страной правил свой король Артур, герцог-воин Федерико да Монтефельтро. Как там сказал о нём друг Рафаэля Бальдассар Кастильоне?³⁵ Что в ряду его славных деяний было возведение в Урбино «дворца, которому, как полагают многие, в Италии не сыщется равных по красоте, и обустроенного столь превосходно, что он больше кажется городом, нежели обычным дворцом». И действительно, с этого расстояния было невозможно сказать, где заканчивается замок и начинается город, и Урбино во времена Федерико затмевал любой европейский город в том, что касалось искусств, придворной жизни и приверженности к Новой Учёности. В библиотеке герцога были собраны все тексты той классической эпохи, а при его дворе — самые утончённые поэты, философы и люди света, как мужчины, так и женщины...

— Скорее всего они давят молодых из страха конкуренции, — сказал Прокопио.

Да, решила Шарлотта, не поддаваясь Прокопио, как он ни старался опустить её до своего уровня, Урбино больше представляет истинный дух Возрождения, чем даже Флоренция, город, который она находила мускулистым, суровым и непривлекательным, холостяцким. Флоренция всегда оставалась городом торговым и папским, правители интересовали её жителей меньше, чем футбол и банки, тогда как Урбино, подобно Сиене, был феодальным, проимператорским городом аристократов, освещённым последними бликами догорающего века рыцарства. «Сиена жжёная»³⁶ — цвет её кирпича! Флорентийские живописцы открыли масштабность, и буйный Мазаччо³⁷ изобразил Адама мускулистым, как тосканского работягу.

А Урбино? В Урбино был нежный Рафаэль.

Раздался громкий удар. Перед ними мелькнул фазан, на мгновение прильнув, как средневековый любопытный Том,³⁸ к ветровому стеклу испуганным золотым глазом и своим геральдическим гребнем. Прокопио резко затормозил, и птица соскользнула, оставив после себя кровавое пятно на стекле со стороны водителя. Прокопио вышел из машины и прошёл

³⁵ Кастильоне Бальдассар (1478–1526) — итальянский гуманист, писатель и дипломат. Служил при дворе Гонзаго в Мантуе и посланником урбинского герцога в Риме, папским нунцием в Испании, где и умер от чумы. Автор трактата «Придворный».

³⁶ Игра слов: «сиена жжёная» — вид масляной краски, употребляемой в живописи.

³⁷ Мазаччо Томмазо ди сер Джованни ди Гвиди (1401–1428) — итальянский живописец, прославленный фресками во флорентийской капелле Бранкаччи («Изгнание из рая» и др.).

³⁸ Согласно легенде о леди Годиве, некий портной, единственный, кто выглянул в окно, когда Годива обнажённой проезжала по Ковентри ради того, чтобы граф, её муж, снизил непомерные налоги для подданных.

назад по дороге. Шарлотта, не в силах оторвать взгляд от зеркала заднего вида, наблюдала, как он, освещённый красным светом задних фонарей, поднял фазана, умелым движением мясистых пальцев сломал ему шею и зашагал обратно, — всё это заняло не больше двух минут.

Он открыл заднюю дверцу. Машина вздрогнула, когда тяжёлая птица упала на пол. Он опустил на соседнее сиденье, вытирая ветошью кровь с рук. Тёмное липкое пятно осталось на рычаге передач и на баранке, несколько ярко-красных капель впиталось в его белые, аккуратно подвёрнутые двойные манжеты. Он включил дворники, которые принялись размазывать кровь по стеклу.

— *Che cazzata!* — грязно выругался он. — Извините, забыл залить, как это у вас называется, очиститель для стёкол.

Достал ветошь и вышел протереть ветровое стекло вручную. Когда он вернулся, по краям стекла оставались красные следы.

«Что я тут делаю с этим ужасным человеком?» Все в нём было ей отвратительно: толстое лицо, наманикюренные руки мясника с ободком — грязи? крови? — под ногтями, одежда с претензией на элегантность, так не подходящая его положению. Хотя нет, скорее, его амбициям.

— Между прочим, правительство привлекает голоса либералов заявлениями, что собирается запретить охоту на мелкую птицу! — сказал Прокопио, словно ничего не произошло. — Это легче, чем заниматься свиноводческими комплексами, потому что птицы приятнее свиней и кур и так сладко поют.

Она наконец нашла в себе силы заговорить:

— Евросоюз должен установить прави...

— Этот консорциум не собирается подчиняться никаким правилам. Они запустили пальцы не только в пироги со свиной... Даже граф Маласпино не жалуется, хотя его замечательный отель, вилла «Роза», находится с той же стороны от Урбино, где этот комплекс, и когда ветер дует оттуда, вся вонь идёт к графу, что не слишком нравится его клиентам. Конечно, сам Маласпино к ней привык. Он человек совершенно... не знаю, как у вас это называется... *spregiudicato*.

— Без предрассудков, — резко ответила Шарлотта. — Разве это плохо?

— Без предрассудков, — протянул Прокопио, словно для него это было сомнительной добродетелью. — Да, можно и так перевести. А ещё терпимый, открытый и сговорчивый. Но у нас тут слова имеют много смыслов, так что можно сказать, что этому графу всё равно, с кем вести дела, как всё равно, чем дышать. Никаких предрассудков относительно всяческой воню.

ЧУДО № 10 МРАЧНОЕ СПОКОЙСТВИЕ АНГЕЛОВ

— Слышал, Примо, вдовья сестра синьоры Томмазо чудесным образом исцелилась от подагры?

В баре «Рафаэлло» Франко, как обычно, докладывал мэру о последних событиях. После богатого приключениями возвращения в город с Прокопио Шарлотте, чтобы прийти в себя, требовался глоток граппы, одного из предпочитаемых ею успокоительных средств, вместе с кампари или, иногда, графинчиком, а то и двумя местного терпкого белого вина. Здесь она чувствовала себя в безопасности, зная, что коллеги её не увидят, поскольку бар «Рафаэлло» никак нельзя было назвать «центром мироздания» для тех, кому меньше сорока.

— Сестра отвезла её в Урбанию посмотреть на мумию, — продолжал Франко. — Ты слышал? Открыли гроб с мумией урбаниевской святой и увидели, что её затвердевшая кровь разжижилась.

— Это уж слишком, — усмехнулся его приятель. — Обычно это происходит в августе.

— А в этот раз вот так, Примо, — на другой день подагра прошла, и сестра синьоры Томмазо смогла ходить.

— Почему это должно было случиться в Урбании? — пожаловался мэ́р, всегда ревниво воспринимавший любую угрозу репутации его города как культурной столицы области Марке. — У нас коллекция мумий ничуть не хуже — возьми хоть ту, которую обожают все женщины, даму, умершую от кесарева! И почему в этом году у нас должно быть только одно чудо, когда на какое-нибудь драное захолустье, которое может позволить себе только грошовую гипсовую девственницу, чудеса так и сыплются!

Франко покачал головой. Хотя он и перестал посещать церковь с тех пор, как умерла жена, тем не менее он испытывал неловкость, слушая громогласное поношение религии мэром. Он отвёл взгляд и уставился на ряд бутылок неестественно яркого импортного ликёра, который никто не желал заказывать, кроме случайно забредших туристов. Чего он его держит? Бутылки он получил вместе с баром, вот почему они стоят тут, — наследство вдовой тётки его жены-покойницы, драконши, которая появляется дважды в неделю, проверяя, как справляется новый владелец.

— Что там в той бутылке? — спрашивает Примо.

— В которой?

— В той, что похожа на скрипку, что там за розовое пойло?

Франко достал бутылку и прочитал этикетку:

— Тут на португальском. «Фатима»,³⁹ и дальше непонятно. Старуха купила её в Лурде когда-то давным-давно.

— Так чего ты держишь её, если не знаешь, что в ней?

— На удачу, наверно.

— То есть из суеверия. — Примо шевельнул пальцем, показывая, чтобы Франко налил ему неведомого розового ликёра. — Может, удастся затащить сюда профессора Серафини, пусть устроит публичное представление — проведёт научное исследование, как он любит.

— Я думал, он занимается только фальшивыми чудесами.

— Значит, хочешь убедить меня, что это чудо с подагрой настоящее?

Его приятель с силой прошёлся несколько раз тряпкой по и без того сияющей пластиковой стойке.

— Нет-нет, и в мыслях такого не было. Просто передаю то, что мне рассказала синьора Томмазо. Тебе известно, что она пожертвовала приличные деньги гильдии, которая содержит эту церковь?

— А вот это действительно чудо! Эта Томмазо скряга, как все тосканцы. Она соберёт всех вдов, страдающих недержанием мочи, и они потащатся в Урбанию, которая станет грести денежки лопатой.

— Уже начинается. Синьора Томмазо упомянула о чуде приятельнице в пансионе Пресвятой Богородицы, и в тот же день четыре постоялицы съехали, отправившись в Урбанию.

— Вот дряни! Знаешь, Серафини приехал сюда из а Милана из-за этих самых чудес. Думаю, может, хоть он сможет доказать, что эта кровь — вовсе не кровь... покажет людям, что тут, в конце концов, нет ничего чудесного! Как я всегда говорю тебе, Франко: если люди хотят решить свои проблемы, им надо понять: дело в молекулах, а не в чудесах! В атомах, а не в ангелах!

— Ну, атомы с молекулами малость бездушные, При-мо. Человеку трудно полюбить молекулу. Может, в таких случаях, как с сестрой синьоры Томмазо, одних молекул просто недостаточно — ты никогда не задумывался над этим? И как Серафини может помочь её ноге? А это всё-таки доказательство, все его видели.

— Доказательство? Какое доказательство? Хочешь сказать, что нога вдовой сестры синьоры Томмазо может служить доказательством чуда?

³⁹ Небольшой городок в Португалии, ставший центром христианского паломничества после того, как в его окрестностях в 1917 г. трём местным детям было видение Девы Марии.

— Ладно, не доказательство... Но она снова ходит, И опухоль на ноге спала. Помнишь её ногу — вечно в шерстяном носке?

Мэр пробормотал себе под нос:

— Конечно, нужно действовать быстро. Завтра Серафини собирается уезжать...

— Синьора Томмазо, говорит, что её сестра вчера ездила купить три пары тонких чёрных чулок. Очень дорогих, очень сексуальных. — Он опять начал протирать стойку. — Сколько, думаешь, ей лет? Наверно, моложе меня... лет пятьдесят?

— Все шестьдесят, старая карга...

Бармен кивнул и улыбнулся:

— Не так стара, не так стара... Тонкие чёрные чулки — представь себе! Она уж лет двадцать как не надевала таких.

— Сколько прошло с тех пор, как те мошенники получили разрешение использовать своё кладбище мумий для привлечения туристов? Двадцать лет, говоришь?

— Скорее, лет десять... Думаешь, ещё делают такие вещи, как настоящие шёлковые чулки, Примо? Они такие приятные на ощупь. Моя жена (да упокоится душа её с миром), та обычно надевала их для меня, когда у неё было игривое настроение. А у неё ноги были не так хороши, как у сестры синьоры Томмазо.

— Барраго-фокусник сейчас тоже в городе, — соображал мэр, — и он часто работает с Серафини. Вместе они устроят отличный спектакль.

— И она им поможет, Примо! Отличное зрелище! У неё красивые ноги, как у девушки, правда? — С той же тщательностью, с какой тёр стойку, он пригладил ладонью несколько сохранившихся волосков на лысине. — Знаешь, я мог бы заглянуть к ней в свой выходной, посмотреть, как она поправляется.

— Явный обман эта кровь, ничего она не исцеляет.

— Да-да, Примо, уверен, ты прав. Ты умный человек, образованный, но я только хочу убедиться: впрямь ли этот обман сотворил... ну, сотворил это чудо с чёрными шёлковыми чулками сестры синьоры Томмазо?

На другом конце Урбино, в пустой красивой комнате эпохи Возрождения, освещённой лишь луной, двое мужчин ритмично хлещут третьего. С него сорвали рубаху и привязали к постаменту в виде изящной колонны, на которой стоит небольшая золотая статуя некоего древнегреческого или ещё какого божества, может Аполлона, столь же незащищённого, как большинство богов, от настойчивых просьб смертных. Руки мужчин обнажены, чтобы сподручнее было работать бичами, и в свете луны их кожа и кожа их жертвы кажется мраморной — бледной и холодной, как белый мрамор геометрического орнамента каменного пола.

За происходящим наблюдают двое — почтенные старики, оба скучают. Они все это уже не раз слышали. Призывы к маме, Богу, мольбы о милосердии. И: Боже[object Object] чего Ты меня оставил? И конечно, после первого сопротивления, после обещаний, которые он не сможет выполнить, истязуемый теряет сознание. Ночную тишину нарушают лишь влажные удары бичей.

Снаружи стоят трое других знатных граждан и беседуют с явным безразличием, хотя у одного из них — золотоволосого, как ангел, — вид несколько рассеянный. Взгляд его устремлён вдаль, он с мрачным спокойствием прислушивается — возможно, к звукам, доносящимся изнутри. Очень слабым звукам, поскольку у старого дома толстые стены. Это может быть писк летучих мышей, или шаги босых ног по мокрому мраморному полу, или повар отбивает толстый бифштекс.

Человек, конечно, кричит громче. Но люди, проходя мимо и замечая троих спокойно беседующих мужчин, решают, что разумнее следовать их примеру, и остаются глухи к приглушённым воплям. Нас это не касается, говорят проходящие. Если столь важные персоны

считают, что нет необходимости вмешиваться, то почему мы должны это делать? Причин этих воплей может быть сколько угодно: снящийся кошмар, семейная ссора, репетиция пьесы. И в каком-то смысле очевидцы правы, происходящее — действительно репетиция, первая из многих, возрождение старого кошмара.⁴⁰

Утром в понедельник Донна распахнула ставни у себя в комнате и оказалась лицом к лицу с Мадонной, чей лик с выражением слащавой меланхолии, разве что слегка обшарпанный, сиял ещё слаще в густом октябрьском солнце. Мгновение две Донны смотрели друг на друга (дурная примета, предостережение, знак). Одна по меньшей мере двенадцати футов ростом, ничего еврейского в стеклянных васильковых глазах, золотые локоны и оранжево-розовые гипсовые щёки. Другая — грозная соперница, с лицом несгибаемой язычницы, сохранившим сильные этрусские или римские черты, несмотря на исправленный нос. Только живая женщина выглядела достаточно смелой, чтобы спросить о непорочном зачатии, и Богоматерь, признав поражение, исчезла из окна, уйдя вниз, и, покачиваясь, поплыла к университету; её светящиеся краски требовали восстановления студентами курса «Сохранение предметов культуры». И там, в мастерской, она вскоре заплакала солёными слезами.

Донне казалось, что все в Европе реставрируется, история переписывается наново, всё глубже погружаясь в прошлое. Бесконечный процесс, принимая во внимание, что страну заполняют древности. В Италии никуда нельзя было пойти, чтобы не наткнуться на римскую колонну.

На второй день своего пребывания в Урбино она осталась одна. «Устрой себе отдых!» — сказал Джеймс и укатил со всей командой за город снимать заставки и общие планы. Она была свободна до завтра, когда рафаэлевскую «Муту» будут возвращать в герцогский дворец. Шарлотта и двое её ассистентов, Анна и Паоло, заканчивали работу над картиной, и Донна, вольная как птица, чувствовала себя не в своей тарелке. Она спала допоздна, позавтракала не торопясь, и всё равно впереди оставалась масса времени, которое нечем было заполнить.

Надо выйти, сказала себе Донна, надо чем-то заняться. Пойти погулять в парк и перечитать сопроводительный текст. Посмотреть картины, которые полагается знать. От той идеи она тут же пришла в уныние. Она подумала о бесчисленных Благовещениях и Преображениях, обо всех этих святых и сражениях в Урбино, о каких ей пришлось рассказывать с тех пор, как получила эту работу. В большинстве из них она не видела ничего, кроме мучительно напряжённых мускулов. Взять святого Себастьяна с торчащими из него, наверное, полутора десятком стрел. Могло ли быть у него такое жеманное выражение лица?

Портреты, впрочем, ей нравились, особенно тот, где герцог Федерико изображён читающим, — неподходящее занятие для парня с физиономией постаревшего боксёра, но выглядящего, пожалуй, сексуально. «Всегда его изображают в профиль, с левой стороны, — сказал Паоло. Он часто не жалел времени на объяснения, если видел, что она чего-то не понимает. — Говорят, у герцога было свидание с молодой женщиной в дубовом лесу, и, увидев её после этого на рыцарском турнире, он воткнул дубовую веточку в своё забрало, которая мешала следить за противником, и тот угодил пикой ему в шлем и повредил глаз».

Паоло потерял из-за неё голову, она была совершенно уверена, но не могла относиться к этому серьёзно. Рисковать, ведь ей был уже двадцать один! Она начала неудачно, всё из-за своей лени и влюбчивости, но сейчас ей улыбнулась та Большая Удача, о которой отец не уставал напоминать, может, потому, что оплатил ей годичный курс «Европейского кино» в канадском колледже и ускоренный — в Риме, по искусству Возрождения (что дало повод

⁴⁰ Эта сцена в точности повторяет изображённую на известной картине Пьеро делла Франчески «Бичевание», которая хранится в герцогском дворце в Урбино.

заявить, чтобы её приняли на эту работу, будто она бакалавр искусствovedения). Ещё больше теперь сознавая собственную неотёсанность, она решила изменить жизнь, выбиться в люди. Паоло был слишком похож на мальчишек, каких она знала в Торонто, которые после школы поднимаются по общественной лестнице на дюйм выше своих стариков и обзаводятся маленьким домиком под огромную ссуду. А там, не успеешь оглянуться, трое вопящих ребяташек, сбжавшая жена, алименты, с работы вышибли, и вниз по наклонной без остановки.

Хотя сегодня Донна была в подавленном настроении после унижения у графа (ещё разбитая статуэтка; не следовало этого делать, но она старалась не думать о ней); пожалуй, она не против того, чтобы Паоло помог вернуть ей уверенность в себе. Вот что она сделает: купит несколько открыток и напишет пару слов в кафе «Репуб-блика», где собирается весь Урбино. Можно взять пирожное, которые они там пекут дважды в день. Или не стоит. Сплошь одно мучное: она определённо толстеет. Джеймс уже проходил на этот счёт, издеваясь над ней в своей завуалированной английской манере, которая заставляет тебя выглядеть идиоткой, если начинаешь обижаться или злиться.

Дорога до кафе проходила мимо дома Рафаэля, теперь превращённого в музей, и Донна удивилась, увидев бронзовую статую художника, голубовато-зелёную от патины, явно перенесённую сюда с её обычного места на пьядце в начале виа Рафаэлло. Переносить статуи! На минуту это сбilo её с толку. Она подумала, что для статуи выбрали странное место, поскольку улица была одной из немногих городских магистралей с интенсивным движением. И кто бы ни отвечал за перемещение, он даже не позаботился, чтобы её почистили от голубиногo помёта. И вот загаженный, как обычно все статуи, Рафаэль стоял, подняв палитру и кисти, в ожидании божественного вдохновения. Те, кто занимался переносом, к тому же забыли фигуру девятнадцатого века, которая всегда полулежала у ног Рафаэля, — «Дух Возрождения», представлявшую собой прекрасную полуобнажённую девушку, словно пробуждающуюся от долгого сна.

«Толстый старый философ в тоге больше подошёл бы в качестве символа духа Возрождения, чем хорошенькая девушка», — сказал Паоло об этой аллегорической фигуре. Донна не очень поняла, что он имел в виду, но засмеялась вместе со всеми. Ха-ха-ха. Она не понимала и половины того, о чем, чёрт бы их подрал, все они говорят. Но об этом тоже не могла рассказать отцу.

Что Донна узнала о Ренессансе после шестинедельных курсов и ещё шести недель чтения сценариев? А то, что существуют целые библиотеки, посвящённые ему, а по поводу его датировки до сих пор не могут прийти к согласию! Отчего, на её взгляд, Ренессанс становился не столько возрождением, сколько медленным пробуждением или долгим возвращением в любимые места. Католичка Донна понимала, что и ей суждено рожать, одна из сестёр ждала уже пятого, и если она что-нибудь и знала, так это то, что рождение — вовсе не какой-то чёртов путь, а стремительное, мучительное и кровавое прибытие. Разве только возрождение, вторые роды, может быть менее тяжёлым.

В этот миг Рафаэль подмигнул ей позеленевшим глазом, и опешившая Донна едва устояла на своих высоченных каблуках. Она заметила монеты в перевёрнутом берете у неподвижных ног статуи. Ну надо же! Она ещё никогда не видала, чтобы статуя выглядела настолько живой. Широко улыбаясь, она тоже бросила немного мелочи в берет, на что Рафаэль печально поблагодарил её, приложив позеленевшую руку к позеленевшей груди, и изобразил влюблённость бронзовой статуи, слегка размазав грим, с помощью которого придавал коже такой убедительно металлический вид.

Рядом с горячим шоколадом и стопкой открыток Донна положила на мраморный столик книгу названием вверх: «Придворный» Бальдассара Кастильоне, парня из Урбино, портрет которого нарисовал Рафаэль. Она слышала, как Паоло с Шарлоттой обсуждали её. Донне книга показалась жутко скучной, но она купила её, желая выглядеть человеком, способным

увлечься подобной книгой или который, по крайней мере, читает её. Всякое может случиться в такой день, когда тебе подмигивает Рафаэль!

Неожиданно Донна почувствовала, что любит Италию, всё в ней — стариков за соседними столиками, выглядящих так, словно они всегда были здесь, и ощущение, что их деды и деды их дедов вот так же сидели до них. Она не понимала, о чем они говорят, но слух улавливал, как перетекают фразы одна в другую, и речь текучей своей непрерывностью обязана тому, что все слова оканчиваются гласной, что всё связано так, как Донна не могла и представить. Ничто никогда не заканчивается, слово эротично проникает в новое слово, в новую возможность. Это ощущение висит в самом воздухе, полнит окружающее живым дыханием возможностей.

Трое стариков, сидевших на солнышке рядом с Донной, предавались воспоминаниям:

— Другому стукачу неповадно будет портить людям карьеру.

— Двое поплатились.

— Лучший способ разбираться со стукачами. Всегда так было, и всегда так будет.

— Что за песенку пел той ночью американец? — спросил старик с выправкой отставного офицера, который до этого, потягивая джин с пивом, спокойно любовался красивой молодой иностранкой, надписывавшей открытки, Девушкой, которую он последний раз видел шагающей босиком через двор апартаментов Дадо. — Он был стукач...

— Вот какую! «Камтански иптром!»

— «Упал, и башка в лепёшку, дуу-да-дуу-да», — тихонько напел старший из троицы, чей английский был лучше, чем у его приятелей.

— Шляпа в лепёшку, а не башка!⁴¹ — поправил бывший военный, любивший во всём точность. После чего, видя насмешливое выражение на лице певшего, засмеялся.

— Никогда не понимал все эти «дуу-да-дуу-да», — сказал первый.

— А что это значит?

— Да ничего не значит, просто бессмысленный припев.

Его приятель, бывший военный, замычал себе под нос:

— Дуу-да... Сразу вспоминаешь Дадо, правда? У него сейчас кое-какие неприятности, у нашего Дадо.

ЧУДО № 11 ПЕНТИМЕНТО

Пройди Донна мимо Каза Рафаэлло⁴² несколькими минутами позже, и она стала бы свидетельницей прибытия графа Маласпино, одного из нескольких жертвователей на реставрацию полотна Рафаэля. Джеймс уговорил его присутствовать на церемонии открытия обновлённой экспозиции, которую будет снимать телевидение, но Донне сказать об этом не успел. Шарлотта и оба её помощника, однако, знали о его финансовом участии в проекте, так же как и о его репутации (владельца отеля, общественного деятеля, известного покровителя искусств). Им также было известно, что он с юных лет не жил в Урбино и лишь в эти выходные возвратился из Парижа, впервые за многие годы.

Он прибыл один, никаких фанфар, чего Шарлотта ожидала от итальянских бюрократов, и, когда их представили друг другу, пожал ей руку, склонив голову, будто собирался поцеловать её. Высокий, худощавый, с длинными седыми волосами, зачёсанными назад от высокого лба, в мягкой твидовой паре из тех, что англичане, по представлениям итальянцев, носят в деревне (слишком новой и слишком дорогой для этого) и в белом кашемировом

⁴¹ В английском языке «голова» (head) и «шляпа» (hat) близки по звучанию.

⁴² Casa Raffaello (*um.*) — Дом Рафаэля.

свитере с высоким воротом, чем несколько напоминал пастора.

— Я видела его фото в итальянском «Вог», — возбуждённо сказала Анна, когда графа ещё только ждали. — Ужасно благородный вид — настоящий граф, каким их себе представляешь.

— Даже слишком настоящий! — насмешливо сказал Паоло. — Подозреваю, ретушёр постарался. Небось чуток грунтовочки, замазать трещины и смягчить оригинал, холст поднатянут вот тут? — Он пальцами натянул кожу над своими почти славянскими скулами, отчего ещё больше стал походить на молодого сатира. Или на Пака,⁴³ подумала Шарлотта. Необходимые усики имелись и козлиная бородка, острая и взъерошенная, как его чёрная шевелюра. Не хватало только рожек и пары заострённых ушей, чтобы довершить его облик сатира. Внешность Паоло, решила она, прекрасно подходила Каза Рафаэлло, где Рафаэль родился и прожил свои ранние годы. Дом принадлежал его отцу, Джованни Санти, преуспевающему независимому живописцу, и сохранил то ощущение домашнего уюта, что так нравилось Шарлотте, как и история (пусть и апокрифическая) о том, как юный Рафаэль поначалу учился растирать пигменты в открытом дворике, в который выходила кухня.

Иногда по утрам она, захватив бутылку с чаем, шла в этот дворик, где пахло плившим над крышами дымом дровяных печей, на которых готовили завтрак. Когда бывало прохладно, она сворачивалась калачиком на одной из скамей у окон, выходящих на виа Рафаэлло, примитивных каменных скамей, вырезанных в толстенных стенах дома, на которых мечтатели вроде неё оставили за века углубления, гладкие, как в брусках мыла. Сидя на этих скамьях, работая в доме, Шарлотта переживала острое, до дрожи, ощущение близости Рафаэля. Из окна ей открывался мало изменившийся с тех пор вид Урбино. Конечно, камень, которого касался Рафаэль, давно обратился в городскую пыль, но ей нравилось воображать юного Рафаэля, вглядывавшегося в ту же сужающуюся перспективу улицы двумя этажами ниже и те же большие окна домов напротив, до которых можно было чуть ли не достать рукой. Настолько близких, что сегодня утром она даже испуганно вздрогнула, увидев рядом, в окне соседнего дома, пожилого мужчину — высокого, красивого какой-то суровой красотой, с выправкой бывшего военного, — который глядел прямо в комнату, где она сидела. Он как бы измерял расстояние до неё, и в памяти тревожно мелькнул вчерашний волк или одичавшая собака. Однако в лице мужчины, хотя и хищном, не было ничего волчьего. Скорее птичье, с носом как клюв. Ястреб, ворон.

— Паоло, — сказала она, — ты случайно не знаешь, кто живёт в доме напротив, на втором этаже?

— Возможно, знаю. Как он выглядит?

Она приблизительно описала его.

— Похож на Лоренцо, отца нашего шефа полиции. Когда-то сам занимал этот пост. Настоящий старый фашист, как говорит мой отец, но сейчас — крупный коллекционер, покровитель искусств. А что?

— Да так, ничего.

Ей было трудно примириться с мыслью, что страна, которую она любила, даёт спокойно жить ветеранам войны, столь дорого обошедшейся Европе. «Нужно просто принять эти красоту и уродство, которые часто идут Рука об руку», — сказала она себе и снова сосредоточилась на форме «Состояние объекта реставрации», которую заполняла на каждом этапе работы. В первых графах отмечалось первоначальное состояние картины (включая повреждения, нанесённые полотну при предыдущих реставрациях), затем шёл перечень применённых химикатов и красок, а также тип грунта или холста при необходимости их частичной замены.

Паоло, наблюдавшего за Шарлоттой, всегда поражала тщательность, с какой она работала даже над второстепенными картинами, которые они реставрировали попутно с

⁴³ Пак, или Добрый Малый Робин, — маленький эльф из пьесы У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

портретом Рафаэлевой молчащей женщины. Хотя они с Анной провели необходимую расчистку задолго до приезда Шарлотты, ещё шесть недель назад, они не слишком заботились о материалах — с тех пор она научила их, насколько это важно. Он всё ещё беспокоился о том, что они недостаточно исследовали синтетический лак, который использовали для расчищенной поверхности «Муты».

— Нам порекомендовали... мы надеемся, этот лак не потускнеет со временем... — нервно сказал Паоло неделю спустя после знакомства с более добросовестной английской коллегой.

— Я целиком вам доверяю, — ответила Шарлотта, чем немедленно заслужила его преданность.

С тех пор он взял за обязанность ежедневно фиксировать на фотоплёнке ход её работы над восстановлением полотна. Первые недели она занималась тем, что грунтом на водной основе заполняла все выпадения красочного слоя в «Муте», затем закрашивала эти участки, используя пигменты, отобранные по принципу неизменяемости цвета и прочности. Он мгновенно увидел, как искусно она передаёт цвета, технику мазка оригинала и восполняет утраченные элементы композиции, столь чутко следуя замыслу художника, что можно было поклясться: сам Рафаэлло, нашёптывая на ухо, направляет её руку. «У неё на кончике кисти его глаза», — сказала Анна.

Когда приходила пора наносить последние штрихи, их поражало, что Шарлотта всегда снимала линзы, в которых работала на ранних, технических этапах реставрации. Она даже становилась спокойнее, чем обычно. Паоло понимал, что, стоя за мольбертом, она отрешается от окружающего, подобно монаху, готовящемуся медитировать перед священной горой.

Молодые помощники любили ощущение почти буддийского покоя, которое Шарлотта вносила в хаос их мастерской, как она раскладывала по размеру кисти и шпатели, расставляла горшочки с краской, — одно удовольствие смотреть. «Сама словно картину пишет», — сказала Анна. Зная о своём обыкновении оставлять после себя беспорядок, Паоло пытался избавиться от этой привычки, чтобы не досаждал английской коллеге, и испытал стыд, когда, придя однажды раньше обычного, увидел, что Шарлотта убирает за ним, прежде чем приступить к работе.

Они работали в бывшей мастерской отца Рафаэля, в которой до этого устраивались выставки, организованные Академией Рафаэлло. Последние шесть недель это побелённое помещение было отгорожено канатами, чтобы урбинцы и приезжие могли наблюдать, как происходит реставрация, — условие, поставленное комиссией и ненавистное Шарлотте. Она терпеть не могла этот «театр», особенно когда работала над картиной, и часто приходила в дом Рафаэля ни свет ни заря, чтобы проникнуться ничем не нарушаемым миром полотен.

Шарлотта обнаружила, что ей легче представить себе живого Рафаэля, чем в случае с художниками, о которых существовало меньше документальных свидетельств. Для этого у неё был его автопортрет, где он был изображён мечтательным юным поэтом, множество разнообразных академических исследований, его биография, написанная Вазари, который, несмотря на все погрешности, хотя бы родился ещё при жизни предмета его описаний. Вазари сам был художник, уроженец соседней провинции, так что, можно сказать, говорил на одном с ним языке. «А был Рафаэль, — пишет Вазари, — человеком очень влюбчивым и падким до женщин и всегда был готов им служить, почему и друзья его (быть может, больше, чем следовало) считались с ним и ему потворствовали, когда он предавался плотским утехам». Читая Вазари, Шарлотта начинала «слышать» Рафаэля, так же как видела по лицам его Мадонн и Магдалин, какими женщинами он восхищался.

— Другие художники писали лицо святого, — мечтательно-задумчиво проговорила Анна, — Рафаэль же мог изобразить самые мысли святого.

— И показывает нам грешника, живущего в каждом святом, — вставил Паоло без всякого почтения к святости, чем возмутил Анну, истую католичку.

Силой своего гения, говорила себе Шарлотта, Рафаэль превращал своих Святых Дев, младенцев Иисусов и старых Иосифов в живое, реальное итальянское семейство, несмотря на

ангельское выражение их лиц. Нельзя сказать, что спонсоры работ по реставрации позволяли ей выражать подобные мысли в каталоге выставки. Они удалили из текста всякое упоминание об интимной стороне его (не говоря уже о Святом Семействе) жизни, возмущённые предположением Шарлотты, что их «божественный художник» прославился своей падкостью на женщин, имел дюжины любовниц и, наконец, женился на одной из них ~- может быть, между прочим, даже на этой — Муте, которая была не аристократкой, а мешанкой, дочерью булочника. Не эта ли тайна запечатала её губы? Сам Рафаэль, конечно же, ни словом не обмолвился о её происхождении.

После всех исправлений, сделанных спонсорами, остался следующий текст: «Рафаэль воплотил взгляды гуманистов эпохи Возрождения, людей, полагавших, что занятия наукой и изучение таких языческих мыслителей, как Платон и Цицерон, способны увести человечество от мысли о врождённой греховности в сторону крепнущей веры в возможности личности».

Неплохое успокоительное. Но это их каталог, их картина, убеждала себя Шарлотта, которая, трудясь над ней, старалась ничем не проявить собственную индивидуальность. В последнее время, возможно, оттого, что работа происходила в доме Рафаэля, она стала разговаривать с ним во сне. И хотя, просыпаясь, она не помнила самих слов, всё же в ней оставалось ощущение изысканности строя и текучести того языка прошлых столетий. Я — истолковательница, говорила себе Шарлотта, археолог, проникающий сквозь слои краски предыдущих реставраторов к скрытой под ними истине; или, кем порой она казалась себе, переводчица. Подобно переводу, реставрация неизбежно несёт на себе отпечаток обычаев, пристрастий и политической жизни эпохи, в которую она производилась; каждый переводчик или переводчица отбрасывает тень от своего источника света. К примеру, Мута на портрете, заточённая в монастыре своей славы, стала для Шарлотты символом всех молчащих женщин в мире, за которых некому говорить, женщин, невидимых за завесой молчания.

Каждый день, заканчивая работу во дворце, Мута приходила понаблюдать за приятной голубоглазой иностранкой, которая бережно возвращала к жизни другую немую, дарила ей молодость осторожными пальцами. Она вглядывалась в лицо на картине (окно в стене — ещё один ночной сторож) и беззвучно говорила ей: «Знаю, чему ты была свидетельницей, я вижу волка в твоих глазах. Ты умеешь хранить тайну так же, как я». Сегодня, заметив, что тонкие морщинки на нарисованном лице исчезли и пожелтевшая кожа вновь посвежела и на ней заиграл румянец, Мута почувствовала и зависть, и обиду на милосердные пальцы. Почему надо было возвращать жизнь другой немой, а не ей, подумала она и внезапно застыла, увидев, как толпа расступилась, пропуская высокого человека, тень того, полузабытого, которого уже с трудом могла себе представить. Она ждала, что он узнает её, и следила за его взглядом, скользящим по лицам и не замечающим её, словно она была такой же бесплотной, как та, с портрета на стене. Он ли это? Они оба вернулись?

— Несомненно, она выглядит моложе, нежели, помнится, была раньше, — говорил граф. — Будто подруга детства, которая чудесным образом осталась прежней, в то время как сам я постарел.

Шарлотта с сожалением поняла, что он, видимо, ожидал от неё комплиментов своей пронизательности, какие с такой щедростью расточают итальянцы. Беспомощная, когда дело касалось светской болтовни, она стала лишь ещё сдержаннее.

— Обратили вы внимание на то, как расчистка обнажила технику сфумато, которой Рафаэль обучился во Флоренции?

— Благодаря этому его цвета так неуловимо переходят один в другой, — ответил он. — Как дым, тающий в воздухе.

— Подобная тонкость переходов — заслуга Шарлотты, — вмешался в их разговор Паоло. — Она подлинный художник.

Шарлотта покраснела от смущения:

— Я лишь знаю своё ремесло, не больше. Ретушь — прописка утраченных мест — единственное, в чем я сильна.

Она не прикидывалась скромницей. Масло, акрил, акварель; фигуративная живопись, экспрессионизм, сюрреализм — в своё время она всё перепробовала. Беда была в том, что она не могла найти себя в живописи и не видела смысла множить толпу посредственностей, вопящих: «Я! Я! Я! Посмотрите на меня! Смотрите, какая я оригинальная, какая неповторимая!» Лишённая творческой искры (о чем Джон не стеснялся постоянно напоминать ей), она предпочла реставрировать существующие шедевры, а не добавлять свою долю в кучу мусора. И тем не менее она была довольна, что удалось воскресить кремовую кожу Муты, пусть даже её изумрудное с розовым бархатное платье теперь так сияло, что один из критиков издевательски назвал реставрированную картину: «„Бенеттон" Рафаэль»,⁴⁴ отозвавшись о ней почти в тех же выражениях, что и о реставрированном потолке Сикстинской капеллы.

— Анна и Паоло намного более моего сведущи в современных научных методах реставрации, — сказала Шарлотта, признательная своим помощникам, не выказавшим ни малейшего возмущения её саморекламой. Анна, обладавшая скромным талантом, зато невероятно старательная, похоже, была рада держаться в тени, Паоло же по большей части занимался химическими анализами. — Когда я начинала заниматься реставрацией, она в куда меньшей степени была точной наукой, — признала Шарлотта.

Граф Маласпино повернулся к «Муте», которая смотрела на него с холста своими странными косящими глазами.

— Это след пентименто? — спросил он, указывая длинным тонким пальцем. — Вот тут, на её брови? — Он имел в виду шрам, открывшийся после того, как Паоло и Анна смыли старую ретушь.

След тянулся справа через лоб Муты, пересекал бровь и скрывался в глазной впадине; им, возможно, и объяснялся её упрямый, слегка косящий взгляд, отчего от всего её облика веяло подспудной напряжённостью, за что Паоло прозвал её *L'Ammutinata*, Бунтарка.

— Вижу, вы не стали снова его записывать, — сказал граф.

— В основном мы его скрыли, — объяснил Паоло. — Городской совет решил, что урбинцы ещё не готовы увидеть свою даму с таким некрасивым шрамом.

Больная тема для Шарлотты, которая воспринимала свою уступку как предательство воли Рафаэля.

— Решение... спорное, — сказала она, как обычно стараясь выразиться мягче. — Мы провели анализы и обнаружили старинные добавления, внесённые позже — и не Рафаэлем.

— Неужели? — удивился граф. — Как вы можете доказать, что шрам не был записан постаревшим Рафаэлем?

— Это больше... ощущение.

Подобное слово несколько смущало Шарлотту; наше время не доверяет чувствам, но ещё труднее было сказать: я знаю этого художника, он слишком любил людей, их несовершенство и всё такое прочее, чтобы скрывать этот шрам. Разве не Рафаэль в портрете Томмазо Ингириями, у которого было бельмо на глазу, заставил его смотреть не прямо на нас, а в сторону, так что изъян Томмазо, пусть и не во всей своей отвратительности, тем не менее честно изображён? А в портрете своего друга, Бальдассара Кастильоне, автора «Придворного», Рафаэль, хотя и прикрыл бархатной шляпой лысину писателя (которой Кастильоне очень стеснялся) и постарался, чтобы наше внимание в первую очередь притягивали его ясные голубые глаза, всё же не добавил и единого волоска его сияющей лысине.

⁴⁴ «Бенеттон» — итальянская команда «Формулы-1», принадлежавшая известной семье итальянских бизнесменов Бенеттон. Выступала с 1986 по 2001 г., когда была преобразована в официальную заводскую команду «Рено».

Но Шарлотта понимала, что всё это не научное доказательство. Пробиваясь сквозь толпу вперёд, она с удовольствием услышала Паоло:

— Граф, в ранних работах, вроде этого портрета, Рафаэль выписывал телесные тона сильно разбавленной краской, отчего другому художнику трудно скрыть свои добавления, а тут пространство вокруг шрама написано очень густо, и мазки куда менее уверенны, чем у Рафаэля.

У Паоло не было никакого желания объяснять их теории этому графу и всем прочим богатеям, министрам культуры и членам городского совета, давшим ему работу. «И чью репутацию я, в свою очередь, укрепляю, — подумал он, — хотя им не слишком нравится то, что я делаю». Ему бы сейчас следовало занимать положение повыше. И занимал бы, будь отношения в семье получше. Дед-марксист издевался над его увлечением накрашенной артисткой с телевидения.

— Скрывают пороки, вместо того чтобы обличать их. Заклеивают обоями трещины в прогнивших стенах нашего итальянского дома!

— Меня и без твоих нотаций тошнит от этой работы! — сказал ему Паоло.

— Если тошнит, — ответил дед, — то это оттого, что тебе хочется служить правящим классам, а они отвергают тебя.

Подходящий момент, подумал Паоло, льстиво улыбаясь графу. Он знал, что нужно сделать: продемонстрировать свою высокую квалификацию, чтобы произвести ещё большее впечатление на графа. Вдохновлённый этой мыслью, он подавил возмущение и предложил свой талант, как любой другой купец, выкладывающий товары.

— Масляные краски, граф Маласпино, имеют свойство сильно темнеть в первый год, а потому позднейшие добавления вскоре становятся заметны.

— Понимаю... причины распада скрываются в самом материале живописи... так же как нашего распада — в нас, как в нас.

— Да, кстати... — сказала Шарлотта. — Если вас интересует, во дворце выставлены несколько фотографий «Муты», сделанных Паоло до и после того, как мы заретушировали шрам.

— Чтобы совет увидел ошибочность своего решения? — с улыбкой предположил Маласпино.

В Муте поднялся гнев, копившийся десятилетиями, нерастраченный, не утративший силы. Она была тайной миной, которая, если бы вспыхнул запал — голос, могла взорваться и уничтожить всех, все воспоминание вызвало в ней тошноту, озноб, в голове стоял грохот, она чувствовала, будто поднимается к безмолвию, над толпой, сквозь потолок, крышу, в вышину вместе с парами кружащих чёрных воронов, пока не увидела всю Урбинскую провинцию, раскинувшуюся внизу, развалины Сан-Рокко вдалеке — только сейчас Сан-Рокко не был разрушен, снова цел, и она падала, она больше не парила над ним, а падала в озеро льда, где опять замёрзла, оказалась в их власти. Она чувствовала, как гнев растёт в ней, но в момент, когда уже думала, что не сможет сдержать его, двое охранников начали выпроваживать публику из зала. Часы посещения закончились.

Она протолкалась сквозь те же старые лица, приходящие, уходящие и никогда не меняющиеся, на свежий воздух, где снова могла дышать и подумать над тем, что она увидела и что теперь должна делать.

ЧУДО № 12

СПИРАЛЬНЫЙ ПАНДУС

С того дня, как тот, её волк, сделав петлю, прибежал в поисках спасения в Сан-Рокко, Мута знала, что он следит за ней. Её волк. Идя долгой дорогой в город, она чувствовала, что

этот неотступный волк, этот *Canis Lupus*,⁴⁵ следующий за ней по пятам, всегда тут — напоминающий о себе, преследующий, не отстающий — до мощёной дороги за Сан-Рокко, где он наконец исчезает, когда вдали появляется город при дворце.

Сегодня тёплое октябрьское солнце превратило купола, конические шпили и висячие сады Урбино в мерцающее обещание избавления. Ненадёжное обещание (голубую скорлупу неба можно было разбить чайной ложечкой), и тем не менее немая верила ему. Она глубоко вздохнула, расправив худую грудь, и подняла глаза к похожей на мельтешение конфетти схватке голубей и ворон над дворцом герцога Федерико, ища какой-нибудь Добрый знак в этом ежедневном столкновении чёрного и белого. Вороны, слишком чёрные против света, срывались с балконов меж дворцовых башен-близнецов и взмывали ввысь, похожие на пулевые отверстия в форме птиц в синем холсте картинного неба, сквозь которые чернела запредельная тьма. Ничего нового по сравнению с другими днями, разве, может быть, сегодня воронье сборище многочисленней. Однако, добравшись до Рыночной площади, она почувствовала, что может когтями и зубами проложить себе путь в плену меховой тишины. Чувствовала себя... живой! Живой, дышащей свидетельницей. Живой, хотя должна была умереть.

От широкой Рыночной площади до подножия башен-близнецов герцогского дворца идёт ограждённый стенами проход с плоскими мелкими ступенями, поднимающимися широкой спиралью, изначально спроектированный так, чтобы соответствовать шагу лошадей, возвращающихся в герцогские конюшни. Представьте себе этот спиральный пандус как чуткое внутреннее ухо города, которое он напоминает, если ухо можно целиком построить из типичного для средневековых итальянских зданий узкого кирпича цвета раковины изнутри. Слуховая способность пандуса, конечно, известна его древнему сторожу, который постоянно проклинает его (будто пандус и в самом деле способен слышать). «*Auricula!*» — выплёвывает он, непристойно поминая ушко Девы Марии, через которое, говорят, она понесла от Бога. «*Ragazzi sporcanoper tutto!*»⁴⁶ — ворчит он на каждого, кто остановится послушать его жалобы на пачкотню, появляющуюся на стенах. А сам со злобным презрением к женскому роду тайком марает на стенах пандуса всякую грязь, сопровождая её отборной похабщиной, прибережённой для женских половых органов.

Первые граффити появились на стенах пандуса пятьсот лет назад, условный шифр для проходящих и уходящих, молчаливый перечень сплетен и трагедий. Возьмём, к примеру, некоего «Чезаре», который нацарапал своё имя, сгорая от любви к своей девушке, «Анжеле», которая вскоре стала его женой и которую он спустя десять лет убил автомобильным домкратом. Чуть поодаль — намного более старый автограф: «Франческо», который пришёл в Урбино строить первый постоянный театр и оставил после себя тридцать внуков и бог ведает сколько правнуков и прапраправнуков, чьи автографы красуются рядом. Вроде подписи Карлы Джентили, шестнадцати лет, отважнейшей партизанки, расписавшейся здесь за два года до того, как она встретила своего возлюбленного Франца, немца, который был повешен нацистами рядом с ней за отказ взорвать стены Урбино. Рядом с именем Карлы вы найдёте слова: *SEMPRE VIVA*,⁴⁷ вырезанные в начале 1960-х её незаконнорождённым сыном (от Франца, как все подозревают), в то время студентом Урбинского университета. В том, как ровно вырезаны буквы, чувствуется рука будущего хирурга; эту профессию он выбрал по

⁴⁵ Серый волк (*лат.*) .

⁴⁶ Парни пишут тут всякое! (*ит.*) .

⁴⁷ Вечная жизнь (*ит.*) .

примеру мюнхенского деда Франца, что подкрепляет городскую сплетню. Фашисты и футболисты, художники и декораторы — все здесь. Включая другого Франческо, Франческо Мадзини, отметившегося на стене, когда у него ещё были надежды и иллюзии, до того как он стал игроком, пьяницей, продажным копом. До того, как сменил фамилию и профессию и открыл укрепляющее свойство сицилийского мороженого.

Каждый день, идя на работу, немая поднималась по этим спиральным, как ушная раковина, ступеням, уже шестнадцать лет, с тех пор как их реставрировали в 1977 году, поднималась вместе с нескончаемыми группами туристов, студентами, изучающими историю и архитектуру. Она никогда не пользуется новым механическим лифтом, как другие. Не останавливается, как это делают другие, чтобы восхищённо любоваться искусной конструкцией пандуса, задуманного блистательным сиенцем Франческо ди Джорджо Мартини, который в последние десятилетия пятнадцатого века столь много сделал для соединения ренессансной чистоты со средневековой усложнённой герцогского дворца.

Немая, зная лишь живую историю отдельных кирпичей, поднимается, испытывая истинное удовольствие в этом закручивающемся, изящном туннеле, чьи розовые витки и кольца напоминают ей громадную раковину. Ей хочется приложить к уху её пустотелый овал и слушать, она скользит руками по розовато-желтоватому кирпичу, чувствуя под пальцами умолкшие и звучащие голоса, утешая их. Она слышит в голове их шёпот: любовников, которых сменяли новые любовники, историй, смешавшихся с прахом, как её история.

Встречаясь с ней на широких ступенях, другие работники дворца обходят её стороной, неосознанно избегают, как они избегают ходить под лестницами. В стране, где обожают шум, суету и толпы, где каждая машина и мопед норовят обогнать друг друга, эта одинокая женщина кажется странной, её молчание — как обвинение.

Даже сторож не любит её. Непонятно почему, поскольку немая, как говорят, не умеет ни читать, ни писать, он причисляет её к группе хулиганов, которые бессмысленно царапают и пишут краской из баллончика свои имена на кирпичках, которые он охраняет. Он уверяет, что у неё *Il malocchio*, дурной глаз. Говорит, что она выглядит слишком молодо для своих лет. Ему столько же — а посмотрите на него! Высокая, как мужчина, с прямой спиной, упорно не стареющая, словно ведьма, Мута заставляет и других суеверных людей задаваться вопросом: какой договор она заключила и с кем? От взгляда этих блестящих, будто зеркало, глаз становится не по себе; видишь волчицу в клетке. Если она и не дьявольское отродье, то уж точно опасна. Опасное напоминание о том, как чудеса могут помешать естественному ходу вещей, расстроить самые выверенные планы.

ЧУДО № 13 ОБМАНЧИВОСТЬ ПЕРСПЕКТИВЫ

Придя во дворец утром, когда предстояло вернуть картину Рафаэля на старое место в салоне герцогини, Шарлотта прошла через крытый вход во внутренний Двор Славы, хранящее тишину четырёхугольное пространство, опоясанное стройными коринфскими колоннами с высокими арками между ними, которые придавали ему невероятное ощущение лёгкости. Совершенство их пропорций подчёркивалось тонкими перекрещивающимися линиями из белого мрамора, выложенными в мощённой красным кирпичом «в ёлочку» площади двора и похожими на меловую разметку архитектора, увековеченную в камне. Шарлотта едва обратила внимание на высокую женщину с метлой, стоявшую в эпицентре этих пересекавшихся линий. Урок, что необходимо заглядывать в будущее. Ещё одно незамеченное предостережение. Как обычно, Шарлотту больше занимало прошлое. Она думала о том, что Французский философ Жан Старобинский⁴⁸ назвал «architecture parlante»,

⁴⁸ Старобинский Жан (р. 1920) — швейцарский историк культуры, литературный критик. Представитель так называемой женеvской школы, автор трудов о М. Монтене, Ш. Монтескье, К.-Ж. Руссо, статей о творчестве П. Делана, И. Бонфуа, Ф. Жакоте и др.

или говорящей архитектурой, о сооружениях, заявляющих о своих задачах и значении, как этот совершенный внутренний двор. Было такое ощущение, будто она вышла на сцену, лишь недавно освобождённую каким-нибудь великим оратором классической эпохи. За одной из изящных колонн мог ожидать своего выхода призрак Платона, за другой — тень Сократа. Или, уменьшившись, как Алиса (детская фантазия), она могла шагнуть в «Идеальный город». Эта картина была среди её самых любимых в собрании дворца; она изображала прекрасную площадь утопического города эпохи Возрождения, странно безжизненную, не считая пары голубей. Даже восьмигранные фонтаны «молчали». Отсутствие людей на пустой площади и строгая перспектива, по которой были расположены воображаемые здания (тоже пустые), навели Шарлотту на мысль, что таинственным анонимным автором картины мог быть зодчий, работавший в Урбино в пятнадцатом веке, — возможно, сам Лаурана, главный зодчий дворца.⁴⁹ В пользу подобного предположения говорило то, что многие архитекторы не любили, когда их сооружения представляли беспорядочной толпе, тогда как художники, имея дело с хаосом жизни, были терпимей к людскому шуму и суете.

Шарлотта не замечала женщину на этих сходящихся линиях перспективы, но обратила внимание на странно стальной свет, заливавший двор. Подобная же расцветная чистота пронизывает «Идеальный город», решила она, и это вместе с царящей на картине (и здесь сейчас) выразительной, почти выжидательной тишиной рождает ощущение, что сцена вот-вот оживёт. Появятся актёры, и начнётся Возрождение. Заиграют фонтаны, запоют бродячие музыканты, зазвучит оркестр.

— Название картины Рафаэля «Портрет Дамы», или, иначе, «Мута», можно перевести и как «немая», и как «молчащая женщина», — начала Донна и тут же захихикала, услышав шёпот итальянца звукооператора:

— Молчащая женщина — что за оригинальная и интересная концепция!

— Дубль второй! — крикнул Джеймс, и Донна вернулась к началу.

На сей раз она спокойно, даже ресницы не дрогнули, упомянула о щедрой финансовой поддержке со стороны графа Маласпино (она чуть не послала всех куда подальше, когда утром читала исправленный вариант!) и о возвращении картины после многомесячного отсутствия на её место здесь, в урбинском Палаццо Дукале, герцогском дворце.

Пока всё хорошо. Следующий абзац был посложней — даже с большим количеством терминов, чем тот вариант, на котором Шарлотта безуспешно пыталась настаивать неделю назад. Она не стала бы торопиться вставлять все эти словечки, думала Донна, если бы дальше пришлось зачитывать чёртов текст самой. Сделав глубокий вдох и помня, что нужно улыбаться, она очертя голову бросилась вперёд:

— В этом портрете Рафаэль заимствовал у старых фламандских мастеров обычай помещать внизу картины выступ, на который женщина явно опирается рукой. Но «Мута» протягивает палец дальше и, такое впечатление, Давит на раму картины, желая распахнуть её, как створку окна, — Донна безнадежно попыталась перевести дух, не Делая паузы, — эта рука с вытянутым пальцем усиливает трение...

— Впечатление, — поправила её девушка — помощник режиссёра, сверяясь со сценарием.

— ...впечатление трёхмерности картины, которую мы созерцаем.

«Созерцаем! — подумала Донна. — Кто, чёрт её подери, сейчас так говорит!»

⁴⁹ Лаурана Лучано (1420–1479) — итальянский архитектор и живописец, прославленный при жизни и забытый на три столетия в результате пренебрежительного отзыва о нём Вазари, пока в конце концов не был окончательно признан непосредственным учителем Браманте и Рафаэля и предтечей Высокого Возрождения в архитектуре.

— Отлично, Донна, — похвалил Джеймс, — но... мм... не могла бы ты вернуться ещё раз к началу?

Донна сделала, как её просили, и двинулась дальше:

— В её вытянутом пальце, как и в сжатых губах, содержится намёк на то, что она отнюдь не замкнулась в прошлом, а знает тайну, которую могла бы, если бы захотела, поведать нам; однако она предпочитает молчать... Эй, Джеймс? Почему я не могу сказать просто: «Если бы эта картина умела говорить, она могла бы кое-что рассказать нам?»

— А потому... — взорвалась Шарлотта и резко остановилась, поймав иронический взгляд Джеймса.

— Шарлотта? Ты не находишь, что это неплохой вариант?

— Нет, — ответила Шарлотта более сдержанно. — Нет, я против, потому что... среди того, чем интересна эта картина, чуть ли не главное — это... эта таинственность её молчания. Именно её молчание говорит... говорит разным сторонам нашей души... порождает сомнение, даже разрушает убеждение... тогда как... тогда как... посредственное искусство просто заявляет то-то или то-то.

Не успев закончить свою страстную речь, Шарлотта пожалела, что не сдержалась, поскольку понимала, сколь уязвимой станет, если режиссёр не примет её точку зрения. И Джеймс, конечно же, сухо заметил, что в данном случае, принимая во внимание зрителей, он согласен с Донной, которой и сделал знак начать снова.

Донна заметила, как Джеймс, вращая глазами, показал на неё оператору кивком головы, и решила, что он подсмеивается над её неспособностью прочесть текст, увидела она и как Шарлотта осуждающе сложила губы гузкой, словно собираясь сунуть в рот два пальца и лихо свистнуть, подзывая таксиста. Сзади подошла уборщица и присоединилась к зрителям. «Господи Иисусе, — подумала Донна, — отчего бы не созвать всех на свете, чтобы они полюбовались, как я тут срамлюсь!»

Вскоре очередная неприятность:

— ...точно так же, как в Ватикане, Рафаэль использовал архитектурные экстременты... а, ч-чёрт!

— Дубль пятый.

Глубокий вдох, ослепительная улыбка, выдох-вдох:

— ...Рафаэль использовал архитектурные элементы, чтобы скрыть...

— Скрыть, а не скрыть, — поправила помощница режиссёра.

— Дубль шестой.

— ...архитектурные алименты...

Она увидела, как жена графа что-то шепчет на ухо ему, а потом Анне. Все трое кивают и улыбаются.

— Седьмой.

Донна чувствовала, что теряет контроль над собой, прежде чем слова перепутались на языке:

— ...архитекторы, чтобы скрыть экстременты... зараза!

Охранник, уловив, что атмосфера накаляется, оторвался от «Зрителя», дешёвого тележурналистика, и поднял голову. Съёмочная группа открыто ухмылялась, но Джеймс, сделав над собой усилие, перечеркнул длинный абзац и нервно сказал:

— Ладно, Донна. Пропустим это место и начнём вот... вот отсюда, с середины страницы.

Шарлотта смотрела, как глубокие идеи, которые она пыталась высказать в сценарии, безжалостно вычёркиваются, выхолащиваются во имя простоты. Неужели в эту эру фаст-фуда людям нужно всё разжёвывать и класть в рот? Неужели всё, что нельзя получить быстро, с помощью ли скальпеля пластического хирурга, или персонального тренера, или стопки банкнот, не вызывает Доверия? Целью было равенство — быть равно невежественными, славить невежество. В этом дворце живёт отголосок ренессансной души герцога. Она старалась сосредоточиться на купидонах лепного фриза огромного зала и бараньих рогах по

стенам, только чтобы не чувствовать резкого запаха лосьона после бритья, которым обдавал её стоявший рядом священник. Он носил эспаньолку и очки по последней моде, не сочетавшиеся со старинным покроем его сутаны. С ним — она даже вздрогнула, заметив его, — стоял пожилой господин с военной выправкой, которого она видела вчера утром из окна рафаэлевского дома; сейчас он не сводил глаз с графа.

— Дубль восьмой.

Паоло, от которого не ускользнуло, как напряжено лицо Донны и что под мышками у неё расплылись тёмные круги, хотелось как-то помочь ей. Опустив глаза, стиснув кулаки, он переживал все её ошибки как собственные; он желал ей успеха. Когда Джеймс бросил оператору что-то едкое на её счёт, Паоло зло посмотрел на него, так глубоко его ранило замечание, словно предназначалось ему. Он говорил себе: она слишком молода для этого, они её доконают. Ему хотелось увести её, пока её окончательно не уничтожили.

— Девятый.

Голова и руки Донны дёргались, как у пластмассовой куклы.

Десятый... Одиннадцатый... Двенадцатый...

Цифры и слова отзывались пульсирующей головной болью. Язык повиновался с трудом. Обыкновенные слова — «палец», «рама» — звучали бессмысленно, словно иностранные. Все прикрывали ладонью улыбку или зевок. Неужели даже уборщица смеётся? Вот, даже подошла ближе, чтобы получше разглядеть запинаящуюся канадку, поставившую себя в глупое положение.

Только после четырнадцатого дубля Джеймс спросил Донну, не нужен ли ей перерыв.

— Нет, я в порядке. Думаю, думаю... — Голос у неё дрожал, она готова была расплакаться. «Возьми себя в руки, несчастная». — Думаю, надо окончательно разобраться с этой фразой. А потом начну сначала, если необходимо. — Она опустила глаза на носки своих туфель и взмолилась: «Господи, ну пожалуйста, если проскочу на этот раз, обещаю, что никогда не скажу ни единого дурного слова об этой старой суке... о Шарлотте, и сегодня же вечером напишу длинное письмо маме, и...»

Она подняла голову и увидела Паоло, единственного, на чьём лице было написано сочувствие. Донне, сознающей свою красоту и не упускающей лишней раз утвердиться в этом сознании, подобно людям в новых туфлях, поглядывающим на себя в стекле витрин, Паоло был подтверждением, что она больше не толстая нелепая девчонка из Торонто. Его глаза, желающие ей успеха, придали сил, и ей удалось произнести весь текст с начала; ни одной проклятой точки с запятой не упустила. Она вся взмокла, колготки прилипли к заднице, бог знает как она выглядела, когда пересекла финишную...

Чёрт! Последнюю фразу произнесла слишком быстро. Она больше не может... не при этих физиономиях... Граф кивает и улыбается, кивает и улыбается...

Когда и оператор одобрительно подмигнул, в мониторах вспыхнула ослепительная улыбка Донны; вслед за ней с облегчением улыбнулся и Паоло. Джеймс прокручивал плёнку назад, проверяя звук и свет, но группа, Шарлотта, все в зале знали: у неё получилось. Озвучивая «Муту» дрожащим голосом невольной свидетельницы, Донна привнесла душу в скучный сценарий, живая говорящая красавица словно слилась с безмолвным образом, о котором рассказывала. Две женщины в кадре: одна на холсте и в деревянной раме, другая на киноплёнке.

Отказ Донны сдаваться даже у Шарлотты вызвал сдержанное уважение. Это было отвратительно, отвратительно, говорила она себе, каждый замечал малейшую ошибку, считая, что может сделать твою работу лучше. Она старалась судить о девушке объективно. Лицо, которое, несомненно, понравилось бы Рафаэлю, но что он открыл бы в этих чертах? «Кого она напоминает мне... другую фатально притягательную женщину. Эмму Гамильтон, вот кого! Ромниевский⁵⁰ красочный портрет возлюбленной Нельсона: то же чувственное, с полными

⁵⁰ Ромни Джордж (1734–1802) — модный в Англии конца XVIII в. салонный художник-портретист. Избегал любого проникновения в характер и чувства изображаемого человека. Был болезненно увлечён Эммой Харт

губами и румяными щеками, тёмными бровями и римским носом, треугольное, сужающееся к подбородку лицо. Хотя Шарлотта сомневалась, что Донне на роду написано трагически умереть, как Эмме. Если канадка[object Object] глупой, то она просто «разыгрывает из себя дурочку», как выразился кто-то в съёмочной группе, и с её несомненным даром мимики вполне возможно, что новые идеи и новый словарь, поначалу отскочив от неё, в конечном счёте могли к ней прилипнуть... как ком грязи, брошенный в стену, подумала Шарлотта, тут же отказавшись от смягчившегося было мнения о Донне.

— Превосходно, Донна! — крикнул Джеймс. — Теперь представь графа Маласпино, затем выйди из кадра, и он отдёрнет покрывало.

«О, этот граф не смутится», — сказала себе Донна, не сомневаясь, что на этой церемонии он чувствует себя так же легко и свободно, как в своём английском костюме. Сама любезность и очарование, привыкший к всевозможным официальным мероприятиям (как она знала), он послал камере улыбку профессионального лицемера-политика, а затем заговорил о том, с каким восторгом он и его супруга оказывали финансовую поддержку реставрации.

Бла-бла-бла... Донна сладко смотрела на него, подняв брови в простодушном внимании. «С каким наслаждением, — думала она, — я вонзила бы свои пятидюймовые шпильки в его сонные глаза. Наступила на его длинный нос. Как это Шарлотта назвала его? Патриций. Я схватила за его длинный патрицианский член, такой же, наверно, длинный, как его патрицианский нос, и отхватила бы то и другое обычными ножницами».

Граф Маласпино протянул руку, ни на миг не отводя глаз от объективов телекамер, и отдёрнул бархатный занавес, скрывавший «Муту».

— В заключение.

Секунду пожилая уборщица стояла в толпе зрителей, в следующую прыгнула вперёд — то ли к портрету, то ли к графу или к ним обоим. Яростно ударила графа в лицо, которое залилось кровью, пронеслась дальше, так велика была сила прыжка, и пропорола кремовое горло рафаэлевской «Муты», выхватив дюймов шесть холста. Потом повернулась к толпе собравшихся: грудь тяжело вздымается, на руках кровь, дикие глаза прищурены. Это был миг фатального всеобщего оцепенения, один из тех, что, когда к ним возвращаешься в памяти, растягиваются в часы. Затем уборщица рванулась прочь.

— Нож! У неё был нож!

— Нет! Это её ногти, я видела их — когти!

Донну не слишком шокировало, что в душе она радовалась тому, как была прервана речь Маласпино. Теперь граф Неотразимый просто стоит там, на неотразимой харе кровь, и на неотразимом костюмчике кровь, сегодня уже больше не повитийствует, нет, сэр! Девушка обвела взглядом взволнованные лица вокруг. Скандал! Насилие! Все довольны, надоела им эта бесконечная говорильня, никого не колышет, что стало с картиной... кроме Шарлотты. Донна не могла поверить. Мисс Щепетильность смотрела на Рафаэля такими глазами, белыми, пустыми глазами! Можно подумать, зарезали ребёнка!

В полной тишине, повисшей в зале, отчётливо слышалось эхо шагов убежавшей уборщицы, которая была уже в холле. Вдруг все закричали, засуетились. Двое охранников бросились вдогонку уборщице. Шарлотта увидела, что Лоренцо говорит с тремя мускулистыми мужчинами в неброских тёмно-серых костюмах, и вскоре троица двинулась вниз, в холл, вслед за охранниками. Донна пыталась протиснуться сквозь толпу к Паоло, обычно оживлённому, но так переживавшему за неё, когда она боролась со сценарием. Всё, что она хотела, — это поблагодарить его за поддержку. Или... может, не только. Но публика, жаждавшая увидеть, что случилось с графом, останавливалась, чтобы пожать ей руку, поцеловать в щёку, потрепать по волосам, похлопать по плечу и сказать, какая она *brava ragazza, bella ragazza*,⁵¹ словно хорошенькая девушка послужила талисманом, уберёгшим

(ставшей впоследствии леди Гамильтон) и написал более пятидесяти портретов «божественной Эммы» в самых разных видах, от вакханки до Жанны д'Арк, почти всё по памяти.

51 Смелая девочка, красивая девочка (*um*) .

высокого аристократа от большей беды.

Паоло хотелось стиснуть Донну в объятиях, погладить, увести куда-нибудь, где они могли бы быть одни. Он представлял, как слизывает с неё пот под грудями, между ног. Он на секунду зажмурился и попытался думать о чем-нибудь другом. Лак. Грунтовка. Когда снова открыл глаза, стена урбинских VIP-персон надвинулась на Донну, отжав её назад, в круг людей вокруг графа и его озабоченной жены, жадно пялясь на кровь на его пиджаке и поздравляя Донну с мужественным поступком.

Мута остановилась перевести дыхание и почувствовала, как пол под её ногами сотрясается. Погоня быстро приближалась. Она повернулась и побежала, ведя их из зала в зал, из комнаты в комнату, и за её бегством следили стены с ангелами, святыми и шепчущимися придворными, которые, знала она, никогда не выдадут её. Она стирала пыль с каждой улыбки и раны, с каждого измученного тела в этих рамках.

Здесь, на северной стороне, самой дальней от Двора Славы, дворец сдавливался скалой, огромным каменным отростком которой казался сам. Комнаты принимали необычные формы, огибая её, и самые необычные были вокруг второго двора. Они становились всё меньше и меньше, образуя путаный лабиринт гардеробных, вестибюлей и личных часовенок, соединённых винтовыми лестницами внутри дворцовых башен-близнецов. В центре этого лабиринта находилась самая маленькая из всех комнат дворца — крохотный кабинет герцога, где некий маг инкрустации сумел уместить все символы ренессансной культуры в пространстве размером не более приличного буфета. В кабинете не было мебели, не было ничего, кроме идей; его стены от пола до потолка были покрыты сценами со сверхъестественной перспективой, преодолевавшей плоскость поверхности. Стенные шкафы *trompe l'oeil*⁵² с решётчатыми экранами, казалось, открываются в комнату с полками, уставленными *trompe l'oeil* мандолинами и *trompe l'oeil* измерительными инструментами. *Trompe l'oeil* белка грызла орех на *trompe l'oeil* балконе, а дальше простиралось целое *trompe l'oeil* царство, славящее превращение Федерико из воителя в мирного человека. Это был центр, сердце дворца. Без всякого преувеличения.

Мута, спрятавшись за массивной створкой двери в кабинет, смотрела на входящих охранников. Людей, новых во дворце; она не узнавала их лиц. Охранники застыли на месте и озирались вокруг.

— Глянь-ка, Микеле! — сказал тот, что постарше, указывая на доспехи, которые, казалось, висят на крюке, прибитом к двери.

Его молодой напарник изучал инкрустацию, изображающую кипу книг, как бы небрежно разбросанных в шкафу, которых игра света делала объёмными.

— Ты это видел, Лео?

Они должны были увидеть её, спрятаться было негде. Стискивая нож, Мута прижалась к стене и представила себе, что она такая же неподвижная и коричневая, как Деревянные книги. «Я была многим, пока не стала такой, как сейчас. Я была узким лезвием, улыбкой на портрете, словом в книге».

Охранники ушли, даже не взглянув на дверь, которая едва скрывала, а по правде сказать, совсем не скрывала её. Когда пол перестал сотрясаться, она скользнула вниз по спиральной лестнице внутри башни; в кармане у неё лежал ключ, который открыл дверь в зеркальный подземный мир дворца, сводчатые кирпичные подвалы, похожие на холодные катакомбы, в которых Мута знала место, где никто не станет её искать, а если станет, то не найдёт.

Поскольку дворец сегодня был закрыт для всех, кроме сотрудников и VIP-персон, свет везде был выключен, горели только указатели аварийных выходов. Единственным

⁵² Изображение, создающее иллюзию реальности (*фр.*) .

проводником в тёмном сыром пространстве был ей лоскут синего неба, синего, как плащ Мадонны.

Снаружи на двери комнаты висело предупреждение, которое она не читала или не могла прочесть:

*PERICOLOSO !*⁵³ *В этой комнате находится neviера* ⁵⁴*глубокий сужающийся колодец, который наполняли снегом из всячего сада наверху. Остерегайтесь приближаться к отверстию колодца, который обветшал за столетия и может обрушиться.*

ЧУДО № 14

ГАЛИЛЕЕВ ЗАКОН ПАДЕНИЯ ТЕЛ

Охранники вернулись через герцогскую залу для аудиенций и в следующей комнате встретились с людьми Лоренцо.

— Мы обшарили весь дворец, — заявил Микеле с гордостью.

— А подвалы проверили, Лео? — спросил человек Лоренцо пожилого охранника, бывшего троюродным братом его свояку.

— Из башни туда без ключа не попадёшь.

— У тебя должен быть ключ.

Лео посмотрел на Микеле, который покраснел и бормотал, запинаясь:

— Нет, правда, я...

— Эта телезвезда его ослепила, — сухо сказал Лео. — Он случайно оставил их внизу.

— И она, уборщица, забрала их, да?

— Ну...

— Надо проверить подвалы.

Войдя в пологий туннель, ведущий под землю от Двора Славы, Лео застегнул до горла молнию тонкой форменной куртки. Это был человек за шестьдесят, усталый, спокойный, с острым лицом, который ощутил сырой холод задолго до того, как пятеро людей дошли до указателей, ведущих к древнему леднику.

— Брат постоянно тут работает, так я и получил сегодня работу, — сказал более разговорчивый Микеле людям Лоренцо. — Я обычно выполняю особые задания, понятно, что это значит? — Он многозначительно подмигнул. — Брат — его сегодня нет, заболел, не то бы он порассказал такого об этом месте, вы б не поверили! Он знает подвалы как свои пять пальцев и говорит, что тут почти столько же комнат, как наверху, — продолжал Микеле, довольный возможностью похвастать, что тоже кое-что знает, пусть и меньше брата. Не обращая внимания на его болтовню, остальные четверо остановились в сводчатом коридоре, чтобы свериться с планом подземелий.

— Этот план показывает только такие помещения, которые легко было определить, — сказал Микеле, — кухни, прачечные, красильни и турецкие бани герцогини. А ещё конюшню и седельную мастерскую.

— Господи Иисусе, только взгляните на эти чёртовы колодцы! — изумился один из лоренцовской троицы, не обращая внимания на этого идиота, который явно надеялся произвести на них впечатление, чтобы они замолвили за него словечко перед боссом. — Она может быть где угодно.

— Это только те, которые реставрировали, — встрял Микеле. — Их ещё много под этими полами вместе со сточными трубами и желобами, куда смывают конский навоз и мочу.

Человек, явно бывший старшим над людьми Лоренцо, сморщился, как от жужжания надоедливой мухи.

⁵³ Опасно Погреб-ледник (*ит.*).

⁵⁴ для жизни! (*ит.*)

— Вот тут, в конце коридора, — спросил он Лео, — это выход из башни, куда можно попасть из кабинета герцога? — Лео кивнул, и он приказал: — Начнём отсюда.

Не прошли они и нескольких метров вниз по коридору, как Лео показал на следы, едва видневшиеся на сыром кирпичном полу.

— Она должна быть в *nevièra*, — сказал он. — Оттуда нет выхода.

— Я встану у двери, — откликнулся один из людей Лоренцо. — На случай, если она прошмыгнёт мимо вас, когда отопрёте.

Как только оба музейных охранника скрылись из виду, он переложил нож в другой карман, чтобы был под рукой.

Мута осторожно перебралась через осыпающийся край колодца и стала медленно спускаться по стене, почти неощутимо скошенной внутрь. Внизу был полный мрак. Её обдало волной ледяного, влажного холода. Переводя дух, она подняла глаза к утешительному свету ясной луны небес. Вдруг в тесной комнате наверху вспыхнул факел, пальцы у неё соскользнули, и она на метр съехала вниз, хватаясь за крепкий папоротник. Ноги никак не могли найти опоры в мшистых стенах колодца; она повисла на пальцах, вцепившись в щели между кирпичами, и шарила ногами, ища поросль, которая выдержала бы её вес.

— Не подходи к краю, — сказал Лео человеку Лоренцо. — Может обрушиться. — Он показал на предупреждение.

— Сам грамотный, читать умею, — ответил старший.

Палец света пополз к ней по кирпичам, и Мута вжалась в стену. Холод вливался в уши, и ей слышался голос, зовущий вниз, в воду, подёрнутую тонким ледком и оттого больше походившую на стекло.

— Это колодец, — сказал Микеле. — Сюда набивали снегу, чтобы хранить еду и выпивку. Видите дыру наверху? Там висячий сад...

— Заткнись ко всем чертям! — выругался старший над людьми Лоренцо. — Фредо, посвети своим факелом сюда, куда я свечу. Кажется, я что-то вижу.

Фредо послушно шагнул вперёд.

— Туда, где начинаются мох и папоротник.

Оба склонились над отверстием колодца и направили свет факелов на руки Муты, ставшие чёрно-зелёными, когда она скользила, цепляясь за кирпичи и папоротник. Она вцепилась пальцами ещё глубже, чувствуя, как острые крошки извести впиваются под ногти.

— Посмотри! Это не... — начал Фредо.

Дальнейшие его слова потонули в треске, а затем в грохоте кирпичей и известки, когда весь край колодца обрушился после пятисот лет хрупкого равновесия, увлекая его за собой. Пуговицы его куртки больно прошлись по спине Муты, кирпичи били по плечам, рвали за длинные распущенные волосы, запрокидывали голову назад, как запрокидывают оленю, когда ему перерезают горло. Она почувствовала, как вздрогнула земля, когда он ударился о дно, и новую волну холодного воздуха, пронёсшуюся по шахте колодца. Заледневшие пальцы, казалось, больше не могут цепляться за камни.

Наверху шум и сумятица продолжали нарастать; перебивая друг друга, все горячо спорили о том, что всё-таки произошло.

— Молча, как пантера, — сказал парень-англичанин из съёмочной группы. — Жуть! А с какой силой! Метнулась, словно снаряд из пушки!

— Очень хладнокровная, — поддержал его приятель. — И вид у неё был такой злобный.

— *Une vraie louve* !⁵⁵ — согласился француз осветитель.

55 Настоящая волчица (фр.).

Louve , подумала Шарлотта: старинное слово, означающее волчицу или похотливую женщину.

Оператор объяснил Джеймсу, что во всеобщей суматохе его камеру повалили, так что он сумел снять один хаос бегущих ног. Ни одна из камер слежения не была направлена на картину, и обе не записали ничего, кроме паники в зале.

Только Шарлотта и священник обратили внимание на то, что происходит с «Мутой». Священник упал на колени и перекрестился, ещё раз призвав толпу замолчать. Они смотрели, как на пробитом холсте появляется красное пятно и медленная струйка стекает вниз, в точности как кровь, хлынувшая из щеки графа и залившая его шикарный английский пиджак.

— *Miracolo* !⁵⁶ — воскликнул священник, указывая дрожащей рукой на картину.

— Чушь! — раздался мужской голос, и Шарлотта увидела, что кричит какой-то сомнительного вида коротышка из группы людей вокруг мэра, с щеголеватыми рыжеватыми усиками, которые делали его похожим на хорька. — Никакое не чудо, — настойчиво продолжал он; очки с толстыми стёклами соскользнули ему на кончик носа, и он поправил их нетерпеливым жестом. — Просто кровь графа попала...

— Нет, профессор Серафини! — сказал один из местных разумников, когда-то благочестивый католик, теперь бывший. — Смотрите: кровь ещё течёт.

В этот момент двое оставшихся людей Лоренцо и двое охранников ворвались с криками о помощи, но люди в зале, растерянные от чудесного появления крови и от воплей молодого охранника о потайных коридорах и нарушениях мер безопасности, не слышали их. Но наконец вызвали «скорую», полицию и пожарных, пока Микеле громко продолжал сетовать, грозя неприятностями от профсоюза и доказывая, что потому слишком поздно отреагировал на нападение уборщицы, что ему помешали важные персоны, окружавшие графа. Он вопрошал, входит ли в их обязанности как музейных охранников арестовывать вооружённого и жестокого преступника. Упомянул о забастовке. Он был уверен, что они заслужили хотя бы минимальную прибавку к зарплате за опасную работу, если подобные случаи станут регулярными. Лео сел на скамью и искал в «Зрителе» место, на котором остановился в рассказе о победителях лото, сорвавших куш на этой неделе. Диву даёшься, думал он, на какие пустяки люди тратят выигрыш. Он, когда выиграл, собирался вылечить катаракту у матери, чтобы она могла снова смотреть любимые телепрограммы, а потом открыть сеть пиццерий, как в Америке.

Шарлотте показалось, что граф с удивительным безразличием отнёсся к такому повороту событий. Услышав о человеке, провалившемся в колодец, он всего лишь пробормотал: «Как прискорбно!» — и пустился в долгий рассказ о своём детском увлечении Галилеем.

— Однажды я уговорил своего домашнего учителя помочь мне отнести яблоко и тыкву на колокольню в Сан-Рокко, — сказал он окружавшим его сановникам. — Это, разумеется, было перед войной, когда башня ещё была цела. И мы сбросили вниз эти два неравновесных предмета, надеясь проверить Галилеев закон падения. В то время меня восхищало, что Галилей перешёл от средневековой методики к научной для установления законов природы и физических законов посредством измерений, в отличие от философов, доискивавшихся до причин путём логических рассуждений.

Окружающие одобрительно закивали, восхищаясь, каким он был развитым в детстве.

— И насколько быстрее упала тыква? — поинтересовался один из них, подрядчик, строивший вокруг Урбино дрянные, хуже некуда, коттеджи для туристов.

— Она упала вообще не быстрее, идиот! — тихо проворчал мэр. — В том-то и штука!

Граф, невольно услышав комментарий Примо, покачал головой. Как мэр ошибается! Вся штука, думал Маласпино, в том, как измерить зло, которое всё — в причинах. Можно, конечно,

56 Чудо! (ит.)

измерить результаты злодейства, но можно ли приложить Галилеев закон падения тел к грехопадению человека? Упал бы хороший человек с той колокольни медленнее, чем злодей, или, допустим, мягче бы он приземлился? Граф знал точно: у него бы это не вышло.

Когда затих отзвук шагов, Мута продолжила рискованный спуск по стене колодца, пока не достигла сухой земли и травы на дне, где лежало тело упавшего, наполовину заваленное кирпичами. Она присела на корточки, чтобы заглянуть в его открытые немигающие глаза. Хотя крови не было, охотничье чутьё подсказало ей, что он испустил дух, и она большим пальцем опустила ему веки, перешагнула через тело, пролезла сквозь брешь в стене в другой колодец и выбралась по нему в висячий сад, а там, никем не замеченная, вернулась к воротам главного входа. Оказавшись в спиральном пандусе, бросилась бегом, круг за кругом вниз, так что дух захватывало от кружения в этой каменной ушной раковине, пока наконец не выскочила, спотыкаясь, на Рыночную площадь и остановилась в синей тени рафаэлевского театра немного отдышаться. Обычно тут она садилась на автобус, но сегодня она чувствовала, что все глаза — её враги. Поэтому, опустив голову, она пошла на юго-запад по извилистой горной дороге в Урбанию и Сансеполькро, потом за Монтесоффьо резко свернула на юг и теперь была в безопасности. Никто, кроме охотников, рыбаков и старых партизан, не знал эти крутые холмы и речные долины так, как она. Мута ловила рыбу в этих речках, добираясь аж до глубоких расщелин в известняковом Гола-ди-Фурло, и если бы она могла говорить, то, зная тайные места, где водятся белые и чёрные трюфели, могла бы разбогатеть, торгуя на трюфельном рынке в Ава-ланье.

Уже в темноте, измученная, она добралась до Сан-Рокко и приложила ладонь к стене колокольни, чтобы почувствовать, как колокол приветствует её возвращение. Не обращая внимания на тень волка, она скользнула пальцами под слой мха, подняла дверцу люка и спустилась в подвал, полный историй и картин, оставшихся лишь в воспоминаниях. Она затеплила свечу и подняла её над бутылками с фруктами, залитыми спиртом и побелевшими за многие годы, прочитала надпись от руки: «*Susine damascena, raccolta 44*». Дамасская слива, собрана в конце лета 1944 года, когда ей было двенадцать. «Дамасская слива», — произнёс голос внутри её. Один из её голосов? В любом случае мёртвый голос. Они все умерли, только дамасские сливы сохранились.

Мута беззвучно перекаtywала на языке слова «*susine damascena*», пока почти не почувствовала сливовый вкус, а сегодняшние события перенесли её в далёкое прошлое. Она рыскала по окраинам деревень, крала на фермах, разбитых снарядами, расстрелянные, умирающие люди, тела, объединенные собаками, собаки, съеденные людьми... Кралась по дорогам, как белые змеи в горах. Разжигала костёр из единственного сухого дерева, которое могла найти, — трёх деревянных крестов, на которых имена были написаны на чужом языке, а души тесными рядами, как деревья, стояли вокруг, и тени людей, которых она знала или думала, что знает, смотрели на неё печальными неподвижными глазами.

Обычно только в конце ноября, когда ночи становились длиннее, её семья и другие семьи начинали готовиться к велье...⁵⁷ кроме — да! — она могла закрыть глаза и вспомнить запах месяца... В тот год это был октябрь, не ноябрь, потому что мать как раз закончила собирать мушмулу. Как у них говорили: «Мушмула в корзине на святого Франциска доспеет как раз к святому Симоне», чудной фрукт, малосъедобный, пока не вылежится, а тогда вкусом напоминающий шоколад. Не то чтобы они часто ели шоколад до появления Шоколадного человека. Так она звала его: Шоколадный человек.

Стоял октябрь, она это запомнила, потому что на фруктовых деревьях было много ворон.

⁵⁷ Велья (*La Veglia* — букв. Бдение) — продолжающееся всю ночь карнавальное празднество накануне религиозных праздников.

В тот год ненастье пришло рано, с густым туманом, висевшим над рекой в долине, словно стелющийся дым костра... и священник, который тратил на неё время: учил произносить буквы, слова, фразы; этот священник сказал, что туман идёт оттуда, где стреляют пушки и где должны быть её братья, но их там нет, и это тайна, которую надо хранить любой ценой. Любой ценой. Если бы несказанные слова, невыданные секреты были монетами, бедная Мута стала бы богачкой, Мута, из которой было не выжать слова, как из скупца — золотой.

Братья звали её своим часовым — и она отлично сторожила! Обычно она засыпала на колючем сене в хлеву и просыпалась рано утром, замёрзшая, с затёкшим телом, но сладко пахнувшая сухой травой. До самой последней ночи, последнего своего караула, когда холодный ветер задул в долине с наступлением тьмы и унёс туман, оставив суровое ясное небо и луну, белую, как наволочки, которые они набивали соломой и делали головы пугал.

Дуу-да-дуу-да...

Той ночью они зарезали свинью, и туша висела, растянутая для просушки, хотя в своих снах Мута видела не один силуэт, а больше, на деревьях, красных от огня, на деревьях, на которых их повесили... на кроваво-красных деревьях-пугалах. Или она видела это в другом месте, когда скиталась, а может, там, где недавно произошло убийство?

Теперь она начала расплачиваться с ними. Сегодня был только первый укус.

ЧУДО № 15 АРОМАТЫ УТРАЧЕННОГО ДЕТСТВА

— Поминать покойного, — произнёс голос за спиной Шарлотты.

Она подняла глаза и повернула голову. Франческо Прокопио заглядывал через её плечо в газету, которую она читала. Первый раз она видела, как он работает в своём кафе.

— *Vegliare un morto*... вот что это означает, — сказал он.

Газета слабо трепетала в её руке от струи воздуха, который гнали вентиляторы, крутившиеся на потолке, словно протестовала против того, как он перевёл выражение.

— Ну а *Veglia Funubre*, похоронная велья, — это заупокойная, поминовение... как вы это называете...

— Поминки.

— Вот-вот.

Шарлотте не хотелось пускаться в уточнения, опять же она вполне прилично владела итальянским, но что-то в лице Прокопио побудило её спросить:

— Вы знали его?

— Кого?

— Умершего.

— Нет... не особенно... Это был старик, который умер в том месте, что я показывал вам, на свиной ферме... Как бы то ни было, именно таков её смысл, той фразы, хотя должен откровенно сказать, что подобный человек не достоин чудесного воскрешения ни в каком виде. Он из старых фашистов, переживших войну...

— Всё-таки старый человек. Он не заслужил такой смерти...

— Наивная вы, синьора Пентон, если думаете, что люди с годами становятся лучше, как вино или сыр. Все их пороки остаются при них и когда они седы. Кабан, который напал на моего пса Бальдассара и съёл ему полморды, был старым. Кабы не Бальдассар, это было бы с моим лицом. Если надо воскресить какого-нибудь старика, пусть это будет ваш Рафаэль. А ещё Апиций,⁵⁸ я бы с удовольствием поболтал с ним. Он придумал несколько отличных рецептов.

Ну, у Рафаэля мало шансов, подумала Шарлотта, возвращаясь к своей газете. Лучше бы сразу устроили похороны. Недели, может, месяцы понадобятся, чтобы восстановить «Муту»,

⁵⁸ Апиций Гавий — известный римский чревоугодник времён императора Тиберия.

и даже тогда, учитывая, какое количество красочного слоя и холста уничтожено, картина уже не будет прежней. Каким бы ни был результат, это уже не будет рафаэлевская «Мута». У Шарлотты было тяжело на душе оттого, что утром повредили картину, а потом пришлось несколько часов просидеть в полиции, отвечая на вопросы. Свидетелей мучили по одному, совместно, в разных сочетаниях: итальянцев отдельно, англоговорящих отдельно, англичан, знающих итальянский, и итальянцев вместе и т. д. и т. д.

— Зачем вы читаете итальянские некрологи? — спросил Прокопио.

Шарлотте хотелось, чтобы он исчез или принёс чашечку кофе, да всё равно что. Ей было невыносимо говорить о случившемся, во всяком случае не с этим человеком, который, казалось, был не более чувствителен, чем колода мясника.

— Да просто... чтобы отвлечься... пока несут мой чай.

Ударение, с каким она произнесла последнее слово, заставило его изумлённо поднять брови.

— Читать что-то приятное за чаем — это понятно, но чтобы некрологи — о таком я ещё не слыхивал. Это такое английское *passatempo*... простите, хобби?

Прокопио близко, даже слишком близко наклонился к ней и ткнул в страницу пальцем, жирным от готовки, размазав типографскую краску. На неё резко пахнуло сладким, маслянистым ароматом марципана и шоколада.

— Вот, — сказал он, — где говорится о велье по покойнику... очень древнее выражение. Означает «ночное бдение, бодрствование ночью». Некогда на него сходились в зимние месяцы, крестьянские семьи собирались, чтобы обменяться новостями, поболтать. Я помню эти вельи с детства. Потом, во время войны, коммунисты и партизаны использовали велью как прикрытие для агитации. Стоит допустить политику в сказки — и всё! — с вами покончено! Политика убила велью. Политика и телевидение.

— Как интересно!.. — сказала она, отклоняясь от него подальше и не сводя глаз с газеты.

В последние дни она привыкла молча сидеть с книгой или газетой, всем своим видом как бы говоря: «Не жалейте меня! Мне так нравится, я сама выбрала одиночество». Развод в один миг превратил её в женщину, которую официанты по большей части игнорируют, а потом ругают за слишком маленькие чаевые.

— Хм... — хмыкнул наконец здоровяк хозяин, очень выразительно и с сиропом в голосе. — Думаю, синьора выпьет свою обычную чашку лимонного чая. Ни *gelato*, ни *granita*,⁵⁹ даже в жару (тонкое напоминание о том, что прославил хозяина кафе). Ведь англичане пьют чай даже летом, помню-помню. Чай и к нему... сэндвичи с огурцом, от которого хлеб становится сырым. Как английское лето.

— Вообще-то, мороженому я предпочитаю песочное печенье или фруктовый пирог. Я не большая любительница мороженого.

На самом деле она ненавидела его. Его тошнотворно сладкое однообразие, его полную предсказуемость (что было необъяснимо, учитывая любовь Шарлотты ко всему испытанному, надёжному). Этим своим отвращением она была обязана бывшему мужу, чья умеренность маскировала безудержную страсть к обильной жирной пище и крепким напиткам — и, как оказалось, к другим женщинам.

Судя по выражению физиономии Прокопио, он ждал, что она может сказать, будто не любит ещё и детей, и «феррари».

— В Италии мороженое вернуло людей к жизни! — стоял он на своём.

— Нет, конечно.

Италиетта, вспомнилось ей: словечко Паоло, которым он обозначал склонность своего народа к легкомысленному отношению к серьёзным вещам.

— Нет да! — не унимался здоровяк. — Я точно знаю. Консервация и реставрация — это и моя специальность! Я, как вы... — он замолчал, подыскивая слово, — ресторатор.

⁵⁹ Виды мороженого (*ит.*).

Правильно?

— Ресторатор — это тот, кто владеет рестораном, а...

Он замахал обеими руками, отрицая всякую разницу.

— Мы оба занимаемся реставрацией, только я ценю вашу работу больше, чем вы мою.

Если бы она хотя на секунду допустила, что этот человек способен понять или оценить разницу, то объяснила бы ему, что реставрация, в отличие от приготовления мороженого, — долгий, медленный процесс, даже когда повреждения не столь катастрофичны, как те, которые нанесла сегодня та сумасшедшая. Вся работа Паоло, которую он проделал до её приезда в Урбино, пошла насмарку! Несколько недель ушли у него на то, чтобы удалить последствия бездарных попыток реставрировать «Муту», предпринятых в предыдущие столетия, тщательно смыть следы старых чисток, когда использовались самые грубые материалы, от рецины до хлеба. Он проявил настоящее искусство, удаляя знакомый потрескавшийся, потемневший до цвета умбры лак — тонкая операция, потребовавшая кропотливого подбора растворителя, который бы гарантированно не повредил оригинального красочного слоя.

И такая работа была уничтожена в несколько секунд! Шарлотта вновь углубилась в газету. «Републику» она сменила на местную, надеясь, что там не будет занимавших нацию бесконечных репортажей о судебных разбирательствах, проводившихся миланской группой «Мани пулите», иначе — «Чистые руки». До приезда в Италию она почти ничего не знала об этом ящике Пандоры итальянской политической коррупции, который весной 1992 года был вскрыт небольшой группой следователей миланской прокуратуры. Они решились разоблачить систему *tangenti*, или взяток, управляемую двумя крупнейшими политическими партиями Италии и их партнёрами в деловых кругах (некоторые из них были связаны с мафией), и одолеть стену молчания, окружавшую систему и за десятилетия сделавшую её непроницаемой. Личное мужество, проявленное этими бескомпромиссными следователями, ежедневно рисковавшими жизнью (а некоторые и потеряли её), не имело прецедента в Европе, как считала Шарлотта. Но теперь, когда более половины членов сената и палаты депутатов получили официальное извещение, что находятся под подозрением, публика насытилась разоблачениями, ей стала почти безразлична опутавшая страну сеть коррупции, которую, эту сеть, итальянская пресса окрестила *Tangentopoly* — Взяткоград, Откат-сити.

Неудивительно, что Паоло и его молодые друзья не испытывают никаких иллюзий, думала Шарлотта. Неудивительно, что в их словаре столько слов, издевательских по отношению к своим соотечественникам. «Правительство *all'italiana*»,⁶⁰ — презрительно отозвался он о коррупционном скандале, а об армии вырядившихся госчиновников, собравшихся этим утром на расписанную по пунктам церемонию открытия «Муты»: «*Molto italico*»⁶¹ — словечко, появившееся, когда у власти в Италии были фашисты, и ныне ставшее синонимом всякой циничной напыщенной позы, — тогда как «*italiota*»,⁶² ругательство, синонимичное «полному кретину», Паоло приберегал для охранника Микеле, грозившего устроить забастовку.

— Лимонный чай, как обычно, — сказал Прокопио.

Шарлотта подняла глаза от газеты: Прокопио ставил перед ней высокий бокал явно не с чаем.

— Нет, я заказывала... — заговорила она, увидев, что в бокале чай с шариком мороженого. Но лень было отказываться, и, неохотно опустив ложечку в бокал, она смотрела, как тает шарик, цветом и изрытой поверхностью напоминающий луну.

⁶⁰ По-итальянски (*ит.*).

⁶¹ *Здесь:* Настоящие *италийцы* (*ит.*).

⁶² Прозвище итальянских греков (*ит.*).

Она подцепила ложечкой малую толику, ожидая обычного ощущения тошнотворной жирной сладости, но, к её удивлению, языка коснулось нечто с цитрусовым ароматом, мгновенно растаяло и исчезло, оставив после себя привкус не кислый, не сладкий и даже не совсем лимонный, словно на чистый подслащённый снег выдавили каплю пахучего масла какого-то экзотического фрукта из цитрусовых. Она прикрыла глаза. Ещё какой-то привкус, более богатый и ускользающий, но знакомый.

— Это... — сказала она и остановилась. — Что это такое?

— Это, синьора, чай, какой подают в барах на Сицилии. Полейте им мороженое, пока оно не растаяло и не потекло на стол. — Он важно кивнул, показывая на бокал. — Мой особый чай, в который я добавляю калабрийский бергамот.

— Бергамот! Вот что это такое! Вкус английского «Эрл Грей»!

— Очень освежает, да? А сейчас предлагаю отведать нечто неповторимое... — Он снова направился на кухню.

— Нет, синьор... право, я больше ничего не хочу!.. — закричала она вслед.

Не слушая её протестов, он вернулся через несколько минут с тремя серебряными вазочками с замороженными полумесяцами пастельного цвета.

— Тут, синьора, вы найдёте всю историю Палермо, столицы мороженого со времён, когда он был арабским эмиратом и где люди жили — и умирали — ради мороженого.

Не испрашивая разрешения, он уселся напротив неё.

— Закройте глаза.

Он погрузил длинную ложечку в первую вазочку и поднёс к её рту.

— Нет, синьор Прокопио, я...

Отклонившись назад, она в смущении оглядела кафе, не смотрит ли кто, как он ухаживает за ней. Зал походил на пещеру, куда едва проникал дневной свет: старомодно оформленный, главной достопримечательностью которого были поблекшие застеклённые фотографии награждений Прокопио на местных праздниках и множество зеркал, в которых, повторяясь сотню раз, отражались несколько одиноких женщин, выглядевших так, словно они родились в мехах, словно так же не могут обходиться без пирожных, как без золотых украшений, и ничего, кроме вариаций на тему сахара, шоколада и сливок, их не интересует. Несмотря на то что они не проявляли видимого любопытства, Шарлотта не собиралась позволять Прокопио кормить её с ложечки. Рискуя показаться невежливой, она покачала головой, отказываясь играть в дурацкую игру, затеянную этим геркулесом.

Ещё секунду он подержал ложечку у её плотно сжатых губ, а потом с блаженным видом слизнул мороженое сам, в чем она увидела недопустимую интимность, как если бы ложечка действительно побывала у неё во рту. Придвигая к ней вазочку с новой ложечкой, на сей раз черенком вперёд, он сказал:

— Вам надо поменьше думать и побольше жить, синьора. Выйти на свежий воздух и увидеть необъятный мир. Подозреваю, вы работали, слишком близко уткнувшись в картину.

Мужская самоуверенность!

— Но пока достаточно просто закрыть глаза, пожалуйста, и представить себя маленькой девочкой в туго зашнурованном атласном платьице, и что вы сидите перед чёрной вороной, вашей гувернанткой, и обе едите большие холодные розовые горки этого коричневого чуда.

Против желания она последовала его совету и попробовала ложечку мороженого, оказавшегося на вкус пряным, почти острым, и растаявшего, едва достигнув горла. Она услышала, как он сказал:

— *Granita di cannula*,⁶³ вкус утраченного сицилийского детства.

Следующее мороженое было молочно-белым.

— А теперь вот такое, — гордо сказал он. — Такое вы можете отведать только здесь, может, даже на Сицилии его больше нет. Мороженое, приготовленное так, как когда-то

⁶³ Коричное мороженое (*um.*).

готовила моя бабушка. Она рассказывала, что козопасы, гнавшие своих коз через её городок, обычно нацеживали нянькам парного молока, и она приправляла его миндалём... горьким миндалём, надо вам знать, чтобы придать ему настоящий вкус меланхолии.

— Почему меланхолии? — спросила, невольно заинтересовавшись, Шарлотта. — Потому что горький миндаль ядовит?

— Его запах — это запах покинутых мест, у меланхолии вкус давних летних дней, и он всегда должен быть немного горчащим.

Нелепая личность, подумала она. Безнадёжный романтик, его чувства излишне липки и сладки, как мороженое. Хотя это не вязалось с её воспоминанием, как он резал свинью. Сентиментальный мясник! Ей хотелось расплатиться и уйти, залезть в ванну и смыть всякую память об этом дне. Но этот человек снова уговорил её попробовать ложечку другого мороженого.

— *Bianca storia*, — прошептал он. — Чистый лист для забытой истории.

Так это продолжалось, вазочка за вазочкой, вкус за вкусом, по мере того как Прокопио, с важностью судьбы, обсуждающего сокрытые смыслы закона, рассказывал ей о древности происхождения и волшебной силе сицилийского мороженого. Много позднее, когда вымысел и история, мастерство и мастер перемешались и стали неразличимы, как это часто бывает в Италии, Шарлотта совершенно ясно вспомнила этот час, проведённый в кафе, и последний, самый незабываемый аромат из всех.

— *Gelsomino*... жасмин, аромат всех любовей, настоящих и прошлых — или тех, что могли случиться... Столько «о» в этих словах — слышите? — И перейдя почти на шёпот: — *Gelato di gelsomino*.⁶⁴

И ей в горло скользнуло густое тающее благоухание «Тысячи и одной ночи». Дурманящий, пьянящий аромат смятого цветка, который донёс горячий летний ветер.

Открыв глаза, Шарлотта посмотрела на кулаки Прокопио, лежащие на белом мраморном столике, как кувалды на простыне, на его ленивую улыбку (явно доволен, что так легко ввёл её в искушение). Во всём этом было что-то настолько детское... настолько... Она разозлилась на себя за то, что уже не сидит, согнув плечи и напрягшись, что её раздражение и нервозность улетучились, сменившись покоем.

— Так что мучило вас, когда вы пришли сегодня в моё кафе, синьора? Теперь всё прошло?

— Мучило? Я...

— Не отпускало вас — вот тут. — Он протянул руку к её лбу, но она отдернула голову, прежде чем он успел коснуться её.

— Нет... я... День был долгий и... — Она перевела глаза с его лица на огромные мясистые руки с тонкой чёрной каёмкой под ногтями.

Она всегда обращала внимание на мужские руки, может, потому, что профессия научила её понимать, о чем они говорили. Она вспомнила свинью, фазана. Ей привиделось, как эти руки, вроде самостоятельно существующих из бунюэлевского фильма,⁶⁵ пританцовывая, перемещаются со двора мясника в простодушный ландшафт витрин кафе Прокопио, мускулистые пальцы, копошащиеся в лаве шоколада, который вылезает из Этны бисквита, мозолистые ладони, похотливо оглаживающие холмики айвового конфитюра и дрожащие дюны сильно охлаждённого фисташкового мороженого, известного как «Задница канцлера».

— Это шоколад, — пояснил Прокопио. Её щёки медленно залила краска.

— Что?

— У меня под ногтями. Чёрный горький шоколад. Трудно удаляется. Если это вас

⁶⁴ Жасминовое мороженое (*ит.*).

⁶⁵ Образ отдельных частей тела присутствует во многих фильмах Луиса Бунюэля (1900–1983). Руки, в частности, действуют в его «Андалузском псе» (1929) и в «Золотом веке» (1930).

удивляет...

— Нет... конечно нет! Меня ничуть... не... я и не... Когда имеешь дело с масляными красками... слышали, наверно...

Чтобы скрыть ложь, Шарлотта принялась, нервно запинаясь, рассказывать о событиях этого долгого, утомительного дня.

— И хотите верьте, хотите нет, — закончила она, — женщина, которая изуродовала картину, двадцать лет проработала во дворце уборщицей. Однако никто ничего не знает ни о её семье, ни о том, где она живёт, — ничего! С её ведра и швабры сняли отпечатки пальцев, но только и обнаружили, что среди преступников она не числится. Больше того, о ней вообще нет никаких сведений! Слово она и не существует вовсе. И такому человеку дали полную свободу делать что хочешь в таком месте, представьте! Все сходятся во мнении, что она всегда была ненормальная — *razza*, так вы говорите?

Едва слово «*razza*» слетело у Шарлотты с языка, как она вспомнила рассказ Прокопио о сумасшедшей, которая приносит цветы к колокольне в Сан-Рокко. Кажется, он говорил, что она работает во дворце? Но если тут существует какая-то связь, почему Прокопио молчит сейчас? Она начала описывать женщину, давая ему возможность что-то сказать.

— Глухонемая, как утверждают сотрудники, хотя окончательно никто не уверен. Она никогда ничего не говорила, и такое впечатление, что не слышала, когда к ней обращались, не умеет ни читать, ни писать... Они называли её Мута, как женщину с рафаэлевского портрета. Говорят, он очень нравился ей.

— Сколько ей лет, этой немой? — спросил наконец Прокопио, молчавший во время рассказа Шарлотты.

— Чуть меньше или чуть больше шестидесяти. Лицо из тех, нестареющих, иконописных, как у греческой актрисы Ирен Папас. — Шарлотта ждала, но Прокопио молчал. — Только представьте: женщина её возраста — и не умеет ни читать, ни писать, если вообще не немая...

— Если ей столько, как вы говорите, значит, она родилась в то время, когда народ в здешних деревнях не особо стремился дать детям образование, особенно девочкам.

— Интересно... возможно ли... не та ли это женщина, что приносит цветы в Сан-Рокко?..

Его глаза сузились.

— Что навело вас на такую мысль?

— Вы сказали, что...

— Я никогда не говорил, что это Мута... — Он раздражённо крикнул, поняв, что ненароком сказал больше, чем следовало.

— Уборщица, которая сделала это, — заговорила Шарлотта, осторожно выбирая слова, — если она... малость *razza*, как считают, малость ненормальная, зачем было давать ей работу в...

— Чтобы мыть полы, много ума не требуется, синьора. И если до сих пор она не проявляла ничего, кроме любви к этим драгоценным вещам, то какой от неё вред? Как бы то ни было, вы не можете сказать, что она умышленно причинила вред картине.

— Мнения расходятся.

Большинство свидетелей утверждали, что она целила в картину, несколько человек думали, что удар предназначался графу, Донне, даже мэру Урбино (о котором «все знают, что он коммунист»).

— У меня такое впечатление... конечно, нельзя быть совершенно уверенной, но мне кажется, она целила в графа. Может ли быть, чтобы она хотела отомстить ему за что-то?

— Нет! После войны граф приезжал всего раза четыре или пять. — Голос Прокопио звучал почти враждебно.

— А вы не думаете, что это как-то связано с войной?

— Разумеется, нет! Я ничего такого не имел в виду! Совершенно!

— Это кажется... маловероятным... но... вчера вы рассказывали о том, что Сан-Рокко был уничтожен во время войны...

— Там происходили ужасные вещи, синьора, и не только в войну. Может, в каких-то из них виновата семья этой несчастной немой.

— Что ж, если эти две немые — одна и та же женщина, мы хотя бы знаем, где её можно найти. — Сделав вид, что не замечает жёсткого взгляда, который бросил на неё Прокопио, она закончила: — У колокольни.

Но великан, казалось, уже не слушал. Глядя мимо неё, он встал и поклонился новым посетителям. В одном из старинных выпуклых зеркал, создававших у Шарлотты впечатление, что она видит в них весь мир как в перевёрнутый телескоп, она заметила, что холодный взгляд Прокопио устремлён на троих пожилых мужчин в верблюжьих пальто, громко разговаривавших за мороженым. Очень важные персоны, серебряные волосы тщательно причёсаны. Один, с ястребиным профилем, узнал её и поздоровался лёгким кивком. Лоренцо, бывший шеф полиции. Утром во дворце Паоло подтвердил, что это он. Ей было интересно, насколько хорошо он знал человека, который погиб, упав в колодец. Когда она оглянулась на Прокопио, лицо его было каменным.

«Просто немного освежающего, прийти в чувство», — пошутил бывший военный, обращаясь к Прокопио, когда он и двое других пожилых господ первый раз зашли в кафе. «Просто освежить ему память, — говорили они потом друг другу, — привести в чувство, напомнить, кто есть кто и что к чему». Или кто был кто и что было к чему, добавили они. Если теперь они стали его самыми постоянными посетителями, то не из-за того давнего дела; только из-за его мороженого! «Лучшее в городе!» — часто хвалили они его. А ещё из-за его пирожных, необыкновенно изысканных для любого кафе севернее Неаполя. Никто не делал таких пирожных, как Франческо. «По наследству от сицилийских родственников, его тётки, вдовы Тито», сказал тот, который часто приводил с собой внуков. «Добрый старина Тито. Мясник из него был дерьмовый, но полезный человек».

Франческо был настолько искусным пекарем, что трое стариков почти забывали, зачем приходили. Почти, да не совсем.

— Она ещё здесь, сицилийка-то?

— Сейчас его домоправительница. Славная женщина. Тихая.

Бывший военный провёл рукой вдоль губ, как бы застёгивая рот на молнию.

— Конечно, конечно, — согласился другой, в седых волосах которого ещё осталось несколько чёрных нитей. — Сицилийцы умеют держать язык на замке.

— Анджелино же дурачок, что он может рассказать? Бывший военный кивнул в сторону Шарлотты:

— Фрэнки водит с ней дружбу.

Другой опытным взглядом оценил поведение Прокопио.

— С ним у нас проблем не будет. У него долгая память, у нашего Фрэнки. Для него это бизнес, как всегда.

— Думаешь, он спит с ней, Лоренцо?

— Нет ещё, — ответил его военный друг. — Но скоро будет. Он большая шишка, во всяком случае для дамочек, — я об этом! — Скрытно от всех, кроме друзей, он сделал под столом непристойный жест, подняв кулак. — Дамочки обожают чуток кремку.

— Такой лихой парень. Чего польстился на старую говядину? — спросил Дедушка; его жадный взгляд с точностью до грамма взвесил грудь и зад Шарлотты.

— Старая говядина дешевле. Надо лишь подольше потушить.

Они засмеялись. Бывший военный, продолжая улыбаться, изучал меню.

— Ты сегодня возьмёшь жасминовое или «Задницу канцлера»?

Лишь сделав заказ, старики заговорили на злободневную тему.

— Если эти следователи, эти ублюдки в Милане, раскопали кое-что о людях Сегвиты, как думаешь, Лоренцо, смогут они его расколоть? — спросил Дедушка.

— Я знаю мало таких, кого не смогли расколоть.

— И большинство из них мертвы!

Они снова расплылись в широкой улыбке.

— Тебе не нужны помощники, после того как ты так трагически потерял сегодня человека?

— Там, откуда он пришёл, ещё много таких.

— Вы говорили, она немая, — довольно резко сказала Шарлотта, — та женщина из воздушного порта Люцифера, или как там вы это называете?

Прокопио принялся собирать посуду со столика, избегая смотреть ей в глаза. Последний вопрос захлопнул ставни. Она почувствовала себя чужой, как в часы сиесты, когда весь Урбино запирали двери.

— Я никогда не слышал, чтобы она разговаривала, синьора, — ответил он очень мягко. — Но у людей много причин быть молчаливыми. Нет ничего плохого в том, чтобы прослыть молчуньей, как я уже говорил вам.

Покидая кафе, Шарлотта слышала за спиной шум вентиляторов в большом сумрачном зале, похожий на шум крыльев огромной хищной птицы, собирающейся взлететь.

ЧУДО № 16 «КРОВЬ ДЬЯВОЛА»

От Прокопио Шарлотта направилась напрямик в Каза Рафаэлло, куда днём перенесли повреждённый шедевр. Там она узнала от Анны, своей помощницы, что картину поместили в небольшой шкаф, заперли на ключ и поставили вооружённую охрану. Доступ к ней был закрыт для всех, даже для тех, кто в конечном счёте отвечал за её реставрацию, пока её не обследует и не сфотографирует следственная бригада.

— Они хотят взять образцы крови, — объяснила Анна, — отослать в Институт судебной медицины Римского университета и ещё в госпиталь Джемелли в Ватикане, где проверят, что это за кровь.

— Почему в Ватикан?

— На случай, если кровь святая.

— Какой вздор!

Девушка в сомнении покачала головой, не желая отвергать возможность чуда.

— Ты же не раз сталкивалась в своей работе с подобным мошенничеством, Анна!

— Откуда бедной простой женщине, как эта немая, знать о таких вещах, Шарлотта? Зачем ей было устраивать такой фокус?

Шарлотту вывело из себя благоговейное выражение на лице Анны. Девушка напоминала ей кротких, спокойных, но и упрямых местных белых буйволиц, она набрасывалась на всякую новость, относящуюся к религии, с такой же жадностью, как эти средневековые животные — на свежую траву.

— Вы не католичка, синьора, потому и не верите.

Похожий разговор состоялся у Шарлотты с графом, пока они ждали в полицейском участке, когда их вызовут, чтобы снять показания. Чтобы не замечать животного запаха мочи, она заставила себя прочитать объявление в голой комнате ожидания: «До нас дошло, что в Центре падре Пио⁶⁶ демонстрируют его мощи третьей категории, выдавая их за мощи второй категории и взимая за это 50 долларов вместо положенных 3 долларов, тогда как право решать, когда открывать доступ к мощам блаженного Пио первой и второй категории, находится исключительно в компетенции главы ордена капуцинов в Риме». Граф с интересом наклонил к ней свою благородную голову и спросил:

⁶⁶ Падре Пио (1887–1967) — первый в Католической церкви священник, обретший стигматы. Здесь имеется в виду Центр падре Пио (полное наименование: Национальный духовный и культурный центр и музей падре Пио), который находится в городке Барто, штат Пенсильвания, США.

— Вы католичка, синьора?

— Нет, граф Маласпино, не католичка и даже не протестантка... — Шарлотта колебалась, стоит ли углубляться в такой неопределённый предмет, как её религиозные верования, но он ждал объяснения. — Хотя по воспитанию я... Можете называть меня бывшей атеисткой... идущей к некой общей вере.

— В таком случае, надеюсь, ваш путь проходит благополучно, — сказал он с улыбкой. — В наши дни так много людей, которые просто религиозные туристы. И какие чувства испытывает путница вроде вас по поводу сегодняшнего чуда? Быть может, вы не верите в чудеса, синьора Пентон?

— В бесспорные верю: в самолёты, электричество, падение Берлинской стены...

— Не в плачущую Мадонну или в картины, которые кровоточат?

— Если вы о Рафаэле, та кровь... на мой взгляд, больше похожа на каплю-другую какой-то краски вроде «крови дьявола»...

— Крови дьявола?

— Увы, граф, так романтически называется вполне прозаическое вещество.

— Действительно? Продолжайте, синьора Пентон. — Он обвёл взглядом пожелтевшие от заходящего солнца стены в пугающих пятнах. — Уверен, нам некуда торопиться...

— Что ж... — Шарлотте не хотелось надоедать ему рассказом о технических сторонах своей работы, хотя она считала, что самое захватывающее в ней — это смешение искусства, науки и истории реставрации. — «Кровь дьявола», граф, — это растворимая в жирах камедь, известная со Средних веков. Смешайте камедь с каким-нибудь натуральным жиром и воском с низкой температурой плавления, которое произойдёт под воздействием жара от телевизионных софитов, и...

— И вот вам чудо. Такой трюк возможен?

— В моей сфере подделки не такая уж необычная вещь, и, конечно, не новая. — Шарлотта знала, что в Средневековье торговля поддельными реликвиями была весьма прибыльным делом. Считалось, что художники, которые постоянно экспериментировали с пигментами и грунтом, идеально подходили для изготовления подобных фальшивок. — Туринская плащаница, например... — начала она.

— Думаете, плащаница тоже подделка?

Она помолчала, боясь оскорбить его религиозное чувство.

— Всё, что я могу сказать, — это что по результатам углеродного анализа плащаница была отнесена к четырнадцатому веку, времени, когда соперничество между религиозными центрами было столь же острым, как ныне между парками с аттракционами. Если прибавить сюда средневековую потребность укреплять в верующих...

— Разве вселять в людей надежду на лучшее будущее так плохо?

«Плохо, если делаешь деньги на бедных и легковёрных», — подумала Шарлотта, зная, что в основном именно такие люди тратили последние гроши на реликвии.

— Уверена, вы, граф, понимаете, что со временем даже вещи, которые всего лишь соприкасались с настоящими мощами, признавались столь же святыми...

— Если они действительно приносят людям какое[object Object], не подтверждает ли это их святость?

— В моей профессии такая позиция опасна! Если мои мазки кистью станут ценить больше, чем мазки художника, создавшего картину... Это как... художественный или театральный критик, который начинает думать, что он важнее артиста, об игре которого он пишет.

Как Джон, которому, по сути, интереснее было разрушать репутацию художников, чем создавать её. Его профессиональное это в годы их брака похаживало с округлившимся брюшком, тогда как она, словно из протеста, всё больше худела и сходила на нет. Наверно, их развод был к лучшему. Если бы она ещё хоть сколько-нибудь оставалась в тени, отбрасываемой его раздувшимся физическим и метафизическим присутствием, она бы скукожилась, как пожухлый, бурый лист, и её вывели бы с кошачьей шерстью. Но она завела

нескольких друзей, своих собственных, и отдавала всё своё внимание их детям, их пожилым родителям, другим друзьям, имевшим детей, — как сейчас Джон.

— То есть если бы оказалось, что загадочная улыбка Моны Лизы принадлежит позднему реставратору, — напирал граф, — скажем, Караваджо, вы предпочли бы смыть её просто потому, что она противоречит замыслу Леонардо?

Шарлотта заподозрила в этом вопросе намёк на вчерашнюю дискуссию о шраме Рафаэлевой «Муты» и, чувствуя, что почва под ней становится опасно зыбкой, ответила осторожно:

— Моя работа, граф, состоит в том, чтобы быть верной подлиннику, не отступать от истины.

— Истина, чего бы это ни стоило. — Он пожал плечами. — Что ж, когда дело касается чудотворных вещей, вы не одиноки. Сегодня сам Ватикан придерживается скептической позиции, особенно в случае с неодушевлёнными предметами. В этом веке Дева Мария являлась чаще, чем за всю писаную историю, однако Ватикан с тысяча восемьсот тридцатого года подтвердил подлинность лишь пятнадцати явлений и одной плачущей Мадонны.

Для Шарлотты даже одна была чересчур, но об этом она воздержалась упоминать.

— Надеюсь... надеюсь, граф Маласпино, вы не думаете, что я не уважаю ваши религиозные убеждения.

— Разумеется, я так не думаю, синьора Пентон. Вы принадлежите стране и веку, основа которых — религия сомнения, бесконечного сомнения. Для современного протестанта хлеб всегда остаётся хлебом, думаю, вы со мной согласитесь. Даже во время причастия он не более чем символ. Тогда как в католической стране вроде моей хлеб и вино всегда пресуществляются в настоящую плоть и кровь Христа. В Италии ничто и никогда не является собой. Всегда есть вероятность — и надежда — стать чем-то другим, чем-то лучшим.

Полицейский чин прервал их разговор и отвёл Шарлотту в комнату на верхнем этаже. Сев спиной к единственному огромному окну, так чтобы его лицо было в тени, он резким жестом указал ей на жёсткий стул напротив и скучным голосом принялся задавать вопросы. Солнце слепило ей глаза, как лампа, наставленная в лицо на допросе. Это было невыносимо, как и шумные, словно сплетничающие старухи в очереди на автобус, голуби снаружи на оконном карнизе, то и дело острым глазком заглядывающие в комнату. Она не слышала вопросов из-за их непрерывного громкого гуления и копошения.

— Проклятые голуби! — не выдержал наконец полицейский, когда она в третий раз попросила его повторить вопрос. — Каждое утро они дерутся над дворцом с грачами, и каждое утро грачи заставляют их скрываться здесь, у нас под крышей.

Шарлотта удивилась, как голуби вообще умудряются находить место среди антенн и сплетений колючей проволоки, защищающей полицейский участок.

— Эти грачи, они не здешние, — пожаловался офицер, словно это имело какое-то значение. — Они прилетели сюда из беднейших районов на юге и постепенно становились всё более многочисленными и воинственными. Ещё один признак того, что наша страна становится более... южной...

Она предположила, что он намекает на расширяющееся влияние мафии.

— Что касается нападения на картину Рафаэля... — заговорила она.

— Пожалуйста, продолжайте, синьора. Вы, кажется, думаете, что это чудо — просто трюк.

— Ну... — Она устало принялась объяснять ему своё мнение, высказав несколько теорий относительно того, как это могло быть сделано, а он, сцепив пальцы на тугом, как яйцо вкрутую, животике, время от времени говорил: «Claro, claro»,⁶⁷ хотя, насколько она видела, все её доводы вовсе не были ему ясны. Уверенная, что толстячок за столом вовсе не слушает её, Шарлотта очень удивилась, когда он вдруг остро, совсем как голуби за окном,

⁶⁷ Ясно, ясно (*ит.*).

взглянул на неё.

— Наша крупнейшая организация защиты потребителей, CODACONS, очень серьёзно относится к таким заявлениям, синьора Пентон, — сказал он. — Не желаете подать официальную жалобу?

— Жалобу? Нет... На[object Object] на что?

— Пока можно подать её на «неизвестных лиц», а предмет жалобы: «Abuso della credulito popolare».

Злоупотребление доверием народа? О таком Шарлотта ещё не слышала.

— Вы имеете в виду мошенничество?

Он переложил на столе несколько карандашей, чтобы они лежали точно вдоль листа бумаги.

— Что-то в этом роде, да: религиозное мошенничество, с какими обычно разбирается Церковь. Ватикан очень ревниво реагирует на дела о суеверии.

— Но рафаэлевский портрет — вещь светская, а не религиозная реликвия...

Он подвигал толстым подбородком, обдумывая её довод.

— Можно ещё сослаться на закон тридцатых годов, запрещающий колдунам и чародеям втирать очки публике ложными чудесами.

Она постаралась не улыбнуться тому, как он произнёс выражение «втирать очки», с гордостью извлечённое из устаревшего английского словника.

— Однако, — продолжал он, — прошу вас хорошенько подумать над последствиями, которые повлечёт за собой выдвижение официального обвинения, поскольку по итальянскому закону, как только обвинение выдвинуто, прокурор обязан начать полнообъемное уголовное расследование. — Сощуренные глаза, чернеющие, как изюмины, на глазированной сдобной булочке его физиономии, сверлили её. — Такие дела, как известно, длятся годами, даже когда обнаруживается, что оснований для него недостаточно.

— Я не предлагаю начать... Во всяком случае, я не могу быть втянутой...

Полицейский витиевато расписался под протоколом допроса, прежде чем вознаградить её удовлетворённой улыбкой.

— Значит, оставляем ваши показания как есть, не даём ходу?

Шеф внимательным взглядом смотрел вслед выходящей Шарлотте — хрустящая белая блузка, плиссированная юбка, тёмно-синий жакет, конечно же застёгнутый на все пуговицы. Настоящая англичанка, высокомерная и сухощавая, далёкая от реальной жизни. Что подобная женщина, которую, кроме мёртвых художников, ничего не интересует, может знать о том, какое давление приходится выдерживать живому копу — начальства, обывателей, прессы, трущоб? Ему посоветовали приложить все силы, чтобы похоронить эту историю, и он её похоронит. Он сомневался, что она доставит им какое-то беспокойство. Такие люди приезжают в Италию на несколько месяцев с трогательным представлением о том, как она могла бы процветать, если бы только какая-то страна, например Британия, наставила её на истинный путь, а потом они уезжают, запасясь оливковым маслом первого отжима, натуральными макаронами и вином «Антинори». Тьфу! Никто из них не остановил течения Тибра. Ну её к чёрту! Он поднял телефонную трубку и позвонил любовнице, сорока-с-чем-то крашеной блондинке, у которой было за что подержаться. Мелисса — одно её имя, в котором слышался дразнящий шорох шёлкового белья, соскальзывающего с пухлых плечей, привело его в хорошее настроение.

Шарлотта не чувствовала ничего, кроме презрения к таким людям, как полицейский, опрашивавший её утром, людям, которым важно было лишь показать, будто они работают, а на самом деле и не пытавшимся что-то предпринимать. Не нравилось, что он считает её человеком, не желающим пачкать руки, и тем оправдывает собственное бездействие. «И всё

же в каком-то смысле он прав, — думала она, возвращаясь после бесплодного посещения дома Рафаэля, — я никогда не позволю втянуть себя ни во что, непосредственно не касающееся моей работы». Никакого личного участия. Она чувствовала, что даже с Паоло держится насторожённо. В чем причина? В опасности быть замешанной в неприятную историю, в потере самообладания? «Несомненно, психолог тут долго и нудно рассуждал бы о моём детстве, когда я, ребёнок военного, переезжала из гарнизона в гарнизон и никогда не имела постоянного дома, или о страхе быть снова униженной, как меня унижал Джон. Однако с другими случаются вещи похуже, но они не отказываются с отвращением от того, что есть их долг, как это сделала я». В расстроенных чувствах она открыла дверь пансиона.

— Вам несколько раз звонил граф Маласпино! — возбуждённо объявила консьержка, едва Шарлотта переступила порог.

Шарлотта позвонила графу, трубку подняла его жена.

— Что-то прояснилось в этом деле с утра, графиня? Нашли ту женщину из Сан-Рокко?

— Из Сан-Рокко! Что бы ни побудило вас... — отвечала графиня с несвойственным ей волнением. — Нет... нет... мы... то есть... — Графиня замолчала, потом продолжила более спокойно: — Муж и я хотим пригласить съёмочную группу и всех, кто причастен к реставрации картины Рафаэля, в наш отель в ближайшую субботу. Мы желали бы воспользоваться возможностью обсудить со всеми вами важное дело. Но муж хотел бы сперва поговорить с вами одной, синьора Пентон. За ланчем, скажем, в четверг, вы свободны в этот день?

К полудню на другой день у Каза Рафаэлло собралась толпа паломников, требовавших показать им чудотворную кровотокающую картину, и хотя после ланча паломники разошлись на несколько часов, к четырём они все вернулись. Шарлотте пришлось протискиваться сквозь толпу, чтобы попасть в дом Рафаэля, и то, что её легко впустили внутрь, вызвало возмущённые крики.

Всем трём реставраторам позвонили сразу, как только следственная бригада закончила свою работу.

— Она продолжает плакать кровавыми слезами! — сказала Шарлотте Анна, встретив её в нижнем этаже дома, где располагались выставочные залы. — Охранники сказали, что кровь всё течёт!

— Значит, дело во влажности... Слишком жаркий и сырой выдался октябрь.

— Возможно. — Анна явно не желала соглашаться с подобным прозаическим объяснением. — Члены академии хотят перевезти «Муту» в более безопасное место, — сказала она, когда они поднимались по широкой каменной лестнице на верхний этаж, где картина находилась в библиотеке Академии Рафаэля. — Они опасаются, что народ на улице может разнести музей, если их не пустят увидеть раны картины.

— Это не раны, Анна! — резко сказала Шарлотта, которую всё больше раздражала сентиментальная религиозность коллеги. Как эта девица может разделять подобные суеверия, работая в научной области?

— Единственные раны нанесены гордости охранной фирмы! — крикнул им Паоло, который поджидал их, сидя на кирпичном резервуаре во внутреннем двореке второго этажа. Сегодня он больше, чем обычно, походил на Пака.

Охранники впустили всех троих в святая святых верхнего этажа, предварительно проверив их удостоверения личности с вниманием, какое им следовало бы проявить вчера. Их предупредили, что с собой можно взять только фотоаппарат и блокноты. «Не прикасаться ни к картине, ни к крови». Анна, увидев красное пятно, тут же перекрестилась, что вызвало усмешку Паоло. Когда он установил камеру, Шарлотта приступила к осторожному осмотру картины. Она как можно подробнее записывала то, что видела, но это было всё, что она могла сделать в подобных обстоятельствах. Если бы они действовали как обычно, то вынули бы

полотно из рамы и взяли образцы пятна, чтобы можно было исследовать его, проведя то, что она считала настоящим чудом, — спектральный анализ, но полиция посоветовала не касаться крови, пока Ватикан не определил её происхождение. Доводы Шарлотты, что чем дальше пятно будет оставаться на полотне и впитываться в него, тем непоправимее будут последствия, не дали результата. А поскольку никаких тайных следов на обратной стороне холста они не обнаружили, то не было и ключа к разгадке трюка.

— Хотя был на обороте какой-то небольшой лоскуток, когда мы отдавали картину во дворец, — сказала Шарлотта, — но, похоже, он исчез.

— Он мог быть сорван во время нападения той сумасшедшей, — предположила Анна, — или отвалился во время перевозки картины сюда, в дом Рафаэля.

Паоло кивнул:

— Наша бедная мятежница! Её прелестное горлышко напрочь перерезано. Чтобы скрыть такой шрамище, потребуется талантливый пластический хирург. А если он будет недостаточно старательным, то она будет ещё больше похожа на мятежную пиратку!

Анна залилась слезами:

— Как ты можешь шутить! *La povera donna* !⁶⁸

Паоло крепко обнял плачущую коллегу:

— *Calma, mia cara. Il Dottore arriva subito* ⁶⁹. — Затем, сбросив на секунду маску беззаботного жиголо, поднял взгляд на Шарлотту. — Вы же не уедете, ещё побудете здесь, *cara* ? Поможете разобраться в этом деле?

— Право, я...

— Вы должны понять, как мы нуждаемся в вашем английском характере, чтобы сдерживать нашу латинскую склонность к легкомыслию и суеверию.

Она была тронута искренностью, с какой он это сказал.

— Не уверена, Паоло. Расхлёбывать всё это? Кто знает, когда мы получим разрешение заняться восстановлением картины, которое следовало бы начать немедленно?

Шарлотта смотрела на лежавшую на столе картину, искромсанную, испачканную, только один глаз не тронут. Она не знала, хватит ли у неё духу начать всё заново, снова вжиться в неё, как это происходило со всеми картинами, которые волновали её. Она безмолвно разговаривала с их персонажами, женщинам придумывала ревнивых кавалеров, верных мужей, страстную любовь, которой сама Шарлотта была лишена. Джон насмеялся над тем, сколько времени она уделяла изучению «своих» художников. «Ты любопытна, как их тётка — старая дева!» — сказал он, хотя вначале восхищался её крайним вниманием к малейшим подробностям их жизни. Но в конце ссылаясь на это «раздвоение личности» как на одну из причин развода. На это и ещё на нежелание иметь детей. Может, он был прав в своём сарказме, однако Шарлотта испытывала некоторые сомнения относительно своей сыскной деятельности. Своё профессиональное кредо она составила под влиянием книги Дженнини «Руководство мастера». В пятнадцатом веке он писал, что художникам необходимо видеть вещи невидимые, скрывающиеся в тени реальных, и запечатлевать их на холсте или в мраморе, облекая в ясную форму то, что не существует.

Продолжая медленно и тщательно осматривать изуродованную картину, она испытывала чувство поражения оттого, насколько бесповоротно уничтожен их труд: нож прорвал холст и уничтожил слой краски на левой стороне картины, вновь обнажив шрам на лице Муты. Пентименто. У Шарлотты было жуткое ощущение, что она видит живые мышцы и вены под нарисованной кожей женщины и ещё нечто, чего она не могла понять.

ЧУДО № 17

⁶⁸ Бедняжка! (*ит.*)

⁶⁹ Успокойся, моя дорогая. Доктор сейчас придёт (*ит.*).

PASSEGIATA⁷⁰ ШАРЛОТТЫ

Донна всё утро провела, просматривая с Джеймсом и редактором отснятые плёнки, чтобы решить, достаточно ли материала для программы. Полиция посоветовала им не покидать город до особого распоряжения, и когда она поинтересовалась у Джеймса, как это скажется на расписании съёмок, тот ответил неопределённое, чем обычно. К концу дня дурное предчувствие, что он хочет отказаться от её помощи, подтвердилось.

— Могу я делать что-нибудь ещё? — спросила она.

— Конечно, принеси нам приличный кофе. Неделю назад она бы отрезала, что не её чёртово дело ходить за кофе, но всё изменилось, и её уверенность была поколеблена. Она пошла в кафе. Несколько минут спустя, возвращаясь с кофе для мужчин, она услышала, как они смеются над одним из вырезанных кусков, и, когда смех внезапно оборвался при её появлении, у неё возникло нехорошее подозрение.

— Что это, вы никогда мне этого не показывали, — сказала она, указывая на монитор.

Редактор быстро перемотал плёнку назад.

— Ничего, Донна.

— Нет, не ничего. Покажите.

— Нам нужно заниматься работой, — ответил Джеймс. — Ещё много надо сделать.

Она резко поставила их кофе на стол, так что он плеснул на сценарий.

— Осторожнее! — отшатнулся Джеймс.

— Покажите мне этот проклятый кадр!

Джеймс пожал плечами, и они прокрутили плёнку до кадров, где помощница режиссёра читала сценарий, грубо имитируя Донну, двигая руками и ногами как механическая кукла. Звук был нечёткий, но слова вполне разборчивы.

— С ней можно делать уорхоловский фильм, — произнёс голос Джеймса за кадром. — Взять её лицо и синхронизировать движения губ с фонограммой другого голоса. Она ничуть не лучше куклы чревоушателя.

— Это шутка, Донна, мы шутили, — сказал он теперь, недоуменно глядя вытаращенными глазами на редактора. (Эти мне капризные примадонны, шуток не понимают!)

Донна без дальнейших слов выскочила из комнаты и вернулась в отель, бросилась на кровать и лежала, уставясь в потолок, на маслянистое пятно, напоминающее женское лицо. Как можно чувствовать себя одинокой, когда внизу, на улице, столько людей, когда вокруг такой шум? Она тосковала по дому, по родителям, по теннисным победам над братом. Сколько у них там сейчас времени? Старики встают рано, если позвонить сейчас, можно застать отца, пока не ушёл на работу.

— Секундочку, детка! — сказала мать, когда Донна дозвонилась. — Отец выносит мусор, сейчас вернётся, он рад будет услышать о твоих приключениях.

Для разнообразия на сей раз слышно было хорошо. Никакого отвратительного пропадания звука, когда кажется, что ты наскучил человеку на другом конце, или он не слушает тебя, или умер. Донна различала стук, словно кокос катился, удаляющихся материнских деревянных сандалий — тук-тук-тук. Должно быть, ортопедические доктора Шолля. Потом донёсся зов матери: «Боб! Боб! Это Донна!» Хлопнула дверь. Снова: тук-тук-тук. Голос матери: «Идёт, детка!»

Текли минуты дорогостоящей тишины. Джеймс говорил ей, что она слишком много тратит на звонки, ну и чёрт с ним! Затем голос отца по отводной трубке: как прекрасно, что она позвонила, небось неплохо проводит время, раз так редко звонит домой, работа, видать, идёт по-настоящему хорошо, и это большая удача для такой девочки, как она.

И так пять минут, пока наконец удалось самой что-то сказать. Но тут мать перебила её,

⁷⁰ Прогулка (*um.*).

не дала договорить:

— Наши друзья ждут не дождутся, когда увидят тебя по телевизору. Кроме Шейлы, которая ревнует! Её дочка, Кейзи, — помнишь Кейзи, конечно помнишь, в школе училась на два класса старше тебя? Не важно, Кейзи всё пыталась и пыталась попасть в дикторши новостей, и ничего у неё не вышло!

— Как, познакомилась там с приличными ребятами? — спросил отец. — Только смотри блюди себя, а то знаешь этих итальянцев!

И так далее в том же духе. Донна в лучшем случае вставила, может, пяток слов. Ничего об одиночестве, ничего о том, какое чувство неуверенности в себе внушает ей эта большая удача. И как им скажешь, когда они так гордятся ею, когда она хочет, чтобы они гордились ею.

Она только и сказала:

— Да, всё отлично, пап, мам. Да, буду звонить почаще. Нет, я о'кей, это линия барахлит.

Она чуть не плакала, когда положила трубку. Дома было бы кому заполнить тишину, найти ей занятие. Надо куда-нибудь пойти, подальше от этого чёртова номера.

Оказавшись вновь на улице, Донна стала ещё одним лицом на запруженной народом площади Святого Франциска, где давали своё представление жонглёры и пожиратели огня. Сыплющие искрами факелы и пылающие Шпаги освободили пиротехнику тесный круг в толпе: мужчины, женщины и дети подступают близко, ещё ближе, насколько хватает смелости, им нравится быть на волосок от гибельного огня, в голове мысль: если кто и вспыхнет, то он, сделавший риск своей профессией, козёл отпущения, жалкий шельма, который этим зарабатывает хлеб насущный, потому как не имеет связей, чтобы стать дилером нового «фиата», чиновником, продающим Урбино в качестве нового места для следующей конференции Ассоциации европейских дантистов. Небольшая армия торговцев сладостями и безделушками для туристов действует быстро, нахрапом, чтобы покупатели не успели опомниться. Один человек размахивает газетой с заголовком по-итальянски: «Рафаэль ради нас истекает кровью!» — а рядом другой предприимчивый торговец нахваливает воздушные шарики с ликом плачущей «Му-ты», тут же третий, не понимая, по какому поводу собралась толпа, продаёт маску с птичьими перьями, какие популярны в Венеции во время карнавала. Какой-то комик, с лотком жареных орешков, проталкивается, крича: «Nose! Nose! Nose fresche⁷¹ — покупайте, пока не настал конец света!»

За тот час, что Шарлотта и двое её помощников были заняты работой, паломники вокруг дома Рафаэля получили подкрепление, и теперь толпа перекрыла всю улицу до самой площади Святого Франциска. С каждым автобусом прибывали новые группы, и призванные на помощь трое дюжих полицейских пытались оттеснить людей от музейного входа и с виа Рафаэлло, чтобы могли проезжать машины.

— *Daccela! Daccela!* Дайте её нам! Дайте её нам! — скандировала толпа.

Шарлотта представляла себе неподвижную толпу в несколько сотен человек, стоящую вокруг очищенной полицией площадки у дверей музея, на лицах золотистый отсвет церковных свечей, которую каждый держит в руке. Аромат ладана и воска, мешающийся с запахом каштанов, жарящихся на нескольких жаровнях, дымок, возносящий шепчущие тени к небу над высокими зданиями.

— Смотри, Анна, — отлетающие души! — насмешливо сказал Паоло.

— Почему именно это чудо, а не другое вызвало такое волнение? — крикнула ему Шарлотта, стараясь перекрыть шум толпы.

— Может, из-за того человека, погибшего в колодце, — кое-кто говорит, это было наказание Господне, — или оттого, что один из охранников, гнавшихся за немой, которая

⁷¹ Орешки! Орешки! Свежие орешки... (ит.)

напала на «Муту», слышал, как немая заговорила... утверждает, что слышал... — Последние его слова потонули в новой волне рёва:

— *Dacela! Dacela!* !

В просвет между зданиями Шарлотта видела холмы, раскинувшиеся за стенами Урбино. Ночное небо над ними было густого гипнотически-синего цвета, не то что никотиново-жёлтое небо над Лондоном и другими большими городами. Потом синева сменилась чернотой, которую постепенно прожгли звёзды, мерцавшие, как огоньки свечей, отражавшиеся в глазах Паоло. Впереди она заметила Джеймса, который с небольшой командой помощников снимал толпу. Она безошибочно узнала его силуэт — сложившаяся проволочная вешалка или оживший набор китайских палочек для еды, на которых собравшимся в складки мешком висел его замшевый пиджак, окончательно ужав его почти отсутствующие плечи.

— Потрясающе, правда? — крикнул им Джеймс, когда они подошли ближе. Он возбуждённо повёл рукой перед собой. — Эта толпа, свечи, весь этот спектакль! Серафини остаётся ещё на несколько недель...

Паоло, уловив его последние слова, многозначительно присвистнул:

— Серафини! Это... — Он обхватил Шарлотту, чтобы не дать толпе растащить их в разные стороны.

Тем временем режиссёр углядел что-то более интересное. Прижав к голове наушники, он крикнул:

— Беги, Шарлотта! Только что появился монсеньор Сегуджо.

Сегуджо? Шарлотта попыталась представить, что означает это имя. Ищейка? Сыщик?

— Епископ Гончий пёс? — переспросила она Паоло, Опять Джеймс со своим ломаным итальянским что-то напутал? Даже в Италии, где грубый юмор в ходу, такое прозвище звучит шутовски.

— Монсеньор Сегвита, ватиканский гонитель чудес... — Режиссёр уже исчез, а его голос ещё некоторое время висел в воздухе, как самодовольная улыбка Чеширского кота.

— О чем это он? — спросила она, повернувшись к Паоло.

В этот момент их разделило плечо паломника, и она услышала только конец ответа Паоло:

— ...если Сегуджо тоже приехал, получим полный цирк!

Новая людская волна, нахлынув, отбросила её от музея. Она потеряла из виду Анну, потом Паоло, который, как поплавок, всплыл возле человека в пелерине и гротескной маске и, схватив её крепче за руку, вытащил из самой быстрины человеческого потока.

— Паоло, куда подевалась Анна?

— Молится о нашем спасении. — В его чёрных зрачках пылали свечи. — Может, выпьем за наши потерянные души в кафе «Республика»?

— Мне надо... — «позвонить Джеффри», — подумала она.

— Надо-надо-надо! — передразнил Паоло. — Идём со мной, *carissima Carlotta*,⁷² душа моя жаждет быть с тобой. Посмотрим на клоунов и фокусников, которые уже начинают собираться.

Улыбаясь болтовне Паоло, Шарлотта позволила ему тащить себя по улице, чтобы присоединиться к половине молодого Урбино, необъяснимо почему предпочитавшему кафе «Республика» всем другим ничем не отличавшимся кафе, которых на площади Республики было великое множество. Предпочтение определялось временем; в некий час, известный лишь узкому кругу, те же самые красотки и их ухажёры перемещались на несколько метров дальше в кафе «Собор», потом делали круг по городу и возвращались назад мимо тех же кафе и тех же людей. Шарлотте нравилась эта ночная *passaggiata* — гулянье, ранневечерний парад моды, обычный в любом итальянском городе. Она верно определила его как удобный и крайне

⁷² Ненаглядная Шарлотта (*ит.*).

важный не для одних лишь итальянцев случай покрасоваться, *fare bella figura*,⁷³ но ещё как способ крепить своего рода групповую общность, напоминавшую Шарлотте огромную разветвлённую семью со всеми теми внутренними разногласиями и отсутствием независимости, которые несут подобные семейные узы. Итальянцы называли это *campanilismo*,⁷⁴ связью, скрепляющей общество тех, кто родился в пределах округа, куда достигал звон городских колоколов.

В другом кафе, почти неотличимом от того, где Шарлотта и Паоло нашли свободный столик, сидели, спокойно беседуя, трое стариков.

— Назвали Сан-Рокко, — сказал тот, что постарше остальных, с отвислыми губами и розовыми щеками постаревшего херувима. — Не нравится мне это.

— Дадо никогда не заговорит, — сказал второй. — Не осмелится.

— А Франческо? — спросил третий, с военной выправкой.

Остальные покачали головой.

— Ведь было, что он доставлял нам неприятности, — напомнил второй.

Его внучка, босоногий ангелочек, игравшая с друзьями на площади, подбежала пожаловаться, что ушибла коленку.

— Ну, полно, полно, моё сокровище, пройдёт, — ворковал он, прижав её к себе на секунду, а потом ласковым шлепком по попке отправил обратно к друзьям. — Да ещё эта шлюха англичанка, — продолжил её дед, обращаясь к остальным. — Я слышал, в полиции она подняла шум, но быстро угомонилась.

— Она благоразумна, как все англичане. Меня больше беспокоит американка. Копы так и выются вокруг неё.

— Уверен, что всего лишь из-за её титек.

— Титьки что надо, — сказал Дедушка; его приятели одобрительно кивнули.

— И она любит выставлять их напоказ.

— Это можно устроить, — улыбнулся херувим.

— Значит, Ватикан прислал Сегуджо, свой главный калибр... — задумчиво сказал Паоло, побалтывая кубиками льда в стакане с розовым крепким кампари с содовой.

— Кто он такой, этот Сегуджо?

— Его настоящее имя Сегвита, — ответил светловолосый парень, минуту назад искусно убивавший время напротив них под колоннадой с лавчонками. Теперь он присоединился к компании молодых людей за соседним столиком, большей частью студентов Академии изящных искусств или магистерского университетского курса «Охрана памятников культуры». — Сегвита работает в отделении судебной патологии госпиталя Джемелли в Ватикане.

— Чао, Фабио! — поздоровался с ним Паоло. — Вы знакомы с Фабио Лоренцо, Шарлотта? Нет? Вы наверняка видели его в городе... Он был художником, пока не обнаружил, что ему нечего сказать в живописи, а потому теперь он ограничивает свои творческие способности футболом и добывает деньги тем, что работает живой статуей Рафаэля. Огорчение своего папаши, нашего славного шефа полиции, но с красками управляется как сущий алхимик. Настолько здорово имитирует бронзу, что даже голуби не находят различия и почитают его искусство. Голова и плечи у него всегда покрыты знаками их почитания.

Светловолосый ответил на двусмысленный комплимент лёгким поклоном, на голове ещё

⁷³ Выделиться (*ит.*).

⁷⁴ Местничество, местный патриотизм (*ит.*).

виднелся след зеленоватого геля.

— Газеты дали ему прозвище Сегуджо — Ищейка, Гончий пёс, — продолжал Фабио, — после того как три года назад в Неаполе он изобличил шарлатана, который дурачил публику, повторяя чудо воскрешения Лазаря. Сегуджо опроверг наличие чуда воскрешения и с тех пор официально назначен Ватиканом удостоверять подлинность чудес.

— Опроверг наличие чуда? — переспросила Шарлотта. — И он работает на Ватикан?

— Ватикан не любит, когда люди видят, что он поддерживает сомнительные чудеса, — сухо сказал Паоло, — или, по крайней мере, старается делать это не слишком часто.

— Сегуджо такой красавчик, *belissimo*, такой суровый и неистовый и в то же время ласковый! — сказала девушка рядом с Фабио.

— *Belissimo, vero!*⁷⁵ — согласилась её подруга.

— *Ma vecchio, cara*⁷⁶ Флавия, он очень стар... не то что я. — Паоло, играя на всё увеличивающуюся публику, поведал краткую историю карьеры монсеньора Сегвиты, сопровождая свой рассказ жестами драматического актёра. — Всякий раз, как сообщается о чуде, привлёкшем внимание газетчиков, тут же, чтобы изучить его, появляется главный соперник Сегуджо, Андреа Серафини. И где происходит что-то по-настоящему интересное для Серафини, там скорее всего вслед за ним явится Сегуджо и встанет против него, как слон в шахматной партии.

— Вернее, они как парочка на карусели, — сказал Фабио, — носятся, носятся по кругу, и ни один не догонит другого. Ни проигравшего, ни победителя.

— Джеймс упоминал о Серафини, — проговорила Шарлотта. — Он тоже церковник?

— Серафини?! — Паоло и Фабио весело переглянулись. — Это старинный друг нашего мэра. Не выносит Церковь — и особенно Сегуджо! — Профессор Андреа Серафини, узнала она, был здешним парнем, который покинул Урбино, чтобы присоединиться к основателям ИКИПа, Итальянского комитета по исследованию паранормальных явлений. — Он один из известнейших в Италии исследователей чудес.

— ИКИП был основан четыре или пять лет назад для исследований экстрасенсорики и телепатии, — добавил Фабио, — но теперь Серафини занимается в основном религиозными мошенничествами... иногда даже по запросу духовенства.

— Вы знаете, — нежно улыбнулся Паоло Шарлотте, — за последние пару месяцев в нашем районе произошло несколько необъяснимых чудес.

— Экспертизу которых проводил Серафини? — спросила она.

— Он всё-таки ещё возглавляет кафедру органической химии в Миланском университете, — сказал Паоло.

Флавия сложила гузкой прелестные губки и протянула:

— Ну, он не такой красавчик, как Сегуджо.

Когда подруга согласилась с ней, парни принялись издеваться, что они, мол, втрескались в церковника.

— Вы хотите его потому, что он не про вас! — заключил Паоло.

Он опустился на колени перед хорошенькой блондинкой:

— Полюби меня, *carissima* Флавия! Предлагаю тебе моё сердце, сокровище! Я жажду подарить тебе целую футбольную команду пухленьких *bambini*!

Та, которой он предлагал своё сердце, старалась не засмеяться.

— Кто будет кормить их, чтоб они были пухленькие, я, наверное? Пока ты будешь флиртовать с мисс Канада?

— Бедный Паоло, он ни на кого не смотрит, кроме прекрасной Донны! — притворно вздохнул Фабио.

⁷⁵ Обворожительный, это правда (*um.*).

⁷⁶ Но старый, дорогая... (*um.*)

Паоло не сдержался, ухмыльнулся, но тут же сделал серьёзный вид и ответил, намекая на шутку о романе Фабио с одной из статуй в герцогском дворце:

— А ты заглядываешься на терракотового херувимчика делла Роббиа? Или, может, на герцогову мраморную Мадонну, она очень хороша... хотя, я слышал, мрамор может быть холодноват в постели.

— Всё лучше, чем Донна, — не уступал Фабио. — *La femme fatale*,⁷⁷ которая смотрит только на тех мужчин, что способны помочь ей сделать карьеру...

ЧУДО № 18 АНГЕЛЫ И АТОМЫ

Шарлотта забавлялась, пытаясь представить шахматный матч между учёным-химиком, заинтересованным в опровержении паранормальных явлений, и клерикальной ищейкой, нацеленной на поиск доказательства истинности чуда. Вообразить армию их пешек: молекул, с одной стороны, и ангелов — с другой, видимых невооружённым глазом лишь по их действиям и противодействиям. Ангелы и молекулы двигались вперёд и назад на периферии сознания, а перед нею были граждане Урбино, которые прогуливались, разглядывали друг друга, покупали, целовались или здоровались за руку с друзьями, с кем виделись лишь час тому назад — и каждый вечер последние восемь столетий, — и присаживались за столик выпить напёрсток кофе, и шли дальше к следующему кафе, где пропускали аперитив, и снова дальше, под руку, — медленный и церемонный танец. Время от времени появлялись несколько рафаэлевых паломников с погашенными свечками, освежиться вином или кофе, прежде чем возобновить своё бдение. В этот год в моде были свободные бархатные жакеты, которые носили с обтягивающими леггинсами с арлекинским и пейслиевским рисунком цвета осенних фруктов, и эти нескончаемо мелькавшие перед ослеплёнными глазами Шарлотты ренессансные силуэты парней и девушек, мужчин и женщин казались придворными с фресок Гоццоли⁷⁸ во флорентийском палаццо Медичи или красочными фигурами античной карусели. Наблюдая за четырьмя-пятью поколениями, шествующими небольшими группами, расходящимися и перемешивающимся, — в каждом овале лица проглядывают следы предыдущих лиц, — она спрашивала себя: как они, эти прекрасные мадонны с пухлыми младенцами на руках, видящие отражение собственной старости в матерях, бабках, прабабках, могут выносить ясную картину того, что их ждёт? Безупречная, с румянцем, как роза, оливковая кожа сперва теряет румянец, потом желтеет, трескается, сходит с костей. Восстановление невозможно, думала бездетная атеистка Шарлотта. Разве только в иной жизни. А как старшее поколение, перед глазами которого всегда стоит живой портрет Дориана Грея, отражая их собственную невозвратимую красоту? Однако люди продолжают есть, пить, ставить одну ногу впереди другой, производить одного младенца за другим в легкомысленной уверенности, что размножение *рi* есть ответ на проклятые вопросы. И возможно, они правы, возможно, чудо заключается в продолжении рода. Откуда ей знать? Редко она чувствовала себя более далёкой от побудительной причины, движущей миром, как здесь, в центре этого людского водоворота, кружащего и кружащего по строго определённым пьядцам и страдам неписаного маршрута *passeggiata* расширяющейся спиралью, пока они, один за другим, не исчезали — кто пропустить стаканчик кампари, кто обедать, кто в небытие.

С той дневной стычки с Джеймсом беспокойство Донны ещё больше усилилось. Она позвонила одному итальянцу из съёмочной группы и узнала, что в сценарии произошли

⁷⁷ Роковая женщина (*фр.*).

⁷⁸ Гоццоли Беноццо (1420–1497) — итальянский художник эпохи Раннего Возрождения, чей шедевр — цикл фресок — находится в часовне дворца Медичи — Риккарди во Флоренции.

изменения, сама идея изменилась. «Джеймс работает над сюжетом о возникающем культе „Муты“», — объяснил итальянец. Значит, он снимает другой фильм, встревожилась Донна. *Без неё!* Даже ничего *не сказав* ей! Новостной диктор — вот кто ему нужен, а не хорошенькое личико, которое попугайски повторяло бы текст его сценария, — и даже этого ему недостаточно. Ничего себе Большая Удача!

Увидев Паоло в кафе, она забыла, как отвергала его ухаживания, и послала ему такую ослепительную улыбку, что он вскочил на ноги, чем мгновенно вызвал хищное выражение на лицах всех соседних мужчин. Она не заметила Шарлотту, лёгкое привидение в бежевой полутьме, пока Паоло не выдвинул стул, приглашая Донну сесть рядом.

— Ой... привет, Шарлотта!

— Мы тут обсуждаем эпидемию подозрительных чудес, — сказал Паоло.

— И настоящих, конечно! — добавил Фабио. — Вероятность того, что та сумасшедшая немая женщина заговорит или её можно заставить заговорить.

Донна рада была поболтать о чем угодно, лишь бы поболтать.

— Да? Знаете об одной девочке? Она тоже не говорила, вообще — ну ни словечка, — пока ей не исполнилось восемь. Только писала, что хотела сказать, на грифельной доске, которую родители повесили ей на шею. И вдруг — бац! — Донна щёлкнула пальцами, — заговорила, когда никто не ожидал, правда заикалась.

— Это было кино, — сказала Флавия, — «Пианино».

— Нет, я вроде давно об этом слышала? От самой той девочки?

Продолжив рассказ, она почувствовала, что внимание аудитории слабеет, один Паоло по-настоящему слушал её. Парни постарше пялились на её грудь или заигрывали, болтая по-итальянски, с Флавией и её подружками, Шарлотта витала где-то далеко, в мире своих грёз.

— Ну, не важно. Так как у неё это получилось? Она не начала говорить, пока родители не отдали её в иезуитскую школу. Иезуиты научили её дышать по-другому... а потом она стала петь... Так о чем я... та девочка, вроде того как если нужно было что сказать, не могла выразить это словами, а только пением? То есть это было вроде чуда?

Она нервно затянулась сигаретой и выпустила ровное кольцо дыма; грудь её при этом поднялась и ещё туже натянула облегающую тенниску. Ходячая реклама размножения, подумала Шарлотта. Даже в таком виде, в кроссовках и лайксовых шортах, Донна смотрелась сексуально. Тут не было её вины, когда каждый журнал и каждая газета внушают женщинам, что можно одеваться как проститутка и всё равно ожидать серьёзного к ним отношения. Одни геи столь же вульгарны, но тех хотя бы меньше смущают исходящие от них сигналы. Секс — сила, красота — сила. Даже толстые, не первой молодости мужчины вроде Джона находят себе хорошеньких молоденьких девушек: этот закон в силе и сейчас точно так же, как во времена Рафаэля. «Но я завидую не молодости и не внешности Донны, — мысленно спорила с собой Шарлотта, — а её наивной североамериканской уверенности, что жизнь легко изменить к лучшему: *можно научиться дышать, а потом петь!* И возможно, — призналась себе Шарлотта, — возможно, я бы не прочь, чтобы кто-нибудь снова посмотрел на меня — хотя бы разок — взглядом, каким на неё смотрит Паоло».

Отведя глаза, она наблюдала за молодым священником в чёрной сутане с капюшоном, который вошёл в табачную лавку напротив и вскоре появился, куря сигару и держа в руке лотерейный билет. Когда он проходил мимо их столика, она узнала эти модные очки и сильный запах лосьона после бритья. Вчера он присутствовал при нападении на «Муту», как и полицейский из муниципальных в яркой белой португее с белой же кобурой, не спеша проходящий мимо, который посмотрел на Донну долгим жадным взглядом. «Если посижу здесь подольше, — подумала Шарлотта, — то увижу всех актёров вчерашней трагедии, тех же актёров, только в других ролях». Она равнодушно прочитала имена на стоящем рядом памятнике жертвам войны, мужчинам Урбино, сложившим головы в Африке: АРКАНДЖЕЛИ Франческо, САНТИНИ Доменико, СПЕЗИ Пьетро, ТОРРИ Доменико... Мужчинам, погибшим за Муссолини, по крайней мере отдали должное.

Прислушавшись, Шарлотта поняла, что Донна рассказывает о том, как её допрашивали в

полиции.

— Тот коп, он сказал, что фирма, через которую немая нанялась уборщицей, годами платила ей какие-то гроши — наличными, не отмечая в документах, так что она не значится в списке её работников. Никто не знает, где она живёт. Она просто приходит каждое утро и целый день там. Насколько известно, она не слышит, не говорит, не умеет писать. Никто не имеет представления, почему она набросилась на Рафаэля.

— Ты подумала, что она бросилась на картину, не на: графа? — спросила Шарлотта.

Девушка метнула на неё взгляд.

— Так, во всяком случае, показалось... я имею в виду — мне.

Когда Паоло отошёл купить сигареты, всё постепенно вновь перешли на итальянский, заставив Донну ещё острее ощутить одиночество. О, парни с удовольствием отпускали ей комплименты время от времени (и их подружки, сузив глаза, замышляли муть), но даже когда они переходили на английский, ей было не по силам так же свободно, как они, болтать об искусстве, архитектуре, кино, политике. А когда они удостаивали её вниманием, то спрашивали, чем она занимается теперь, когда открытие полотна Рафаэля отложено. Нравится ей такой-то театр, такой-то храм?

Ей хотелось крикнуть в ответ: «Я ничего не делаю! Я уже видела всю эту чушь!»

— Ты сама пишешь себе сценарии? — спросила Флавия.

— В основном это делают Джеймс и Шарлотта.

— Ты изучаешь материал? — Это подала голос подружка Флавии.

— Нет, этим занимается Шарлотта.

В других обстоятельствах Донна солгала бы, как часто делала, чтобы выглядеть умнее и интереснее. Но сейчас она не могла лгать, только не при Шарлотте.

— Шарлотта одна из ведущих?

— Нет.

Но Донна могла побиться об заклад, что той нравится это ритуальное унижение тупицы канадки. Донна слышала вопрос, который так и вертелся у них на языке: как же тебя взяли на эту работу? Ей хотелось завопить: «Я переспала с грёбаным исполнительным директором, а потом с грёбаным режиссёром, нет больше вопросов, парни? Я хочу сказать, теперь можете обсудить это!»

Шарлотта, очень чуткая к переживаниям отверженных, видела, что натянутая до предела, как её тенниска, улыбка Донны готова лопнуть. «С какой стати я должна выручать эту несчастную?» ~ спросила она себя. И всё же сказала:

— В сущности... в сущности, Донна вдыхает душу в мой... мой довольно академический текст. Она заставляет меня помнить, что Рафаэль прежде всего человек, а не объект изучения.

Этот незначительный акт милосердия был вознаграждён благодарным взглядом удивлённой Донны.

— Это очень мило с твоей стороны, Шарлотта! Единственное, чего бы мне хотелось, — это обладать твоим... твоим, ну понимаешь, умением проникать в предмет...

Шарлотта улыбнулась, несколько удивлённая тем, что Для разнообразия оказалась в положении Донны, и Донна быстро откликнулась и, умело изобразив на лице интерес, спросила, как продвигается работа над картиной Рафаэля. Шарлотта старалась отвечать не слишком сложно, чтобы Донне, с её уровнем знаний, было понятно, поскольку, несмотря на наивность её вопросов, видно было, что девушка прилагает большие усилия, чтобы чему-то научиться. Шарлотту изумило, что всё внимание Донны оставалось прикованным к ней даже после возвращения Паоло.

Когда Шарлотта наконец поднялась, собираясь уходить, луна стояла уже высоко, забавно театральная круглая луна, которая посеребрила кожу молодых людей и наполнила её ностальгией по собственным студенческим годам во Флоренции.

— Я пройду с вами, — сказала Донна.

— Я иду прямо в пансион.

Шарлотта не собиралась быть резкой, но она устала, хотелось принять ванну, перечитать свои записи об ущербе, нанесённом картине. Короче, на сегодня ей достаточно было вливания юной энергии, даже разговоров.

— Тебе нужен другой... — Она взглянула на Паоло, с лица которого исчезло всё недавнее оживление.

— Нет, правда, мне хотелось бы пройтись с вами!

Паоло открыл было рот, но поймал взгляд Фабио и ничего не сказал. С подчёркнутым безразличием отвернулся от Донны и принялся игриво болтать по-итальянски с одной из девушек.

Уходя с Донной, Шарлотта только теперь заметила пожилых мужчин в соседнем кафе и поздоровалась кивком.

Лоренцо, как и Паоло, провожал глазами Шарлотту и Донну, пока женщины не затерялись в толпе. Трое стариков согласились, что правильно сделали, организовав парня приглядывать за ними. «На случай, если придётся что-то предпринять».

— Только не надо горячиться.

Они достигли того возраста, когда мужчина наконец перестаёт воевать с миром, если он вообще ищет покоя. Почему история должна нарушать их тихую жизнь? Они, в конце концов, люди не без влияния. Нужные звонки сделаны, чтобы застраховаться от неожиданностей, можно будет дёрнуть и ещё кое-какие ниточки.

— Бенни — хороший парень, — сказал херувим. — Никогда не подводит меня, не делает того, чего не просят.

А если его о чем просили... Что значит лишняя маленькая трагедия по сравнению со счастьем их больших, влиятельных и, по большому счёту, невинных семей?

Покинув кафе, Донна и Шарлотта почти сразу увидели, что и виа Рафаэлло, и параллельные улицы непроходимы в обе стороны, будучи забиты паломниками.

— Придётся добираться до вашего пансиона долгой дорогой, — сказала Донна, — назад через галереи под дворцом, а потом через виа Мадзини.

— Но это такой круг!

— Да, это такое место — его трудно понять, правда? Улицы идут будто без всякой логики. Я хочу сказать, тут нет центра... Не могу вам объяснить...

— Знаю, что ты имеешь в виду.

— Знаете?

— Да, — ответила Шарлотта, улыбаясь недоверчивости Донны. — Не важно, в каком месте Урбино находишься, всегда невозможно определить, где центр, он неуловим.

Шарлотта могла понять чувство потерянности, которое испытывала канадка в этом городе без чёткой сетки улиц, характерной для многих городов Северной Америки. Конечно, в некоторых крупных городах, таких как Рим или Милан, видишь такие же длинные прямые авеню, чёткие линии перспективы, но небольшие города вроде Урбино возводились как оборонительные позиции, а не для прославления империи, и солдаты строили на холмах, на вершушках отвесных скал.

Шарлотта чувствовала, что сердцем Урбино могла по праву считаться площадь Республики, с её центральным положением между двух холмов, откуда и пошло древнее название города: Урбс Бина, то есть «Двойной Город»; однако площадь скорее походила на забытую площадку на краю более крупного города. Потерявшая своё значение, возможно, из-за того, что география отрезала транспортными артериями эту часть, как сырный клин, или из-за более впечатляющей пьядцы герцога Федерико неподалёку с её герцогским дворцом, собором и церковью Сан-Доменико. Повсюду в Италии Шарлотта наблюдала этот конфликт между современным республиканским государством и старинной традицией родовых,

клановых, религиозных связей. *Passigiata* проходила по спирали вокруг одной идеи: так это виделось ей. Город, подобно лабиринту дворца, сходил в одной точке — крохотном кабинете герцога Федерико, и всё сливалось в фигуре книжника-воина Федерико, который утвердил то, во что верил, сперва мечом и окончательно — словом.

— Неулови-и-им... — раскатала Донна слово, как ковёр. — Наверно. Но не могу понять, почему я никогда не могу найти дорогу, когда город такой маленький. То есть по сравнению с Торонто, где я выросла. Не важно, куда идёшь в Урбино, всё получается, что кружишься и кружишься вокруг дворца. Похоже, от него не уйти.

— Да, вполне.

— Вполне. Это одно из словечек, которые у англичан означают практически что угодно, я права? Вроде как нужен целый словарь, чтобы его перевести?

— Пожалуй.

Мягкое согласие Шарлотты прошелестело под сводом галереи, похожим на тугой верх кирпичного шатра высоко над их головами. Слева от них вздымалось массивное крыло герцогского дворца, настоящий утёс, откуда стремительно сорвались два пятнышка, выросшие в ворону, гнавшуюся за голубем, и которые на один перехвативший дыхание миг, казалось, застыли в воздухе, как вещей знак, прежде чем камнем упасть в туннель галереи и взмыть вверх, и ещё, и ещё раз, и наконец исчезнуть в небе над башнями дворца.

Следя за головокружительным полётом птиц, Шарлотта скользнула взглядом по мощной стене, где на высоте пятидесяти футов начинались окна подвалов. Только находясь в галерее, можно было предположить, что «подземелье» дворца на самом деле начинается на несколько этажей выше уровня этой улицы. Изнутри и снаружи стены дворца были разной высоты, это она знала и гадала, что там забыто, сокрыто, какие развалины лежат под этими гулками катакомбами, с их пустыми колодцами, резервуарами и желобами, хитро приспособленными для удаления отходов.

Она не заметила человека, седоватого, в сером костюме, непримечательной, даже безликой наружности, который стоял в тени дворца, почти сливаясь с нею, и внимательно следил за ними. Серая, незапоминающаяся личность. Вблизи вы увидели бы, что глаза у него тоже серые, но без блеска, которым отливал его шерстяной костюм. Странно тусклые, как олово или сильно потемневшее серебро. Когда женщины шли, он следовал за ними, не отставая, но и не перегоняя, — мужчина с натренированной мускулатурой. Если не смотреть слишком долго в потускневшие глаза, его можно было принять за безвредную личность: торговца спортивным снаряжением или страхового агента, возможно — коммивояжёра, человека какой-то активной профессии. Собственно, его занятие вполне можно было считать некой формой страхования. Страхования жизни, так бы он сам сказал (если бы у вас хватило глупости попробовать это узнать), потому что, когда он появлялся в вашей жизни, возникала необходимость в подобной услуге.

ЧУДО № 19 ДВОЙНОЙ ГОРОД

— Рафаэль — вы, верно, по-настоящему увлечены им? — спросила Донна.

— Разумеется, я высоко почитаю Рафаэля, хотя мне вовсе не обязательно восхищаться творчеством художника, чтобы реставрировать какую-то его картину.

Она любила Рафаэля-человека не меньше, а может, больше Рафаэля-художника, потому что он верил в людей во времена куда более продажные, жестокие и безнадежные, чем её циничный, утративший веру век. Поймёт ли эта девица подобные различия?

— Это... как тебе объяснить, Донна? Вообрази, что покрываешь глазурью торт, который испёк кто-то другой. Если у тебя есть надёжный рецепт и представление о том, как всё должно выглядеть в итоге, тогда у тебя получится, пусть даже тебе самой такой торт не нравится.

«О господи, — подумала она, — всё это звучит так покровительственно!»

К счастью, девушка не слушала её. Она схватила Шарлотту за руку:

— Посмотрите! Туда! — Они как раз пересекли виа Мадзини и углублялись в лабиринт улиц за нею. — Это она — та старая стерва, которая напала на Рафаэля! Вон за тем парнем, который продаёт воздушные шары с фантастическим лицом с Туринской плащаницы! Позади него — посмотрите!

Воздушные шары тянулись вверх и раскачивались, похожие на маски, и то открывали, то скрывали женщину, чьи густые чёрные брови и узкоглазое византийское лицо были знакомы Шарлотте по тысячам ближневосточных икон. Немая повернула голову в их сторону. По её лицу пробежали жёлтые и красные отсветы от факелов, которыми размахивал пожиратель огня, и оно напомнило Шарлотте лик архангела-мстителя в языках пламени.

Внезапно женщина исчезла — возможно, сработал инстинкт самосохранения, — и вместе с ней исчезла девушка.

Донна не останавливалась, чтобы решить, что станет делать, если догонит женщину. Мысль была — дождаться, пока известие о погоне не дойдёт до Джеймса, он захочет заснять всё на плёнку, он увидит, на что она способна... Она гналась за немой по крутому склону одного из двух холмов, задержавшись лишь на миг перед злобной собачонкой, которая выскочила из проулка, лая и норовя тяпнуть её за ногу, но потом просто перепрыгнула через неё. Старуха сделала круг, вернувшись обратно на виа Мадзини, и должна была скоро выдохнуться; на этой главной улице она не могла уйти от Донны. Однако же ушла, не обращая внимания на мчащиеся машины, словно их не существовало, и скрылась в лабиринте средневековых переулков, поднимавшихся к северной стене дворца. Донна, отстав лишь на секунду, ринулась в первый из попавшихся переулков, но тот вывел её обратно к пустым тёмным галереям на корсо Гарибальди возле спирального пандуса.

Калитка была отворена, что было необычно для столь позднего часа. Донна это знала. Она остановилась у входа и прислушалась. Как будто звук быстрых шагов? Или голоса, шепоты, глухой, задыхающийся, неровный шум, будто волны набегают вдали. Она шагнула вперёд на звуки, туда, где медленно уходящая вниз тёмная спираль пандуса освещалась только луной. Донна сделала несколько осторожных шагов и оперлась рукой о кирпичи. Пальцы прочитали надписи на стене: замысловатые письма прошлого, свою грубо нацарапанную надпись.

Вот, опять — шёпот. Ближе. Донна застыла, парализованная страхом, — снизу наползает тьма, и сзади — шаги.

Щёлк! Свет полыхнул как выстрел. Поток итальянских слов гремел, повторяемый, усиленный эхом в туннеле пандуса: «Pezzo di merda! Putta! Putta! Stronza! Stronza! Viparetta!»⁷⁹ Следом из-за поворота стены вынырнул старый сторож.

— Извините меня, но вы не видели бегущей женщины?..

Донна осеклась, когда старик угрожающе поднял палку и, наставив на неё, пошёл вперёд, как краб, выставивший клешню, пока не остановился ниже её на плоской ступеньке. Тыча палкой в Донну, он заставил её отступить. Пришлось снова подняться наверх и выйти на улицу, тогда он с лязгом захлопнул перед нею калитку и запер её, бормоча, как она правильно поняла, ругательства. Однако она была уверена — почти уверена, — что, пока не появился сторож, впереди неё в спиральном пандусе был кто-то ещё. Если немая, то, возможно, у неё был ключ от калитки, и в таком случае теперь она уже где-то на Рыночной площади. Донна бегом возвратилась той же дорогой назад, замешкавшись лишь у городских ворот, где останавливались машины и междугородные автобусы, высаживая пассажиров. Каждый день прибывали новые паломники, большей частью женщины, толстые и смуглые, все в чёрном, как вдовы. Чёрные вдовы, ищущие спасения, благословения, укрепления в вере, задержали Донну на несколько минут, прежде чем она смогла перебраться через площадь к входу в спиральный пандус. Его нижняя калитка была теперь закрыта на замок. Не могла ли немая

⁷⁹ «Дрянь! Дерьмо! Шлюха! Шлюха! Дерьмо! Гадюка!» (ит.).

спрятаться на подземной автостоянке? Если так, то она в ловушке. Уступая дорогу автобусу, медленно выехавшему справа, Донна подняла взгляд и увидела Муту, смотрящую на неё из автобусного окна; её античным чертам не очень подходила подобная современная рама.

— Стойте! — закричала Донна. — Стойте!

Она бежала за автобусом, стуча кулаком в его заднюю стенку, пока он не набрал скорость и не укатил прочь.

— Чёрт!

Кулак у Донны болел, а после такого прилива адреналина осталось ощущение тошноты и слабости. Люди глазели на неё, глупую иностранку. Она медленно побрела к пансиону Шарлотты. Чувствуя необходимость выкурить сигарету, она остановилась на виа Мадзини и сунула руку в карман. Зажигалки не было. Должно быть, выронила где-нибудь на улице. Чёрт, чёрт, чёрт!

На одном из перекрёстков из боковой улочки вышел худой человек в сером костюме, и Донна окликнула его, вспомнив два из двадцати итальянских слов, которые знала: «Permesso, Signor!»⁸⁰ — и показала на сигарету. Пока он держит перед ней зажигалку, она едва взглянула на него, и если бы её попросили описать его, она не смогла бы это сделать. У неё осталось смутное впечатление общей серости, и все, пожалуй, разве что, может, рука с зажигалкой была мускулистой да походка, когда он удалялся, — пружинистая, спортивная. Но так ходили многие итальянские мужчины — показать бёдра. Паоло шаркал при ходьбе. Мысль о Паоло заставила её улыбнуться и напрочь забыть о худощавом сером человеке, появившемся из ниоткуда, чтобы она могла прикурить.

Шарлотта ждала в холле уже двадцать минут, когда Донна наконец вернулась.

— Потеряла её... Она вскочила в автобус на Рыночной площади.

— Номер запомнила?

— Не до того было, я пыталась остановить автобус, кричала водителю.

«В этом вся она: вообразила, что он остановится», — подумала Шарлотта.

— Куда он поехал... не на юго-запад?

Значит, в сторону Туфо и Монтесоффьо, куда Шарлотта шла в тот день, когда попала на ферму Прокопио.

— В чем дело, Шарлотта? Это имеет для вас значение?

В обычных обстоятельствах Шарлотта смолчала бы, не открыла карты. Но сегодня вечером она для разнообразия испытывала чувство общности с канадкой и потому, поощряемая удивлением в широко раскрытых глазах Донны, принялась рассказывать о своих подозрениях относительно немой женщины, приносившей цветы к иссечённой пулями двери в Сан-Рокко.

— Вы думаете, это, возможно, та же женщина, которая погубила картину Рафаэля?! — загорелась Донна. — Давайте отыщем её! Я подыхаю со скуки, жду, чтобы что-нибудь произошло! Как насчёт завтрашнего утра, а? Поехали, Шарлотта! Развлечёмся!

— Утром мне надо будет написать отчёт о повреждениях, нанесённых Рафаэлю, и отправить факсом начальству в Лондон, — ответила Шарлотта, уже сожалея о том, что доверилась девице. — Потом у меня ланч с графом Маласпино.

— Неужели? С графом? Желаю удачи.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего... Знаете, если я не понадобится завтра Джеймсу, то могу поехать одна и, вроде того, проверить это Сан-Рокко, опередить копов!

— Полицейских? Как они... Я никому ничего не говорила... только тебе...

— Ну да, но они всё равно узнают, рано или поздно, правильно?

Возразить на подобное рассуждение было нечего, и Шарлотта сказала:

⁸⁰ Позвольте, синьор! (*um.*)

— Если можешь подождать один день... я постараюсь освободиться послезавтра днём...
Донна расплылась в бескрайней «колгейтовской» улыбке.
— Отлично! Я найду за вами в двенадцать-час послезавтра.
— А пока... можешь... — Шарлотте трудно было просить Донну. — Могла бы ты... помолчать об этом?... Пусть это будет нашим секретом...
— Секретом? Почему?
— Да так, нипочему... Просто я думаю... лучше, чтобы об этом знало не слишком много людей.

Шарлотта вошла в свою комнату на верхнем этаже пансиона, в мансарде, которую она выбрала за вид на тянущиеся вдоль горизонта городские черепичные крыши. В первую свою ночь в Урбино она с восторгом смотрела на ласточек, которые с писком проносились на уровне глаз; их мелькающие на фоне лунного серебра чёрные силуэты напоминали треугольных воздушных змеев. Но она жила здесь достаточно долго, чтобы успеть пожалеть, что выбрала эту комнату. В любую погоду в ней было жарко, темно и душно, слишком сладкий аромат травяного чая и яблок её одиноких завтраков никогда не выветривался. «Ромашка — запах пугливого среднего возраста», — подумала она, подходя к крохотному окошку и распахивая зелёные деревянные ставни, которые консьержка плотно закрывала каждое утро.

Тут же в окно ворвалось дымное благоухание жарящихся каштанов, поднимавшееся от ларька внизу, и развеяло её клаустрофобию.

Она сунула в кружку кипятильник, приготовила чай и стала просматривать свои заметки к реставрации «Муты», толстенную папку, изумившую Паоло, особенно когда он прочёл страницы, посвящённые немоте.

— Шарлотта, мы что, реставраторы-логопеды?

— Нет, — ответила она. — Нет... но... думаю, Рафаэль хотел показать нам, каково это — молчать, и как само молчание входит в человека то ли из-за потери им способности говорить, то ли... от невозможности общения. И если шрам над глазом связан с её немотой, с причиной, вызвавшей её, это может помочь нам.

«Немота подобна сфинксу, — читала сейчас Шарлотта Цитату, выписанную ею из книги, посвящённой этому предмету. — Влекущая и тревожащая, эта молчаливая загадка смотрит на нас с вызовом, это тайна, которую даже специалисты по нарушениям речи не могут разгадать». Она внимательно рассмотрела первые фотографии Рафаэлевой немой, которые Паоло сделал вскоре после того, как смыл потемневшие слои лака и краски, нанесённые в старину прежними реставраторами. Губы сжаты ещё упрямее, шрам ужасен. Ничего удивительного, что городской совет пожелал вновь скрыть его!

Через несколько страниц она нашла следующую запись: «Лечение истерической, или функциональной, немоты может повлечь за собой агрессию. Одна пациентка заявила, что намеренно отказывалась говорить, не желая расставаться с чувством злобы. Если бы она высказалась, облекла свою молчаливую злость в слова, её гнев улетучился бы, потерял накал. Когда пациентку успешно излечили от немоты, она стала буйной и полной ненависти. Ни за что не хотела выписываться из больницы и возвращаться домой, боясь, что совершит дикое преступление против тех, на кого возлагала ответственность за свою немоту».

Сейчас Шарлотта написала на последней странице своих заметок: «Если женщине пришлось замолчать ради спасения жизни, что может заставить её вновь заговорить?»

Подумав, приписала: «У человека без голоса нет прошлого, как у камня или собаки».

Серый человек не забыл Донну. Он с наслаждением думал, как поиграет её большими титьками, если старики дадут команду. А если нет, плевать, он знает проститутку в Риме, у которой такие же длинные чёрные волосы, длинные ноги. Заставит её одеться так же, в такую

же коротенькую красную вещицу, какую носит канадская сучка, а потом позабавится с ней. Та проститутка делает почти всё. Улыбаясь, он шагал по закоулкам Урбино. «Вспахать по полной» — так он это называл. Тут неожиданно чья-то рука хлопнула его сзади по плечу; с удивительной быстротой он развернулся, сжав кулак в левом кармане пиджака.

— Легче, легче, — успокаивающе сказал другой. — Я ж пошутил, Бенни, — Глаза его сузились в осторожной усмешке.

— Альберто! Ну и чудеса! — Серый человек, казалось, не слишком обрадовался встрече. — Слышал, тебя убили в том деле в Палермо. Вечно всё путают.

— Операция прошла неудачно, но пациент выжил.

— Симпатичный шрам.

Собеседник, молодой, кричаще одетый, коснулся багрового следа, идущего от правой скулы вверх и пропадающего в волосах над ухом.

— А, это? Дешёвая татуировка. Идёт мне, скажи?

— Что здесь делаешь?

— По делу приехал. А ты?

— Отдыхаю.

Молодой человек расплылся в широкой улыбке и легко повёл подбородком, указывая на левую руку, по-прежнему лежащую в кармане пиджака.

— Говорят, здесь хорошая охота.

— Я тоже слышал.

— Ну, хорошего отдыха!

— Обязательно. Встретимся ещё, — сказал серый человек и пошёл своим путём.

— Надеюсь, не встретимся, Бенито, — прошептал другой. — Очень надеюсь.

ЧУДО № 20 **КАРТОН РАФАЭЛЯ**

— Всего лишь телефонный звонок, — сказал голос на другом конце провода.

— Ты давал слово, что мне не придётся опять...

— Слова даются, чтобы их нарушать, и ты знаешь это лучше других. Мы больше не хотим никаких чудес, не так ли? Никаких предсмертных признаний, ничего такого, да? Слишком много стало признаний.

— Но я не спорю, никаких связей...

— В том-то всё и дело, что у тебя нет связи с этим храбрым следователем в Милане, с его большим болтливым ртом и страстью к правде и возмездию. Важно время, когда ты велел... задействовать его. Если сопоставят даты или записали телефонные разговоры, то увидят, что мои компаньоны и я встречались на деловых совещаниях или в уличных кафе при сотнях свидетелей. Понимаешь, старина, нам не выбраться сухими из почти двухлетнего процесса в Милане, если тщательно не подготовимся. Теперь я даю тебе возможность помочь нам в этом... как ты однажды уже помог, помнишь? Как мы недавно помогли тебе...

Не думаю... Он знал, что этот человек и его консорциум «компаньонов» прекрасно могут обойтись в своих неприятных делах без его помощи. Звонок вовсе не был обязателен, просто это часть их игры с ним в кошки-мышки. «Вынуждают, — подумал он, — взяться за старое, с которым я давно покончил. Такова их цена за свободу, а потом могут опять взмахнуть битой».

Голос в трубке немного потеплел, приобрёл шутливую интонацию в манере принявшей его страны.

— Соглашайся, дружище! Приободришься! Один звонок, только и всего! Скажешь, что руководишься благородными намерениями. У тебя отличное алиби: ланч с англичанкой! Кто тебя заподозрит с таким первоклассным прикрытием?

Или вас. Или вас.

— Ничего не готовите... фатального?

— Просто небольшое предупреждение, маленький урок всего-навсего.

Как ни причёсывала Шарлотта жидковатые светлые волосы, всё было бесполезно.

— Взгляни на себя хорошенько! — сказала она вслух. — можешь платком повязаться, как монашка, и то краше будешь.

Но даже когда зеркало подтвердило худшие опасения (тощая, увядшая, плоскогрудая — такой она увидела себя), она не могла подавить чувство предвкушения встречи за ланчем с графом Маласпино. Последние несколько дней из головы у неё не выходила глупая фантазия, что граф — вроде современного герцога Федерико, — мысль, которую она решительно отвергла, выбирая, что надеть, из кучи разномастных блузок и юбок, строгих пар бежевых и голубых тонов, слегка грязноватых, как бы говоривших за неё: «Я уже в годах, к тому же англичанка, поэтому, пожалуйста, не смотрите на меня, я предпочитаю, чтобы не смотрели».

Позвонила консьержка, сообщить, что посыльный принёс коробку для синьоры Пентон; голос у неё при этом звучал почти заговорщически. Такой же был у неё и вид, когда она протянула небольшую коробку, в которой оказался букетик свежих веточек жасмина. Открыв её, Шарлотта вдохнула опьяняющий аромат крохотных белых цветов и нетерпеливо прочла приложенную карточку: «Синьора Пентон, вы, должно быть, переживаете из-за вашей картины. Примите, пожалуйста, этот подарок в память о нашем разговоре о мороженом. Жду вас к чаю в полчетвёртого, как всегда. Франческо Прокопио». Увидев подпись, она почувствовала острую боль, которую отнесла на счёт разочарования.

— Желаете, чтобы я поставила их в воду у вас в комнате? — спросила консьержка. — Так чудесно пахнут!

— Да, спасибо.

Шарлотта отдала ей потерявшую свою цену коробку с цветами и вышла из пансиона, пока старуха не начала задавать вопросы.

Голуби толпились у фонтана на площади Республики, их перебранка мешалась с шумом студентов, идущих из университета через пьядцу домой перекусить. Было настолько тепло, что в пиццерии напротив распахнули двери, и шеф-повар сидел в своём белом наряде на скамье, подставив лицо солнцу. Дым его дровяной плиты плыл к Шарлотте. Запах дыма вместе с длинными синими тенями и желтоватым булыжником, выложенным в виде набегающих волн, которым была вымощена площадь, — всё это напомнило ей летние прогулки с Джоном по ветреным галечным пляжам в Норфолке.

Она встретила с графом в изысканном небольшом ресторанчике, помещавшемся на боковой улице в подвале, который был высечен в каменном склоне холма. Поскольку окна в нём были только в передней стене, а сверху всей своей массой над ним нависало шестизэтажное средневековое строение, дневной свет проникал в него лишь на несколько шагов от двери. Освещаемый одними свечами, ресторан походил на пещеру, где весь город хранил свои тайны, и после яркого октябрьского солнца Шарлотта с трудом нащупывала путь к столику. Идя впереди графа Маласпино, она споткнулась, и он подхватил её под руку, чтобы не дать упасть.

— Простите, граф!

— Прошу вас, зовите меня Дадо.

— Просто... после улицы здесь...

— А... ну да, вы, которые приезжаете из страны, где так мало солнца, всегда ищите его, тогда как нам, в Италии, нужно непременно прятаться от света. Кто знает, возможно, у нас выработалось к нему совершенно иное отношение?

Когда глаза Шарлотты постепенно привыкли к полутьме, она узнала несколько обедающих: VIP-персон, присутствовавших на столь трагическом открытии картины Рафаэля, двух элегантных стариков, друзей бывшего шефа полиции. Все мужчины приветливо махали

или важно кивали её сопровождающему.

— Для человека, столь долго отсутствовавшего в стране, вы сохранили много друзей, граф, — сказала она.

— Зовите меня Дадо, пожалуйста! — ответил он. — Большинство этих людей не мои... они... были... старинными друзьями отца.

Метрдотель усадил их за столик, несколько великоватый для непринуждённой беседы. Когда Шарлотта подалась вперёд, чтобы что-то сказать, крахмальная льняная скатерть задралась, грозя опрокинуть её стакан с водой. Она подхватила его, пригубила и, ставя обратно на стол, заметила, что угодила рукавом в серебряную маслёнку. Ещё не привыкшая к этому сговору мелких неодушевлённых предметов против неё, она рассеянно тёрла жирное пятно, наблюдая за графом, который вёл себя как настоящий хозяин. Когда он наклонился к ней, скатерть и не думала мешать ему, стаканы стояли как вкопанные — всё внимание, как и принимавший заказ официант, записывавший за графом названия блюд, которые не значились в меню.

— Вы должны попробовать это, Шарлотта, — сказал Маласпино. — Фаршированные оливки с кремом фритта, особое блюдо дома Асколи Пичено, любимого виолончелиста Россини, который принадлежал благородному роду Витали, имеющему семейные связи с моим родом, — скромно добавил он. — Россини, знаете ли, был страстным гурманом.

— О, неужели? — Фаршированные и жаренные в сливках оливки поразили Шарлотту не столько вкусом, сколько усилиями, какие требовались на их приготовление.

— Говорят, за всю жизнь он плакал всего дважды: первый раз, когда услышал игру Паганини на скрипке, а второй, на корабле, когда индейка с трюфелями, стоявшая перед ним, упала со стола за борт.

— Как интересно!

Шарлотта старалась как-то выказывать интерес к рассказу графа и одновременно управляться с огромной булкой, которая была и жёсткой, как камень, и рассыпчатой.

Наконец граф подошёл к главному:

— Хочу сделать вам предложение...

Булка, хрустнув, рассыпалась.

— Деловое предложение, — продолжал граф. — В английском слово «предложение» имеет другой смысл, не так ли? Любопытнейший язык... Моя жена — немка, но выросла в Америке и говорит на нём бесконечно лучше меня... — Сделав предсказуемую паузу, чтобы Шарлотта могла кое-как выдать жалкий комплимент его лингвистическим способностям, граф продолжил: — Предлагаю вам взять на себя труд отреставрировать разнообразные фрески и семейные произведения искусства, находящиеся в моём доме, на вилле «Роза», где вы, разумеется, будете нашей гостьей.

Шарлотта смахнула с коленей крошки:

— Уверена, граф, вы... вы предпочитаете нанимать для такой работы итальянца?

— Обычно да. Но мою супругу, как и меня, очень впечатлило, какую репутацию вы, синьора, имеете в Европе. И ваша работа здесь подтвердила её.

Он пустился объяснять, почему они с женой считают, что Шарлотта лучше любого другого подходит для этой работы, щедро рассыпая, словно вишенки в ликёре на суховатый кекс её жизни, имена знаменитейших итальянских коллекционеров искусства, с кем, намекнул он, она сможет вскоре оказаться в близком знакомстве.

Когда Шарлотта пробормотала что должна будет возвратиться в Лондон, как только работу над Рафаэлем отложат, граф на мгновение коснулся её руки ладонью, едва ощутимо дрожавшей, — так вибрирует колокол, перестав звонить.

— Надеюсь, вы простите меня, — сказал он, — но, предвидя подобный аргумент, я без вашего ведома переговорил с уважаемым Джеффри, и он был рад, что вам предоставляется такая возможность...

«„Уважаемый Джеффри" ничего мне не сказал», — подумала Шарлотта, возмущённая, но не удивлённая. Джеффри искал повод отправить её куда-нибудь на несколько месяцев,

несомненно, потому, что она не соответствовала новому, жизнерадостному, молодёжному образу галереи (или новому, жизнерадостному, молодому, после подтяжки, лицу Джеффри). Она заметила, что граф бросил взгляд на часы на стене ресторана. Пять минут второго.

— У вас наверняка много более неотложных дел, чем...

— Нет, нет! — улыбнулся он и снова коснулся её дрожащей рукой. — Я обещал кое-кому позвонить. Вы простите, если я отлучусь на минутку?

Они начали точно в два. Поскольку они были людьми с ограниченным воображением, то решили, что будет забавно, если напомним ему о его знаменитой коллекции предметов искусства. Он любил Рафаэля, и они дали ему Рафаэля: прикрепили напротив один из его многочисленных картонов Рафаэля — для вдохновения. Однако их распятие было более точным, чем изображение Рафаэля. Зная, как можно использовать против человека собственный его вес и что богатые толстяки умирают быстрее бедных и тощих, они не стали возиться с гвоздями и крестом. Вполне подошло дерево на плоской ломбардской равнине и верёвка, чтобы связать толстяку голые руки за спиной и подвесить его — повыше, лопатки вывернулись под невысказанным углом, и вся тяжесть массивного тела тянула его вниз. Жилы на шее и плечах лопнули, так что он уже не мог держать голову, и это было самое, в конце концов, смешное. Над его головой прибили доску с надписью от руки:

SPAVENTAPASSERI

Пугало. Потом сделали несколько снимков поляридом и дали ему на память, когда обрезали верёвку. «Предупреждение всем другим доносчикам, — сказали они ему. — Передай это друзьям и коллегам».

Следующая смена блюд появилась на волне аромата белых трюфелей.

Шарлотта-реалистка, Шарлотта-пессимистка знала, что люди не меняют жизнь других, взмахнув волшебной палочкой. Пока граф разговаривал по телефону, она заготовила несколько разумных доводов, позволяющих отказаться от его предложения, но, вернувшись, он распорядился ими так же легко, как официантами и парадом блюд и вин, которые появлялись и исчезали перед ней. Несколько минут она не позволяла его убедительным аргументам обнадёжить её, но постепенно он сломил её сопротивление. Перед глазами вставали заманчивые картины. Она может сменить свою мрачную лондонскую квартиру на виллу в этой наполненной светом стране! Не будет скрипеть зубами, слушая рассказы Джона о новых свидетельствах гениальности его малышки Клоаки!

Единственный раз безоблачное настроение покинуло графа — когда она, говоря о степени серьёзности повреждений, нанесённых «Муте», спросила, не знает ли он, по чему уборщица бросилась на него.

— Бросилась на *меня*?

— Ну да, так мне показалось... — запинаясь, продолжала она. — По крайней мере, я думала... может, это имеет отношение к войне... вилле «Роза»... недалеко от Сан-Рокко...

Он резко опустил на стол нож и вилку:

— Войне? Сан-Рокко? Сожалею, но я не вижу связи!

— Извините, пожалуйста, я... Понимаете... человек в Урбино, он сказал...

— Этот человек смутьян худшего пошиба! — Граф вытер тонкие губы салфеткой и вновь аккуратнейшим образом расположил её на коленях.

— Нет! Я хотела сказать... это не он... это я... — Она густо покраснела. — Он лишь упомянул, что, возможно, какие-то родственники этой немой женщины в Сан-Рокко... имеют какое-то отношение к тому, что случилось в Сан-Рокко... и я...

— Родственники? — Он снова вытер рот салфеткой. — Судя по тому немногому, что я

знаю об инциденте в Сан-Рокко, деревушка была уничтожена немцами... или, может быть, партизанами, подозревавшими тамошних жителей в сотрудничестве с ними. Понимаете, свидетелей нет, одни слухи. Немцы или партизаны, в Италии сколько угодно подобных историй. — Он бросил салфетку на стол и нервно потёр руки.

Шарлотта, чьи щёки ещё пылали, снова извинилась.

— Конечно, вы не могли этого знать, — сказал он снисходительно.

— Пожалуйста... я должна... Видите ли, Прокопио сказал мне, что немая женщина приносит туда цветы, на место...

— Прокопио? Не местное имя. Сицилийское. Переселенец с юга. Коммунист, пытающийся получить известность.

— Я так не думаю! Только не Прокопио...

— Ну, раз вы так говорите, верю. Однако вы должны сказать вашему другу, чтобы он прекратил распространять подобные опасные небылицы.

— Прокопио мне не совсем друг... Он просто... Я познакомилась с ним... Он хозяин кафе напротив дома Рафаэля...

— Ах вот как! Это всё объясняет. Его настоящее имя Франческо Мадзини. Он поменял его несколько лет назад, и, надо полагать, у него на то были веские причины, синьора Пентон. — Они вернулись к прежнему лёгкому тону. — Это человек с дурной репутацией, и вы мудро поступите, если не будете слушать его, — я посоветовал бы вообще ни с кем не обсуждать подобные голословные утверждения о Сан-Рокко. Знаю, я могу положиться на вас. Англичане куда... сдержанней, куда благоразумней нас, итальянцев. Куда лучше умеют хранить тайну. — Граф взял меню, протянутое официантом. — А теперь, что мы возьмём на десерт? *Пудинг*, так, кажется, это называется у вас в Англии? Очаровательная страна. Вы там учились или провели год за границей, как многие английские студенты?

Ей стоило усилий вернуться к теме, близкой ей.

— Да, год во Флоренции... изучала искусство Раннего Возрождения.

— Мне говорили, что термин «Ренессанс» больше не в чести в кругах критиков, синьора Пентон, что теперь не модно верить в идею культурного и духовного возрождения, вытеснившую наше парализующее средневековое чувство человеческой неполноценности. И всё же мы обречены вечно мечтать о времени до грехопадения, не так ли? О золотом веке?

Он вновь был само обаяние, словно они вовсе не упоминали о том, что случилось в Сан-Рокко. Шарлотта, сама себе удивляясь, пустилась в рассказ о своей девической увлечённости живописью пятнадцатого века, изображавшей мучеников, святых и мадонн, которую изучала, казалось, так давно. Интерес, с которым граф слушал её, заставил её почувствовать, будто те счастливые дни во Флоренции были совсем недавно — может, в прошлом или, самое большее, в позапрошлом году. Она прихлёбывала золотистое вино, и бокал не пустел, и разглядывала необычное лицо человека, сидевшего против неё, пытаясь найти в нём что-то привлекательное. Взятые в отдельности, его черты были приятны — даже очень, но почему-то не складывались в гармоничное целое. Он был красив, однако странно неопределённой, расплывчатой красотой, будто пошевелился в тот момент, когда щёлкнул затвор.

Граф снова положил ладонь на её руку и на сей раз дольше не убирал её. Шарлотту удивило, что этот интимный жест не доставляет ей неприятного чувства, как в случае с Прокопио, от одного физического *присутствия* которого ей становилось не по себе. Почти женственные в своём изяществе аристократические манеры графа делали его, может, несколько безличным, тогда как в Прокопио личностное начало было выражено настолько мощно, что казалось, он едва сдерживает свою буйную натуру. Комнаты становились слишком маленькими, когда он входил, ваши кости — слишком хрупкими. Дурная репутация? Он явно был способен на большее, нежели пирожные и бекон.

— Меня очень заинтересовали ваши мысли, когда вы описывали «Бичевание» делла Франчески, — сказал граф после того, как они выпили по несколько бокалов.

— А... да...

Она вспомнила, что, слегка захмелев, заявила: фреска, мол, замечательна тем, как Пьеро делла Франческа использовал перспективу, чтобы отдалённая фигура жертвы оставалась центральной, но ещё более загадочностью выраженной в ней аллегории.

— Кого бичуют, Христа? Святого Мартина? Святого Иеронима? — спрашивала она. — Мнения экспертов расходятся. Что интересует меня, так это спокойствие картины, жемчужный, неопределённый колорит внутреннего Дворика, где происходит истязание: дворик залит лунным светом, тогда как три фигуры переднего плана разговаривают, стоя в саду, освещённом солнцем, и не замечают происходящего позади них. Один из этих троих, золотоволосый, босой, — быть может, ангел? — даже больше своих собеседников равнодушен к бичеванию. Если он ангел, то почему не делает чего-нибудь, чтобы остановить его? Меня всегда это волновало. Что должно было произойти, чтобы нарушить мрачное спокойствие тех трёх фигур? Они словно глухи к воплям истязуемого.

— Одна часть картины изображает прошлое, — решил граф, — а другая — настоящее.

«А можно воспринимать это и как пересечение прошлого и настоящего», — подумала Шарлотта; иллюстрацию делла Франческо законов перспективы и их отражение в действительности.

— И ещё странное спокойствие самой жертвы, — сказала она вслух, — равнодушной к боли.

— Вы находите это странным?

— Полагаю, единственное объяснение таково: светлая часть картины — это то, что мы *хотим* видеть, лунная же, с бичеванием, показывает тёмную сторону, реальность, от которой мы отворачиваемся.

Улыбаясь, граф поднялся, чтобы помочь ей выйти из-за стола, и сказал:

— Возможно, его спокойствие объясняется просто тем, что свершилось предначертанное.

О счёте заботиться не пришлось. Хозяин ресторана отверг все попытки графа заплатить за ланч. Он так счастлив видеть у себя синьора конто и его обаятельную спутницу! Больше того, они оказали ему честь, пробыв у него так долго, уверял он, провожая их до дверей.

Так долго? Шарлотта была потрясена, увидев, что они просидели в ресторане почти три часа. Она уже на полчаса опаздывала на чай с Франческо Прокопио.

— О боже!

Граф прекрасно всё понял:

— У столь значительной — и очаровательной дамы, конечно же, должна быть *масса* приглашений.

Он поддерживал очаровательную Шарлотту за руку чуть выше локтя, когда они преодолевали ступеньки выхода. Она была не против — а можно сказать и сильнее, — чтобы он продолжал держать её под руку всю дорогу до Прокопио. Когда они подошли к кафе, граф, прощаясь, сжал её ладони и сказал:

— Не забудете мои предупреждения относительно этого человека? Он не тот, с кем вам следует знаться.

ЧУДО № 21 АНОНИМНАЯ ПЬЕТА

Входя в кафе на час позже договорённого, Шарлотта рассеянно кивнула живой статуе Рафаэля, которая распахнула перед ней дверь, оставив на ручке пятно зеленовато-бронзовой краски. Она слегка волновалась из-за опоздания, но, в конце концов, она была вольна не принимать приглашение Прокопио на чай. Она решительно выкинула из головы всякую мысль о его коробке с цветами и уселась у стойки на табурет рядом с мэром, для которого кафе Прокопио было столь же привычным местом, как бар «Рафаэлло».

— Город уже кишит всякими шарлатанами и гуру, Козимо! — ворчал он, обращаясь к бармену. Не было сомнений, что вечером те же сетования услышат в «Рафаэлло».

— Не жалуйтесь, доктор, — ухмыльнулся бармен. — Это только на пользу бизнесу — по крайней мере, кафе Франческо. А что на пользу городскому бизнесу, должно быть на пользу и мэру города!

Мэр отодвинул чашечку с эспрессо, вытер аккуратные усики и вздохнул:

— Знаешь, кого мне придётся развлекать нынче вечером? Этого подонка Чезаре, который считает себя единственным в истории адвокатом, защищающим Деву Марию...

Шарлотта подождала, пока мужчины подробно обсудят, какой подонок этот адвокат Чезаре. Когда мэр ушёл, она попросила позвать Прокопио, обнаружив при этом, что с трудом может произнести его имя. Бармен в ответ молча постучал по своим часам, показывая, что она поздно пришла. Сверился по медным часам на стене. Повозил тряпкой по стойке. Наконец ответил на ломаном английском:

— Босс, он ждёт сорок минут, можа больше, синьора. Теперь ушёл домой.

— Понимаю... Не скажете ли его телефон?

— На ферма нет телефоне, синьора. — Он смахнул воображаемую пылинку с цинковой стойки.

— Надеюсь, увижу его завтра. — И что она с ним объясняется?

— Нет надеяться на завтра. Очень занятый. Заниматься свиньями.

— Что ж... передайте ему мои извинения, когда увидите его...

Бармен делал вид, что не слушает. «Чёртов Прокопио!» — подумала Шарлотта. Чувство вины и разочарования испортило вызванное алкоголем приподнятое настроение, заболела голова. Какое он имел право?..

— Чао, Фабио! — поздоровалась Донна, остановившись перед статуей Рафаэля, теперь устроившейся у дверей дома епископа — небольшого дворца позади главного собора.

Живая бронза ответила лишь лёгким подрагиванием зелёных век. Небольшая толпа туристов, чьё внимание он привлёк, восхищалась его зеленоватыми руками, зеленоватыми ушами, его поразительной способностью держать постоянно поднятой зеленоватую кисть. Фигура Фабио настолько примелькалась на улицах Урбино, что серый страховой агент даже не заметил его, когда проскользнул мимо него к дверям, в которые вошла Донна, и замер на секунду, не уверенный, стоит ли следовать за ней внутрь. В эту минуту появился полицейский, недавно призванный из Рима. Его тревога при виде сухопарого серого человека была явной, но тут же оба отвернулись друг от друга с деланным равнодушием.

Донну изумляло различие между внешним и внутренним видом урбинских так называемых дворцов. Снаружи они следовали правилу сдержанного величия, толщиной и украшениями дверей и оконных ниш лишь немного отличаясь от соседних домов, хотя, конечно, на них присутствовали каменные гербы, говорящие вам, что тот-то и тот-то отличился на службе у того или иного очень важного лица (обычно лет шестьсот тому назад). Оказавшись же внутри, вы чертовски быстро понимали, где находитесь: во всём сквозило богатство. Этот дворец не был исключением. Пурпурным шёлком обтянутые стены с золочёными рамами портретов предыдущих высших духовных лиц, которые обитали в этих палатах, и громадная дверь, закрывшаяся за Донной с дорогим шелестящим *у-уф*, словно опасаясь обеспокоить этих пухлых, не слишком-то милосердных господ. Их осуждающий взгляд со стен провожал её, пока она шла по длинному коридору за человеком, представившимся секретарём монсеньора Сегвиты, тем самым секретарём, который позвонил ей накануне вечером и передал приглашение монсеньора посетить его в апартаментах урбинского епископа.

Гость местного епископа, монсеньор Сегвита, ожидал её в обшитой деревянными панелями комнате в конце коридора. Войдя, Донна одёрнула чёрное платье пониже, чтобы прикрыть колени. Глаза мужчин, особенно итальянских мужчин (даже священников, Донна знала это по опыту), оглядывая её, обычно следовали неизменным маршрутом: глаза, губы,

грудь, низ живота, нога и снова глаза. Но этот был не таков. Он смотрел на неё в упор большими тёмными глазами, лишь время от времени бросая быстрый взгляд на бумаги, лежавшие перед ним на огромном, обтянутом кожей письменном столе. Его лысеющая голова была хорошей формы, а чёрные полосы густых бровей и ресниц чётко, как генеральские нашивки, выделялись над высокими гладкими скулами. Умный генерал Церкви, с выдающимся носом и твёрдой линией подбородка. Лицо из тех, какие можно увидеть на почтовых марках.

— Не желаете ли кофе с пирожными? — спросил он приятным хрипловатым тенорком.

С чувством мученицы, идущей на невероятное самоотречение, Донна согласилась только на чёрный кофе. Чашка тонкого китайского фарфора слегка дрожала в её руке; она поняла, что её решение было правильным, когда увидела, что епископ воздержался от сливок, сахара и от пирожных.

— Я слышал, синьорина Рикко, — сказал он после того, как секретарь, забрав поднос, закрыл за собой дверь, — что вы были в самом эпицентре событий вторника и находились достаточно близко, чтобы видеть случившееся с картиной.

— Думаю... да, в паре футов. Я — ведущая этого телесериала, вы знаете?

— Полагаю, вы играете важную роль. Куда вы смотрели, на картину или на графа Маласпино, когда напала та женщина?

— Ну, наверно, и туда, и туда, на графа, когда он говорил, потом на картину, когда он снимал покрывало, потом опять на графа, когда та чокнутая...

— Видели вы на картине какие-нибудь признаки крови до того, как она коснулась её?

— Нет. Кажется... нет, но...

Он легонько постучал карандашом по записям. В другой руке у него был какой-то небольшой предмет цвета кости, который он не переставая то крутил в тонких пальцах, то нежил в углублении сложенной ладони, то медленно поглаживал подушечкой большого пальца, словно любимую ручную мышку или птичку.

Донна дрожала от удовольствия, наблюдая за этой игрой. Что это у него в руке? Она не могла разглядеть...

— Вы наблюдательны, проницательны, синьорина, попытайтесь вспомнить. — Он подался к ней, лицо серьёзное, тёмные глаза так и сверлят. — Ваше содействие может чрезвычайно помочь всем нам.

Сам наблюдательный да проницательный! У неё было такое чувство, будто он видит её насквозь, все её скрытые таланты. Будто он втянул её душу в свою, прополоскал, отжал и расстелил на солнцепёке сушиться.

— Ну, всё случилось ужасно быстро, понимаете? То есть вот он отдёргивает занавес, говорит и улыбается в камеру... И я гляжу туда-сюда: на картину, на занавес, на графа, на картину, на занавес...

— Да, понимаю. — Монсеньор Сегвита внимательно слушал, ничем не выказывая нетерпения, безостановочно вертя в тонких пальцах костяную вещицу. Может, это шахматная фигура? Или японская фигурка, вырезанная из слоновой кости? — Попробуйте сосредоточиться на том моменте, когда отдёргнули занавес, синьорина... Можете вспомнить, была на картине кровь именно в этот миг?

Донна закрыла глаза и послушно пыталась представить себе тот эпизод, но, как ни старалась, единственное, что вставало перед её глазами, суровое красивое лицо монсеньора Сегвиты. Она вздохнула и открыла глаза.

— Извините. Вроде как просто не выходит чётко увидеть. Знаете, вроде как рука графа загоразивала.

— В таком случае не могла ли кровь оказаться на картине *до того*, как женщина ударила её ножом?

— Да, думаю, могла. То есть я не уверена, что граф сам не сделал этого.

Монсеньор Сегвита нахмурил изящно выщипанные брови:

— Уж не хотите ли вы сказать, что в этом замешан граф Маласпино?

Она едва не проглотила язык, стараясь откреститься от подобного предположения.

— Нет! Я имею в виду, что вы имели в виду... понимаете, вы желаете найти неопровержимое доказательство... Возможно, Шарлотта — Шарлотта Пентон, реставраторша? Она, возможно, внушила мне такую идею. То есть не то, что граф сделал это, но, знаете, есть какая-то связь между этой полоумной уборщицей и графом, последняя война или ещё чего, не знаю.

— Итак, Шарлотта Пентон считает, что графа Маласпино и немую женщину, набросившуюся на картину Рафаэля, связывает что-то, происшедшее во время войны...

Донна, которая несколько лет не была на исповеди, была готова рассказать даже о тайнах других людей, и терпеливое одобрение епископа побудило её принять подозрения Шарлотты за свершившийся факт. Она торопливо выложила всё, что Шарлотта говорила о немой и на что намекала, вплоть до того, где та жила, о цветах, которые приносила к иссечённой пулями двери церкви в Сан-Рокко, о судьбе её семьи.

Пока Донна говорила, епископ почти не отрывал глаз от своих записок. Как для исповедника, для него, казалось, существует лишь её голос, а не она сама, пока вдруг не раздался резкий звук, и она не увидела у него в пальцах сломанный карандаш. Она замолчала. Он улыбнулся своей печальной улыбкой:

— Простите, синьорина. Подобные трагические истории всегда очень волнуют. Пожалуйста, продолжайте... вы говорили... о связи семьи несчастной женщины с трагедией в Сан-Рокко?

— Знаете это, как говорит Шарлотта, поместье графа, эту виллу «Роза»? Она недалеко от Сан-Рокко, пешком, наверно, можно дойти...

Донна бодро принялась излагать все слухи и сплетни, которые слышала за последние несколько дней — от служащих во дворце, в полиции, от друзей Паоло, кое-что дополнив от себя. Не страдая уклончивой осмотрительностью Шарлотты, она не обладала и очень английской чертой своей коллеги: стараться избегать безапелляционности в суждениях. Никаких «до некоторой степени» или «вероятно». Никаких «мне кажется». Никаких «возможно... не знаю... не уверена... спустя столько времени... всё вполне может быть иначе»; в интерпретации Донны рассказ Шарлотты приобрёл несомненность факта.

Епископ слушал её, и его взгляд становился как будто ещё мрачнее.

— Последний вопрос, синьорина, прежде чем вы уйдёте. Он касается Паоло, молодого итальянца-реставратора, помощника синьоры Пентон. Давал ли он вам понять, что знал женщину, набросившуюся на картину Рафаэля, раньше?

— Паоло? Никогда!

— Совсем никак не общался с ней? — Его пальцы катали и катали в ладони косточку. Слабая улыбка так и говорила: доверься мне. — Думаю, он серьёзно увлечён вами... Он не упоминал об этой женщине?

— Нет... но вроде того, как он мог бы с ней общаться? Она ведь глухая, правильно? Как Хелен Келлер, только без кудесницы Энн Салливен?⁸¹ Полностью глухая и немая, так говорят служащие в музее и парень, который взял её на работу. Не может даже написать своё имя — если оно у неё вообще есть.

Фабио был в квартале от неё, когда она вышла от епископа, но на сей раз она восприняла его как часть городского пейзажа, ещё одну старинную статую среди других, переполнявших

⁸¹ Келлер Хелен (1880–1968) — американская писательница и педагог, которая после болезни, перенесённой в младенчестве, потеряла способность видеть, слышать и говорить. Автор нескольких книг, многие годы выступала с лекциями (с помощью сурдопереводчика). Книга о ней и её учительнице Энн Салливен, «Кудесница» (1959), получила Пулитцеровскую премию, а её экранизация — две премии Американской киноакадемии.

Урбино. Её щёки пылали. Даже в тонком платье ей не было холодно. Прислонившись к стене епископского дворца, она чувствовала спиной тепло дневного солнца, вобранного древним камнем, тёплым, как живое, страстное тело. Она была так возбуждена, что хотелось пуститься по улице бегом. Мягкий допрос у Сегвиты пробудил в ней врождённую смелость, приглушённую неудачным опытом с графом и провальным выступлением в день, когда повредили Рафаэля. Она глубоко вдохнула густой аромат каких-то ночных цветов, висевший в воздухе и напоминавший об отдыхе в тропиках. Чем дальше по улице, тем его сладость больше мешалась с медовым запахом воска, шедшим от толп на крытом рынке в стороне от дома Рафаэля. Гадалка бойко торговала будущим, раскинув карты на дне перевёрнутого бочонка из-под оливкового масла. Проходя мимо, Донна услышала доносящееся сверху бормотание, подняла голову и увидела охрану «Муты», сидящую на древней каменной скамейке у окна второго этажа. Они походили на актёров, которые повторяли текст пьесы, готовясь к уличному представлению «Ромео и Джульетты». Дым их сигарет плыл в воздухе загадочными каллиграфическими вензелями — лёгкий ветерок стирал это послание.

Даже со своим зачаточным знанием итальянского Донна всё же понимала слова приветствий, которыми обменивались люди на улице; пожилые при этом кланялись, как придворные. Кланялись *учтиво* — вот подходящее слово. Ей пришла на память вся та ерунда, которую вчера вечером Шарлотта рассказывала о дворе герцога Федерико. Движение здесь никогда не прекращалось. Даже у самих улиц была своя жизнь. Невозможно было поверить, что их проложили, нет, они, чёрт, сами собой выросли из камня и солнца. Вновь вернулась её высокая мечта, как в той фальшивой песенке, которую постоянно напевала мать: «...высока мечта, как пирог в небесах...»⁸² Она не сожалела, что предала Шарлотту, доверившуюся ей. Ну разве что слегка. Во всяком случае, это не настоящее предательство. В конце концов, Сегвита — епископ, и если у Донны и были кое-какие сомнения насчёт Церкви (например, откуда у Ватикана такое[object Object] почему Папа не грозит отлучением итальянской мафии и всем ирландским террористам вместе с их семьями и теми, кто им помогает?), в епископов она ещё верила. Католичка на мирской лад, как некоторые иудеи — иудаисты скорее по рождению, чем по исповеданию, она теперь редко бывала в церкви, и её никогда не влекли ни дым ладана, ни сборище прихожан. Хотя всё же это составляло какую-то часть её мира. Одно она знала: священник никогда не нарушал тайны исповеди прелюбодеев, насильников и даже убийц.

У себя в комнате в пансионе Шарлотта откупорила бутылку граппы, купленную на неделе в баре «Рафаэлло», и принялась щёлкать переключателем каналов, которых оказалось три с лишним десятка; на большинстве из них любители демонстрировали свои сомнительные таланты, кое-где грудастые полуголые модели рекламировали меха или удивительно бесполезную кухонную утварь.

Она посмотрела сюжет о том, что волк-одиночка или волчья стая в гористой местности между Умбрией и Марке зарезали полсотни овец, и о споре, разгоревшемся между итальянскими фермерами и защитниками дикой природы: фермеры хотели организовать охоту на волков, защитники настаивали, что волки должны иметь возможность жить в горах. «Охотясь стаями, волки выполняют важную функцию, не позволяя диким кабанам слишком расплодиться, — заявил один из приглашённых экспертов. — Опасность возникает, когда волки охотятся в одиночку и нападают на беззащитную жертву».

Говорили о «принявшей угрожающую форму» проблеме связей Католической церкви с мафией, обвинении, выдвинутом против епископа Сальваторе Кассизы, который был назван «близким другом сицилийского политика Сальво Лимы, считавшегося постоянным

⁸² Несколько переставленные слова припева песенки «Высокая мечта» из репертуара Фрэнка Синатры.

представителем Христианско-демократической партии при мафии». Шарлотта смутно помнила, что убийство Лимы мафией в прошлом году объясняли тем фактом, что меняющаяся политическая обстановка не позволила ему и дальше выполнять данные мафии обещания.

Следователь миланской прокуратуры, которого Шарлотта знала как владельца нескольких картонов Рафаэля, был внезапно, якобы по причине плохого здоровья, отстранён от руководства расследованием запутанного коррупционного дела, по которому привлекли двух высоких должностных лиц из продовольственного консорциума Нерруцци, одной из богатейших, как говорили, компаний в Италии.

На окраине Урбино нашли забитого плетями до смерти человека, в котором узнали бывшего служащего того же консорциума.

— Это правда, что убитый был сыном другого служащего Нерруцци, Доменико Монтаньи, который недавно умер на их ферме под Урбино? — задал светловолосый репортёр вопрос Луиджи Бернардини, молодому полицейскому, обнаружившему труп по анонимному звонку. Блондин выглядел двойником одного из манекенщиков, демонстрировавших меха по другому каналу.

— Мне ничего не известно об этом, — ответил Бернардини, в котором Шарлотта узнала приятеля Паоло.

— Вам не известно, что у отца убитого был старший брат, который покончил с собой, боясь обвинений миланского комитета «Чистые руки»?

— Меня это не касается, — продолжал отбиваться молодой полицейский.

От его лица, взятого крупным планом, камера повернула к плачущей женщине, которая, отталкивая полицию, подбежала к человеку с содранной плетью кожей и, приподняв его за плечи, прижала к себе, — анонимная пьета в окружении следователей в резиновых перчатках вместо скорбящих родственников. Когда камера, мимо матери, наехала на лицо изуродованного человека, Шарлотта нажала кнопку на пульте. Она всегда предпочитала не видеть ужасов.

ЧУДО № 22 БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Этой ночью монсеньор Сегвита беспокойно ворочался в постели. Наконец, отчаявшись уснуть, он включил телевизор и с растущим смятением смотрел те же новостные выпуски, что и Шарлотта. Глядя в экран, он непрестанно вертел в длинных пальцах какую-то маленькую, цвета кости, вещицу. Как и Шарлотта, он тоже выключил телевизор, когда камера развязно вторглась в горе матери. Ужас заключается в этом вторжении в сокровенное, размышлял Сегвита, который рад был тому, что его положение в Церкви позволяло отстраняться от неприглядной реальности. Даже Рафаэль, если рассматривать картину под микроскопом, покрыт трещинками, щербинками, оспинками, оставленными насекомыми или загрязнённой атмосферой, вековыми шероховатыми напластованиями потемневшего лака или краски в местах, где её касалась бесцеремонная кисть реставраторов. Под увеличительным стеклом бархатная кожа «Муты» выглядела как омертвевшая плоть. Ещё верней это в отношении рода людского. А вот если смотреть с расстояния, картина или человек вновь обретают изначальную красоту.

Убирая косточку в ковчежец, где он хранил её (память о годах, проведённых за классификацией и созданием каталога Ватиканского хранилища мощей), монсеньор Сегвита увидел собственное отражение в тёмном экране телевизора и быстро отвернулся, потом повернулся обратно и щёлкнул по кнопке «вкл.». Человек не может смотреть в лицо ужасам, сказал он себе. Иначе он превратится в камень, как в истории о Медузе Горгоне. Нужно зеркало, и телевизор является таким зеркалом, в которое мы смотрим, чтобы видеть отражения ужаса. Он постоянно думал над этим, над ужасом человеческого сознания, исследование которого входило в его обязанности. Он верил и молился о том, что можно быть хорошим исследователем или хорошим судьёй, однако по отношению к собственной жизни не быть

таковым. По возможности не углубляться в собственную жизнь. Мы ежедневно сталкиваемся с подобными противоречиями, говорил он себе; хороший исследователь не обязательно добирается до самых глубин, он лишь старается подружиться с истиной... пока истина не становится слишком близкой, слишком явной.

ЧУДО № 23 ПЕСНЯ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

Шарлотта проснулась рано от безумной жажды, которой давала о себе знать выпитая вечером граппа. Но мучительней похмелья было сожаление, что она обещала Донне отправиться с ней в Сан-Рокко. Надо бы ещё раз побывать там до неё, сказала себе Шарлотта, а подспудно в ней зрела мысль, что это удобный случай уладить недоразумение с Прокопио, чья «дурная репутация», как она предполагала, основана не на чем ином, как на расхождении в политических взглядах с графом Маласпино. В конце концов, разве не хозяин кафе всячески старался помочь ей? И предупредил, чтобы она не заводила разговоров о Сан-Рокко, о чем Шарлотта не могла забыть. Что, чёрт возьми, заставило её так открыто обсуждать немую женщину с Донной? Открытость этой девчонки? Или влияние Италии, особенно этого города, со всеми его шепотами по узким улочкам, летучими откровениями города, где каждый знает тайны другого.

Что бы ни подталкивало Шарлотту вновь посетить Сан-Рокко, она особенно не задумывалась над этим. Для успокоения совести она написала Донне записку о переносе их совместной поездки, оставила её консьержке и пошла на Рыночную площадь, чтобы сесть там на автобус.

У дома Рафаэля уже собралась большая толпа, многие, судя по спальным мешкам и фляжкам, бодрствовали здесь всю ночь. «Una bella giomata, signora!»⁸³ — крикнул Шарлотте один из них. Шарлотта знала, что это обычное проявление итальянской учтивости, и тем не менее ей было приятно. Он был прав: день и впрямь выдался прекрасный, воздух напоен волнующими, загадочными итальянскими обещаниями лучшей жизни, которые пахли чесноком, розмарином и жарящейся на вертеле свининой от грузовиков передвижных «поркетт». Был базарный день. «Mandorle Tenerrissime»,⁸⁴ — прочитала она на плетёной корзине, полной молодого миндаля прямо на ветках. Она пробиралась вперёд, обходя матрон, похожих на уютные кресла. Тучные — их отпрыски уже давно живут собственной жизнью, — они возвышались над горками турецкого гороха, каштанов и маленьких козьих и овечьих сыров, выложенных на бурые дубовые листья, тискали тыквы и перебирали цветную капусту, ища кочан побелее и покрепче, нюхали шишковатые белые трюфели и возмущались ценой. Это были женщины, которых вы видели с горящими свечками в соборе и судачащими возле дома Рафаэля о «Нашей Деве», а в это время их мужья поклонялись иным святыням, истово болея за свою футбольную команду у телевизора в «Спорт-баре». В их жизни было слишком много тяжёлого монотонного труда и неизменных ритуалов, чтобы обращать внимание на что-то сомнительное. Они по-прежнему зависели от сезонов: две недели в конце мая — фасоль, ранним летом — дикая земляника, в зимние месяцы — корнеплоды и трюфели, чей аромат напоминает фазанятину. Шарлотту изумляло, сколько внимания в Италии уделяют еде. Вещь, которую она всегда считала важной, но безынтересной, тут превратилась в неизбежную форму общения.

В автобусе она сидела рядом с тремя женщинами, которые всю дорогу жаловались на то,

⁸³ Славный выдался денёк, синьора! (*ит.*)

⁸⁴ Нежнейший миндаль (*ит.*)

что месяц выдался слишком сухим для *porcini*.⁸⁵ Не переставая поражаться, что кто-то может так долго говорить о такой прозаической вещи, как *funghi*,⁸⁶ она сошла, доехав до места, и бодро направилась по дороге, которая должна была в конце концов привести её в Сан-Рокко и к ферме Прокопио. Достав из сумки яблоко, купленное на рынке, она с хрустом грызла его и шла, наслаждаясь запахом прелой осенней листвы и видом окружающих холмов, поднимавшихся к фермерским, крытым черепицей строениям, и голыми сквозящими лесами. Дорога вилась по женственным складкам земли, словно была рекой, а не меловой лентой. Шарлотте казалось, будто она слышит древний голос, мурлычущий от змеиного наслаждения и исходящий от каменных стен вдоль дороги.

Через четверть часа долина пошла вверх и сузилась, холмы стали круче, крестьянские домики попадались реже и по большей части были брошены обитателями. Дорога дальше пошла нехоженная, поросшая посередине бурьяном, и подступившие вплотную заросли ржавой ежевики и жгучей крапивы оставляли белые царапины на её руках. Вряд ли можно винить кого-то за то, что они оставили эту землю, думала Шарлотта; обрабатывать такие крутые террасы, должно быть, убийственный труд. Она подошла к месту, где половина дороги обрушилась вниз и осыпавшаяся земля увлекла за собой знак, предупреждавший об опасности во время снегопада. Охотники продырявили пулями это написанное от руки предупреждение искателям грибов, развлечений и прочим нарушителям частных владений.

Густой лес на противоположной стороне долины, где она заблудилась неделю назад, был в постоянной тени. Почему эта долина производит такое гнетущее впечатление? Из-за своей изолированности, из-за этих гор, веками отрезавших её от остальной Италии? Из-за брошенных ферм? Неужели она позволит предостережениям Прокопио и графа повлиять на её решение? У неё было какое-то необъяснимое чувство, что здешняя земля помнит о всех виденных ею кровавых трагедиях и ведёт им счёт. Подобные места были на Балканах, Ближнем Востоке и в Африке — места, где всегда было и, казалось, всегда будет беспокойно.

С того времени, как повредили картину Рафаэля, Шарлотта сознавала, что не контролирует свои чувства, и это не нравилось ей. Но не для того ли она приехала в Италию, чтобы дать им немного воли? Она попыталась сосредоточиться на предложении графа провести год на вилле «Роза». Она может устроить себе даже более продолжительный творческий отпуск. Может никогда не возвращаться в Англию!

Впереди неё горячий сухой ветер поднял столб белой пыли, так похожий на призрак, что у неё дыхание перехватило. Её брюки побелели до колен, стали неотличимы от облака меловой пыли, словно она постепенно, начиная с ног, исчезала. Если здесь ещё остался кто-нибудь, то это были люди с мозолистыми от тяжёлого труда руками, люди, всё знавшие о временах года, люди, умевшие зашить охотничьей собаке живот, вспоротый диким кабаном или волком.

В Сан-Рокко Шарлотта несколько минут стояла, глядя на старую, расщеплённую пулями дверь церкви. Она не знала, что надеялась найти, вернувшись сюда. Легенда Сан-Рокко — это человек, сотворивший чудо, исцелив больного чумой, хотя его самого посетила та же кара. Человек, часто изображавшийся с собакой (как на довольно китчевой картине в герцогском дворце в Урбино)... Или это волк? Во всяком случае, указание на существо, которое приносило ему хлеб, само умирая от чумы в лесу. Неправдоподобный спаситель.

На земле под выщербленной дверью лежал новый букетик цветов, уже поникших, как это происходит с полевыми цветами, которые вянут, едва их сорвут. Отсюда Шарлотта ясно видела кольца впадины, которую Прокопио называл воротами Люцифера, — поросшую травой вмятину, будто оставленную свернувшимся змеем, спавшим тут и оставившим свой

⁸⁵ Белые грибы (*ит.*).

⁸⁶ Грибы (*ит.*).

отпечаток на земле. Её обдало холодом от этой картины, и, обойдя колокольню, она села на солнечной стороне и прикрыла глаза, согреваясь.

Сначала ей показалось, что пение раздаётся у неё в голове.

Она сонно приоткрыла глаза, думая, что это шалости ветра, покачивающего колокол. Маленькая зелёная ящерка в нескольких дюймах от её лица, неподвижная, как эмалевая брошь, зыркнула на неё рубиновым глазом и пронзительно прострекотала что-то. Может, это её стрекот она приняла за пение? Шарлотта прислушалась. Тишина. Потом снова послышалось, не мелодичный присвист ящерики... но что? Птица? Женщина? Конечно нет! Где же певец и кто он?

Шарлотта встала и направилась к фермерскому дому с провалившейся крышей. Пение стало тише. Совсем смолкло. Вокруг тишина. Слишком глухая. Насторожённая. Шарлотта через окно забралась внутрь в бывшую кухню, теперь без потолка, с каменной раковиной, полной листьев, стоящей одиноко, как потерявшаяся дадаистская скульптура.

Она нагнулась, чтобы стереть грязь с побитых плиток пола. Кто-то уже делал это, совсем недавно. Какой-то зверь скребётся в поисках пищи? Ветер шевелил листья на полу, шелестящие, как тихие шаги. Она выпрямилась и оглянулась вокруг, не в силах, как ни смешно, избавиться от непонятного чувства ужаса. Нужно выбираться отсюда, решила она, и двинулась прочь размашистым Шагом человека, пытающегося показать скептическому внутреннему критику, что она вовсе не напугана.

Завидев четыре трупа, раскачивавшиеся на фруктовых деревьях, Шарлотта остановилась на всём ходу, словно наткнулась на стену. Двое мужчин и две женщины, на головы натянуты наволочки, вытянутые руки и ноги почернели и окоченели. Казнённые. Она зажмурила глаза, но повешенные не исчезли, ещё более страшные перед мысленным взором. Сердце стучало так, что отдавалось в ушах. Человек рациональный, она открыла глаза и поняла, что она приняла за тела повешенных.

— *Spaventapasseri*, — прошептала она, успокаивая себя.

Пугала, всего-навсего пугала, хотя ей ещё не приходилось видеть подобных пугал. Да и каких птиц может привлечь этот одичавший сад?

При внимательном осмотре оказалось, что руки пугал — это просто ветки, просунутые в рукава старых пиджаков, тела — поношенные брюки и шерстяные юбки, кое-как набитые травой и прутьями. «Лица» и невидящие пустые глаза, которые придавали им вид призраков или нечисти, вы ползающей на Хэллоуин, были сделаны из продырявленных грязных наволочек, прикрепленных к увенчивавшим их соломенным шляпам. Наволочки развевались, свисая им до плеч, отчего пугала напоминали четвёрку повешенных куклуксклановцев.

Ферма Прокопио показалась Шарлотте чуть ли не спасительным пристанищем, когда она добралась до неё двадцать минут спустя. Под ярким солнцем она выглядела не столь мрачно, а строгий порядок во дворе, заставивший Шарлотту предположить, что на ферме нет женщин, сегодня объяснился, когда она увидела тшедушное древнее создание, орудовавшее примитивной метлой. Старушка робко пригласила Шарлотту в дом и жестом велела подождать в огромной тёмной гостиной, уставленной книгами. Комната пропахла дымом от очага, чесночным соусом и сигарами. «Минутку», — сказано старуха, исчезая в глубине дома, как в пещере.

Пятнадцати минут ожидания хватило Шарлотте, чтобы выяснить: кроме нескольких путеводителей по Урбино и очень симпатичного издания «Придворного» Бальдассара Кастильоне (что открывало Франческо Прокопио с неожиданной стороны, если он прочёл книгу), все остальные книги были поваренные — сотни их: старинные, современные, на английском, французском и испанском языках, как и на итальянском. Когда Прокопио наконец появился, на нём была очередная из безукоризненно белых рубаш с двойными манжетами, волосы влажно блестели. Может, когда его позвали, он занимался свиньями и потом срочно принимал душ?

— Чем могу служить, синьора Пентон? — спросил он очень сухо и опустил в потёртое кожаное кресло, огромное, словно трон, жестом предложив ей такое же исполинское напротив своего.

Утонув в нём, Шарлотта почувствовала себя Златовлаской в доме медведей. Она судорожно искала подходящие слова, которые бы сблизили их через двенадцать футов холодного плиточного пола, но первую попытку объясниться заглушил скрип кожаной обивки кресла.

— Я приехала, чтобы... — сказала она чуть громче и замолчала, выжидая, когда появившаяся старуха поставит поднос с кофе и печеньем на стол возле Прокопио и исчезнет снова.

Он разлил кофе по чашкам и предложил ей печенье, квадратное и твёрдое, как брусчатка мостовой.

— Берегите зубы, — предупредил Прокопио. — Она привезла его с Сицилии, от своего двоюродного брата, у которого лучше получается строить стены, нежели печь печенье. — Громко хрустя одним из этих «бульжников», он ждал, что Шарлотта скажет дальше.

— Я приехала, чтобы извиниться, — сказала она.

— За что? — Хруп-хруп.

— За... за то, что опоздала вчера...

Прокопио молчал, не спеша прийти ей на помощь; пришлось продолжать попытку дальше:

— У меня была назначена встреча... И никак нельзя...

— У вас появляются важные клиенты.

— Но...

— Важнее, чем у меня.

Хруп-хруп-хруп: крепкие белые зубы перемалывали все её оправдания. Кто-то, бывший в ресторане, должно быть, доложил Прокопио. Да какое, чёрт возьми, ему дело до того, с кем она встречается! Она холодно добавила:

— И ещё, думаю... думаю, я не сумела должным образом выразить благодарность за вашу доброту.

— Какую ещё доброту?

У него нет ни малейшего чувства такта, никакой чуткости. Нарочно ставит её в трудное положение!

— Вы были так добры, что отвезли меня домой, когда в прошлый раз я здесь свалила такого дурака... и что рассказали столько всего о мороженом.

Она попыталась улыбнуться. Он молчал. Чтобы скрыть замешательство, она опасно кинула печенье, от старости побелевшее, как известь, и со слабым привкусом аниса.

— И прислали букетик жасмина, — закончила она.

Он смолол ещё несколько печений и запил их чёрным кофе.

— Вы считаете, я был... *добр* !

Почему она чувствовала, что так важно извиниться перед ним? Она хотела бы быть сейчас где угодно, но только не здесь, в этой комнате с тикающими часами и семейными фотографиями, пожелтевшими от дыма. Несмотря на медвежьего размера обстановку, была в ней какая-то интимная теплота — даже, пожалуй, излишняя, а приглушённое тиканье старинных часов — как ниточка пульса, связывающая её с этим человеком.

Она поднялась:

— Ну что же... я... Это всё, что я хотела... что должна была...

Он продолжал сидеть и не отрываясь смотрел на неё. Она стойко выдержала его ироничный взгляд.

— Неужто всё, синьора Пентон? Вы проделали такой путь и уезжаете, не раскрыв ни один из моих секретов?

— Но... я... у меня не было цели...

— Нет? — Он достал сигару из коробки на столе. — Не было? — Он раскурил сигару и

почти нетерпеливо пустил струю дыма, словно ждал, чтобы она более решительно опровергла его подозрения.

— Нет. Нет! Я приехала извиниться, *только* ради этого!

— Только?

Она хотела уйти немедленно, но не могла позволить этому отвратительному типу думать, что она приехала просто из желания, чтобы он довёл до конца попытку соблазнить её. Нет, но какого же он всё-таки высокого мнения о себе! Его неуместные рубашки должны были служить ей предостережением. Она стояла достаточно близко, чтобы разглядеть тонкую ручную вышивку на его большущих манжетах. Эти рубашки были для него как униформа, явно шились специально на него. Дочь военного, она понимала отличие и обезличенность, придаваемые формой. Верность какому государству он провозглашал этими белыми флагами?

Он потянулся к пепельнице стряхнуть пепел с сигары, и жёсткая манжета отъехала назад, открыв запястье. Шарлотта, ожидавшая увидеть по меньшей мере розовую татуировку или золотой браслет, была потрясена, когда её глазам открылся белый и похожий на узловатую верёвку шрам, шедший вокруг запястья. Она не могла отвести от него глаз.

— Хорошо рассмотрели, синьора? — спросил он через мгновение. — Или желаете увидеть и другой? — Он оттянул рукав на левой руке, открыв точно такой же шрам.

— Простите... я не хотела... — Не это ли имел в виду граф? «Дурная репутация», конечно же, неподходящее определение для того, кто пытался покончить с собой, а именно об этом говорили шрамы Прокопио. Она резко села и заговорила, с трудом подбирая слова: — Понимаете-, я собиралась приехать в Сан-Рокко с Донной, молодой канадкой, с которой работаю... потому что она видела немую женщину, которая порезала картину Рафаэля, на улице возле его дома, дома Рафаэля, два вечера назад... и тогда... ну, мне захотелось сперва извиниться перед вами, без свидетелей...

— То есть красotka канадка ждёт вас на улице? — спросил Прокопио с издевательским простодушием. — Сделайте одолжение, позовите её, пусть войдёт.

— Нет... она... — Ну как объяснить, что её двигало? Шарлотта начала снова: — Я ехала сюда — одна, — извиниться за опоздание, когда сошла в Сан-Рокко и... услышала *пение*, синьор Прокопио!

Никакой реакции.

— Вам надо знать, что мы — великая нация любителей оперы. Бывает, даже крестьян в поле вдруг прорывает, и они запевают арию. Даже мясники. — Он издевался над ней. — Не забывайте, синьора, Россини родился неподалёку отсюда. Может, его тень...

— Это была не ария, то, что я слышала. И сомневаюсь, что пел крестьянин. Понимаю, это безумие, но песня, уверена, доносилась из-под земли. Как будто под землёй пела птица.

Он вынул сигару изо рта, внимательно осмотрел её, словно что-то было с ней не так, и медленно загасил в пепельнице.

— Бедняжка, — сказал он. — Она любит свою певчую птичку.

— *Кто* любит... немая?

Он потёр запястье, покрутил им, как арестант после слишком тесных наручников.

— Если там, в подвале, кто-то живёт, синьор, она нуждается в помощи.

— Почему? Она живёт вот так уже много лет. И совершенно счастлива.

— Возможно, она была когда-то счастлива, но всё переменилось, вы знаете это. На Рафаэля набросилась не счастливая женщина.

— Что вы с ней сделаете, синьора? Арестуете? Упрячете в тюрьму? В психушку? Напустите на неё психологов, психиатров и прочих психопатологов? Какая будет от этого польза ей — или вашему драгоценному Рафаэлю?

— У неё может быть ухудшение, разве не понимаете? Если её немота — симптом психоза, скажем шизофрении... — (Он раздражённо поморщился.) — Я не хочу, чтобы её посадили в тюрьму, синьор Прокопио, в самом деле не хочу. Но... возможно, мы напугали её. Донна гналась за ней. Несчастливая женщина могла спрятаться там, будучи в состоянии шока. А если она умрёт там от голода, понимаете?

— Не умрёт, — сказал великан, покачав головой. — От чего другого, возможно, но не от голода. Мы в нашей долине не допустим такого. Тут, знаете, не Рим и не Лондон, где люди умирают в одиночестве на улицах. Мы поддерживаем своих. — Он задумался на минутку, потом принял решение. — Вот что я вам скажу... Вы, англичане, гордитесь своей сдержанностью, не так ли? Не то что мы, бедные бестолковые итальянцы. Поэтому... если я покажу вам кое-что в Сан-Рокко, что успокоит вас относительно Муты, могу я положиться на ваше молчание?

— Вы, кстати, второй человек, который хвалит мою сдержанность, благоразумную воздержанность на язык, — сказала Шарлотта, а про себя подумала: «Наверное, Джеффри прав, и мне надо больше говорить».

Когда они шли по двору к джипу, появился пёс с изуродованной мордой, тот самый, что напугал Шарлотту в первый день; сейчас он был не на цепи, но вилял хвостом, а здоровой стороной морды изображал что-то вроде улыбки. Прокопио наклонился и ласково позвал: «Бальдассар!» Гончак сел и с важным видом положил передние лапы на плечи хозяину. Через секунду молчаливого общения Прокопио сказал: «*Basra!*» Пёс убрал лапы и смотрел им вслед, его длинный хвост медленно и равномерно ходил из стороны в сторону, как маятник дедовых часов.

— Необычная кличка для охотничьей собаки: Бальдассар, — заметила Шарлотта, забираясь в машину.

Прокопио хмыкнул:

— Я назвал его в честь Бальдассара Кастильоне. Примо — знаете его? Наш мэр. Много лет назад, когда я вступил в компартию, Примо подарил мне «Придворного» Кастильоне. Думаю, так он подшутил надо мной, но книга хорошая.

— Вы прочли её?

— Немного. Достаточно, чтобы понять, что эта моя собака представляет собой идеального дворянина эпохи Возрождения. — Глаза его смеялись. — Одет всегда неброско и мастер по части того, что Кастильоне называл *sprezzatura*... Знакомо такое слово? Оно означает умение с видимой лёгкостью делать тяжёлую работу.

ЧУДО № 24 ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД

Прокопио остановил джип на гребне холма над Сан-Рокко, откуда была видна вся расстилавшаяся перед ними долина. «Ворота Люцифера», — сказал он, указывая на кратер позади колокольни Сан-Рокко, неглубокое углубление в земле, поросшее травой и бурым, сухим бурьяном. Никакой змей там не лежит, подумала Шарлотта. Она не могла представить, откуда возник у неё этот образ сегодня утром и отчего ей было так тревожно. Издалека деревушка напоминала меланхолические руины, вызывавшие восхищение английских романтиков восемнадцатого века в их длительных путешествиях по Италии.

Прокопио включил мотор и поехал вниз, в Сан-Рокко, где остановил машину близ разрушенной церкви.

— Помните свиноферму, которую я вам показывал? — спросил он. — Как раз по эту сторону от неё скоро начнётся строительство, перспективное для фермеров вроде меня, которые устали быть фермерами. Поле для гольфа, бассейн, конференц-центр. Всё это будет на том холме, где мой дом, полмили не доходя до Сан-Рокко, хотя мне сказали, что церковь восстановят, чтобы придать привлекательности конференц-центру, который представят как идеальное место для свадебных торжеств. В Италии организация свадеб — доходнейший бизнес. — Он сверкнул на неё своими карими глазами. — Что до меня... свиноводство стало другим, не таким, как прежде. Теперь я предпочитаю заниматься мороженым.

Он показал подбородком на следы от пуль на церковной двери.

— Интересно, оставят ли они её для местного колорита. Я слышал, во французских

отелях принято демонстрировать следы войны.

— Каким был Сан-Рокко раньше? — тихо спросила она.

— Когда именно?

— До войны, до того, как здесь произошло всё это.

— Вы хотите сказать, что я так стар, что помню войну? — спросил он, поддразнивая её. — Благодарю за комплимент. Мне пятьдесят семь, родился в тридцать шестом.

— Значит, вы были достаточно большим, чтобы помнить, каким был Сан-Рокко?

— Во всяком случае, недостаточно большим, чтобы интересоваться старинной архитектурой. Но... уверен, он был очень красив. — Его лицо посуровело, и она подумала: ему это доставляет боль. — Отец, — сказал он, — который был любитель дела и не любитель слов, говаривал, что Сан-Рокко кое-что *значил* здесь, в долине.

— Что же он значил, синьор Прокопио?

— В том-то и вопрос — об этом он умолчал! — Прокопио улыбнулся. — Я говорил вам, он был не любитель слов. Но... думаю, дело было в самом этом месте. Вы знаете, что тут, как объявили, нашли этрусские могильные курганы? Да-да! Молодой немец, студент-археолог, написал об этом перед войной. — Он на мгновение оставил иронический тон и тут же вернулся к нему, словно снял было доспехи, не очень уверенный, что они защитят его. — Но всякую *историю* можно найти в любом музее. Особым это место делала не *история*, исключая историю его гостеприимства... по отношению к чужеземцам, ко всем. А ещё его постройки, это тоже было важно: дома, и амбары, и пекарни — всё было связано, одно было продолжением другого, залюбуешься, и нельзя было снести одну стену, чтобы не рухнули все остальные. Мы называем это: *simbittico*. Не знаю, как сказать по-английски, но слово должно быть. Когда дело касается собственности, всегда подыщется английское слово.

— Симбиотический? Но оно относится не только к собственности.

— Значит, и в английском то же самое. Забыл. Хорошее слово, на каком языке ни скажи. Во всяком случае, нельзя было представить, чтобы тебя не приняли в Сан-Рокко как долгожданного гостя, представить себе время, когда его не было — или не будет. Сан-Рокко невозможно отделить от этих скал и утёсов и оврагов этой долины, от людей, которые живут здесь... или *жили*... Все мертвы теперь, даже кладбище уничтожено.

— Кем надо быть, чтобы уничтожить деревенское кладбище?

— Тем, кто хочет уничтожить нашу историю.

Она помолчала. На память пришло предостережение графа. Потом всё же спросила:

— А расследование проводилось?

— Какое расследование?

— Ну... того, что здесь произошло.

— Когда в войну разбираться со всеми бомбёжками и их последствиями?

— Я имею в виду, после окончания войны. Наверняка не могло быть так, чтобы целую деревню просто уничтожили и никто даже не заглянул в неё.

— Представляете, что здесь было после войны? Лес полон трупов, поля — развалин, каждая политическая партия тянет в свою сторону. — Он слегка улыбнулся. — А партий у нас было очень много — преимущество демократического общества. Во всяком случае, война не кончалась ещё двадцать лет. Может, и сейчас продолжайся. До сих пор американцы, англичане, немцы воюют за эту землю, хотя цели у них теперь иные.

Он достал из отделения для перчаток два больших фонаря.

— Понадобятся нам. А теперь я покажу вам тайну Муты... *нашу* тайну.

Птица, молчавшая, пока они спускались по лестнице, запела утреннюю песню, едва свет фонаря Прокопио попал в её грубо сделанную клетку. Первой мыслью Шарлотты было: «Как это жестоко — держать её здесь в полной тьме!» Потом: «Странно для немой иметь...»

— Она ей для того, чтобы не было одиноко, а не чтобы слушать её пение, — быстро сказал Прокопио. — Нравится клетка? Я сам сделал, из свежих ивовых веток.

Крхотное создание продолжало высвистывать затейливую мелодию.

— Что это за птичка?

— Просто какая-то *uccello canterino*,⁸⁷ которую я нашёл в кустах. У неё было повреждено крылышко. Видите, правое висит, как у вас говорится, «безболно».

— «Безвольно», — поправила его Шарлотта, улыбаясь. — Вы говорите по-английски почти без ошибок, где вы ему научились?

— Два года жарил рыбу с картошкой в Брайтоне. С собой или здесь, мадам? Сбрызнуть чипсы уксусом?

— Вот это да, здорово у вас получается! — рассмеялась она. — В Лондоне все лавки, торгующие жареной рыбой с картошкой, принадлежат китайским и турецким иммигрантам.

— В Брайтоне тоже. К счастью, та, в которой я работал, была достаточно большая, чтобы нанять официантку. Девушку-англичанку, студентку художественного факультета, очень хорошенькую.

— Ага, понимаю. У вас была переводчица, она учила вас языку.

— Да, она учила меня многим вещам, восхитительно учила, пока не ушла от меня к испанцу *stereo*. - («Дерьмовому испанцу», — перевела для себя Шарлотта.) — Это заставило меня понять, насколько хороша наша шутка насчёт предателей и переводчиков. Вам понятно, что я имею в виду?

Шутка состояла в игре слов, которая делает перевод столь тонким искусством. Насколько часто, спрашивала себя Шарлотта, в итальянской истории переводчик, *il traduttore*, оказывался предателем, *il traditore*? Измени пару букв, и всё меняется.

Прокопио зажёл масляную лампу и повесил под низким потолком, осветив подвал, сверху донизу покрытый словами и картинками. Стены, потолок, внутренность шкафов месяц за месяцем, год за годом оклеивались газетами и открытками с репродукциями известных полотен, находящихся в музеях по всей Италии; в сыром воздухе их уголки отклеились и завернулись. Почему человек, собиравший репродукции картин, так ненавидит одну из них, что готов уничтожить её? Наверняка немую подвигло на это безумие или бешенство, решила Шарлотта.

Яркие открытки, прикрепленные поверх серых башен текста, напомнили ей светлые участки горных склонов, видимые сквозь городские стены. Её педантичный, аналитический ум начал искать смысл или определённый порядок в случайном расположении образов и заголовков: GUERRA, MASSACRATI⁸⁸ (здесь на мысль приходит рафаэлевское «Избиение младенцев»), ASSASSINIO, OMICIDIO⁸⁹ (а здесь «Бичевание» делла Франчески). VIOLENZA CARNALE, VIOLENZA SU DONNA, CELE-BRITE SCANDALE. Распятия, замученные святые, девственницы, и тут же война, массовые убийства, политические убийства, зверство, изнасилование, скандальная история жизни кинозвезды — все те же старые истории, чтобы продать газеты, религию и национализм последних пятидесяти лет, ставшие обоями этого подвала. Шарлотта переходила от одной войны к другой, к третьей, к четвёртой. Итальянцев посылали с Франко умирать на гражданской войне в Испании, итальянцы замерзали на русском фронте.

— Тут есть газеты, должно быть, тридцатилетней, а то и больше давности... Этот подвал принадлежал семье Муты?

Он ухмыльнулся:

— Кто такая эта Мута, о которой вы говорите? Может, цыганка. Какая-то заблудившаяся беглянка, которая завернула в Сан-Рокко в поисках убежища. В войну и после неё много было таких.

⁸⁷ Певчая птица (*um.*).

⁸⁸ Война, массовое убийство (*um.*).

⁸⁹ Политическое убийство, убийство (*um.*).

Шарлотта попробовала зайти с другой стороны:

— А не умеет ли она читать, раз хранит всё это?

— Нет. Моя тётка оставляет наши газеты у церкви, иногда и открытки, но для немой это просто материал. Газеты спасают от холода и сырости, ими удобно разжигать огонь. — Он показал на грубую печку с трубой, которую немая соорудила для себя.

— Так она что-то готовит? — спросила Шарлотта. — Она не удивилась бы, увидев обглоданные кости. Звериная жизнь.

— Разумеется. Чувствуете запах рыбы?

Шарлотте казалось, что в подвале стоит вонь, как в звериной берлоге. Она пришла в ужас от этого свидетельства безмолвного подземного существования, одиночество которого скрашивают лишь лица с репродукций.

— Я время от времени вижу, как она ставит ловушки на рыбу в горном ручье, хотя близко она меня не подпускает. Но вот это — моё. — Он показал на тарелку с горкой сосисок. — Я приправляю их апельсиновой цедрой и пряностями, а моя тётка оставляет их вместе с газетами. Немая, наверно, воображает, что они — дар богов. — Он взял кусок грубого мыла. — Я сделал его из каустической соды и лаврового листа, как, бывало, делала моя мать. — Он улыбнулся с некоторой злостью. — И с добавлением непригодных свиных обрезков, когда забиваю свинью, — это главная составляющая. Однако при этом нужно быть осторожным. Одного взгляда постороннего человека вроде вас во время варки мыла достаточно, чтобы испортить всю партию.

Свет лампы отбрасывал на стену увеличенную тень его лохматой головы, чётко рисовались крупные завитки волос. Чувствуя его позади себя, как подобное быку существо в этом лабиринте слов, Шарлотта двигалась от описания сосисок и мыла вдоль стен, уставленных консервированными продуктами. Многие наклейки на банках были времён войны, другие банки, без наклеек, — недавнего приготовления, соответственно их содержимое было посвежее: солёные грибы, чьи побледневшие пластинки напоминали жабры, белые, похожие на спаржу и размером с палец, куски рыбы. Она направила луч фонаря вглубь подвала, где помещение, сужаясь, переходило в коридор, почти заваленный обвалившейся землёй вперемешку с деревянными брусками.

— Туда нельзя!

Окрик Прокопио не дал ей последовать за лучом; тут же он с удивительной лёгкостью и быстротой шагнул к ней и положил руку на плечо. Мощь его руки парализовала её, будто огромная лапа или копыто заявило права на эти несколько дюймов её кожи. Какая-то тяжесть пронзила её, пригвоздив к земле.

— Это почти под воротами Люцифера, куда швыряли гранаты, — сказал он. Она чувствовала сигарно-анисовый запах его дыхания, как ни странно, казавшийся приятным. — Потолок держится ни на чем, на червях и кроличьем помёте.

Он повёл её прочь от обвала, но не успел помешать ей ещё раз осветить фонарём стены. Сверху на драные газеты свешивались пучки корней.

— Смотрите! Что это?

— Идём, Шарлотта! Здесь опасно!

— Нет, подождите, я хочу посмотреть. — Шарлотта выскользнула из-под его руки, едва заметив, что он обратился к ней так по-свойски, и осторожно двинулась вглубь коридора к пожелтевшему листку, наклеенному на стене. Она попыталась прочитать неразборчивые бледные строки, написанные от руки. — Господи, написано по-английски! Это, наверно... наверно, осталось с войны!

«1. Все встреченные молодые крестьяне не представляют опасности; они дезертиры, бежавшие из армии или из Германии, и находятся в столь же рискованном положении, как вы.

2. Чем беднее дом, тем он безопаснее; хозяева богатых домов, как правило, фашисты.

3. Не задерживайтесь на одном месте; достаточно ночи и дня в доме.

4. Женщины, работающие в поле, обычно не опасны. У них могут быть сыновья вашего возраста.

5. Если крестьянин видит, что вы прячетесь на его поле, он пройдёт мимо и притворится, что не заметил вас. Позже он вернётся, и если сочувствует вам, то спросит, не голодны ли вы. Если он не предложит поесть, быстро уходите».

Наставления англичанину, пробирающемуся к своим, подумала она. Предупреждение другим.

— Как удивительно, что листовка сохранилась до сих пор!

Она начала сдирать листовку со стены, но Прокопио мягко потянул её прочь.

— Оставьте, — сказал он. — Эти стены очень непрочны. Да и зачем она вам — кто-то наклеил её здесь много лет назад, заодно с газетами...

Не сумев, как ни старалась, содрать рукописную листовку целиком, Шарлотта покачала головой. В руках у неё оказалась только короткая вертикальная полоска с подобием хайку: *дезертиры как вы фашисты притворится достаточно ночи.*

Оглядываясь на обрывок, Прокопио мягко сказал:

— Иногда я спрашиваю себя, знает ли она хотя бы, что война кончилась?

— Но... как этот листок вообще оказался тут? И что ещё можно найти под этими напластованиями слов?

Он пожал плечами:

— На кухнях в здешних деревнях вы и сейчас найдёте объявления, которые развешивали немцы, предлагая итальянцам выбор между смертью за оказание помощи бежавшим военнопленным из армий союзников или награду в тысячу восемьсот лир за их выдачу — по нынешнему курсу около семисот пятидесяти фунтов. — Он улыбнулся. — Неплохие деньги. У меня самого хранится сувенир — листовка, подпольно распространявшаяся правительством Бадольо,⁹⁰ в которой любому итальянцу, который укроет у себя британца или американца, обещалось пять тысяч лир. Очень благоразумно. Взять их скорее означало выжить, нежели умереть.

— В Англии редко можно услышать о боях в Марке, говорят лишь о Риме, Неаполе, Сицилии.

— Знаете холмы к северу от Урбино? Там до сих пор встречаются старые, идеально прямые немецкие дороги, как я говорил вам в первую нашу встречу. Они составляют часть того, что немцы изначально называли линией Гитлера, а потом переименовали в Германскую линию, когда увидели, что проигрывают войну. — Он улыбнулся, но взгляд его оставался серьёзен. — Потому что важно, как вы *назовёте* что-то, не правда ли, синьора Пентон? А я называю их превосходными, эти немецкие дороги. Как и римляне, германцы были очень основательными...

Шарлотта снова вспомнила предупреждение графа: «человек с дурной репутацией». Однако Прокопио был тогда слишком молод и для *traduttore*, и для *traditore*.

— Когда я был мальчишкой, мне было интересно, удастся ли союзникам убрать все мины, заложенные отступавшими наци в стены Урбино. Взорвались не многие, но просто чудо — как и огромная работа, проведённая командами британских сапёров после освобождения, — что город не был уничтожен. Если бы он взлетел на воздух... ну, это был бы настоящий *fall delle Muse*, который привлёк бы всех осьминожков.

— Настоящий — что?

— Костёр муз.

⁹⁰ Бадольо Пьетро (1871–1956) — генерал и политический Деятель в период диктатуры Муссолини (1922–1943). Успешно вывел Италию из Второй мировой войны, в сентябре 1943 г. договорившись с государствами антифашистской коалиции о прекращении военных действий.

Какое всё-таки странное смешение представлял этот человек: в одну минуту суший варвар, а в следующую сыплет литературными аллюзиями!

— Вы имеете в виду Савонаролу, его костёр амбиций?⁹¹

— Нет, я говорю о том, что случилось на нашем побережье в Анконе. Там загорелся Театр муз, и на огонь всплыли тысячи осьминогов. Тогда анконцы (большие любители полакомиться осьминогами) попрыгали в лодки и вылавливали маленьких осьминожков прямо голыми руками, а потом готовили в белом вине со свёклой, как делают здесь. Мне они больше нравятся просто с оливковым маслом и лимонным соком. А теперь надо дать кролику вернуться в свою нору.

Увидев, что Шарлотта колеблется, он проговорил: «Идёмте немедленно!» Проговорил жёстко и крепко взял её за руку.

— Итак, вы видите, — сказал он, когда они вновь вышли на свет, — что она совершенно довольна тем, как живёт, У неё есть всё необходимое... Кстати, чуть не забыл... — Он достал из кармана два газетных свёртка и положил у церковной двери. — Сыр и шоколад — ей нравится мой домашний шоколад, — и ещё две газеты для стен.

Но Шарлотта никак не могла забыть того, что он сказал ранее; может ли быть, чтобы немая не знала, что война давно кончилась? Эта мысль ужаснула её. Как если бы кто-то в военном Лондоне укрылся в подземном убежище во время блицкрига и так там и остался, страшась смерти, когда весь остальной мир вернулся к жизни.

— Необходимо что-то сделать... Что если она в конце концов окажется не немой? — сказала Шарлотта так тихо, что удивилась, когда Прокопио огромными ручищами развернул её лицом к себе.

— Вы обещали, что будете молчать, если я всё вам покажу! — рявкнул он.

— Да, но... да, обещала, *обещаю!*

Он отпустил её плечи:

— Не вмешивайтесь, это очень опасно. Здесь Муте ничего не грозит. Мы присматриваем за ней. Но если кто-нибудь хотя бы *подумает*, что она может говорить, она — труп! Оставьте её в покое!

— Да, оставлю, обещаю, — удалось выдать Шарлотте. — Но, пожалуйста, не смогли бы вы объяснить? Вы явно знаете что-то о том, кто она, что с ней случилось... Вы сказали, это опасно... *Откуда* исходит опасность? *От кого?*

Прокопио яростно крякнул и размашисто зашагал к Джипу. Шарлотта медленно последовала за ним; когда она подошла к машине, он сидел, так сильно сжимая руль, что вены под вздыбившимися чёрными волосами на руках взбухли. Несколько минут они сидели молча, Потом Прокопио поднёс к лицу Шарлотты свои запястья со шрамами.

— Вы думаете, я пытался покончить с собой, так, синьора Пентон? Вы ошибаетесь. Что я пытался, так только рассказать об этом, а не покончить с собой, хотя некоторые называли такую попытку самоубийственной. Я был молодой, слишком рьяный полицейский, которого оставили подыхать. Меня подвесили, как пугало, и оставили подыхать.

— *Кто* это сделал, синьор Прокопио?

ЧУДО № 25 ИСИДА И ЕЁ ЗНАМЕНИТАЯ ЧЁРНАЯ МАДОННА

Донну задела сухая короткая записка, которую вручила ей консьержка в пансионе

⁹¹ Шарлотта говорит о самом знаменитом из так называемых костров амбиций (по-итальянски: Falo delle vanità), устроенном последователями Джироламо Савонаролы во Флоренции в 1497 г., когда были публично сожжены тысячи «греховных» предметов: зеркала, роскошная одежда, музыкальные инструменты, книги, картины, в том числе несколько полотен Сандро Боттичелли, которые он самолично бросил в огонь.

«Рафаэлло». Почему Шарлотта не могла позвонить? На кой чёрт было оставлять эту паршивую записочку, такую официальную и такую *английскую*? Она вышла на узкую мощёную улочку и едва не столкнулась с Паоло, слезавшим со своей фисташково-зелёной «ламбретты». При виде его обрадованной улыбки Донна сразу повеселела.

— Шарлотты нет, — сказала она. — Мы должны были встретиться, но она меня обманула.

Он поцеловал её по разу в каждую щёку, а когда она оторвалась от него, взял ладонями её лицо и долго глядел ей в глаза. Она была уверена, что он хотел поцеловать её в губы. Когда этого не произошло, она сказала:

— *И это всё?* В чем дело?

Он покачал головой, продолжая смотреть ей в глаза.

— В чем дело, Паоло? — У неё перехватило дыхание, словно он пытался вырвать у неё признание.

Он неожиданно улыбнулся.

— Мы, в Италии, целуемся трижды, — сказал он и поцеловал её снова, но лишь в щёку. Не отпуская её лица, он прошептал: — Наверно, у нашей Шарлотты появился любовник!

Донна так не думала, только не у Шарлотты, с её туфлями без каблуков и платьем мешком.

— Скорее всего корпит над этой вашей порезанной картиной.

— Нет, об этом я и пришёл сказать ей. Рафаэля тайком перенесли в герцогский дворец на попечение монсеньора Сегвиты, епископа-следователя из Рима.

— Зачем? Как?

— Это целая история... — Паоло коснулся поцелуем её руки. — Пойдём выпьем кофе или чего покрепче! А ещё лучше, выходи за меня! Тогда я смогу рассказывать все мои истории в уютной обстановке, а не здесь, на улице.

— Выпить кофе было бы замечательно.

Он бросил взгляд на часы и быстро добавил:

— У меня назначена встреча, прямо сейчас, не пойти нельзя, но через... через час, хорошо? Мы могли бы встретиться в кафе Прокопио, а? — Он снова чмокнул её и, не успела она возразить или отказаться, оседлал «ламбретту», крутанул газ и, оставив чёрный резиновый след, умчался.

Делать было нечего, и Донна решила побродить по городу, взглянуть на маленький бродячий цирк и ярмарку, которые расположились на одной из немногих ровных площадок за городскими стенами. Она увидела, что несколько аттракционов сняли, причём совсем недавно, ещё видны были квадраты, круги и прямоугольники бледной, призрачной травы — тень карнавала на том месте, где стояли карусели и аттракционы с электрическими автомобильчиками.

То, что ещё оставалось, придавало территории ярмарки впечатление одичалости, недолговременное™, не то что громадные коммерческие предприятия, виденные Донной в Канаде. Возле некоторых фургонов паслись привязанные козы, по всему лугу рыскали в поисках объедков свирепого вида дворняги. Она слышала, как один из псов утробно зарычал, пробегая мимо клетки, по которой ходил туда-сюда тигр, такой старый и тощий, что его полосатая шкура обвисла, как плохо натянутая обивка дивана.

Среди пожирателей огня, жонглёров и предсказательниц, развлекавших ярмарочную публику, Донна увидела несколько из тех, кто регулярно работал в толпе паломников перед домом Рафаэля. Очевидно, что на лугу был их временный лагерь, потому что она узнала одного жонглёра, который сидел на приступке своего фургона, покуривая трубку, и скрылся под тентом, когда она проходила мимо, и сморщенную старуху в диковинном цыганском наряде, лицо которой было знакомо Донне по зеленому рынку, где её часто можно было видеть гадающей по руке или на картах.

На тенте её фургона крупными, красными с золотом, буквами было выведено:

CHIROMANZIA: SIGNORA IZIZ E SA FAMOSA MADONNA NERA⁹²

Вскоре после этого Донна заметила Паоло, который стоял за фургоном предсказательницы с человеком в мешковатом костюме в тонкую полоску. Сначала она подумала, что ошиблась и это вовсе не Паоло. С поднятым воротом чёрного кожаного пиджака, в шапочке, низко надвинутой на глаза, он выглядел более грубым и мрачным, чем тот Паоло, которого она знала. Но чёрная козлиная бородка убедила её, что это он, как и быстрые, решительные движения его рук, и она уже хотела окликнуть своего приятеля, как поняла, что он делает.

А он передавал другому человеку крупную сумму денег.

Она смотрела, как человек прячет в карман толстый свёрток банкнот. Что-то в поведении мужчин заставило Донну отвернуться, пряча лицо. Она постояла, глядя на шимпанзе в клетке рядом, потом последовала примеру Паоло и подняла воротник жакета, забрала волосы под него. «Это глупо, — подумала она. — Я веду себя как шпионка». Краем глаза она видела, как человек в полосатом Костюме прошёл мимо, даже не глянув в её сторону. Это был пожилой охранник, один из двух, что дежурили в день, когда повредили картину Рафаэля.

Что Паоло затеял?

Донна подождала, проверяя, заметил ли он её среди подростков и молодых мамаш с детьми, которые составляли ярмарочную толпу. Она смотрела на шимпанзе, а сердце так и колотилось. Шимпанзе, с усталыми жёлтыми глазами запойного пьяницы и заядлого курильщика, угрюмо смотрел на неё, его кожистая лапа вяло поигрывала тощим сиреневым пенисом.

Через несколько минут Донна почувствовала, что теперь можно оглянуться.

Паоло исчез. Она подошла к шатру предсказательницы и осторожно раздвинула полог, приготовив оправдание своему появлению на случай, если он окажется в шатре.

Тысячи Донн нерешительно стояли в просвете входа и умножились ещё в десяток раз, когда она очутилась внутри сплошь отделанного зеркалами и уставленного горящими свечами мира синьоры Исиды. Знаменитая Чёрная Мадонна, искусно задрапированная фарфоровая кукла, сидела на позолоченном троне рядом со старой цыганкой, держа в руках воскового младенца. Сама цыганка-предсказательница уписывала страшно начесоченную сосиску толщиной с её руку. Она встретила новую посетительницу потоком итальянских слов, жестом показала, чтобы Донна села напротив, потом положила сосиску на стол, вытерла руки о покрывавшую его тяжёлую скатерть с бахромой и достала сигарету. Между пепельницей и сосиской лежали три яблока, такие же сморщенные, как лицо старухи. Донна не могла решить, часть это старухинога завтрака или ритуала. Из своего скудного запаса итальянских слов Донна с трудом извлекла несколько. «Sono Donna... um... подруга Паоло, arnica di Paolo»,⁹³ — сказала она, указывая на себя, и протянула деньги, предоставив старухе самой взять, сколько полагалось.

— *Si, si, sono arnica di Paolo anchio, arnica con mi amico Paolo...* — бормотала цыганка, пряча в карман десять тысяч лир.- *Grazie lui, la mia donna e tornato*.⁹⁴

Она кивнула и похлопала куклу по голове, потом подняла плотное кружевное покрывало, открыв чёрную царицу, обожжённую и покрытую многолетним слоем свечной копоти, только стеклянные глаза были почищены и яростно сверкали.

⁹² Хиромантия: синьора Исида и её Знаменитая Чёрная Мадонна (*um.*).

⁹³ Донна... подруга Паоло (*um.*).

⁹⁴ Да, да, тоже подруга Паоло, подруга моего друга Паоло... Спасибо ему, моя донна вернулась (*um.*).

— *Guarda! la cortina di segretezza e sollevata!* Исида поднимает покрывало. *Ora la Madonna Nera dica sola la verito!*⁹⁵ Теперь она говорит одну правду, красавица! Она говорит, что ты хочешь знать, любит ли тебя Паоло, она говорит, чтобы ты остерегалась чёрного незнакомца, что скоро тебе предстоит долгий путь по воде...

Обычный бессмысленный бред, решила Донна. Ей не требовался перевод, чтобы представить, что старая мошенница скажет дальше. Она разочарованно оглядывала внутренность круглого шатра, сохранившегося, наверно, с тридцатых годов; стены целиком были увешаны, как доспехами, зеркалами в декоративных рамах. Некоторые из зеркал были до того облезлыми, что от амальгамы остались лишь островки в окружении моря стекла и позолоты, и отражали только голову, тёмные глаза да руки Донны, её нетерпеливо барабанившие пальцы. Она услышала рёв старого тигра, перекрывавший банальные пророчества цыганки. Пора было уходить.

— Спасибо, *grazie*, мне надо... — начала было Донна, поворачиваясь к синьоре Исиде, и осеклась, увидев кровавые слёзы, катящиеся по лицу Знаменитой Чёрной Мадонны.

— *Una meraviglia!*⁹⁶ — в восторге заорала старая карга. — Чудо! *La Madonna* выздоровела! Больше не болеет!

ЧУДО № 26 ТЁМНЫЙ СВЕТ

Паоло ироническим взглядом окинул знакомую старомодную обстановку кафе, его железные, с завитушками, столики и стулья, старую лысеющую голову и плоскостопные ноги официанта, дородных дам в мехах, как обычно медленно и степенно поглощающих горы замороженных сливок и яичных белков лишь двенадцати различных вариантов, а не обязательных тридцати или сорока, как в других кафе-мороженых Урбино.

— Мне хотелось привести тебя сюда, к Прокопио, потому что для меня это особое место с самого детства, — сказал он Донне. — Здешний хозяин — старый марксист, друг моего деда.

— О, коммунист!

Кафе не походило на место, где собираются коммунисты.

— Нет, он марксист.

— А есть разница?

— Кому это интересно! — пожал он плечами. — Мне нравится то, что люди здесь будто не меняются, как на картине. А ещё то, что тут нам никто не мешает, никакая университетская толпа. Тут очень интимная обстановка, то, что называется чиароскуро, не находишь?

— Чи-ар-о... что? Прости, не пояснишь, что это означает?

— Попробую.

Он легко коснулся её, упругие волосы на его руке прошли по её коже. Он продолжал искать оправдание своему прикосновению, как в другой вечер, в кафе «Република», — костяшки пальцев скользнули по пульсирующей жилке на её запястье, указательный палец мягко постукивал по её ладони — этот язык руки. Ничего определённого, ничего такого, чтобы велеть ему прекратить. Напротив, её предательница, кожа говорила: *да! продолжай!* Если бы она ему позволила, он подцепил бы её на ложку, проглотил целиком и выплюнул на кухне, в фартуке на раздавшейся талии. А что потом? Шастал бы, подыскивая другую девчонку, наверняка! Или где-нибудь на ярмарке за шатром, как она застучала его час назад, расплачивался за... интересно, за что?

— Чиароскуро, — меж тем объяснял Паоло, — это термин, обозначающий тёмную,

⁹⁵ Берегись! Завеса тайны поднимается!.. Теперь Чёрная Мадонна говорит одну правду! (*ит.*)

⁹⁶ Чудо! (*ит.*)

таинственную атмосферу некоторых картин. В буквальном переводе на английский: «тёмный свет» — странно, да? Как свет может быть тёмным? Очень *по-итальянски*.

Удивлённая тоном лёгкого презрения, с каким он это сказал, она вспомнила об отце и о том, насколько иначе он говорил о своём римском наследии. Послушать его, так Италия была сплошным Колизеем, но без гладиаторов. Подчёркнуто не замечая, как Паоло скользит подушечкой большого пальца по краю её ладони, Донна спросила:

— Значит, ты хочешь рассказать, как монсеньор Сегвита вынес картину под носом у толпы...

В ответ на равнодушную оживлённость в её голосе он отклонился назад и закурил сигарету, слегка хмурясь. Невозмутимо, под стать ей, ответил:

— Они вырезали полотно из рамы и так вынесли. Может быть, под сутаной Сегвиты, кто знает? Полицейские, конечно, в ярости, тоже и прокурор, и управление криминальной полиции, наш уважаемый аналог ФБР, но епископ Урбинский, поскольку он лично был свидетелем чудесного плача, имел разрешение от Ватикана держать у себя картину до тех пор, пока не будет доказано, что кровавые слёзы — фальшивые.

Донна заметила, как глаза Паоло, скрывая улыбку, сузились, превратившись в полумесяцы. Что ещё он скрывает? Вполне возможно, он вовсе не тот итальянский свойский парень, каким она воображала его себе.

— Несомненно, им бы хотелось арестовать нашего епископа, — продолжал Паоло, — но епископ есть епископ, а при том епископе, который часто наезжает сюда из Ватикана, это затруднительно. — Снова эта довольная улыбка. — Так что мы имеем здесь очень *итальянский* компромисс, когда стороны пришли к соглашению, что епископ будет хранить сию милую даму в опечатанном шкафу в дворцовых подвалах, разрешая краткий доступ к ней только монсеньору Сегвите, прокурору, криминальному управлению — и полиции, которая не посягнёт на автономию Церкви.

— Какая тут связь? Я имею в виду, что картина Рафаэля не имеет отношения к религии...

— Как знать, Сегвита изучает такую вероятность.

— Монсеньор Сегвита... — Донна съела ложечку жасминового, которое Паоло уговаривал её попробовать, и обнаружила, что его вкус, оставшийся на языке, отнюдь не неприятен, как она того ожидала.

— Ну как, недурно, да?

— М-м... да, я бы сказала... вкус особый. — Ему надо угадывать каждое её желание, стараться угодить ей, зацепить её. — Монсеньор Сегвита должен был *исхитриться* пронести картину мимо всех тех паломников.

— Ты видела их сегодня утром, с плакатами «Освободите Рафаэля»? Урбинские прихожане протестуют против вмешательства государства и намерены добиться, чтобы картину выставили среди других реликвий на празднике, который состоится на будущей неделе. Кое-кто быстренько собрал деньги на адвоката, чтобы тот подал жалобу в римский суд, добиваясь освобождения «Муты». Если дело увенчается успехом, он заслужит репутацию единственного адвоката в истории, который сумел освободить Мадонну. — Он коротко рассказал о деле, в результате которого другая икона «получила свободу».

— А что с кровью на картине, если это *действительно* кровь?

— Кровь, можешь быть уверена! — сказал Паоло. — К вящему огорчению профессора Серафини. Он выступал утром по радио и был в ярости оттого, что Ватикан в лице монсеньора Сегвиты, епископа из Рима, расследующего это дело, запретил ему работать над Рафаэлем. Но ещё, уверен, и потому, что после всех его многолетних утверждений, что слёзы этих плачущих мадонн делаются с помощью краски и жира, слёзы «Муты» — настоящая человеческая кровь!

— Женская?

— Мужская. И конечно же, церковники тоже злы, поскольку кровь должна принадлежать женщине, по крайней мере! Картину не отдадут, пока учёные мужи из Ватикана не закончат свои тесты на ДНК. Думаю, что даже тогда Церковь будет только довольна, если окажется, что эти кровавые слёзы принадлежат самому Иисусу Христу!

— Они хотя бы проверили графа Маласпино — вдруг это его кровь?

— Проверили — и сегодня хотят взять кровь у всех нас, кто работал над картиной, даже у женщин. Тем временем картина будет оставаться в том виде, в каком есть. Но если Церковь и государство согласятся отдать её, нас — Шарлотту, меня, Анну — попросят на скорую руку подлатать бедную бунтарку, чтобы слёзы не потекли сильнее.

— Значит, этим была вызвана сегодняшняя твоя неотложная встреча? — небрежно спросила Донна, будто её это не слишком интересовало, и, когда он помедлил с ответом, шею у неё жарко защипало.

— Я... да, я был в университете, хотел найти что-то вроде вакуумного стола, который понадобится нам, чтобы разглядеть холст.

Она едва удержалась от вопроса: разве цирк располагает подобной современной технологией? — но про себя отметила неубедительность его отговорки и, приблизив лицо к нему, сказала:

— Прделав такую работу, теперь ты, наверно, беспокоишься, Паоло.

Тот нахмурил тонкие чёрные брови. Его взгляд вопрошал, отчего она так ведёт себя, хотя Донна и сама не могла этого понять. Почему бы не сказать прямо, что она видела его в цирке?

— Да, беспокоюсь, — ответил он после паузы. — Беспокоюсь о том, что по какой-то причине граф Маласпино отказался далее финансировать проект. К счастью, городской совет предложил деньги, а вместе с ним спонсоры Санта-Кьяры — ISIA, слышала о таком? Это наш институт художественных промыслов. Но закончить к празднику никак не получится. Даже если картина будет доступна в ближайшее время, чтобы кое-как подправить её, нам придётся работать ночами... и Шарлотта в любом случае будет недовольна. Уверен, она скажет, что спешка приведёт к неисправимым повреждениям, и будет права.

Он коснулся голой лодыжкой её ноги:

— А ты, кара, что сегодня поделывала?

Внезапно устав ходить вокруг да около, Донна резко сказала:

— Я? Ходила взглянуть на этот вшивый цирк на окраине. — Паоло убрал ногу, а она быстро добавила: — Это такая дешёвка, не представляю, что тебя там заинтересовало...

— Думал узнать своё будущее у той цыганки, как уж там её зовут, синьора Исида? — Теперь Паоло получил шанс выложить всё начистоту. Вместо этого он улыбнулся очаровательнейшей мальчишеской улыбкой. — Если тебе так нравятся магия и цирковые фокусы, милейшая Донна, значит, ты собираешься на это зрелище в Санта-Кьяру.

— Что за зрелище?

— Утром повсюду развесили объявления: Серафини устраивает шоу в Санта-Кьяре, бывшем монастыре. Он намерен продемонстрировать, как можно добиться такого же эффекта, как кровавые слёзы на нашей картине Рафаэля. Поскольку Ватикан запретил ему исследовать «Муту» и её кровь, боюсь, это единственное, что может устроить коротышка профессор.

— Похоже, ты очень хорошо знаешь Серафини.

— Не совсем так. После университета мне пришла в голову глупая фантазия попробовать поработать с ним... но для профессора оказалось недостаточно моего диплома реставратора. Тем не менее мне интересно, что он собирается показать. — Он взглянул на часы. — Очень скоро я отправляюсь в Санта-Кьяру... Ты...

ЧУДО №. 27 **ПРЕОБРАЗУЮЩАЯ СИЛА ХОЛОДА**

Если бы не пугала, она могла бы спокойно вернуться в Урбино. Так говорила себе Шарлотта, намыливая руки жёлтым маслянистым бруском мыла в таких же мраморных прожилках грязи, что и раковина в огромном полутёмном туалете дома Прокопио. Почему она не отказалась от его предложения позавтракать? Всё из-за этих пугал. Она просила Прокопио назвать людей, которые подвесили его, и он ответил, что не имеет значения, как их зовут.

— Люди, нанятые другими людьми, которых в свою очередь наняли третьи. «Старая

гвардия». Все они сейчас старики.

— Их арестовали, наказали?

— Вы хотите посадить в тюрьму стариков? Всех тех, что посиживают в кафе? Подумайте о их бедных невинных вдовах, о детишках, которые остались бы без дедушек! О воплях! Слезах и стенаниях! — говорил он со сдержанным юмором. — Какой вы, реставраторы, употребляете термин — пентименто? А знаете, что это итальянское слово имеет ещё значение «раскаяние», «сожаление»? Так-то. То, что у меня под манжетами, — свидетельство моего собственного раскаяния.

— Не понимаю.

— Повторяю! Женщины, они вечно болтают, болтают, болтают, никогда не слушают! Не говорил ли я вам, что теперь меня интересует единственный вид реставрации? Мороженое. Таинственные, преобразующие радости холода. Знаете, что у Данте в самых жутких областях его Ада царствует холод, не жар? Холод хорош для сохранения всего — и я многое понял о сохранении, когда висел в пещерах Монтефельтро: о *самосохранении* ! Некоторые из этих пещер очень красивы, Шарлотта. Вам следует как-нибудь взглянуть на них... Они похожи на холодные подземные соборы — спиральные спуски, полукруглые арки... У меня было много времени, чтобы насладиться красотой их архитектуры... А что до раскаяния, о да, я раскаивался, я просил, умолял о милосердии и раскаивался во всём. — Он отмахнулся от вопросов, как будто детали не имели значения. — Понимаете, я был первым полицейским в роду потомственных поваров и мясников, и, оглядываясь на уходящий в даль истории ряд своих предков, я обрёл чувство перспективы не хуже, чем у Рафаэля. То самое пентименто, которое вы обнаружили.

— Как вы выбрались из пещеры?

— Спасла моя тётка, женщина, которая занимается у меня домашним хозяйством: она вспомнила, что дядя Тито обычно хранил... припасы в пещерах. Она и её упрямец сыночек знали долину вдоль и поперёк.

— А те люди? Почему они не вернулись, когда поняли, что вы остались живы?

— Они *вернулись*, но к тому времени я усвоил урок. — Он завёл джип. — Не разделите со мной ланч сегодня?

— О нет... благодарю... вы очень добры... Если б вы только могли...

Англичанин понял бы, чего она хочет. Он же продолжал ехать прямо. «Развернуться и отвезти меня обратно в Урбино». Почему она не сказала этого?

А там уже показался сад, и было слишком поздно.

По дороге с его фермы в Сан-Рокко Прокопио не заметил пугал, бывших с её стороны, но теперь он резко затормозил, так что джип занесло, и, не говоря ни слова, выпрыгнул из машины, направился к старым фруктовым Деревьям и несколько долгих минут стоял, глядя вверх на нелепые фигуры, раскачивавшиеся на ветвях. Она видела, как он ухватился за сухой ствол и принялся трясти его, явно желая, чтобы фигуры свалились наземь. Но они висели крепко, лишь их лохмотья развевались, словно и в самом деле заключали в себе гневные, беспокойные души людей, умерших от собственной руки или рук других. Когда он вернулся, лицо его было мрачно.

— Это ваши пугала? — спросила Шарлотта и, когда он ничего не ответил, нервно повторила вопрос: — Что-то не так?

— Нет, не мои.

— У вас такой вид...

— *Пугала* не мои, но одежда на них — моя. Моя, и Анджелино, и моей тётки. — Он выругался по-итальянски.

— В чем дело? Что всё это значит?

— В былые времена...

— Что в былые времена?

— А, забудьте!

— Скажите мне, *пожалуйста*, синьор Прокопио...

- В былые времена для людей из долины пугало означало предателя, отступника...
— А что они означают теперь, эти пугала?
— Для вас в этом нет ничего интересного.
— Что они означают?
Джип завёлся, как обычно, не сразу.
— Может быть, кто-то напоминает, что я уже был раз наказан за свой длинный язык.

Шарлотта смотрела, как Прокопио наполняет её стакан из бутылки без этикетки. Почему она не сказала: *нет*, она *хочет* вернуться в Урбино? А теперь не могла, боясь задеть его чувства, из-за своей природной стеснительности, всегдашней неспособности высказаться. Может, она жаждет раскрыть тайну? Не потому ли она здесь? Если так, похоже, её любопытство ещё не удовлетворено.

— Вы любите смотреть футбол? — спросил он.

— Не очень.

— А ещё заявляете, что интересуетесь нашей культурой! Не знаете, что наш следующий кандидат в премьер-министры скорее всего получит этот пост потому, что он президент футбольного клуба?

— Не могу поверить, что только...

— «Милан» — хорошая команда. Пока его команда продолжает выигрывать, людям плевать, что брат их следующего премьер-министра и его деловой партнёр находятся под следствием, что ими занимаются «Чистые руки», им всё равно, что его ближайший помощник находится в бессрочном отпуске в Тунисе после тяжких обвинений в коррупции. Избиратели не видят никакой иронии в том, что премьер-министр владеет газетами, которые работают на его избрание, в том, что он имеет власть над гостелевидением, с которым конкурирует его собственная телевизионная сеть... Но скажу вам одну вещь: уверен, наш премьер-министр потерпит поражение, если его команда не сохранит Кубок чемпионов, поскольку все его люди выбились из низов, говорят... Ветчины?

Не успела она сказать ни «да», ни «нет», как он взял её тарелку и подошёл к буфету, покрытому вязаными салфеточками, на котором возвышалась свиная нога — целиком и даже с элегантно выставленным, как балетная туфелька, копытом. Всё в доме было непомерной величины, как сам Прокопио. Шарлотта снова показалась себе Златовлаской, на сей раз обедающей с одним из трёх медведей.

— Домашнего копчения *prosciutto*⁹⁷, — сказал он, ставя перед ней тарелку с розовой ветчиной в толстой кайме белого сала.

От ветчины сильно несло свиньёй, этим запахом был пропитан весь дом, и Шарлотта, которая любила мясо только в небольших количествах и приготовленное так, чтобы не оставалось и намёка на его естественный розовый цвет, вспомнила жирный запах и цвет мыла, которым мыла руки. Её капризный желудок ухнул вниз и вновь неохотно принял прежнее положение, как лодка в непогоду. Она положила в рот кусочек ветчины, стараясь как можно меньше жевать её, но и этого было достаточно, чтобы почувствовать её дымный сладковатый привкус, неизбежно свиной.

— Вкусно, правда? — спросил Прокопио, кивком показав на тарелку.

Она жалобно улыбнулась и продолжила жевать, но глотать удавалось только с помощью доброй порции красного вина.

На тарелке появился второй ломоть ветчины, толще и неодолимее первого. Она работала челюстями как машина, а кусок почти не уменьшался.

— Хотите ещё? — спросил Прокопио.

⁹⁷ Окорок (*um.*).

Она не могла покачать головой из страха подавиться. Волокна то ли мяса, то ли жира застряли в зубах, как пластинки, которые она носила в детстве. Все слова тонули в месиве мяса, хрящей и слюны. Перед взором проносились кошмарные анатомические рисунки, показывающие, как легко можно подавиться каждый раз, когда мы глотаем; защищает нас лишь тонкий, не всегда действенный выступ. Знакомый мальчишка умер, подавившись мундштуком игрушечной дудки; пытаясь что-то сказать перед смертью, он лишь издавал дрожащий свист.

Перед угрозой нового ломтя, уже нависшего на сервировочной вилке над её тарелкой, она наконец смогла дожевать и проглотить последнее.

— Нет, спасибо, — выдохнула она.

Но её ждало очередное испытание: красовавшийся на её тарелке кусок грубого чёрного хлеба, пропитанный оливковым маслом и густо натёртый чесноком и свежими помидорами, отчего бесхитростный гренек превратился во что-то размякшее цвета мяса. Как не похож был этот ланч на тот, каким угощал её граф! Ей с трудом удалось не показать свой ужас, когда домоправительница внесла огромную щербатую супницу, а следом блюдо, на котором высилась тёмно-зелёная гора чечевицы, блестящей то ли от масла, то ли от сала, в которой виднелись веточки розмарина и цельные головки чеснока, как окаменелости в известняке.

— Фазана? — спросил Прокопио, погружая ложку в супницу.

— Я... ох, это чересчур...

— Мы сбили его машиной, помните? Мы сбили, она приготовила, — сказал он, показывая плечом на старуху, с которой он общался, видимо, полувнятным бурчанием да жестами. Если он о чем-то просил её или давал на что-то согласие, понять его было невозможно.

Фазан оказался не так плох, как того боялась Шарлотта. Он был очищен от кожи и разделан на столь мелкие кусочки, что в нём нельзя было узнать птицу, висевшую со сломанной шеей в сильных пальцах Прокопио, а потом тушенную в винном соусе с маленькими луковичками и грибами. Мясо просто таяло во рту, почти не похожее на мясо, — удивительно изысканное блюдо, вынуждена была она признаться, несмотря на то, что чечевица слишком отдавала чесноком.

— Это из Умбрии, — уведомил её Прокопио, указывая вилкой на гарнир цвета хаки в её тарелке.

На десерт ей подали ложку домашней вишни, вымоченной в граппе, закалённую непогодой грушу с грубой, как бархатная наждачная бумага, кожицей, крохотный твёрдый козий сыр, завёрнутый в миртовый лист. Раздумывая над всеми метафизическими испытаниями застолья, Шарлотта чувствовала себя на удивление хорошо, больше благодаря вину, которого истребила немало. Даже ветчина, Уже не грозившая ей, была, казалось, не так дурна. В благодушном настроении она маленькими глоточками попивала вино и внимательно оглядывала комнату с фотографиями в массивных рамках, на которых было изображено прошлое поколение суроволицых итальянцев. Под самым потолком висели два древних ружья, а по стенам красовались доказательства того, что их владелец был мастер убивать. Побитая молью морда кабана, лисы, дикобраз, сурки и всякие птицы, более-менее успешно представленные чучельником как бы в полёте, смотрели на неё мрачным, как родственники Прокопио, взглядом. Шарлотта, отводя глаза от одного особо свирепого *cinghiale*,⁹⁸ с клыками, закрученными, как макароны «гнёзда», встретила со взглядом Прокопио, с улыбкой смотревшего на неё с видом собственника, и почувствовала себя одним из его охотничьих трофеев.

— Спасибо, — сухо сказала она. — Всё было очень вкусно.

— Даже ветчина? — Его большие карие глаза шурились от удовольствия.

Ах, чёрт! Значит, он прекрасно понимал, как она воспримет этот ланч! Она не знала,

⁹⁸ Кабан (*um.*).

злиться ей или смеяться, но чувство юмора победило.

— Да, ветчина была нелёгким испытанием... — ответила она с неожиданной для себя теплотой, чуть ли не кокетливо.

Но не успела предупредить могущее создаться у Прокопио неверное впечатление. Он встал и сказал:

— А теперь я вам покажу кое-что.

Она видела, что его слегка пошатывает. Должно быть, выпил больше, чем она заметила.

Он вернулся с фотографией в рамке и со стуком поставил её на стол.

— Взгляните, узнаете кого-нибудь?

Снимок был явно сделан на охоте. Мужчины, мальчишки, ружья, собаки, дикий кабан (возможно, один из этих страшилищ, что пляшут со стен комнаты), вытянувшийся у их ног, один из мужчин ухмыляется, подняв зайца за безвольную шею: картина жестокости и варварства, которой техника сепии придала налёт старины. На заднем плане фермерский дом — этот или любой другой в Италии, в местах, где можно увидеть дома с деревянными ставнями, облезшей штукатуркой и черепичной крышей.

— Ваша ферма? — предположила она, и Прокопио торжественно кивнул.

— Присмотритесь получше! — Он ткнул толстым пальцем в лицо мужчины с маленьким мальчиком на плечах.

Судя по одежде мужчин и их аккуратным усикам, снимок был сделан за двадцать лет до войны или через десять лет после неё. Как в наружности дома, типическое в них проступало сильнее индивидуального. Племенные маски вместо портретов, вынесла вердикт Шарлотта, призванные скрыть, а не подчеркнуть человеческую личность.

— Простите, но... — сказала она.

Прокопио нетерпеливо засопел. Ткнул пальцем в мальчика на плечах мужчины.

— Это я и мой отец, Теодоро Мадзини, а рядом с ним мой дядя Тито, оба мясники, хотя Тито — никудышный. Не умел управляться с ножом, можно было подумать, капусту шинкует, а не свинью режет. Сорок третий год, осень. Папа сделал отличный *prisciutto*, окорок, из кабана, которого убил старый граф. Тот любил убивать. — Высокий нахмуренный аристократ, стоявший рядом с подростком лет двенадцати-тринадцати, были старый граф и его сын. — Ваш влиятельный друг, — сказал Прокопио. — А те два смуглых гиганта — братья Монтанья; Доменико, тот, что справа, две недели назад погиб на свиноферме. Вот эти двое — Энрико Бальдуччи и его двоюродный брат Чезаре из Сан-Рокко, которые время от времени служат графу загонщиками, когда тот ходит на охоту. Другой двоюродный брат обоих Бальдуччи был священником, коммунистом. Очень речистый коммунист-священник — в наше время это крайне опасный вид священников. Человек, который заботился о людях долины, отвечал за них перед Богом, он, а не Папа! Понятно, почему такой человек недолго прожил во времена Пия Двенадцатого, который умел хранить молчание о планах нацистов.

Шарлотта пыталась сопоставить слова Прокопио и графа Маласпино, сожалея, что так мало знает об Италии военных лет. О гвельфах и гиббелинах она знала больше, чем об итальянских политиках двадцатого века.⁹⁹

— Что случилось со священником? Вы предполагаете, что...

— Он исчез. Никто не слышал о нём после... — Он вернулся к фотографии. — А это Карло Сегвита, работавший десятником у старого графа.

Карло отличался brutальной красотой, но не во вкусе Шарлотты. Её никогда не тянуло к мужчинам, в которых бычья сила преобладала над остальными качествами. Сегвита, знакомая фамилия.

— Он имеет какое-то отношение к...

— Да, старший брат главного ватиканского охотника за чудесами. Когда был сделан этот

⁹⁹ Гвельфы — партия сторонников римских пап в Италии XII–XV вв.; их оппоненты, гиббелины, напротив, были сторонниками императора Фридриха I Барбароссы.

снимок, епископ ещё не родился, но видите, как те же самые характерные черты, но в ином сочетании, могут привести к такому отличию? Карло был столь же ловок, сколько жаден, но не способен устоять перед бутылкой, как говорил дядя Тито, сам в этом деле совсем не ангел. Мерзкий, когда выпьет, но разума не теряет, не то что дядя Тито. — Он ткнул большим пальцем в сторону кухни. — Старуха, она вдова Тито, а кретин, которого вы встретили тут, когда были в первый раз, тот, что с мулами, — это Анджелино, их сын. Он тронулся после того, как...

Прокопио замолчал на полуслове; снова появилась старушка и поставила на стол кофейник и помятое серебряное блюдо с горой разноцветных засахаренных фруктов, словно прямо с турецкого базара. Тут были пухлые вяленые абрикосы и финики, заполненные внутри зелёной миндальной пастой, цукаты из лимонных и апельсиновых корок, блестящие от закристаллизовавшегося сахара, завязанные узелками и изогнутые ленты пастри, жаренного в масле, тёмные треугольники фруктового кекса, засахаренные мандарины, блестящие от сиропы, и в самом центре — четыре цельные груши, облитые шоколадом и с шоколадными листочками.

— Расстаралась для вас моя тётка.

— Действительно, не уверена, что смогу...

— Вы должны хотя бы попробовать. Обычно она приберегает такое угощение для Рождества.

Шарлотта положила себе самый маленький из абрикосов и немного цукатов. Оскорблённая такой скромностью, тётка Прокопио добавила ей на тарелку грушу в шоколаде и солидную горку пастри, покрытого, как инеем, сахарной пудрой. «Мы будто в арабской пустыне, на древней церемонии помолвки», — подумала Шарлотта, с беспокойством чувствуя, как её положение осложняется.

Старушка бросила злой взгляд на фотографию, лежавшую возле тарелки Шарлотты, и сделала движение, как бы собираясь унести вторую бутылку вина, ещё наполовину полную, и Прокопио поспешил обхватить бутылку за горлышко, с ухмылкой глядя на неё.

— Не любит, когда я пью. Слишком много я говорю. Как дядя Тито.

Снова буркнув что-то, возможно неодобрительное, женщина вышла. Прокопио постучал по снимку:

— Карло, он потом здорово потолстел, стал что те свиньи дальше по дороге.

— Потом?

— В шестидесятых. Уехал в Англию — банковский бизнес, думаю, может, маклерство. Превратился в настоящего английского патриота; сторонился темнокожих иммигрантов и всё такое. Я видел его фотографии в газете, Когда был там. Преуспел старина Карло: три жены, куча внуков. — Язык у Прокопио слегка заплетался, акцент стал сильнее. — Не то что я.

— Вы не...

— Умерла.

Его огромная ладонь очень осторожно легла на её руку. Она почувствовала, как вся покраснела. Дыхание стало частым и прерывистым. «Джин на пустой желудок, — подумала она, — слишком долго я жила без плотской любви; это действует как джин на пустой желудок. Какая жалость, что он не в моём вкусе... Он нравится мне, но уж слишком толстый, слишком большой, слишком волосатый». Её всегда привлекали умные мужчины, стоящие выше её по общественному положению, вроде Джона, которые будоражили ум. «И предавали меня», — подумалось ей. Она посмотрела на свою маленькую бледную руку под медвежьей лапой Прокопио, жёсткие волосы которой всегда царапали её ладонь, когда они здоровались. Под ногтями у него по-прежнему чернело.

Всё так же часто дыша, она досчитала в уме до пяти и мягко высвободила руку.

Его это, похоже, не обидело.

— Теперь недурно бы отдохнуть — в другой комнате, там можно расположиться

поудобнее. Отведаете алькермеса,¹⁰⁰ какой только здесь делают.

Удобный отдых с Прокопио было последнее, чего хотелось Шарлотте, но она не могла придумать, как ей вежливо отказаться от этого предложения. С неуклюжей галантностью Прокопио сделал движение рукой и даже попробовал поклониться, приглашая её пройти в гостиную. Она пошла вперёд, почти ожидая, что он шлёпнет или ущипнёт её за зад, но он вместо этого взял старую фотографию и спокойно проследовал за ней. Грузно опустившись в огромное кресло, он бросил фотографию на кофейный столик и налил им по большой рюмке отчаянно красного ликёра. Шарлотта попробовала глоточек. Знакомый вкус, напоминавший анисовое печенье, каким угощала его домоправительница. Держа у груди [object Object] жидкостью, она шла вдоль полка с поваренными книгами, нервно изображая интерес, которого не испытывала, и вела оживлённую беседу:

— Кто бы мог представить, что в мире столько рецептов всяких блюд!

— В них не только рецепты, — откликнулся он.

— Уверена, что вы правы, — лицемерно поддакнула она.

— Знаете, кулинария — это искусство и наука вместе!

— Конечно, я...

— Вы мне не верите? Говорю вам: мы больше знаем о составе Луны, чем о составе суфле! Почему так происходит?

— Ну, полагаю...

— А я вам скажу: потому что люди глупы. Они не понимают, какое богатство находится прямо у них под носом.

Шарлотта не знала, как ей воспринимать эти его слова, и, когда он поднялся с кресла, быстро отступила назад. Но он, пошатываясь, прошёл мимо и с удивительной безошибочностью извлёк из ряда книг нужную.

— Я хочу прочитать вам одну цитату. Слушайте! — Прежде невнятная, речь его зазвучала чётко и ясно: — «Влагу много сыров тут сочит сквозь прутья корзинок, много и слив восковых есть тут в осенние дни. Много каштанов у нас и сладких рдеющих яблок, с чистой Церерою здесь Бромия и юный Амур. Есть и шелковица тут, и гроздья на вьющихся лозах, и на жердях не один тёмный висит огурец...» Поэзия, правда? Это из одного Древнего римлянина, «Вергилиана»!¹⁰¹

— Римлянина? Как...

— Вы — человек культуры, а я — агрикультуры, так вы думаете?

— Вовсе нет, я...

— Мой отец едва умел читать, мать — не умела вовсе! Но я самоучкой одолел всё это! — Он обвёл рукой книжные полки. — *Гроздья на вьющихся лозах и сладкие рдеющие яблоки.* Не находите, что звучит поэтично?

— Нет... то есть я хотела сказать, да... да, я, между прочим, действительно думаю, что это настоящая поэзия.

Поэзия практических дел. Что более поэтично, прочитанные им слова или поиски этим великаном (этим мясником) поэзии в такой земной вещи, как еда? Человеком, похожим на её отца-военного: прагматичного и сильного, но в то же время обаятельно нездешнего и тоскующего по чему-то более широкому и красивому, чем его прошлое. Без всякой причины, по причине, которую она не могла, не хотела понять, Шарлотту наполнило какое-то восхитительное чувство. Она поразилась тому, как ей хорошо. Отблески огня, мерцавшие в [object Object] фотографий и карт, вставленных в рамки, шипение, рёв и резкое потрескивание постепенно прогоравших каштановых поленьев, их ароматный дым, мешавшийся с запахом чеснока, розмарина, свинины и фазана, тени, густеющие по мере того,

¹⁰⁰ Красного цвета мускатный ликёр, подкрашенный кермесом или кошенилью.

¹⁰¹ Apendix Vergil Iana, или Приложение к Вергилию. Трактирщица. Пер. С. Ошерова.

как в окнах садилось солнце, — всё это было острой, дымной, жирной, наполненной, очень *живой* жизнью. Все её чувства проснулись, или просыпались, вновь. Счастье — вот что это было. Она уже почти забыла это чувство. Затем в одном из своих внезапных прозрений, более часто случавшихся с ней после развода, Шарлотта увидела себя как бы глазами Джона — одинокая, немолодая учёная дама, вызывающая жалость своей готовностью отозваться на самую банальную, самую...

Она сконфуженно отошла от внимательно глядевшего на неё Прокопио и, напустив на себя важность, присела на подлокотник кресла, стараясь показать, что её визит близится к концу.

— Интересно, — спросила она, беря со столика старую фотографию. — Интересно, жив он ещё, этот Карло Сегвита?

Прокопио вновь сел и налил им обоим отвратительного пурпурного ликёра; Шарлотта одним глотком проглотила свой, словно мерзкое лекарство. Он уже пропустил четыре или пять против её двух. Как она доберётся до Урбино, если он продолжит в том же темпе? Телефона тут нет, вспомнила она, такси не вызовешь.

— Карло? Как же, наезжает сюда время от времени... навещает старых друзей... инвестиции... та скотобойня дальше по дороге. — Он говорил замедленно, как говорят порядком выпившие, извлекая слова по одному и делая задумчивую паузу, перед тем как вставить в нужное место фразы, словно складывал сложную картинку-загадку. — Не то чтобы он сейчас был связан с мясным бизнесом. Теперь он старается не марать рук. Да-а-а, чистые руки... очч важно!

— Почему вы всё-таки показали мне эту фотографию, Франческо? — спросила она.

Она непроизвольно назвала его по имени и увидела, как выражение его лица смягчилось. Его такая фамильярность столь же обрадовала, сколь её расстроила.

— Думаю, вам следовало её увидеть, вот почему, — ответил он. — Беспокоюсь, что вы можете попытаться *реставрировать* кое-что ещё... какие-нибудь наши неприглядные прошлые дела.

— Считаете, Муту что-то связывает с этими людьми? Он раздражённо пожал плечами:

— Кто такая эта Мута? Я уже говорил, что не знаю её.

— Вам не запомнилась никакая девочка той поры, когда вы были мальчишкой? На фотографии девочек нет...

— Кто в таком возрасте запоминает девчонок? — Он плеснул в глотку остатки ликёра. — Как бы то ни было, вам эта фотография понравилась больше поэзии, ну и оставьте её себе, если она доставляет вам такое удовольствие. *Io non posso comprendere piu*.¹⁰²

— Да не то чтобы...

Шарлотта в смятении смотрела, как веки Прокопио задрожали и сомкнулись, затем упрямый подбородок несколько раз стукнулся о грудь и застыл, больше не поднимаясь. Это уж чересчур, а она-то опасалась неизбежного соблазна. И как ей добираться домой? Мысль возвращаться пешком в темноте не привлекала. И зачем она только приняла приглашение на ланч! Она продолжала разглядывать фотографию, в надежде, что Прокопио очнётся, хотя, судя по тому, как он пыхтел и отдувался, всхрапывал и ворчал во сне, это было маловероятно. Может, сходить за домоправительницей? Шарлотта ещё не решила, что ей делать, когда старушка появилась сама и несколько секунд стояла, глядя на спящего.

— *Stanco*, — наконец сказала она. — *Troppo massacrati, ora*¹⁰³ — Объяснив жестокую причину усталости хозяина в пору забоя свиней, она тронула Шарлотту за плечо и пробормотала: — Сейчас.

Несколько минут спустя она появилась вновь в старом бесформенном пальто, бывшем

¹⁰² *Здесь:* Сейчас отключусь (*um.*).

¹⁰³ Умаялся... Слишком много режет, всё время (*um.*).

когда-то чёрным. В одной руке у неё бренчали ключи на огромном кольце, в другой она держала тарелку с сосисками, толщина и острый, пряный аромат которых не оставляли сомнения в их домашнем происхождении. Шарлотта поняла, что нужно идти за ней; они отправились на задний двор, где стоял ржавый пикап такого же почтенного возраста, как тётка Прокопио. Две курицы, устроившиеся на переднем сиденье, с громким кудахтаньем ринулись прочь. После одной из них осталось яйцо, которое женщина осторожно переложила на заднее сиденье. Моля Всевышнего, чтобы водителем не оказался парень, правивший мулами, или один из воскресных забойщиков, Шарлотта увидела, что домоправительница собирается сама быть за шофёра. С удивительным проворством крохотная старушка вскарабкалась на водительское сиденье и уселась, подложив под себя три подушки. Тем не менее её едва было видно из-за баранки. Шарлотте казалось, что она не справится и с телегой, запряжённой медлительными быками, не говоря уже о грузовичке, однако они благополучно выехали со двора.

Во все полчаса, которые они добирались до ворот Урбино, они обменялись всего каким-нибудь десятком слов. Однако путешествие не было безмолвным, только не в этом грузовичке, с его рёвом, дребезгом и стуком, — всей этой неумолчной гроыхающей речью, в ответ на которую старушка, чуткая к этому древнему диалекту, то прибавляла газ, то притормаживала под аккомпанемент ужасного скрежета и скрипа. Она буквально вставала, чтобы дотянуться ногами до педалей. Проезжая мимо пугал, она, сама похожая на пугало, набрала в рот слюны и длинно плюнула из окна. Однажды по пути, когда она затормозила и выбралась из машины, чтобы достать яйцо с заднего сиденья и оставить его вместе с тарелкой сосисок возле обломанного зуба колокольни в Сан-Рокко, ей удалось произнести нечто вроде коротенькой фразы: «Да... бу-бу-бу бу-бу-бу... Бальдуччи... бу-бу-бу бу-бу-бу...» — хотя за рёвом мотора было не понять, что она прошамкала.

Это был ответ на вопрос Шарлотты:

— Еда для Муты?

Выехав на шоссе, они обменялись ещё несколькими словами: налево или направо, в Урбанию или в Урбино? Это был повод возобновить интересный разговор, бесполезный из-за беззубого шамканья старушки. Только имя разобрала Шарлотта — Бальдуччи. Что-то такое Бальдуччи, сказала женщина, Бальдуччи что-то такое... не Мута, это точно, — может, Элла? Риелла? *Габриэлла?*

Габриэлла Бальдуччи: существовала ли такая? Когда-нибудь? Может, это Габриэлла или какой другой блуждающий призрак посещает Сан-Рокко?

ЧУДО № 28 ЗАКОПАННЫЙ ОКОРОК

Мута тоже видела пугала. На ноге одного из них она узнала ботинок, который потеряла в тот день, когда в Сан-Рокко появился волк. *Мамин* ботиночек. Она уткнулась лбом в покрытый паршой ствол дерева, которое больше ничего не давало, кроме кривых толстокожих груш, жёстких, озлобленных, годных только для тушения.

Дерева пугал, священник сказал: «Как упал ты с неба, о Люцифер, сын зари!»¹⁰⁴ — и дальше он сказал: «От каждой смерти мне убыток, ибо я — плоть от плоти человечества»¹⁰⁵, и они уничтожили слова, взорвали все слова, и все разбитые судьбы падали обрывками бумаги, как грушевая и яблочная кожура с маминого ножа. Гранаты сыпались ещё долго.

¹⁰⁴ Первое пророчество о Вавилоне, Исайя, 14:12. В синодальном переводе Библии для обозначения Люцифера употреблено слово «Денница», одно из значений которого «Падший ангел».

¹⁰⁵ Фраза из проповеди Джона Донна, заканчивающаяся словами более известными: «...так что не посылай узнать, по ком звонит колокол; он звонит по тебе».

Это было здесь? Она помнила виллу, где жила добрая госпожа, которая всегда давала ей еду и одежду. Госпожа пробовала научить Муту говорить, но все слова Муты исчезли на дороге, по которой ушли все остальные. Слова, даже когда им удавалось раскрыть ей рот, заставить её выдохнуть воздух, душу, могли высвободить разрушительную силу, хранившуюся глубоко внутри её, могли убить других. Она видела, как это происходило.

Много позже, когда никто из родных так и не объявился, Мута узнала, что она — всего лишь ещё один камень, вывернутый плугом войны, и в этой безлюдной пустыне не осталось ничего, кроме разбитых чаш и сосудов в форме девичьих тел, которые находили в полях, и священник сказал, что они из времён, когда люди слепо поклонялись ложным богам. Священник сказал, Иисус был сотворён Словом, и Мария понесла от Слова Божия, и Муте было интересно, что это за слово? Месяц за месяцем, год за годом она бродила, ничего вокруг не узнавая, пока только память не стала водить её. Порой она боялась, что лишится даже этого — кроваво-красных деревьев, разбитых слов, — и начинала сомневаться, что родилась и жила здесь. Куда бы она ни пошла, всюду были бомбы и смерть, и подвалы, где прятались голодные люди.

В этом, вспоминала Мута, или в другом подвале, который она обнаружила в те месяцы, что бродила по округе?

Но теперь это был её подвал, её волк. Лишь убедившись, что пришельцы покинули Сан-Рокко, Мута вернулась сюда проверить, что волк оставил ей. Хотя она уже привыкла к таким дарам, как яйцо и сосиски, теперь она часто приходила домой и находила на люке её подвала добычу вроде мёртвой куропатки или наполовину съеденного фазана. Эти непрошенные приношения напомнили Муте о временах, — наверное, вскоре после того, как перестали падать бомбы, — когда она была так измучена и голодна, что готова была уткнуться лицом в землю и уснуть навеки. Она искала на полях картошку и морковь, а однажды извлекла из земли целый копчёный окорок, закопанный крестьянином и потому не найденный немцами, ещё розовый и сочный, с восхитительным белым салом; она забыла о ноже и вгрызлась в него зубами.

Сегодня был кролик, ещё тёплый, шея сломана, но на горле почти нет следов зубов. Результат её взаимообмена с волком, чьи жёлтые глаза внимательно следили за ней из тени колокольни.

www.megabook.do.am

ЧУДО № 29

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАФИКСИРОВАННАЯ ДАТА, КОГДА ЗАСОХШАЯ КРОВЬ СВЯТОГО ДЖЕННАРО СТАЛА ЖИДКОЙ

Полукруг застеклённых ниш, разделённых тонкими деревянными колоннами, производил впечатление книжных полок в частной библиотеке, разве что переделка ниш там, где некогда располагался ораториум Блаженного Упокоения, теперь используемый под лекционный и театральный зал ISIA, была ещё не закончена и вместо классического карниза красовались черепа, а вместо книг — ссохшиеся трупы. Только центральная мумия была в одежде — белой мантии до пят, тогда как жёлтые складки старой замши, в которую, казалось, были облачены другие мумии, жёсткой и мятой, будто ею полировали множество машин, — это действительно была ссохшаяся кожа, сморщенная от старости. На черепках не было ни единого волоска, ни глаз или мясистой части носа, кроме остатков кожи, ещё видневшихся на нижней челюсти. Ссохшаяся за столетия, она растянула разинутые, безгубые рты почти до исчезнувших ушей, будто в усмешке или гримасе или, может быть, в безмолвном вопле. Сложенные руки мумий, прижатые к выпяченным рёбрам, словно едва сдерживая молчаливый хохот, казалось, свидетельствовали о посмертном чувстве юмора, а один весёлый череп прислонился к сухому плечу другой мумии, изнемогая от смеха. *Смерть, эта старая шутка, над которой не устаёшь смеяться...*

Донна с Паоло, Фабио и его друзьями сидела на скамье перед бывшим ораториумом. Они были в числе нескольких сотен приглашённых, включавших всех, от епископа до мэра и его друга Франко из бара «Рафаэлло». Ещё сотне человек пришлось стоять позади или тесниться вдоль стен. Для мероприятия, созванного за такой короткий срок, организовано всё было превосходно, предусмотрены были даже подушки на сиденьях и наушники, чтобы слушать синхронный перевод на английский.

— Можно подумать, иностранных дипломатов ждут, — сказал Паоло, поражённый столь тщательными приготовлениями и думая, что всё организовал мэр.

Афишки, привлекавшие внимание к событию, были также исполнены профессионально и напечатаны не только по-итальянски, но и по-английски. По дороге сюда Донна остановилась у одной, и Паоло, придвинувшись к ней поближе, ощутил запах её духов. Тяжёлый, мускусный, совсем не подходящий молодой женщине. В вырезе блузки можно было видеть грудь, приподнимавшую ткань, и краешек кружевного бюстгальтера, и он представил себе, что будет делать, когда они наконец останутся одни, мысленно ведя пальцами по её подбородку вдоль длинной шеи и проскальзывая в вырез.

— «Слёзы Усопших, — читала она с пародийной серьёзностью. — Приглашаем всех на выступление знаменитого итальянского мага Альфредо Барраго, который продемонстрирует, как заставить мёртвых плакать настоящими кровавыми слезами; помогать ему будет выдающийся итальянский исследователь чудес профессор Миланского университета Андреа Серафини. Выступление состоится в бывшем ораториуме церкви Санта-Кьяра, которая гордится своим уникальным собранием трупов, извлечённых из захоронений в начале девятнадцатого века и высохших естественным образом благодаря плесневым грибкам, которые поглотили влагу тел...» Ничего себе, Паоло!

— Должно быть очень... интересно... Не думаешь?

— Чёрт с ней, датой, когда их извлекли!

Она посмотрела с вызовом, заставив его почувствовать себя посмешищем, и остаток пути до Санта-Кьяры они прошли молча. Там они встретили друзей Паоло, ни один из которых, видно было, не обрадовался Донне. Фабио оттащил Паоло в сторонку и прошептал по-итальянски: «Чего притащил *её* с собой? Она последний человек, за кем тебе стоит увиваться. Я же говорил тебе вчера по телефону, что я видел».

Паоло отмахнулся от приятеля и, взяв Донну за руку, потащил её в массивную резную дверь бывшего ораториума.

— Что там он говорил обо мне? — спросила она.

— Ничего. Просто... да забудь.

Паоло не хотел, чтобы что-нибудь отравляло ему время, когда он с ней. В голове у него было одно — произвести на неё впечатление, очаровать, флиртовать, во что бы то ни стало удержать рядом. Так или иначе ослабить напряжение, возникшее между ними за последние недели. Ему плевать было, что Донна ничего не смыслит в искусстве, Италии, истории, политике, над чем потешались его университетские друзья, потому что он устал от истории, а особенно от итальянской политики. Только позавчера он услышал о скандале, в котором был замешан продовольственный консорциум, на который периодически работал его отец. «Это могло случиться в любой день, — признался отец. — Тебе самому нужно быть готовым. Папа сделал ошибку, послал чек вместо наличных. Не тому человеку».

Первое, чему учил его отец, ещё давным-давно: если хочешь дать взятку, нигде не оставляй подписи. Грязь можно отмыть, от слов — откреститься, они улетят с ветром, как птицы, но *carta canta*, бумага поёт! Что ж, Паоло нашёл собственный способ заставить «бумагу петь». Когда-нибудь, когда они лучше узнают друг друга, когда он будет уверен в ней, он всё расскажет об этом Донне.

— Кто это? — спросила она, указывая на пожилого человека несколькими рядами впереди, который обернулся и долгим взглядом посмотрел на группу молодых людей.

— Дедушка Фабио.

— Его лицо показалось мне знакомым... Забавно — позавчерашним вечером, в кафе? Я

видела его, этого старикана, за соседним с нами столиком. Фабио ни словом с ним не перекинулся.

— Они не разговаривают. Старик — упорствующий фашист.

— Да-а?

Равнодушие, прозвучавшее в её голосе, сказало ему, что для неё «фашист» — не более чем обидное слово, брошенное в пылу игры или которым награждаешь школьного учителя, наказывающего за то, что ты пишешь в библиотечных книгах. Не отягощённое памятью, не то что в Италии. Он разглядывал её профиль, почти закрытый волной свесившихся волос. Кроме как у девушек с юга, никогда он не видел таких волос, настолько чёрных, что они поглощали свет. Он мысленно внушал ей посмотреть ему в глаза своими глазами той же глубокой черноты, что и волосы, но она упорно не сводила их с фигуры в пышном одеянии, подошедшей к столу перед мумиями.

«Великий Барраго» шеголял в тяжёлой мантии до полу, сверкавшей разноцветными блёстками, наверно скопированной с портрета Сулеймана Великолепного, императора Константинополя и наследника Византии.¹⁰⁶ «Маги, волхвы всегда являются с Востока», — думал Паоло. Следом за Барраго вышел невзрачный человечек в синем костюме и белом халате поверх него.

— Профессор Андреа Серафини! — объявил Барраго. — Вместе с ним мы сейчас посмотрим, какие чудеса можно произвести одной лишь ловкостью рук и при помощи таких приборов, как лазеры и голографические установки.

Серафини поднялся на трибуну.

— Лазер, — заговорил он, стоя слишком близко к микрофону, отчего его слова сопровождалось фоном и треском, — это свет, усиленный, чтобы испускать когерентное излучение в инфракрасной, видимой и ультрафиолетовой областях электромагнитного спектра.

Потом он сказал:

— Голография — это метод создания трёхмерного изображения, обычно при помощи когерентного излучения лазера, совмещённого с фотопластинками.

Далее он сказал:

— Голограмма возникает под воздействием луча лазера, который разделяется и формирует на фотопластинке интерференционные образы.

«С равным успехом он мог бы сказать: „Абракадабра! Алаказам!“» — подумал Паоло, глядя на восторженные лица вокруг. Большинство собравшихся ожидали увидеть настоящее чудо.

Вместо волшебной палочки у Барраго был длинный факел, который он направил на одетую мумию в центральной нише, размахивая им как хормейстер, управляющий хором мертвецов.

— Преподобный Лоренцо Пеккато, изобретатель некрополя.

Электрический свет в люстрах над головой потускнел, и Донна затаила дыхание в предвкушении чего-то необычного. Несмотря на прохладный приём Фабио и его друзей, она получала удовольствие от происходящего. Она чувствовала малейшее движение бедра Паоло, прикосновение его плеча, когда женщина рядом с ней потеснила её, чувствовала, как его золотые часы свободно болтались на его тонком смуглом запястье.

На сцене ничего не происходило. В похожем на пещеру побелённом помещении ораториума царила полная, мёртвая тишина, которую, казалось, можно потрогать. Потом мерцающий призрак или душа преподобного Пеккато отделилась от его мощей и на краткий миг подняла прозрачные руки в жесте благословения.

Женщина в первом ряду с воплем вскочила на ноги и тут же свалилась в глубоком обмороке. Призрачный преподобный повёл туманной рукой в сторону мумии — как считалось,

¹⁰⁶ Сулейман I Кануни (Сулейман Великолепный) — турецкий султан (1494–1566).

молодой дамы, умершей во время кесарева сечения. Секунду спустя её пустые глазницы наполнились кроваво-красными слезами.

Церковь взорвалась криками женщин, руганью мужчин, рукоплесканиями, изумлёнными восклицаниями, яростными и столь же восхищёнными голосами. Бурный спор разгорелся из-за того, считать ли это шоу (или посприание святынь) очень передовым (или немыслимо кощунственным). Двое членов братства Блаженного Упокоения, которые раньше управлялись в ораториуме, горько жаловались соседям. Они считали, что нужно прекратить спектакль, пока не стало поздно. Кое-кто предположил, что всё уже «зашло слишком далеко».

Паоло, который прекрасно понял, каким образом с помощью лазера и голограммы устроили фокус с призраком преподобного и слезами мумии, размышлял, чей призрак стоило бы вызвать: Рафаэля, чтобы он направлял их реставрационные работы? Или саму «Муту», чтобы она намекнула на происхождение её скрытого шрама, — и воспользоваться случаем для выяснения истины и для примирения.

Серафини вышел вперёд и снял покрывало с находившихся на столе пробирок, циркуля и бунзеновской горелки.

— Мэр Урбино попросил меня дать научное объяснение разнообразных так называемых «чудес», происшедших недавно, — начал он, потом помолчал, выжидая, пока публика утихнет. — Чудес, наподобие случившегося с затвердевшей кровью, которая на прошлой неделе в Урбании вновь стала жидкой, и вашего собственного «чуда» с картиной Рафаэля.

Его тонкий гнусавый голос в сочетании с ироническими кавычками, которые он всякий раз употреблял, произнося слово «чудо», создавали впечатление, будто он негодует на какую-то мелкую неприятность: муху в супе, растянувшийся мешковатый кардиган, ещё больше уродующий его и без того плохо скроенный пиджак.

— Эти чудеса имеют долгую традицию — наподобие возвращения крови текучести, случающегося всякий август в церкви Амазено под Неаполем, на празднество Сан-Дженнаро.

Он жестом указал на подставку с пробирками, наполовину заполненными застывшим составом разнообразных оттенков коричневого: от желтоватого и оранжеватого до ржавого, не слишком отличавшегося цветом от густой шерсти, настойчиво лезшей из-под манжет его рубашки и кустившейся на пальцах чуть не до самых ногтей. Деревянные, нескладные движения профессора и мохнатые руки, непропорционально крупные для его тела, напомнили Донне о музее, который она посетила в Англии; там чучела животных были обряжены в человеческую одежду и изображали разные сценки. С интересом разглядывая выразительный конопатый и подрагивавший нос Серафини, она решила, что из него получилось бы чучело ищейки, но потом смягчилась, видя, с какой тоской он глядит на публику, не ожидая, что его поймут.

— Вы были свидетелями того, как Альфредо Барраго применял наинovelлесте технологии, — провыл Серафини несколько осуждающим тоном. — Но я в своих экспериментах намерен прибегнуть к методам, которыми пользовались средневековые плуты, добиваясь простейшего, но эффективного перехода вещества из одного состояния в другое.

— Какой такой переход, о чем он? — шёпотом спросила Донна Паоло.

— Переход из одного состояния в другое означает изменение вещества: твёрдого в жидкое или жидкого в газообразное, — ответил он. — Или живой материи в неживую, а затем обратно в живую... что, разумеется, невозможно.

Донна ближе наклонилась к нему и прошептала:

— Ты знаешь все эти штуки, да? Ты *сам* этим занимаешься?

— Что? — Их глаза и губы были совсем рядом, и восхищение в её голосе отвлекло его от главного, о чем он думал в этот миг. — Ну... это интересует меня... но пока он не сказал ничего такого, чего бы мы — я — уже не знали. — Он почувствовал, как Фабио стиснул ему руку.

— Как ты умудрился столько узнать об этом? — спросила Донна.

Он не обращал внимания на Фабио.

— В университете я несколько лет изучал химию, но недостаточно, чтобы

соответствовать требованиям Серафини.

Каждый раз, когда она двигала головой, Паоло ловил запах её духов и промельк шеи сквозь завесу волос. Это напоминало ему белую полоску женских бёдер над чулками.

— Твой старик хотел, чтобы ты стал учёным?

— Папа? Никогда! Он надеялся, что я займусь семейным керамическим бизнесом, разработаю водонепроницаемую глазурь для его простых пепельниц и нарядных кувшинов для оливкового масла. Этим или...

— *Basta*, Паоло!

Остановленный резким восклицанием, Паоло вновь устремил взгляд на сцену, и Донна поймала себя на том, что любит его профилем, стройной фигурой, крупным носом, белыми зубами, которые неплохо бы выпрямить. Какое отличие от нечеловечески ровных, стоматологически безупречных зубов на американском телевидении, к чему она привыкла! Опять же, он не так прост, как казался, — хранил в тайне своё посещение цирка, и она была уверена, что они с его приятелем Фабио что-то замышляют... не это ли делает Паоло более или менее интересным? Она с трудом вновь сосредоточилась на профессоре Серафини. Едва видимый за стеклянными кишками и пузырями, мензурками и микроскопами, он занимался тем, что с апломбом повара-любителя на телеэкране нагревал воду в большом сосуде.

— Моё недоверие к чудесам началось с этих заявлений о кровотоке святого, всегда происходившем в самые жаркие месяцы, — сказал он, поднимая вверх склянку с веществом желтовато-коричневого цвета. — В этом запечатанном сосуде находится свернувшаяся кровь святого, которая вдруг стала жидкой на прошлой неделе в Урбании. Братство, ответственное за подобное утверждение, любезно позволило принести её сюда, запретив, впрочем, снимать печать! Теперь я хочу, чтобы вы представили себе, что сейчас стоит жаркий августовский день, когда температура внутри помещения поднялась выше тридцати градусов по стоградусной шкале... Итак, я нагрел воду до тридцати градусов. Смотрите, что происходит с этой, обычно твёрдой, субстанцией.

Поместив сосуд в горячую воду на несколько секунд, он высоко поднял его, чтобы все увидели, как субстанция стала жидкой и ярко-красной.

— *Che spettacolo!*¹⁰⁷ — пробормотал Паоло. — Обрати внимание, Донна, когда они видят правду, она им не нравится.

— А теперь я погружаю сосуд в охлаждённую воду, — сказал Серафини, — и подождём, пока его содержимое не загустеет, прежде чем перенести его снова в горячую. Содержимое опять застывает, затем становится жидким и красным. Во многих мощах нет ничего чудесного, кроме этого — тиксотропии, способности определённых гелей становиться жидкими при вибрации. Но чтобы это доказать, пришлось бы подвергнуть анализу содержимое сосуда, взяв его крохотный образец...

— Так давай сделай это! — крикнул мужчина из зала. — Если ты так уверен в себе!

Профессор в смятении провёл обеими руками по волосам, отчего его оранжевая шевелюра стала дыбом, как щупальца некоторых морских существ, и обменялся растерянным взглядом с Барраго.

— Братство, которое управляет часовней в Урбании, не дало разрешения на это, — ответил Серафини.

— Обманщик! Мошенник! — кричал мужчина. — Ты ничего не можешь доказать!

— Такое множество потенциальных чудес! — сказал Паоло, качая головой. — Тут нужна Шарлотта, чтобы подсказать, как правильно выразиться по-английски... Есть выражение: «туча ворон», да? Так что скопище чудес можно назвать... *хором* чудес? Может, епитимьёй?

Серафини поднял вверх облатку. С вздыбленными руками и ореолом вздыбившихся рыжих волос, плывущих над белым халатом, он походил на проповедника. И его голос звучал грозно,

¹⁰⁷ Что за спектакль! (*um.*)

истово:

— Наука может объяснить большинство чудес, связанных с кровью. Начнём с «чуда» Больсенской обедни, прославленного фреской Рафаэля!

Он кратко описал обстоятельства, при которых в Больсене в 1263 году на просфоре и покрове причастия проступила кровь.¹⁰⁸

— С тех пор произошло множество подобных «чудес» — все с кровью, появлявшейся на пище, содержащей крахмал, однако когда эту «чудотворную» пищу подвергали анализу на гемоглобин, результат всегда был отрицательным! Мы никогда не сомневались в том, что ответ тут может быть только один: всё дело в бактерии *Serratia marcescens*, которая может порождать тёмно-красные пятна на крахмалистых продуктах...

Уверенный мужской голос из первого ряда перебил его:

— Вы полагаете, что чудеса, совершающиеся со времён Средневековья, есть результат подобных изошрённых фокусов?

— Нет, нет! Те, вероятно, были устроены куда более грубо. В состоянии повышенной возбудимости люди видят то, что *хотят* видеть... или то, в чем их *убеждают*.

— Разделяете ли вы сами подобные огульные утверждения, профессор? — не отступал голос.

— Я разделяю мнения свидетелей, которые показали перед богословским комитетом, что лично видели кровавые слёзы, которыми плакала Мадонна в Чивитавеккье, монсеньор! Но я сам изучал фотографии плачущей Мадонны и могу сказать вам: кровавые пятна *не* меняли формы, что бы там ни показывали свидетели!

— То есть вы убеждены, что некий фанатичный аббат совершил подлог с целью одурачить народные массы?

— Если Церкви нечего бояться, монсеньор Сегвита, — ответил Серафини, — то почему Ватиканский комитет допускает к исследованию подобных чудес лишь богословов, но никогда химиков, врачей или опытных учёных?

— Но я *сам* опытный учёный, профессор, как вам прекрасно известно.

— Вы — враг всех добрых католиков, Серафини! — закричала какая-то женщина.

— Я родился в католической семье и учился в католической школе, синьора. — Вернувшись к своей обычной иронии, последнему средству защиты от мира, в котором люди больше верят в футбол и кинозвёзд, чем в откровения науки, он добавил: — Католицизма не избежать, как не избежать иудаизма. Религия — это форма фамильного проклятия, торжество невежества и женоненавистничества!

— Люди должны верить во что-то! — крикнула она в ответ.

Подвижный, словно хобот, нос Серафини возбуждённо дёрнулся несколько раз, как бы ловя в воздухе эту идею, чтобы устроить ей встряску.

— Если ваша вера не выдерживает слова правды, — сказал он, — в таком случае, вам, видимо, необходима новая вера! Что нам дало сорокапятилетнее правление Христианско-демократической партии? Систему взяточничества и коррупции, где даже Ватикан связан с мафией!

Публика вновь завопила, но, прежде чем Серафини успел плеснуть ещё масла в огонь им же вызванной ярости, в зале вспыхнул свет и пожилой мужчина, явно ответственный за порядок, встал и объявил, что на сём выступление гостей закончилось.

Публика потянулась к выходу. Донна заметила Джеймса, жестами созывавшего съёмочную группу. «Паоло, мне надо...» Паоло разговаривал с Фабио. Она стала протискиваться мимо широкобёдрой женщины, лениво шагавшей перед ней. Паоло поймал её за руку, но Донна, ослепительно улыбнувшись ему, высвободилась и окликнула кого-то

¹⁰⁸ Речь идёт об известном в истории чуде, происшедшем во время обедни, когда священник, сомневавшийся в догмате пресуществления хлеба и вина причастия в тело и кровь Христа, освящал просфору у алтаря в крипте храма Святой Кристины и на ней проступили капли крови. В память об этом событии Рафаэль написал фреску в Ватикане «Чудо в Больсене».

позади него.

— У твоей девчонки есть дела поважнее, — сказал Фабио. — И у нас тоже.

— Это её работа, — сердито сказал Паоло.

Они не торопясь вышли на улицу. Донна в тридцати футах от них разговаривала с Джеймсом, стоя вплотную к нему и при всякой возможности дотрагиваясь до него. Паоло отвернулся, чтобы не видеть этого, и встретил внимательный взгляд Фабио.

— Уж не собрался ли признаться красотке во всех своих грехах, Паоло?

— Я видел в зале твоего дорогого деда-фашиста, — сказал в ответ Паоло. — Похоже, он очень дружен с епископом Сегвитой.

— Да, старые друзья: оба верят в сохранение статус-кво.

— Послушай, Донна, сейчас у меня нет на это времени! — Джеймс старался увернуться от её руки и смотрел на оператора.

— Но я могу сделать этот сюжет, Джеймс! Просто скажи, как ты хочешь, чтобы я его сделала.

— Я тебе говорил, Донна, ведущий должен здесь говорить с ходу, без подготовки. — Он крикнул оператору: — Начинать снимать, как только Серафини окажется в объективе!

— Как насчёт Сан-Рокко, помнишь, я тебе рассказывала?

— Поговори с Джилли, она будет замещать меня.

Он повернулся к Донне спиной, а один из его группы поднял доску с названием кадра, заставив её отступить назад. Она обернулась, ища Паоло, но тот исчез. Зажатая толпой, она смотрела на приближающегося монсеньора Сегвиту. За ним спешил Серафини, как терьер, безуспешно пытающийся тяпнуть длинноногую борзую.

— Спрошу вас, монсеньор Сегвита, — тьякал он, — как Эразм Роттердамский спросил римлян, когда Папой был Юлий Второй: какие бедствия грозят, если верховные понтифики, наместники Христа, попытаются подражать Его жизни, полной бедности и тягот?

Его рослый оппонент продолжал шагать, не устаивая профессора ответом.

— А я вам прокомментирую Эразма, — цапнул учёный. — Он сказал, что, если Ватикан попробует это сделать, тысячи писак, подхалимов и подлецов лишатся работы! Вот подлинный человек Возрождения, человек, которого следовало бы превозносить здесь, — а не слугу подлецов и пап, каким был Рафаэль!

Журналисты засыпали Серафини вопросами: что он намерен предпринять, подозревает ли он кого-то?

— Я намерен разобраться до конца с этим «чудом» и с женщиной, ответственной за происшедшее! — ответил он. — И найти людей, которые толкнули её на это!

— Куда вы теперь направитесь, профессор? — спросил Джеймс. — Обрато в Милан?

— На это Рим может не надеяться, синьор! Может не надеяться! Я направляюсь воскрешать мёртвых! Вот куда я направляюсь: воскрешать мёртвых!

ЧУДО № 30 **РОЖДЕНИЕ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Этим вечером на поверхности урбинского омута сознания на короткое время появилось название Сан-Рокко. Оно всплывало в кафе и барах, сопровождаемое пузырями полузабытых слухов, которые лопались, распространяя зловоние, и скоро снова ушло в глубину под натиском новостей о войне, которую продолжали «Чистые руки». Всё лето на площадях Рима, Милана, Флоренции гремели взрывы — мафия доказывала, что её влияние распространяется далеко за пределы Сицилии и Неаполя. В этих взрывах видели также протест против январского ареста сицилийского крёстного отца мафии Тотто Риина, после того как долгие годы полагали, что он находится в бегах.

— Но, как оказалось, — сказал мэр, обращаясь к Франко, — всё это время подонок

спокойно жил в Палермо — даже когда его люди убили прокурора Фальконе!¹⁰⁹ Выясняется, что множество мафиози, о которых нам говорят, что они «скрываются от правосудия», «ушли в подполье», живут себе припеваючи не под, а *над* землёй и *над* законом в своих домах по соседству с нами, Франко! Спокойно гуляют с семьями, ходят в церковь, посылают детей в государственную школу, как мы, нормальные граждане. Всё, на что мы можем теперь надеяться, — что наконец-то увидим смерть Первой республики и рождение славной Второй.

— Неприятное это дело, рождение, — мрачно сказал Франко.

ЧУДО № 31 ПЕРО С КРЫЛА АРХАНГЕЛА ГАВРИИЛА

Стоял один из тех октябрьских дней, какие могут озолотить урбинских агентов недвижимости, работающих с иностранными покупателями. В этом свете даже убогая хибара, привлекательная разве что своими шустрými или полудохлыми тараканами, смотрелась как на развороте в «Архитектурном дайджесте». Шарлотта разглядывала снимки сдающегося жилья, пытаясь выбрать между маленьким сельском домиком «с видом на берег» или «просторной» однокомнатной квартирой в городе. Она не могла позволить себе ни того ни другого — так почему не помечтать о них обоих? Настроение было отличное, и, снисходительно смотря на себя — Женщину, Приглашённую на Прекрасный Итальянский Ланч на Винограднике, — она посмеивалась над собственным легкомысленным оптимизмом. Она сбросила жакет, повернула запястья к солнцу, чтобы ощутить голой кожей его тепло, движение, которое напомнило ей вчерашний рассказ Прокопио. Убегая от этой неприятной картины, она нырнула в свою любимую крытую улочку, где приглушённый свет сглаживал морщины стариков, а щёки молодых женщин заставлял рдеть, как алебастровые фрукты. Свет скульпторов, а не резкая белая фотовспышка середины итальянского лета. «Сегодня, — решила она, — забуду о Прокопио и его рассказах и приму предложение графа. Начну жизнь заново».

У Шарлотты становилось привычкой выходить из пансиона на задние улицы, избегая растущие толпы паломников, прибывающих заказными автобусами из всех стран Европы. Старые и немощные, больные духом и телом, которым не принесли облегчение ни Фатима Лурдская, ни святой Антоний Падуанский, теперь все они искали чуда здесь. Слепые постукивали перед собой белыми палками, не ведая о красоте города, рядом с ними шли *penitenti*¹¹⁰ из Испании, стегая себя по спине верёвками с узлами. Шарлотта видела таких, кто, едва выйдя из автобуса, падал наземь и так, на коленях, полз по всей виа Мадзини до дома Рафаэля. Переходя её сейчас, она вынуждена была остановиться и ждать, пропуская целый автобус таких ползущих паломников, чьи голые колени оставляли длинный извилистый кровавый след. Булыжник был ржавого цвета не от грязи или древности, как долго думала Шарлотта, а от старых пятен засохшей крови этих бесчисленных кающихся грешников.

На Рыночной площади она нашла микроавтобус, посланный за ней и съёмочной группой, но ни Паоло, ни Донны не увидела. Она присоединилась к Джеймсу, который наблюдал за другой группой паломников, высадившихся из автобуса и направлявшихся к дому Рафаэля.

— Неужели они не понимают, что картины там уже нет? — сказала она.

— Не думаю, что для них это важно. Слишком далеко зашло.

Она удивилась, услышав, что съёмочная группа поздравляет Джеймса с тем, как удачно он вёл вчерашнюю вечернюю программу.

— С Донной всё в порядке? — спросила она.

¹⁰⁹ Фальконе Джованни (1939–1992) — легендарный итальянский прокурор, бескомпромиссный борец с мафией, погибший от её рук на Сицилии.

¹¹⁰ Кающиеся (*ит.*).

— М-м... Донна не смогла вести вчерашнюю часть, ответил Джеймс. — Я вёл вместо неё.

— Она не больна? — Шарлотта почувствовала себя виноватой, оттого что не позвонила девушке хотя бы извиниться за то, что уехала в Сан-Рокко без неё.

— Думаю... гм... она вполне здорова. Вообще-то... гм... Вообще-то её не пригласили. Понимаешь... графиня... она особо дала понять, что Донна не должна появляться... какая-то неприятность... связанная с ней, произошла на вилле «Роза» на прошлой неделе, и понимаешь...

— Неприятность? Это не похоже на Донну, — сказала Шарлотта. — Наверно, просто недоразумение...

— О нет, нет, у меня создалось впечатление, что дело... гм... серьёзное. Она там разбила этрусскую вазу... умышленно... семейную ценность.

— Но Донна ничего не смыслит в этрусках! — (Народ вокруг Шарлотты покотился со смеху.) — Что я сказала такого смешного?

— Не думаю, что причина в этрусках... дело скорее личное...

— Понятно... А где Паоло?

— Он встретит нас на вилле.

Шарлотта заняла место за водителем и отвернулась к окну. Они проехали мимо массивного здания Урбинского университета, с его прямоугольным современным силуэтом, и она старалась не обращать внимания на дома в стиле испанских гасиенд и швейцарских шале, появляющиеся здесь, как повсюду в Италии, вместе с рекламными щитами в американском духе, зазывающими в спортивные центры и туристские комплексы. Она была рада, когда пригороды остались позади и они свернули на длинную дорогу, бегущую между двух рядов кипарисов — этих вечнозелёных восклицательных знаков, которые в Италии указывают, что вы приближаетесь или к важному сооружению, или к кладбищу. Шарлотта, не забывшая свой предыдущий визит на виллу «Роза», не могла подавить чувство радостного предвкушения, когда автобус устремился вверх по крутой гравийной дороге, исчерченной тигриными полосами теней от кипарисов, к вершине холма, где башни, как великаны часовые, охраняли небольшое укреплённое поселение. «В тот раз я была тут как обычная посетительница, — подумала она не без приятности, — а в этот буду гостьей самого владельца».

Въехав в сводчатые ворота, автобус остановился на большой площади, с которой открывался захватывающий вид на окрестности. Здесь пассажиров встретил учтивый молодой человек в чёрном, помощник графа.

— Граф с графиней скоро прибудут, — сообщил он и принялся расписывать виллу Роза бессмысленным и напыщенным языком интернационального пиара, сопровождая рассказ заученными, как у стюардессы, жестами.

Скоро его рекламную трескотню прервал вой Паоловой «ламбретты», и Джеймс, воспользовавшись моментом, спросил, не могут ли они сами все осмотреть. Паоло, следуя за Шарлоттой, прошептал:

— Выглядит как иллюстрация из книги о чудесной итальянской жизни.

Она потащила его дальше, чтобы остальные их не слышали, и они вместе неспешно пошли на другой конец площади. «Аптека» — гласила тщательно написанная под старину вывеска, но, заглянув внутрь, она с удивлением обнаружила в лавке одни голые стены, только на полу валялось несколько сухих листьев. Прочие аккуратные фасады, как оказалось, скрывали ту же пустоту: углы затянуты серой паутиной, между комнатами груды кирпича, штукатурки и расколотых балок. Кое-где даже наружные несущие стены обрушились и торчали, как обломанные зубы.

— Я чувствую себя словно в черепе мёртвого гиганта, — сказал Паоло, — будто смотрю из его глазниц или сквозь дыры в челюсти.

— Из моих комнат вид на Урбино, — раздался у них за спиной знакомый женский голос, и Шарлотта, надеясь, что говорившая не услышала Паоло, обернулась и увидела элегантную блондинку, которая представилась им как жена графа. — И из ваших будет тот же, если

согласитесь остаться, синьора Пентон! — Она понизила голос до заговорщического шёпота, отчего Шарлотта почувствовала себя членом привилегированного клуба, где собираются одни умные и талантливые, чтобы обмениваться важными секретами. — Вид портят только эти чудовищные жилые застройки и ужасные отели для туристов, которые съедают ландшафт вокруг Урбино, расползаясь, как меланомы.

— Валите вину за это на крестьян, — сухо заметил Паоло, и улыбка застыла на лице их хозяйки. — Они распродают свои старые дома богачам из Швейцарии и Германии, — продолжал он, — тогда крестьяне могут позволить себе построить современные дома ближе к городу с кафельными полами и гранитными кухонными раковинами. Мой отец зарабатывает на жизнь этой безобразной меланомой.

— Это мой ассистент... — быстро сказала Шарлотта, напуганная бестактностью Паоло. Должно быть, злится оттого, что Донны нет.

— Да, мы уже встречались, — ответила графиня. — Прошу прощения, вижу, одному из слуг требуется моя помощь.

— Она предпочитает диснеевский вариант Италии, вам не кажется? — заметил Паоло.

Шарлотта нахмурилась; не хватало только, чтобы испортили её хорошее настроение. Хотелось пусть только на один день отрешиться от реальностей итальянской жизни, существующей за пределами волшебного мира реставрации. Почувствовав облегчение, когда остальная группа нагнала их, она отстала от Паоло и последовала за графом на ровную площадку на склоне, с которой были ясно видны далёкие Апеннины на севере. Здесь их ждали квадратом расставленные столы, покрытые розовыми скатертями и украшенные фестонами и розетками из позолоченных листьев и орехов. В центре высилась пирамида из тыкв, слив и груш, грецких орехов и фундука, винограда и каштанов по меньшей мере пяти футов высотой и вдвое больше в основании. «И всё это сделано из фарфора!» — сказала графиня. Салфетки были хитро сложены в виде птиц и цветов, каждый столовый прибор обрамлён гирляндами из виноградных листьев, при ближайшем рассмотрении оказавшимися металлическими с финифтью, а глазурь на булочках в старинных корзинах из керамических прутьев так блестела, что Шарлотта не удержалась, потрогала их, чтобы убедиться, что они не из фарфора. У неё было такое чувство, что она попала на банкет из фильма Висконти «Леопард», и задавалась равнодушным вопросом: не взирают ли на них с неумолимой, как это осеннее небо, улыбкой боги, раскинувшиеся в вышине на своих позолоченных ложах?

Сидя между Паоло и графом Маласпино, Шарлотта внимательно разглядывала букет на своей тарелке: настурции, маргаритки, золотистые анютины глазки, листья диких растений и жареные кедровые орешки.

— Всё равно что поедать луг Боттичелли! — сказал Джеймс.

— Укус я делаю сам, — скромно улыбаясь, объяснил граф. — С каждым днём, что я живу здесь, я всё больше становлюсь крестьянином.

— Крестьянином нельзя *стать*, Дадо, — заметила ему жена. — Это не профессия. Крестьянином нужно родиться.

— Ну, тогда новообращённым крестьянином!

Он весело принялся рассказывать о ближайших друзьях детства, которые были «настоящие крестьяне» из ближайшей долины; его рассказ о тех идиллических годах перед войной неоднократно прерывался появлением новых замысловатых блюд, каждое из которых состояло из совершенно немислимых ингредиентов. Сама не зная почему, Шарлотта вспомнила издевательское предположение Паоло, что граф Маласпино подтягивал лицо. Если он прав, тогда это должна была быть та дорогостоящая подтяжка, что делают стареющие американки, от которой в случае удачи их лицо начинает походить на коллаж из нескольких разных, но не вполне совпадающих красавиц, а в случае неудачи — на кое-как сшитое лицо жертвы автокатастрофы.

— Еда для богатых, пресыщенных горожан, — шепнул ей Паоло, и после пятой или шестой перемены она поняла, что уже не различает вкуса беспрестанных новинок.

В то время как Джеймс и его помощник явно чувствовали себя в своей стихии, с удовольствием споря с графом о преимуществах белых трюфелей перед чёрными, Шарлотта держалась скованно, как почти всегда при большом сборище народа вроде сегодняшнего. На знаменитых вернисажах Джеффри или на званых обедах, куда её после развода приглашали всё реже, она совершенно выпадала из общей беседы, перескакивавшей с акций и дивидендов на приучение детишек пользоваться горшком и семейный отдых за границей.

На одном из таких сборищ Шарлотта, сидя с холодящим пальцы бокалом вина в руке и рассеянно глядя в окно, пока лондонский телепродюсер читал лекцию своим не первой молодости восторженным почитательницам о необходимости увеличивать количество программ по искусству, способных заинтересовать молодёжь, увидела, как два подростка разбили окно машины, завели мотор и уехали. Ей было неудобно беспокоить хозяйку, которая в этот момент живо интересовалась у другой супружеской пары, куда те собираются в этом году, в Тоскану или Умбрию. Время от времени один из чувствительных типов на этих приёмах вспоминал, что среди них есть марсианин, и пытался вовлечь в разговор и «бедную Шарлотту».

«Мне ближе те разгневанные, отверженные автомобильные воры», — подумала она сейчас и нервно проглотила засахаренную аютину глазку, оказавшуюся на вкус Невыразимо отвратительной. Ей с трудом удалось отклеить лепесток от нёба, чтобы ответить графу, предложившему:

— После ланча, если пожелаете, Шарлотта, я покажу вам, где собираю травы и цветы, которые вы видите в этом салате... Или предпочтёте купание в бассейне? Полагаю, ваши коллеги выберут последнее? — Вопрос был обращён к остальным гостям, которые дружно подтвердили предположение графа.

— В новом бассейне, — уточнила графиня. — Неблагоразумно плавать в старом бассейне.

— Нет, нет... я бы лучше прогулялась, — мягко сказала Шарлотта.

Граф наклонился к ней:

— А потом вам непременно нужно посмотреть картины, которые, как моя жена и я надеемся, вы согласитесь отреставрировать...

Через несколько минут он встал из-за стола и выразил надежду, что его жена уговорит всех гостей отдать должное угощению, не думая о вреде для фигуры.

— Теперь прошу извинить меня, мне необходимо показать синьоре Пентон то, что Джеймс верно окрестил лугом Боттичелли.

Под неистовый звон цикад, не подозревающих о том, что лето кончается, Шарлотта и граф неторопливо спускались с холма по тропинке, прокошенной в высокой пожелтевшей траве. Она вытянула руку, и колоски трав щекотали её ладонь. Впереди темнели остатки леса, за ними мерцали в послеполуденной жаре горы, чьё подножие скрывалось в тумане. Каждый шаг поднимал волну аромата сухой травы, но сильнее его были мускусный запах бродящего винограда и знакомая вонь силоса. Когда они спустились ниже, Шарлотта уловила другой запах — более тяжёлый, почти невыносимый, слегка гнилостный.

Не доходя до деревьев, граф сошёл с тропинки и опустился на колени в траву.

— Моя мать была подлинной горожанкой, — сказал он. — Она рассказывала мне, что всю жизнь смотрела на траву просто как на траву. Затем однажды, когда переехала в имение отца сюда, в Марке, она увидела, что на одном-единственном квадратном метре травы борются за существование более пятидесяти разных растений. Урок жизни, урок трав. Для нас обоих было трагедией, когда мы покинули это дивное место. В сорок четвёртом году. Мне было двенадцать. Отец перевёз нас в палаццо во Флоренции, унаследованное мамой.

— Потому что во Флоренции было безопаснее?

— Нет, не потому. Отец продал наш родовой дом — тот, что виднеется вдалеке. — Он

показал на башни на гребне холма, по которому она проходила две недели назад и где ей было её сокровенное «видение». — Папа не предупредил нас, не объяснил причины. В один прекрасный день он просто протянул мне пятьдесят тысяч лир и сказал: «Я продал дом. Это твоя доля». Менталитет фашиста: для меня продать тот дом было как продать детство.

— Полагаю, вы могли бы его выкупить...

— Нет, он потерян навсегда, теперь он стиснут с одной стороны свинофермой, а с другой — птицефабрикой. — Он неожиданно улыбнулся. — Но к чему вам слушать всё это. — Он нашёл в траве и сорвал изящное растеньице с круглыми зубчатыми листиками, похожими на старинную вышивку. — Черноголовник, салатная травка, — попробуйте! Мать одного из моих детских приятелей любила приговаривать: «L'insalata поп e bella se поп c'e la salvastrella». Что означает: «Салат не салат без салатной травки».

— Видно, вы любили её.

— О да... любил, даже...

Голос его дрогнул, он слегка отодвинулся от неё. Шарлотта была уверена, что он собирался рассказать об этой Женщине, но передумал.

— Теперь крестьяне забывают, что раньше знали. Когда человек, ухаживающий за моими виноградниками, видит, что я собираю дикий цикорий, отвариваю его и ем с сыром, он говорит: «Помнится, моя бабушка делала то же самое». Он оторвался от своего прошлого, как состав от локомотива. Всё оттого, что умерла наша старая система хозяйствования.

— Вы имеете в виду *mezzadria* ?¹¹¹ Знаю, она была распространена во всей Центральной Италии... но... это всегда напоминало... феодализм... — Беспокоюсь, что подобное определение может оскорбить его, она добавила: — То есть мне напоминало.

— Итальянцы никогда не были способны на демократию. Посмотрите, что творится сегодня! Знаете, в детстве всё, чего я хотел, — это быть одним из крестьян моего отца, которые были укоренены в этой почве так, как моя семья никогда бы не смогла. После войны я научился думать иначе. Наши фермеры покинули землю, едва поняв, что в городе можно заработать больше денег. Город манил их, словно мираж.

— Как вас — сельская местность?

— Да, как меня — сельская местность, дорогая Шарлотта, до тех пор, пока семья жены не купила нам виллу «Роза»... раньше она принадлежала моему дяде.

Он поднялся с мрачным видом. Тронутая, Шарлотта едва удержалась от желания взять его за руку. Она отвернулась, чтобы он не заметил выражения жалости в её глазах. Впереди что-то сверкало сквозь деревья, похожее на воду.

— Там старый бассейн?

— Мать выкопала его в двадцатых годах. Им не пользовались много лет.

— Можно взглянуть?

— Если угодно.

Нежелание, которое она ощутила в его голосе, объяснилось, стоило им войти в остатки леса. Внутри внешнего круга буков теснились высокие тонкие хвойные деревья, борющиеся за жизненное пространство, и свет с трудом проникал сквозь их плотную стену. Земля была рыжей от опавшей хвои, в бассейн, покрытый толстым слоем ряски цвета выгоревшей пластиковой бутылки, впадал столь же болезненного цвета ручей, сбегавший со скалистого склона, — источник неприятного запаха. Земля близ воды была липкой, вязкой. При каждом шаге чмокала, неохотно отпуская туфлю.

— В нескольких километрах вверх по склону располагается свиноводческий комплекс, — пояснил граф.

Шарлотта, заметив, что ковёр игл под ногами кишит многоножками, подавила дрожь отвращения.

— Что с вами, дорогая? Вам холодно? — Он нежно обнял её за плечи. — Тут всегда

¹¹¹ Исполщина (*um.*).

немного прохладно. Все эти деревья выросли сами после войны. Потому тут так темно.

— Просто... Это глупо, но мне показалось, что я слышала... шёпот, хотя, наверное, это всего лишь... — она подумала, что будет неучтиво, если она скажет о многоножках, — ручей.

— Или призраки, — спокойно проговорил граф. — Иногда мне кажется, что я слышу их — мать и её друзей. У меня сохранились фотографии тех времён, на которых они сидят вокруг этого бассейна на солнышке в купальных костюмах от Шанель, коротко стриженные, загорелые и гладкие, как тюлени. Не думающие о том, что надвигалось. Если сосредоточиться на фотографиях, чуть ли не слышишь, как лопаются пузырьки шампанского.

Его взгляд упал на бассейн, чьи вытянутые очертания повторяли форму океанского лайнера тридцатых годов.

— Жена любит подчеркнуть, что у нас новый бассейн, потому что он построен на деньги её брата, и это она проявила волю и убедила меня в том, что отелю нашего уровня необходим... Я пропал бы без неё. — Он посмотрел вверх, на крохотные рваные лоскуты неба в просветах сосновых крон. — Теперь солнце никогда не падает на бассейн...

Шарлотта обратила внимание, как сильно бассейн нуждается в реставрации. Краска узоров в стиле ар-деко по большей части облезла, а голубые дельфины, прыгающие через позолоченных морских звёзд, едва виднелись над ядовито-зелёной поверхностью. Граф Маласпино поднял с земли несколько камешков и швырнул в бассейн, те с мокрыми шлепками скользнули по ряске.

— Они ничего по-настоящему не понимали, мама и её милые друзья. — (Камешки на секунду задержались на ряске, потом она медленно расступилась под их весом, и они скользнули в тёмную, шелковистую воду под ней.) — Фашизм ещё только начинал чувствоваться.

Он оценивающе посмотрел на Шарлотту глубоко посаженными глазами, словно взвешивал, сколь прочны их дружеские отношения.

— Хотя отец, он понимал, что происходит. И конечно же... — пробормотал он.

Она почувствовала, как её губы раздвигаются в поощряющей улыбке.

— Дорогая, — начал он, — с момента нашего знакомства вы показались мне женщиной, которой можно доверять, которая умеет хранить тайну...

Его исповедальный тон смутил Шарлотту, словно, того и гляди, покажется нечто, чего видеть не хотелось. Ей всё время намекали на него, и достаточно прозрачно, но всякий раз оно, это неясное нечто, в последний момент ускользало за другой угол и исчезало, как шёпот. Она искала способ удержать графа от дальнейших откровений, о которых оба могли бы пожалеть.

— Графиня... — смущённо заговорила она, — она... Такой чудесный ланч... Как вы познакомились с ней?

— Как познакомился?

— Да... это было в Германии или?..

— Нет, мы познакомились здесь, не в Германии. Её старший брат, Дитер, несколько лет перед войной был моим репетитором — и лучшим другом.

— Он познакомил вас... позже?

— Нет... нет... он... умер. Он умер до того, как мы с Гретой встретились.

— Как же?..

— Он... погиб недалеко отсюда во время отступления немецких войск. Так мы слышали. Грета приехала в пятьдесят шестом в Урбино попробовать отыскать его могилу. Тогда мы и встретились в один из моих редких наездов сюда.

— И она... нашла его могилу?

Вопрос, казалось, ошарашил Маласпино.

— Я... не... нет, его так и не нашли... то есть... могилу... не было... её не нашли.

— Ох, простите, если...

Взяв её под руку, он повёл её назад к вилле.

— У нас есть много такого, о чем мы могли бы поговорить, дорогая Шарлотта. Очень надеюсь, что, увидев нашу коллекцию, вы согласитесь остаться.

— Да, уверена... и думаю, мы действительно... остальные будут, то есть... вы были так добры ко всем нам...

— Знаете, у нас на то есть своя тайная причина. Жена рассчитывает уговорить Джеймса уделять поменьше внимания в своей программе нападению на Рафаэля, уважить мой город, когда это лицо будут демонстрировать на весь мир. Ведь, в конце концов, он хочет показать *торжество* по случаю реставрации картины.

— Да... — Шарлотта постаралась не выдать своих сомнений относительно благородства намерений Джеймса. — Это часовня? — поспешила она переменить тему.

— Очень скромная, — ответил граф, кивая на безмятежную маленькую церковь в неоклассическом стиле, к которой они приближались. Она была столь совершенных пропорций, что казалась величественным собором, который видишь издалека. — Но довольно красивая внутри, думаю, вы с этим согласитесь.

Он достал из кармана большой ключ и отпер деревянную, покрытую искусной резьбой дверь. С глухим стуком закрыв её за ними, он щёлкнул выключателем, и четыре барочные люстры, каждая размером с «вольво», озарили внутренность часовни.

— Ох! — воскликнула изумлённая Шарлотта.

Одну из стен часовни украшала фреска с изображением Урбино — воплощение её представления о Камелоте, а на кобальтовом небе свода хоровод толстых розовых херувимов и светловолосых ангелочков с серьёзными лицами трубили в трубы, играли на лирах и флейтах, держали в руках оливковые ветви и хоругви. После запущенности бассейна было неожиданным наслаждением видеть это празднество плоти.

— Очаровательно, не правда ли? — заметил граф. — Конечно, не высокое искусство, но по-своему мило...

Они медленно прошли вперёд, чтобы присоединиться к изображённой на фреске процессии вельмож, возглавлявших караван лошадей и мулов с грузом сокровищ.

— Поклонение Младенцу Христу, — пояснил граф.

Каждая из торжественных фигур, которых он называл, была его родственником, давно умершим.

— Безымянного художника, должно быть, попросили изобразить столько моих предков, сколько уместится.

Двенадцать рядов деревянных скамей, украшенных резными херувимами, были обиты красным бархатом.

— Часовня до сих пор действующая? — спросила Шарлотта.

— О да. Но я хочу, чтобы вы увидели настоящее сокровище. Мою личную коллекцию.

Он отпер другую дверь, ведущую в частную молельню, или комнату священника, — крохотное душное помещение, где после радостно-сентиментальной картины им предстало совершенно иное зрелище — мрачное и кровавое. На тёмно-красной стене, в раме, висела святая Агата Сицилийская, протягивающая свои груди в оловянных чашах, словно вазочки с мороженым у Прокопио; Фома Неверный, вкладывающий перст между рёбер Христа, словно пробуя крем; томный женоподобный святой Рокко, вывернувший мускулистые ляжки, демонстрируя чумные язвы у самой промежности, рядом с ним усталая собака или волк. Несколько изображений святого Себастьяна — Шарлотта узнала одно, кисти отца Рафаэля, и другое, написанное делла Франческой, ещё несколько могли быть работы Джотто. Все прекрасные и все крайне нуждающиеся в реставрации. Она чувствовала, что граф в свою очередь изучает её реакцию на увиденное.

— Картины принадлежали моему отцу, — сказал он. — После его смерти никто не касался их.

— Они очень... *необычны*, — сказала она осторожно.

— Нравится коллекция?

— Живопись очень хороша...

— А тематика вас не тревожит?..

— Тематика очень... интересна...

Он кивнул на корчащегося святого Себастьяна:

— Скажите, вас не беспокоит нравственный облик художников, чьи произведения вы реставрируете? В конце концов, автор этой работы, Караваджо, был, как говорят, убийцей, а также растлителем юношей... Или это было слишком давно, чтобы иметь значение?

— Я, граф... стараюсь не отождествлять искусство и художника.

— Не отождествлять *изображение* и воображение... Очень мудро. Значит, вы были бы рады... поработать над этими вещами?

— Я... — (Значит, вот чем придётся заплатить за жизнь здесь!) — с удовольствием воспользовалась бы возможностью...

— Возможностью...

«Поработать над любимыми картинами, кроме *этих*», — хотелось ей сказать. Думая, как тактичнее выразить отвращение, вызываемое подобным предложением, она в отчаянии договорила:

— Помочь вам в вашей реставрации... — и поразилась, увидя, как нерешительное выражение на лице графа мгновенно сменилось выражением почти восторженным.

— *Моей* реставрации... да! — выпалил он.

Неужели для него действительно так важно, чтобы именно она реставрировала эту довольно чудовищную коллекцию? Да найдётся сколько угодно итальянцев, способных сделать это не хуже.

— Хочу признаться, дорогая, — сказал он, — я был уверен, что наши интересы соприкасаются.

— Да, но...

— Ваше лицо всегда поражало меня сходством с одной нашей средневековой святой.

Сестра Шарлотта, опять это всегдашнее обвинение в благочестивости.

— Думаю, я выгляжу настоящей... англичанкой.

— Ах... английское извращение, — пробормотал он, и она решила, что это одна из редких у него языковых ошибок.

Она не могла удержаться от желания взглянуть, который час, и была удивлена, что прошло всего тридцать пять минут, как они покинули остальных. Граф взял её запястье обеими ладонями, накрывая часы.

— Милая Шарлотта, я скоро отпущу вас к вашим коллегам! Но сперва хочу показать нечто такое, что может понравиться вам даже больше, чем эти картины.

С этими словами он подошёл к деревянной исповедальне, достаточно большой, чтобы в ней поместился десяток исповедников, и скрылся внутри. Шарлотта услышала шум выдвигающихся ящиков, скрип дверок. Она ещё раз обошла комнату. Что граф там делает? Звук заставил её обернуться.

Он был обнажён до пояса, только широкие кожаные ремни, которыми были прикреплены огромные белые крылья за спиной, пересекали его руки и безволосый торс, очень мощный для пожилого человека. В одной руке он держал усеянный узлами хлыст вроде тех, которые используют кающиеся для истязания плоти. Маскарад, в отчаянии сказала она себе. Маскарадный костюм, не более того.

Он воздел руки, и крылья, каждое почти в фут длиной, тяжело поднялись, сухо шурша перьями. Лебединые? Орлиные? Кровь бросилась ей в лицо.

Он дружески улыбнулся:

— Вы возбуждены, дорогая? Я тоже.

Это невозможно! Не может быть, чтобы случилось такое! Только не со мной! Жена всего в сотне ярдов! В любой момент войдут другие... слуга... или это часть забавы?

Он посмотрел вниз, она невольно тоже опустила взгляд на скромно приподнявшееся балетное трико цвета слоновой кости, которое обтягивало его длинные тонкие ноги.

— Я был уверен, что мы оба испытываем определённое... *тайное* наслаждение. Знаю, вы тоже чувствуете его. Я заподозрил это, когда мы на днях обсуждали с вами за ланчем «Бичевание». — Он мягко засмеялся. — И когда вы сейчас намекнули на английское

извращение... кажется, так это называют французы?¹¹²

Изящно помахивая хлыстом, словно веткой папоротника на боттичеллиевском лугу, он двинулся к ней, и Шарлотта, потеряв дар речи, отступила назад, оказавшись припёртой к каменной стене. Оперлась о неё потными ладонями.

— Это у вас впервые? — спросил граф и потянулся к её руке. — Помню, как это было у меня — с отцом, когда он порол меня в нежном возрасте. Первый раз было, конечно, ужасно больно. Потом, когда он увидел, что я научился получать от этого наслаждение, он прекратил меня пороть. Позже мне пришлось искать другие источники вдохновения.

Он перевёл взгляд своих больших печальных глаз с неё к картинам на стенах. Дрожащими пальцами он показал на изображение наиболее кровавого бичевания. Шарлотта почувствовала, как он суёт ей в руку хлыст, тёплый и чуть влажный от его ладони. Медленно повернувшись, он подставил ей спину, покрытую старыми бледными шрамами, изящно выгнув её, отчего белоснежные крылья приподнялись и коснулись её ног.

— Можете приступить.

Она сама была виновата. Что-то не то сказала. Позволила всему Зайти Слишком Далеко, как выражалась её мать. Если призвать его сейчас остановиться, то оба потом будут испытывать страшную неловкость.

— А ваша жена... — проговорила она.

— Что — моя жена?

— Знает? Она...

— Принимает ли она участие в моих незатейливых развлечениях? Жена устраивается по-своему.

Шарлотта разрывалась между несколько истеричным желанием захихикать и почти таким же — расплакаться.

Граф повернул голову:

— Я готов. Можете приступить. — Он замер. Его лицо заранее мучительно исказилось.

Очень ли его оскорбит, если она откажется выполнить его просьбу? Опять же, кто она такая, чтобы презирать другого человека за его тайные пороки? Она медленно подняла показавшийся свинцовым хлыст. Он наклонил голову. Она легко стегнула по червеобразным шрамам на его плечах хлыстом из переплетённых чёрных кожаных полос и опустила руку.

— Ужасно сожалею, граф...

— Сильнее, пожалуйста, — потребовал он и сделал шаг назад, чтобы она могла почувствовать его возбуждение.

— Я действительно *ужасно* сожалею, граф... — снова пробормотала она.

— Пожалуйста!

— Вряд ли...

— Умоляю...

— Вряд ли я способна на это.

— Попробуйте.

— Нет, правда... я действительно... я совершенно уверена.

— Ну хватит притворяться! — прикрикнул граф. — Давайте же!

Он упал на колени:

— Пожалуйста, умоляю!

«О господи! Я сейчас рассмеюсь, нельзя, *нельзя* смеяться!» — сказала она про себя, а вслух:

— Я не... Это не... Тут какое-то недоразумение... Понимаете... я действительно сожалею, если сказала или сделала что-то, что ввело вас в заблуждение относительно...

Граф вздохнул. На сей раз она без колебаний помогла ему подняться на ноги — тому мешали огромные тяжёлые белые крылья.

¹¹² То есть «vice anglais» на французском аргю — садомазохизм с поркой.

— Простите, граф... просто... я не могу.

Он повернулся и внимательно посмотрел на неё, желая убедиться, что её нерешительность — это не часть возбуждающе жестокой игры.

— Ничего, ничего, — сказал он, — просто я... неправильно вас понял. Это так легко, не правда ли, когда общаешься на чужом языке?

Он мягко взял хлыст из её судорожно сжатой руки.

— Странно, — сказал он с извиняющимся не то покашливанием, не то смешком. — Только так я смог по-настоящему что-то почувствовать за очень долгое время.

— Я так... сожалею.

Было невыносимо смотреть на его затуманенное, опрокинутое лицо. Не отсюда ли разногласия его чёрт? Не является ли она всего-навсего внешним отражением внутренней дисгармонии? Яблоко с гнилой сердцевинкой, медленно покрывающееся морщинами и усыхающее, — вот что она увидела перед собой.

— Не подождёте, пока я переоденусь, дорогая? Не то Другие не поймут моего... костюма ангела... — Он погладил массивное крыло. — Не правда ли, они красивы? Одна из немногих вещей, спасённых от огня во время пожара первоначального Театра муз. Говорили, они потому уцелели, что одно из их перьев — с крыла архангела Гавриила. — Он пожал плечами, крылья при этом зашуршали. — Несмотря на эту божественную связь, достаточно минуты, чтобы освободиться от них.

По дороге обратно на виллу они разговаривали о погоде.

Как по мнению графа, по-прежнему дни будут столь благоприятны для сбора винограда?

Не кажется ли Шарлотте, что по ночам становится прохладно?

Сказался ли дождь на качестве винограда?

Насколько в Англии холоднее в это время года?

Часто ли в Урбино выпадает снег?

Досаждают ли Лондону до сих пор ужасные лягушки?

— А вы знали, — спросил граф в свойственной ему странной манере перескакивать с предмета на предмет, — что одержимость Пьеро делла Франчески математическими основами линейной перспективы привела его на грань помешательства?

— Нет, нет, не знала.

— Да. Я слышал, что эту причину выдвигали в качестве объяснения двусмысленности его «Бичевания». — К графу вновь вернулись его уверенные городские манеры. — Удивительно, что столь простой живописный приём так подействовал на его сознание... Хотя, конечно, для художественного восприятия эпохи Возрождения это было потрясение.

— Согласна с вами.

— Полагаю, это случилось потому, что появление реалистической перспективы отметило собой необратимый отход от средневекового искусства, которое предписывало, что размер человеческой фигуры на холсте должен отражать важность человека в мире независимо от достоинств конкретной личности.

— Мм...

— Хотя один мой друг утверждает, что три фигуры на переднем плане, равнодушные, как считается, к бичеванию Христа, — в действительности родственники герцога Урбинского, рассуждающие о судьбе продажной Церкви. Опять же, не вы ли говорили мне, что ведущий английский авторитет твёрдо стоит на том, что «Бичевание» представляет собой сон святого Иеронима?

— Возможно... Не могу точно... — И про себя: «Далеко ли ещё до бассейна?»

— Да, сон Иеронима о том, что братья католики побили его за чтение язычника Цицерона, — ещё одно объяснение диссонанса картины.

Предупреждение делла Франчески, думала Шарлотта, а граф тем временем всё продолжал и продолжал говорить. Приходится принимать тот горький факт, что жизнь не так прекрасна, как нам рисуется: наши союзники редко так сильны, как мы надеемся, а враги —

так слабы. Несмотря на безупречную дипломатичность графа, она знала, что её мечте остаться здесь, на вилле «Роза», не суждено сбыться, и чувствовала себя так, будто её, голодную, жаждущую, холодную, вывели из тьмы и поставили на пороге дивной, сверкающей свечами комнаты, полной яств, вина и веселящихся гостей, а потом в последний момент захлопнули двери перед её носом.

Не доходя до бассейна, граф остановился и вежливо попросил её не упоминать об их маленьком приключении. На её запинаящееся уверение, что она будет молчать, он сказал с улыбкой:

— Я знал, что могу рассчитывать на ваше благоразумие.

— Конечно! У меня и в мыслях не было... я и не...

— Разумеется, вы и не собирались. — Он так многозначительно сжал Шарлотте руку, что её затошнило.

Наконец они подошли к бассейну, где она с облегчением увидела большое разнообразие загорелых тел — ещё один обманчивый намёк на возможность совершенства.

ЧУДО № 32 ЗАГАДКА КАРЛИКА

— Мать честная, быть не может! Это Шарлотта тебе рассказала? О крыльях? Хлысте? Она же всегда такая скрытная.

— Наверно, ещё была в шоке. Нужно было выговориться.

Паоло уже раскаивался, что выдал Шарлотту, но оправдывал своё предательство желанием успокоить Донну, не приглашённую на ланч к графу. Она выглядела оскорблённой, когда он рассказал о поездке на виллу «Роза», — именно оскорблённой, больше, чем удивлённой. Она не спросила, *почему* её не пригласили, а ему не хотелось упоминать, что об этом говорили в съёмочной группе во время ланча.

— Можно я тебя приглашу куда-нибудь пообедать, кара? Есть один очень милый...

— Я того, ужасно занята. Другая работа, знаешь... — Хотелось скорее бросить трубку, пока не заплакала.

И вот уже три часа после звонка Паоло она сидела лицом к лицу с очередной Девой Марией. Донна включила кабельное и переключала каналы, быстро, быстрее, щёлк-щёлк, стараясь не уснуть от действия модных маленьких пилюль для похудения, мчащихся по венам, и уговаривая процесс метаболизма продолжаться, не останавливаться. Никак не избавиться от мадонн и святых. Одно чудо за другим: статуэтки, купленные по дешёвке и начавшие выделять миро, кровоточащие стигматы на картинах, чудотворные иконы, выскакивающие (всё сойдёт за *чудо!*) в каждом выпуске новостей. Кто-то, рассказывающий историю о какой-то «вера иконе», которая, если разобрать итальянскую скороговорку, оказывается легендой о святой Веронике, женщине, подавшей Иисусу плат утереть измученное лицо на его крестном пути, и, когда Господь отдал его, на нём был точный отпечаток Его лика. Тут же Серафини, чуть не плачущий коротышка, в отчаянии трясёт головой: «Слишком много чудес. Слишком много чудес». Ещё какая-то американская станция сообщает, что кровь на рафаэлевской «Муте» наконец высохла.

Донна легко могла объяснить своё состояние (таблетки, новостная паранойя). Достаточно двух слов: граф Маласпино. Какой придурок! Мало было им с женой того, что не пригласили её на свой грёбаный ланч, о нет! Нужно было ещё пустить о ней грязные сплетни! Нет, Паоло не сказал, что это за сплетни, слишком он добрый и влюблён в неё. Но и без этого нетрудно догадаться. Граф, должно быть, сделал какой-нибудь мерзкий намёк Джеймсу, может, что её диплом липовый. А Джеймс, подонок, этим воспользовался, чтобы отстранить её от ближайших съёмок. Как он сказал? «Думаю, в ближайшем будущем ты не понадобишься... И кстати, Донна, — продолжал он этим своим гнусным тоном, — на кого конкретно ты, говоришь, работала в „Чинечитта“?» Тогда в виде исключения она сказала

правду. Хорошо-хорошо, может, она и не работала на него, но он был *настоящий* продюсер, парень, что первым делом свёл её с Джеймсом, парень, знавший многих, какое-то время снимавший крупнобюджетные фильмы на «Чинечитта». Или говорил, что снимал. Парни много чего говорили, лишь бы залезть ей в трусики.

Она не могла понять, отчего её жизнь вдруг так круто изменилась. Только что звезда шоу, которую обхаживает граф, и, не успев оглянуться, — дерьмо у всех на подмётках. Да плюс к тому толстеет. Джинсы уже не застёгиваются. И вот пожалуйста, сидит здесь, глотает таблетки, переключает каналы (Серафини на итальянском, Серафини на ломаном английском по Си-эн-эн, повтор того дерьмового интервью, которое Джеймс брал у него для «Би-би-си уорлд») и чувствует себя по-настоящему отвратительно, подлость графа и Джеймса мешается с тем, что рассказал Паоло, с тайнами, которыми с ней поделилась Шарлотта, о её вылазке с этим Прокопио, с мыслью о предательстве Шарлотты (обманула с поездкой в Сан-Рокко, а сама нашла туннель или что-то в этом роде, картинки)...

И вдруг вот он сам, смотрит с экрана прямо на неё, Донну, говорит именно ей.

Она знала, что он обращается к ней, потому что, прибавив звук, первое, что услышала, был его красивый мягкий итальянский язык, его голос, за которым можно пойти куда угодно, и он говорил: «*Ma Donna*» и ещё что-то там такое, дальше она не поняла, а потом его заглушил голос за кадром: «Мы обращаемся ко всем, кто что-нибудь знает о бла-бла-бла...»

Донна в восторге ела его глазами. Вот кому бы она исповедовалась, призналась в своих и чужих грехах и ошибках. Призналась во всём, начиная с разбитой статуэтки и денег, которые швырнула в графиню, и кончая тем, что услышала, или показалось, что услышала, тогда, с лестничной площадки. Что пришла в себя только после пятиминутной ходьбы.

А на улицах Урбино толпы народа спали, ели, пили, протестовали, несмотря на упорные усилия полиции разогнать их. Над головой засверкали, затрещали, рассыпаясь, шары фейерверка, сперва по отдельности, потом все вместе — тра-та-та, — и Донна услышала девочку-американку, сказавшую, что это прямо как дома на четвёртое июля, а англичанин пошутил насчёт фотовспышек, следом спокойный голос с сильным акцентом возразил: нет, это как сейчас в Бейруте. Кругом были глотатели огня, жонглёры, уличные проповедники, вещающие о конце света, карлики, говорящие загадками, глашатаи в средневековых костюмах, сумасшедший, заявлявший, что он — воскрешённый Лазарь. У Фабио было множество конкурентов даже за пределами епископского дворца, обыкновенно очень спокойных. Зеваки загораживали Донне дорогу, совались ей чуть ли не в лицо, кружащиеся и перекошенные, — карикатуры в волшебном фонаре. Как на той картине, уж не вспомнить чьей. «Крик»,¹¹³ точно. Образы искусства, вспыхивающие в наркотическом сознании.

— Дадо стал неуправляемым, — сказал Лоренцо, услышав об однообразных эскападах графа. — Я давно говорил: надо ему позвонить.

Самый старей из них не согласился:

— Ничего ещё не всплыло. Можно действовать. Меры предосторожности приняты.

Шеф полиции тоже слышал подробности поведения графа, но в его случае источником сведений был его сын Фабио. Они, по обыкновению, ругались из-за того, что шеф называл бесхарактерностью, отсутствием у сына честолубия, а Фабио, будучи немного на взводе, в ответ выложил историю о Маласпино и его крыльях. «Вот куда заводит *честолубие*, папа, —

¹¹³ Имеется в виду наиболее известная картина норвежского художника Эдварда Мунка (1863–1944).

бросил он ему. — Настоящая птица высокого полёта, а?» Фабио тут же пожалел о своей опрометчивости. Чёрт! Он же обещал Паоло...

— Что за чушь ты несёшь! — возмутился шеф. — Кто поверит, что ты ни на что не способен, кроме как абсолютно ничего не делать! И ждать, что тебе будут платить! Самое лучшее, на что можешь надеяться, что никто не узнает о твоём существовании! И это при отце, занимающем такое положение!

— При таком отце, как твой, лучше, может, было совсем не иметь сыновей, ты об этом когда-нибудь задумывался?

— Твой дед очень любит тебя, бог знает за что. Он нашёл тебе работу, от которой ты...

— Я не стану работать на эту фашистскую проститутку, если он...

— Не употребляй таких слов в моём доме, ты...

— Каких слов, папа? «Работа»? Или «фашист»?

Карлик возник из ниоткуда, смуглый смеющийся человечек в атласной треуголке, похожий на джокера из старинной колоды.

— Как мы раздобываем мелочишку? — спросил он Донну и повторил загадку по крайней мере на семи языках, и на всех с каким-то меховым акцентом, возможно русским или восточноевропейским, но определённо не итальянским.

Даже Донна почувствовала это. Она смотрела, как он высокой дугой пускает вверх карты и они разноцветным водопадом, как заколдованные, вновь возвращаются в его толстые короткопалые проворные руки. Карты исчезли, карлик сложил ладони и, подняв их к свету фонаря, изобразил на оштукатуренной стене напротив изящную теневую фигуру рыбы. Зачарованная Донна смотрела, как рыба уплывает, чтобы возвратиться уже с лапками, затем с длинным хвостом игуаны, короной в виде языков пламени, которую карлик изобразил тремя пальцами левой руки. Затем появился верблюд, за ним слон, извивающаяся кобра с раздвоенным языком и, наконец, ангел с поднятыми крыльями, который взлетел и исчез в ночи. Донна заулыбалась, достала из сумочки горсть монет разных стран Европы и высыпала мелочь в подставленные ладони карлика.

— Вот как мы добываем мелочишку, синьора, — сказал он, и его мрачная физиономия ещё больше сморщилась от удовольствия, — а почему? *Omnia mutantur, nihil interrit...* 114

К полуночи паломники заполнили площадь Герцога Федерико до самого входа во дворец и примыкающие к ней площадь Возрождения и виа Пуччинотти. К этому времени большинство уже знали, что картину Рафаэля переместили сюда, но некоторые из тех, кто прибыл из Восточной Европы, оставались в заблуждении, думая, что находятся перед тюрьмой, где держат живую немую. «Неплохо живут эти загнивающие капиталисты, — сказала одна толстая вдова-хорватка своей сестре, — если у них такие *тюрьмы*!»

Когда задремавший одинокий охранник, который стерёг картину в холодном *sotteranai*,¹¹⁵ проснулся от приглушённого топота и шарканья сотен ног над головой, то первой его мыслью было, что произошло землетрясение, и он бросился наверх, в страхе быть раздавленным. Увидев созвездия и галактики горящих свечей, чьи дрожащие огоньки заполнили площадь до самых ворот, он воскликнул: «Мадонна!» — и бросился к телефону вызвать подкрепление. В темноте мимо него метнулась тень и, слившись с неподвижными тенями Двора Славы, скользнула дальше, в чрево дворца, где стояла под стеклом «Мута». Когда прибыло полицейское подкрепление (вооружённое до зубов и полное решимости

114 Всё меняется, ничто не исчезает (*лат.*). Овидий. *Метаморфозы*. XV, 165.

115 Подвал (*ит.*).

отразить любую попытку паломников штурмовать ворота дворца), картина уже вновь кровоточила.

Охранник, возвратившись в подвал, заметил зеленоватое жирное пятно на стекле и аккуратно стёр его носовым платком.

ЧУДО № 33 КОГДА СГОРЕЛ ТЕАТР МУЗ

Мута была у себя в подвале, готовила сосиски с травами, когда за ней пришли. Она ещё не развела огонь, потому что хотела насладиться свежим, кисловатым ароматом семян фенхеля и сухих апельсиновых корок, прежде чем дым перебьёт его. Она положила ложку беконного жира в сковородку с крупно нарезанной яблочной падалицей и увидела, как рядом со сковородкой упал комок земли, потом другой. Она подставила старую садовую лестницу, встала на неё и приложила ладонь к потолку подвала. Вибрация была сильная, их наверху было больше одного. Хотя её территория была помечена волчьими следами и мочой, нарушители пренебрегли этим предупреждением.

Вскоре после того; как полиция прибыла в Сан-Рокко, подъехала Шарлотта в такси и велела водителю остановиться в нескольких сотнях метров от двух полицейских машин. Она не могла решить, что делать, — подойти к полицейским или нет. Что она может им сказать? Тут было не место выкладывать все свои догадки относительно этой женщины. Они, вероятно, и слушать не станут. Если же остаться в машине в качестве наблюдателя, по крайней мере, будет свидетель. Так она оправдывала своё бездействие. Она не знала, что Джеймс с оператором тоже находятся здесь, расположились на холме над разрушенной дереушкой, заняв отличную позицию, чтобы без помех снимать происходящее.

Шарлотта услышала о намерении полиции произвести этим утром арест, когда вместе с Анной работала над картиной Рафаэля под присмотром скучающего вооружённого охранника. Группе реставраторов разрешили ограниченный доступ к полотну, после того как его переместили в подвал дворца, где им предоставили большое помещение рядом с бывшей кухней, — наихудшее место для произведения искусства. Шарлотта протестовала, но бесполезно. Полотно, грубо вырезанное из рамы людьми епископа, теперь помещалось в запёртом плоском застеклённом ящике. Во время переноса из дома Рафаэля кровь размазалась по лицу «Муты», и сейчас она явно оставалась жидкой. Если бы не её личная привязанность к этой картине, Шарлотта непременно отказалась бы от любого дальнейшего участия в реставрации, несмотря на все мольбы Джеффри, который, как обычно, слабо ориентировался в происходящем. Придя в восторг оттого, что на Би-би-си несколько раз упомянули галерею, он радовался по телефону, нахваливал её: «...и ты, похоже, там вроде героини». — «Что за вздор! — ответила она. — Это всё надувательство, реклама, которую идиот Джеймс...»

Тем не менее она согласилась сделать всё, что в её силах, правда, она мало что могла. Ватиканский представитель, монсеньор Сегвита, обставил строгими ограничениями её доступ к картине. Хотя нужно было большое количество снимков повреждений, он настоял, чтобы фотографирование проводилось только через стекло. И даже если бы человеку, которого Паоло назвал «единственным в истории адвокатом, освободившим Деву Марию», удался такой же фокус с «Мутой», всё равно её реставрация была бы адски трудной. Сперва предстояло удалить кровь, потом — тонкая операция по пропитке картины адгезивом, чтобы сохранить остатки оригинального красочного слоя, затем — наклейка на новый холст, причём порванные нити старого нужно было совместить с исключительной точностью. Для этой работы ей предложили воспользоваться всеми возможностями и оборудованием Академии изящных искусств, а также Свободного университета. «И если вашей группе понадобится какая-либо помощь, — сказал руководитель курса реставрации, человек, у которого учился

Паоло, — не задумываясь, обращайтесь к любому сотруднику моей кафедры». Он уже нашёл для неё кусок холста, в точности соответствовавший повреждённому.

Этим утром её работу прервал разъярённый профессор Серафини, которому она через опущенный ствол автомата охранника объяснила, что с радостью поделится любыми сведениями, какие у них будут.

— Когда такие сведения появятся, профессор! Поскольку на данный момент мы в такой же темноте, что вы...

— Что вы сказали ему? — спросил охранник, не знавший английского.

— Она назвала тебя рогиносцем и дураком! — заорал Серафини.

Когда чуть позже в помещение ворвался Паоло, охранник остановил и его, преградив ему путь автоматом.

— Его-то пропустите! — раздражённо сказала Шарлотта. — Ради бога, вы же его знаете!

— Полиция сегодня собирается арестовать немую в Сан-Рокко, — объявил Паоло. — Луиджи только что сказал мне об этом.

— Замечательно! — сказала Анна. — Очень дурная женщина, к тому же помешанная.

— Когда они едут? — сердито спросила Шарлотта.

— Сейчас, вот-вот... Он рассказал мне об этом в кафе... Что вы делаете, Шарлотта?

— Собираюсь остановить их... — Она схватила пальто с вешалки в углу комнаты.

— Я отвезу вас, — предложил Паоло.

— Нет... Ты проходи сюда, Паоло... очень много работы... Я... я вернусь позже...

Ведя найденного заблудившегося мула, Анджелино перевалил через холм и резко остановился при виде полиции, кишасей в Сан-Рокко. Он не любил людей в форме. Они пугали его. Один из полицейских мочился у стены кухни Муты, а другие лопатой соскребали мох, кустики папоротника и цветы, проросшие на тонком слое земли, покрывавшей люк в подвал.

Луиджи нервничал, потому его потянуло помочиться. Он почувствовал себя дураком, когда деревянный люк распахнулся и полицейские, все семеро, вытащили пистолеты. Зачем им понадобились пистолеты? Пришлось доставать и свой, когда шеф полиции заорал на него: «Она может быть не одна!» Затем шеф полиции срывающимся на визг голосом приказал Муте выходить. Когда его приказ не привёл ни к видимому, ни к слышимому результату, он дал предупредительный выстрел в темноту люка.

— Она глухая... — заговорил было Луиджи, но более благоразумный товарищ заставил его замолчать, ткнув локтем в бок.

Шеф крикнул подчинённым следовать за ним, держась вплотную, что невозможно было выполнить, поскольку он был очень толст, а перекладины отвесной лестницы узки. Рискованно было шефу спускаться, подставляя обширный зад для нападения снизу. Напуганный тишиной и тьмой подвала, в котором оказался, и не чувствуя поддержки подчинённых, шеф выстрелил ещё несколько раз; спускавшиеся следом полицейские в тревоге посыпались вниз, не достигнув последних перекладин лестницы.

В итоге восемь полицейских собрались у стены с рядами маринованных фруктов и овощей. Луиджи нагнулся полюбоваться на бутылки.

— Красная слива, — со знанием дела сказал он. — Мама делает вкусные пироги с...

— Луиджи! — заорал командир. — Ты такой спокойный, так иди вперёд!

При первом проблеске дневного света сверху Мута бросила готовку и помчалась по коридору, перелезла через кучу кирпича обвалившейся стены и оказалась в узком туннеле, когда-то ведущем ко второму выходу из подвала. В прошлые годы она не раз безуспешно пыталась расчистить путь к старому выходу, но сейчас её единственной мыслью было затаиться здесь. Корчась, как паук, она смогла протиснуть белые корни ног вглубь кучи щебня

и кирпича и навалить на себя несколько кирпичей; прижавшись щекой к жёсткой земле, она закрыла глаза и слилась с ними. Она терпела пыль, забившую ноздри, щеколку насекомых, ползавших по коже. Мута была камнем, землёй, всеми теми словами, которые не произнесла за всю жизнь. *Закрой глаза, если нужно, зажми уши, но молчи. Ни крика, ни плача, чего бы ни увидела. Ни единого звука, чтобы спасти свою жизнь.*

Проезжая мимо Сан-Рокко, друг и сосед Прокопио фермер Росси, старый партизан, остановил свой трактор возле Джеймса, чтобы спросить, что, Люцифер подери, происходит. Когда режиссёр с трудом расшифровал сочный итальянский старика и принялся объяснять ситуацию, тот его тут же перебил: «Грёбанные фашисты! Ублюдки, сучьи дети!» Несколько минут Росси яростно матерился (на архаичном местном диалекте, уже окончательно непонятном Джеймсу), затем изысканно вежливо поблагодарил режиссёра и повернул трактор к ферме Прокопио.

Полиция в подвале внезапно остановилась, когда ИХ фонари выхватили из тьмы груды мусора и кирпича и полуобрушившуюся стену. Они слушали, как шеф разглагольствовал о преимуществах применения слезоточивого газа перед риском соваться дальше.

— Она, наверно, где-то там, в этом туннеле, — сказал шеф полиции.

Все согласились и ждали, что он решит.

— Но это безумие! — добавил он. — Стена может окончательно рухнуть в любую минуту.

— Она же сумасшедшая, босс, — сказал молодой полицейский.

— Может, стоит вызвать подкрепление? — предложил другой.

Шеф немного подумал и решил, что ему не принесёт славы, если он запросит ещё людей сверх своих восьми, чтобы арестовать старую больную женщину.

— Нет! Сделаем вот что: вернёмся наверх, бросим гранату со слезоточивым газом и прикажем ей выйти...

— Она глухая, босс, — напомнил Луиджи. Командир не принял его слова во внимание.

— Как знать. Она могла прикидываться глухой.

Действие слезоточивого газа всегда впечатляло его, когда он видел по телевизору в новостях разгон демонстраций, а в относительно спокойном Урбино у него ни разу не появлялось возможности использовать его.

— Так она получает шанс сдаться, не заставляя нас применять силу. Потом мы войдём, надев маски, и вытащим её наружу, раз она не соглашается на мирный вариант.

Двое полицейских, бывших родом из Рима, когда-то по неосторожности испытали на себе этот «мирный» вариант со слезоточивым газом. Они обменялись циничными взглядами бывалых центурионов, но последовали за командиром наверх, помалкивая о своих сомнениях. Луиджи, замыкавший отступление, услышал птичье чириканье и щебет, подхватил маленькую клетку из прутьев, выставив её перед собой, вылез наружу, вызвав издевательский смех сослуживцев.

Когда по коридору поплыли клубы газа, Мута натянула на голову рубашку и, вертясь как угорь, протиснулась к кирпичам внизу стены, где ещё чувствовалась струйка сырого, пахнущего землёй воздуха, и прижалась к ним лицом. Кашель и слёзы, одолевшие её, были бы намного сильнее, не находишься она в дальнем конце туннеля, куда газ дошёл значительно разреженным и где большую его часть вытянуло в трубу.

Анджелино на холме над Сан-Рокко смотрел на происходящее, обхватив себя руками и раскачиваясь взад-вперёд, и безнадежно напевал: «Дуу-да-дуу-да, Камтаниптром-дом-дом, ах, дуу-да-дуу-да-день».

Полицейские обступили люк в подвал. Они не заметили, как газ выходит из отверстия в земле в тридцати футах позади них, но их слух оказался острее зрения.

— Она там, босс! Я слышал, как она кашляет!

Они подождали несколько минут, надеясь, что она появится. Шеф полиции приказал

своим людям надеть маски и приготовить оружие. Половина их уже спустились в подвал, когда появился Прокопио на джипе. Он увидел струю газа, поднимавшуюся из подвала, и решил, что они разожгли огонь, чтобы выкурить Муту. Сыпля ругательствами, он подбежал к четверым полицейским, остававшимся наверху. Молодой новобранец, который плохо видел из-за маски, не узнал Прокопио и выстрелил; пуля прошила куртку великана и задела его плечо, оставив в нём борозду в четверть дюйма. Рассвирепев от боли, Прокопио бросился на полицейского, который снова выстрелил, и упал под весом навалившихся на него остальных троих полицейских.

Шарлотта увидела, как один из них дважды ударил Прокопио по голове.

— Боже мой! — тихо воскликнула она. — Боже мой! — Она выскочила из такси и закричала: — Пожалуйста, пожалуйста, прекратите!

— Лучше вернитесь в машину, синьора, — сказал водитель, беря её за руку. — Это опасно. Они совсем озверели.

Один полицейский, который всегда не любил Прокопио, трижды что есть силы ударил хозяина кафе по почкам и снова по голове. Это получше, чем стрелять в старух. Здоровый мужик, настоящий бык. Свалить такого — есть чем гордиться. Прокопио сломали нос, пинали в рёбра, били по горлу, ударили прикладом по голове, размозжив ухо. Потом надели наручники.

«Надо что-то делать, что-то сказать», — думала Шарлотта. Она хватала ртом воздух, готовясь закричать, казалось, сейчас она издаст вопль протеста. Но потом почувствовала, как воздух твердеет в горле, слова превращаются в скользкие кубики льда, замораживающие язык, парализующие мысли.

Позади них в зарослях кустарника взад-вперёд ходила серая тень; низко опущенная голова качается между торчащими лопатками. Временами, подталкиваемое некоей силой вопреки его отшельнической натуре, существо, скуля, ползло вперёд, но останавливалось, словно натыкалось на прутья клетки.

Другое сражение разыгралось под землёй. Найдя задыхающуюся немую по хрипу и кашлю, полиция никак не могла вытащить её из убежища. Она брыкалась, сумела ударить одного из них в пах, а когда они крепко ухватили её за ноги и потащили по острым кирпичам, ей удалось крепко зацепиться рукой за пролом в стене, где когда-то была дверь. Даже когда один полицейский изо всей силы тащил её за ноги, а другой — обхватив за талию, они ничего не могли с ней поделать, не сломав ей руку. Она висела в воздухе горизонтально к земле — флаг из лохмотьев и старческой жёлтой кожи. Грубая юбка и кофта сорваны, почти голая, остались лишь пояс, держащийся на кожаном ремне, да один рукав на руке, которой она держалась за стену, рукав мужской нижней рубахи из сурового полотна. Кожа в глубоких царапинах от кирпичей, по которым её волокли, — всё вместе делало её похожей на жертву насильников. Троице молодым полицейским, привыкшим к слезам и крикам своих подружек в такие моменты, было не по себе от молчания этой старухи. Да, она лягалась, дралась и царапалась одной рукой и даже сумела разодрать ногтями лицо одному из них ото лба до подбородка, но единственный звук, который они слышали от неё, — это душачий её кашель.

Один из римлян старался ухватить её за горло. Её всклокоченные чёрные волосы, жёсткие, как проволока, как шерсть зверя, опутали его руки и лицо с какой-то электрической, почти живой силой, забились в рот и не давали схватить её за горло, а старая гадина крутила головой, норовя впиться зубами в его предплечье. Хрипя и сопя, оттого что её нос был забит мокротой от действия слезоточивого газа, она прижалась лицом к его руке и схватила её зубами.

— Сука! — завопил он и ударил её по голове другой рукой, отчаянно стараясь не выпустить её.

Боль была ужасная. Рука готова была разжаться. Он чувствовал, как она стискивает свои крупные зубы — вот-вот перекусит. Он с воплем отдёргнул руку, чувствуя, что в зубах у неё остался кусок мяса. Она выплюнула его и раскрыла рот, ловя воздух.

Полицейский, державший её за талию, потянулся, чтобы оторвать её руку от стены. Но она свободной рукой схватила кирпич с земли и принялась бить его по маске с поразительной для старой женщины силой. Под ударами кирпича его нос превратился в лепёшку, кровь наполнила маску, и он отпустил женщину, стал стаскивать маску, чтобы не захлебнуться в собственной крови.

Придя в ярость от неспособности своих людей выполнить приказ, шеф полиции шагнул вперёд и резко ударил женщину рукояткой пистолета по руке, которой она цеплялась за стену. Раздался отчётливый треск, и рука женщины обвисла, увлекши за собой град штукатурки и кирпичей со следами её крови на них.

Они тащили её из подвала её памяти, как корни дерева из земли, и Мута знала, что будет дальше, — кроваво-красные деревья пугал и горящие корни, и слова и кости, падающие вокруг неё.

Она неожиданно разжала пальцы, и трое мужчин, тянувших её, с размаху сели на пол, комично напомнив команду в народной забаве, чей живой канат вдруг ослаб, а она скребла на лету здоровой рукой, ища, за что снова уцепиться на оклеенной газетами стене, и её острые ногти сдирали полосы бессмысленных букв и слов. И всё же она не сдалась и, несмотря на сломанную руку, болтавшуюся, как у тряпичной куклы, сумела оттолкнуть толстого шефа и побежала к лестнице.

Луиджи, один из тех, кто не пострадал в этой борьбе, молодой, быстрый и не глотнувший газа, вскочил на ноги, прежде чем шеф успел пошевелиться, и бросился за ней. В полутьме подвала он сначала налетел на печку Муты, сбив на пол кастрюльки, сковородки и сосиски, а потом на стену со старыми консервами, налетел с такой силой, что шаткие стеллажи рухнули, грохотом разбивающегося стекла напомнив взрывы Второй мировой. Скользя в луже липкого сиропа и маринада среди слив и персиков, дикой земляники и ежевики, в арбузном джеме, в каких-то загадочных, неведомых маринованных грибах, травах и маленьких рыбках, блестящих от масла, он кинулся вперёд и схватил Муту за ноги в тот момент, когда она уже была на верхней перекладине лестницы, и потащил вниз, брыкающуюся, ногти обломаны и черны от грязи. Он прижался маской к её голым, тощим старым ягодицам, закрыл глаза от ужаса того, что видит, и того, что делает, и держал изо всех сил.

Анджелино на холме, сжавшись, подвывал: «Дуу-да-дуу-да».

Прокопио выкрикивал разноязыкие ругательства, которым научился, живя в городе, полном туристов.

Полицейский, стоявший прямо над ней, оглох от крика Прокопио и ошалел от воплей своего начальника, несущихся из-под земли. Повернувшись к Муте, которую Луиджи тащил вниз и уже начавшей исчезать в люке, полицейский решил, что чёртова старуха снова собирается сбежать, и, схватив её за запястья, потащил вверх. Какой-то момент казалось, что полицейские разорвут её пополам. Но тут Прокопио, плача от бессилия, прекратил бороться с людьми, продолжавшими прижимать его к земле, и один из них смог подойти к люку. Он крикнул тем, кто был внизу, отпустить женщину и ударил её по голове прикладом так, что она потеряла сознание. К несчастью, Мута как раз подняла лицо к свету и приклад попал прямо в правую бровь, в миллиметре от глаза.

Позже люди в долине (даже фермер Росси, человек, чуждый фантазий) клялись, что в этот момент слышали долгий глухой вой, полный тоски, нечеловеческий вопль, на который не способны ни собачья, ни лисья глотка. Шарлотта прислонилась к дверце такси и уткнулась лицом в ладони.

Слезоточивый газ всё ещё сочился из невидимых дыр в земле. Потрёпанные полицейские, вылезавшие на поверхность, выглядели так, словно поднимались из жерла пробудившегося вулкана. Они наполовину несли, наполовину волокли по земле потерявшую сознание Муту — во всклокоченных волосах запутались листья, древесные корни и обрывки газет, целые фразы.

— Всё заснял? — шёпотом спросил Джеймс у оператора.

Итальянец зловеще кивнул и сказал:

— Но, думаю, нам стоит побыстрее убраться отсюда, а? Пока шеф полиции не понял, что Джон Уэйн из него не получился.

Бесчувственную Муту завернули в одеяло и отнесли в полицейскую машину, где двое римлян посадили её между собой и держали, не давая упасть. Прокопио объявили, что он арестован за пособничество преступнице, препятствование полиции исполнять свои обязанности, сопротивление при аресте и прочее, что ещё могли придумать. В ответ великан мороженщик процедил сквозь окровавленные губы какой-то вздор о спруте. Его отвели к другой машине. Шарлотте удалось наконец освободиться от своего защитника, и она, спотыкаясь, направилась к нему; водитель шёл следом.

— Я должна выразить решительный протест... — заговорила она.

— Только не это, хватит с нас одной! — отмахнулся шеф полиции.

Прокопио отвернул от Шарлотты залитое кровью лицо и сказал:

— Не подпускайте ко мне эту суку.

— Идёмте, мадам, — звал водитель такси. — Я отвезу вас отсюда.

— Нет! Пожалуйста... я...

Водитель взял её за руку и повёл к машине.

— Босс? Что мне делать с канарейкой?

— Дурак ты, Луиджи! Делай что хочешь с этой чёртовой птицей!

Канарейка, о которой шла речь, возможно сдохшая от страха или газа, лежала вверх лапками на дне клетки. Подумав немного, Луиджи подхватил клетку, поставил себе на колени, и полицейские машины сорвались с места, разбрасывая камни и поднимая клубы пыли. Он просунул руку в клетку и всю дорогу до Урбино гладил птичку, к потехе сослуживцев.

— Везёшьдохлую канарейку в участок, Луиджи? Молодец!

Когда они подъезжали к участку, канарейка ожила настолько, что попыталась вырваться из тёплой ладони своего тюремщика.

— Ещё одно чёртово чудо! — хмыкнул шеф полиции.

— Теперь вы готовы ехать, синьора? — спросил водитель Шарлотту.

Она ничего не ответила. Бедняжка, явно не в состоянии говорить после всего, чему была свидетельницей, потрясённая, как и он, молодой человек, выросший в семье, где были одни женщины. Он мягко, как свою бабушку, когда та терялась, не зная, что делать, спросил:

— Может, хотите вернуться в Урбино, синьора? Выпить чашечку чаю? — Английские туристы любили, когда им напоминали о чае, он у них вроде талисмана.

Юноша открыл дверцу и жестом придворного пригласил её сесть в машину.

— Вам здесь больше нечего делать, синьора. Всё закончено.

Она, как робот, села в такси.

— Где вы остановились, синьора? Хотите, чтобы я отвёз вас туда? — спросил он, выезжая на дорогу, по которой они приехали, и посмотрел на неё в зеркало заднего вида. Она молчала, уставясь в окно.

Вдруг — бам! — он возник прямо перед машиной!

— Мадонна!

Водитель вывернул руль вправо, потом влево, машину занесло и бросило к обочине извилистой дороги, но он сумел её укротить и так резко затормозил, что Шарлотта едва не ткнулась лицом в спинку переднего сиденья. Опуская окно, он сказал:

— Простите, мадам, но вы видели? Видели, я едва не врезался в него? — Он высунул голову из окна и посмотрел назад на дорогу. — Уже убежал.

Женщина на заднем сиденье по-прежнему молчала, ещё не оправясь от потрясения.

— Волк! Клянусь вам! Здоровенный старый волчище, тощий и лохматый. — Он снова выглянул из окна. — Побежал в тот лес. Многие решили бы, что это собака, но клянусь... эти жёлтые глаза, не ошибёшься. Повезло, что он первым увидел меня.

Так и не получив указаний от женщины, которая за всю дорогу до Урбино не вымолвила

ни слова, водитель решил высадить её на людном углу у пьядца Република, где разворачивались автобусы. Она встретит там кого-нибудь знакомого, рассудил он, нет такого человека, который не встретил бы знакомого на пьядца Република. Тем не менее он испытывал лёгкое чувство вины за то, что оставил её одну, и, встраиваясь в поток машин, бросил взгляд в зеркало заднего вида. Она стояла, озираясь вокруг широко распахнутыми глазами, как человек, заблудившийся в лесу, или как его бабушка временами. Обеими руками она прижимала к груди сумочку, похожая на малого ребёнка, — больше нечего беречь, даже обручального кольца на пальце нет.

А потом она шагнула вперёд — *Мадонна!* — шагнула вперёд — *кто-нибудь, остановите же её!* — он нажал на тормоза — *Святый Боже!* — пытаюсь развернуться, делая одновременно десять дел, думая одновременно о десяти вещах, — *шагнула на дорогу* — перед огромным автофургоном — *PRODOTTI NERRUZZI*¹¹⁶ по всему борту, скорее всего едущим в кафе «Република», — *шагнула на дорогу...*

Задняя машина ударила такси сбоку и отбросила в сторону.

ЧУДО № 34 «ЧИСТЫЕ РУКИ»

— Нет, Шарлотта! — Паоло уже бежал к ней и был в нескольких футах, когда она шагнула с тротуара на проезжую часть. — Шарлотта!

Она не откликнулась, не увидела Паоло.

— Шарлотта!

Он смотрел, как она опускает ногу на дорогу, словно окунает в реку, пробует воду. Фургон был уже в нескольких футах от неё. Его водитель — ещё под впечатлением от затянувшегося ланча, кулинарного искусства своей подружки, её прекрасных грудей, которые она так щедро позволяла ласкать, — водитель поднимался не спеша по мощёной улице к площади, помня, что в кузове у него много дюжин свежих яиц, ряды белой скорлупы, торчащей из своих картонных гнёзд, как хрупкие лысые черепа стариков.

Не быстро, но всё же.

— Шарлотта!

Грузовик раздавит женщине череп, как яйцо, как скорлупу, и не заметит — эта мысль пронзила Паоло, который сперва увидел её из кафе близ того места, где такси высадило её, а потом — как она собирается сойти на проезжую часть; эта мысль билась в его мозгу, когда он вскочил, отшвырнул стул, сразу поняв, что не успеет к ней раньше грузовика и никогда не простит себе этого, потому что это была его вина: он не должен был позволять ей ехать одной в Сан-Рокко. Луиджи рассказал ему, что там произошло и как подействовало на неё, на её нежную душу. Визг тормозов, фургон резко сворачивает, его груз сыплется на дорогу, обгоняющая его «веспа» скользит на одном колесе по грязному закату омлета, прохожие — в желтке, белке и липкой скорлупе, будто разрисованы Джексоном Поллоком...

...и тут подлетел он.

Последние несколько метров Паоло преодолел, словно у него были крылья, и оттащил её с дороги. И вот она на тротуаре, в безопасности, непонимающе смотрит на него. Невероятно! Ему хотелось стиснуть её в объятиях, трясти, целовать её тонкое английское лицо.

— Где вы витаете, *cara*? В каком мире... я звал, звал...

— И мне досталось! — кричал разозлённый таксист. — Посмотри на мою машину!

Паоло взглянул на разбитые задние фонари, смятое крыло и представил Шарлотту на месте машины.

Водитель фургона выскочил из кабины и разразился бешеным потоком итальянской брани.

¹¹⁶ Продукты Нерруцци (*ит.*).

— Простите, — перебил его Паоло. — Она, видимо, в шоке. Если назовёте своё имя, я постараюсь...

— Не будь дураком! — накинулся таксист на водителя фургона и принялся костить его на чем свет стоит, упомянув, что кое-кто захочет узнать, почему эти яйца доставляют так поздно и, может, кое-кому прищемят яйца иного рода, если он сообщит мужу этой леди, что её едва не сбил один любитель яиц всмятку. Потом он сжал обеими руками ладонь Шарлотты и сказал: — Это всего лишь машина, мадам. Страшно рад, что теперь у вас всё будет хорошо, ваш друг проводит вас домой. — Он грозно взглянул на Паоло и популярно объяснил на итальянском, что с ним будет и с кем ему придётся иметь дело, если он когда-нибудь снова отпустит свою ненормальную английскую подругу одну. После чего ушёл.

— Не хотите ли чаю, Шарлотта? — спросил Паоло. — Или предпочитаете прилечь?

Она не ответила.

— Это из-за Сан-Рокко, да? Из-за арестов? Это расстроило вас? Ни к чему было... Я слышал... от Луиджи. Он рассказал Джеймсу, что копы собираются арестовать её, так что есть свидетельство на плёнке того, что произошло. И с Прокопио всё будет в порядке. Его забрали в местную тюрьму, где ему придётся подождать лишь несколько дней... как вы это называете: *guidizio di convalida*... постановления GIP, судьи, участвующего в предварительном расследовании. То есть пока...

Выражение лица Шарлотты заставило Паоло остановиться. Лучше не говорить ей об альтернативе. Если шеф полиции захочет по-настоящему подгадить, сказал Луиджи, он способен потребовать *custodia caustelare*, предварительного заключения в качестве меры пресечения, и тогда Прокопио смогут держать в тюрьме больше трёх лет, на усмотрение полиции, без предъявления всякого обвинения. Подобную эффективную систему применяли в семидесятые-восьмидесятые годы в период расцвета терроризма в Италии, а теперь она чаще служила в качестве инструмента устрашения.

— Половина заключённых в наших тюрьмах обязаны ей тем, что сидят, — сказал Луиджи. — И самые отъявленные преступники — из членов мафии. Очень эффективный способ в тех случаях, когда свидетели и судьи имеют обыкновение погибать, если вообще соглашаются участвовать в процессе.

— Прокопио сам должен был быть осмотрительнее, — добавил молодой полицейский. — Наш шеф очень зол сейчас. В последнее время дела идут неважно. Сверху давят, да ещё Фабио взбесил его вчера вечером. Если шеф захочет, он соберёт нужные показания дюжины свидетелей, которые вдруг пожелают раскаться, — и тогда у Прокопио даже не будет шанса, что его дело когда-нибудь рассмотрят в суде.

Паоло знал, что покаяние — верная карта в этой игре. Другой пережиток чрезвычайщины в борьбе с терроризмом, раскаяние, применялся в недавних судебных делах против мафии, и на судебных следствиях, которые проводили «Чистые руки», бывало много таких участников уголовных преступлений, кто давал показания в обмен на смягчение приговора (или вовсе его отмену), становился *раскаявшимся* и свидетельствовал против организаций, на которые работал в прошлом. Это был один из способов разрушить традицию «заговора молчания», типичную в делах против мафии и других громких делах против Церкви или государства, поскольку эти официальные «раскаявшиеся» никогда не появлялись в суде; не было и никаких других видимых знаков благоволения, которое им оказывали за их коллаборационизм.

Но сейчас был неподходящий момент обсуждать с Шарлоттой подобные дела. Паоло вёл её, как слепую, обратно в пансион. Попросив консьержку принести чаю, он сидел возле неё в узкой мансардной комнате, поглаживая ей руку и слушая звуки ежедневного сражения ворон и голубей.

Прошёл час, а она всё молчала. «Бедняжка», — вздохнула консьержка и налила себе ещё граппы. Шарлотта даже не притронулась к чаю, который стыл рядом.

— В чем дело, Шарлотта? Пожалуйста, скажите... Вы теперь в безопасности... — Его пугало её молчание. — Вас никто не обидел?

В голове одни слова, карусель слов, кружатся, сталкиваются... «*Passaggiata*... Что делать? Не знаю... все эти матери и дети... а как же другие! Неужели они никого не волнуют? Дети, дети, снова дети... и все эти потерянные люди, немые, без родителей, как же они, кто заботится о них! А теперь ещё и Прокопио... он-то делал... что-то, по крайней мере... пытался помочь... а я...» Куски льда во рту, ни выплюнуть, ни проглотить.

— Поговорите со мной, дорогая. В чем дело? Что с вами?

Слова, слова, слова... Какой смысл что-то говорить? Она ничего не может сделать, уже слишком много сделала... всё слишком поздно.

— Это из-за Сан-Рокко? Поэтому вы так расстроены? Из-за ареста глухой? Только поэтому? Не думайте, что это ваша вина... Ей всё равно пришлось бы вылезти оттуда, где она жила, рано или поздно... Всякое в Урбино...

«Это моя вина, моя, — думал Паоло. — Я проболтался Донне и Фабио».

Он рассеянно продолжал гладить руку Шарлотты, пока она вдруг не вырвала её; рот её скривился. Вид у неё был дикий, совсем не похожа на прежнюю спокойную, милую английскую даму.

— Бедняжка, — сказала консьержка.

— Надо было избавиться от чёртовой бабы, как я тебе талдычил, а не арестовывать! Кто велел моему дурню сынку арестовывать её? — Лоренцо был в ярости. — Она ещё доставит нам неприятностей, предупреждаю тебя. Как насчёт твоего умелого дружка Бенни — для чего он здесь, отдыхать приехал? Не мог разобраться с ней?

Его приятель выглядел раздосадованным, хотя знал наверняка, что Лоренцо никогда не предлагал избавиться от старухи. Опять же, память у него, как мочевого пузыря, ослабела, в чем он ни за что не признается в этой компании.

— Нет, — задумчиво сказал Дедушка. — Нет, Лоренцо, идея была неплоха. Уже слишком много народу говорит об этой женщине. А так мы держим ситуацию под контролем. Она может быть ферзём, может быть просто рехнувшейся пешкой, *возмнившей* себя ферзём.

— Как мой идиот сынок, этот шеф полиции!

— Кто бы она ни была, мы узнаем, что ей известно, в состоянии она говорить или нет — и, возможно, с кем она говорила, если вообще говорила.

Той ночью в ораториуме Санта-Кроче, самом древнем и почитаемом ораториуме Урбино, фрагменты фрески с изображением святого Себастьяна, написанной Рафаэлем, начали кровоточить. Кровь сочилась из девяти ран на теле святого, где в него вонзились стрелы, и капала на пол, едва не вызвав инфаркт у старой толстой уборщицы, которая, перекрестившись и дав обет больше никогда в жизни не притрагиваться к миндальным с кремом пирожным Прокопио (не предупреждал ли её доктор уже столько раз?), поспешила разнести новость по соседям.

— До того как раны Себастьяна начали кровоточить, этот ораториум, возведённый в тысяча триста тридцать четвёртом году, был известен главным образом своей принадлежностью братству мучеников Креста Господня, члены которого бичевали друг друга на тайных церемониях, — сказал Джеймс. А про себя подумал: *старые содомиты садисты*.

Время было уже позднее, и он всё внимание уделял оператору, стараясь перекричать шумных репортёров-итальянцев, занимавшихся тем же, что и они. Ораториум находился под особым покровительством Церкви вследствие суровости устава братства. Прекрасным своим состоянием он во многом был обязан семье графа Маласпино, отец которого щедро жертвовал на его реставрацию. Немало людей в Урбино верили, что разгадка таких чудес, как это

Кровотечение Себастьяна в Санта-Кроче, может лежать в сегодняшнем аресте таинственной немой. Её нападение на знаменитую «Муту» Рафаэля было тесно связано с продолжающимся кровотечением портрета. До сей поры оно препятствовало отчаянным попыткам профессора Серафини из ИКИПа, Итальянского комитета по исследованию паранормальных явлений, научно доказать мошенническую природу последних городских чудес.

К вечеру вторника беспокойство врачей, следивших за состоянием Муты, возросло ещё больше. На сломанную руку ей наложили гипс, и сознание к ней возвратилось, но в остальном ни малейших улучшений. Она не ходила, и сёстрам приходилось сажать её или ставить на ноги, но и в этом положении она оставалась неподвижной, как пугало, которое она напоминала, мочилась и испражнялась, пока её снова не двигали. Она не хотела или не могла ни есть ни пить. Приходилось ставить капельницу. Сканирование мозга с целью проверки, не повлиял ли на её поведение удар по голове, не показало ничего необычного. Она не сопротивлялась, не протестовала, когда ей раскрыли рот и держали так, чтобы тщательно обследовать периферические органы речи, которые оказались неповреждёнными.

— Никаких видимых признаков двигательной недостаточности орофарингиальной и ларингиальной мускулатуры, а также дисфагии, — сказал осматривавший её врач.

Рано утром в среду немую перевезли в другую больницу, где она по-прежнему совершенно не реагировала на окружающее. «Незадолго до полудня мы нашли её стоящей голой и невинной, как святая Маргарита Кортонская, прикрывшейся матрасом, на котором она спала», — сказал новый врач, очень религиозный человек.

Его посетитель позволил себе улыбнуться с лёгкой иронией и напомнить, что до того, как стать святой, святая Маргарита была очаровательной незамужней матерью, а это с несомненностью свидетельствует, что она отнюдь не была невинна.

— Окаменение, — сказал врач. — Таким термином я охарактеризовал её состояние графу Маласпино, хотя медицинский термин для подобной сознательной неподвижности...

— Маласпино? Он был здесь?

Врач покачал головой:

— Не был, мы говорили по телефону. — Он понизил голос: высокое положение последнего посетителя побуждало к доверительности. — И хотя он не желает огласки, уверен, он бы не стал возражать против того, чтобы я рассказал кому-то вроде вас: это благодаря его влиянию её перевели сюда. Вы, может, не представляете, но многие из наших прошлых настоятелей были родственники графа.

— Вот как! Мне казалось, Санта-Катерина — не совсем обычное место для такой больной.

Посетитель откровенно улыбнулся, а сам подумал: «Вот болван! Из всех мест выбрать это! Он бы не смог более явно продемонстрировать, что имеет отношение к этой женщине!» Больница Святой Екатерины, расписанная великолепными фресками, была построена в пятнадцатом веке как приют для брошенных урбинских детей, но постепенно изменила свою направленность, так что теперь здесь обслуживали только самые влиятельные семейства (о чем прекрасно знал всякий в городе). Все настоятели приюта, а потом больницы были из членов братства — до недавнего времени, когда после продолжавшегося несколько веков противоборства между религиозными и светскими властями правительство Урбино отвоевало право избирать настоятелей из людей, не входивших в этот замкнутый круг. Однако в том, что касалось пациентов, роскошные, украшенные фресками комнаты Санта-Катерины оставались главным образом жилищем богачей, и единственным неудобством для них были вероотступники туристы, которые время от времени, бродя по больнице в поисках знаменитых фресок, заглядывали в отдельные палаты и сталкивались с бывшим наркоманом аристократического происхождения, богачом алкоголиком или анемичной дочерью влиятельного местного банкира.

— Да, граф проявляет подлинный интерес к этой бедной немой, — сказал врач, шагая с посетителем по длинному коридору со сводчатым потолком, расписанным фресками цвета полночной сини с облаками, звёздами и разными суровыми святыми, держащими в руках свитки с душеспасительными изречениями. — Похоже, она захватила воображение всего Урбино. Если бы только она понимала...

Спутник доктора сухо кивнул. Всякий, кто в этот момент увидел бы его, решил, что его больше интересует ряд светящихся фресок на стенах коридора.

— Вижу, вы начали реставрацию паломнического цикла, — сказал он.

Панели пятнадцатого века изображали паломников и обитателей приюта и дары, принимаемые от имени последних невероятно жирным настоятелем Санта-Катерины. Здесь богатым всегда убедительно напоминали, сколь много они зависят от бедняков. На этих фресках не было неприятных напоминаний о бедняках, которым было нечего предложить, кроме своего голода. «Никаких царей, неподобающе припадающих к стопам скромных плотников, — подумал про себя посетитель. — Никаких рыбарей-пророков».

Врач остановился и бросил мрачный взгляд на глубокую, до штукатурки, царапину на фреске.

— Вы видите? Санитары! Постоянно задевают за стены каталками... Подозреваю, что подобное окружение кажется им неподходящим для современной больницы. Или они просто не замечают подобной красоты. Но разве плохо, если она приносит больным и страждущим моральную и материальную помощь? — Он предложил именитому гостю полюбоваться фреской, на которой была во всех деталях запечатлена ампутация руки.

— В самом деле.

Гость едва заметно улыбнулся, глядя на необычайно реалистичное изображение крови, хлещущей из открытой раны в большой медный таз, и собаку, ждущую под ним, в надежде поймать её брызги.

— Окружение подобных шедевров должно ободрять, как думаете? — спросил врач. — Не то что скучные горные пейзажи.

Заметив, что дверь, к которой они подходили, открыта, гость поинтересовался:

— У вас принято оставлять дверь таких пациентов незапертой?

— Когда вы увидите, в каком положении больная, думаю, вы согласитесь, что нет смысла запирает её. Она в ступоре, состоянии, которое мы могли бы предупредить, если бы полиция менее решительно добивалась от неё показаний...

— Они полагают, что она *способна* давать показания?

— Я ещё не установил, какой, истерический или органический, характер имеет её немота, но пытаюсь. Полиция, похоже, не понимает, что силой тут ничего не добьёшься. Только взгляните, — он показал жестом на неподвижное тело, распротёртое на койке, — к чему уже привело насилие.

— А не могло ли такое... *насилие* послужить толчком к тому, чтобы она заговорила?

— Совершенно исключено. Современная медицинская литература предупреждает: там, где мутизм является следствием глубокой психической травмы, насильственные методы способны привести к необратимому душевному расстройству, как, например, случилось со многими солдатами во время Первой мировой войны.

— Понимаю... это было бы трагично...

— Даже в менее сложных случаях трудно отличить то, что мы называем истерическим или функциональным мутизмом, от настоящей афазии, то есть расстройства центральной нервной системы, когда мутизм больного вызван повреждением мозга. Особенно трудно это сделать, если пациент перенёс эмоциональный шок или ранение головы, что имеет место в нашем случае.

Он провёл перед ней линейкой — никакой реакции. Её серебристо-серые глаза были как затуманенное зеркало, словно она страдала катарактой: не только немая, но и слепая.

— Видите?

— Я слышал, что немота появляется после ужасного потрясе...

— Или несколько дней спустя, сопровождаемая функциональной глухотой и даже параличом. Одно из светил в той области медицины, которой я занимаюсь, утверждает, что, когда функциональный мутизм сопровождается глухотой, это результат исключительно защитной реакции организма. Испытав сильный шок, человек укрывается в раковине молчания от мира ужаса, от мира, которому больше не может доверять.

— Неужели никто не может сказать, что послужило причиной её немоты? Этот человек, которого арестовала полиция... Прокопио, кажется? Разве он не знает её?

Врач пролистал свои записи.

— Всё, что он рассказал, — это что его домоправительница иногда оставляла еду для немой, и та, по её словам, была чужестранкой, возможно из семьи иммигрантов.

— Иммигрантка? Так он не утверждает, что она местная? Но я слышал... — Гость не договорил. — Какая разница, местная она или иммигрантка?

— Частичный мутизм, бывает, случается или, по крайней мере, усиливается вследствие изоляции иммигрантов, которые не в состоянии по-настоящему овладеть местным языком. Но мутизм способен развиваться даже в местных семьях, если они живут в глуши, как эта женщина... — Врач улыбнулся с извиняющимся видом. — И знаете, даже если бы она могла говорить, в этих отдалённых долинах ещё жив такой древний диалект, что нам, наверно, понадобился бы переводчик, чтобы понять её! Нам также известно, что причиной мутизма становится и семейная тайна, когда детям советуют или приказывают не заговаривать с незнакомцами.

— И эта детская склонность быть скрытным с незнакомцами... она может перерасти в фактическую немоту, когда родители постоянно предупреждают, чтобы они не проболтались?

— Да.

— Такие случаи поддаются лечению?

— Как сказать. Некоторые пациенты преодолевают частичный мутизм тем, что начинают новую жизнь среди новых людей, но со старыми знакомыми, которые знают их как немых, по-прежнему хранят молчание.

— Так вы утверждаете, что незнакомый человек может побудить немую заговорить?

Врач снова посмотрел на неподвижную фигуру на больничной койке.

— Необходимо также сказать, монсеньор, что люди, уходящие в молчание настолько глубоко, как эта женщина, чаще всего остаются в его плену навсегда.

— И ничего нельзя сделать?

— Это зависит от пациента. Загадка мутизма по-прежнему не решена. Он легко не «излечивается».

Визитёр отвернулся от немой и принялся разглядывать огромную фреску, занимавшую целую стену палаты. Фреска, с круглым, как луна, пятном обвалившейся штукатурки, изображала сцену, в которой он мгновенно узнал библейский пруд, в котором животных омывали перед закланием.

— Говорят, она любит животных, — сказал врач с лёгкой улыбкой.

— Вы не думали о том, что, возможно, она будет счастливее, пребывая в молчании? Где-нибудь, где на неё не станут оказывать такого... давления, скажем так?

— Вы имеете в виду дом призрения? Судя по тому, что я слышал, не похоже, чтобы молчание сделало эту женщину счастливее.

— Простите, доктор, но вы должны помнить, что члены религиозных братств почитают молчание за добродетель. Сам святой Бенедикт учил своих последователей молчанию, говоря: «Кто хранит уста свои и язык свой — тот хранит от бед душу свою».¹¹⁷ Подняв руку в жесте благословения (чуть ли не приказывая неслышащей женщине утешиться), он произнёс нараспев: «Господь сам есть молчание. Совершенство Его бесконечно и неизреченно». Он возложил руку на лоб женщины, его длинные чистые изящные пальцы сжали ей череп.

¹¹⁷ Книга Притчей Соломоновых, 21:23.

«Положи, Господи, охрану устам моим и огради двери уст моих». ¹¹⁸

По всему телу немой прошла дрожь, она выгнула спину, будто её подвергли электрическому шоку, потом снова упала на кровать и застыла.

ЧУДО № 35 УГРОЗА ДЛЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ФУТБОЛА

Шарлотта отправилась во дворец с намерением снова продолжить работу над портретом вместе с Паоло и Анной, но, когда вошла во Двор Славы, мужество покинуло её, и вместо этого она поднялась по широким отлогим ступеням в наполненные светом верхние галереи дворца. Здесь она час провела, бесцельно переходя от Беллини к делла Франческе, от Дукко к делла Роббиа, из зала в зал, с этажа на этаж, вверх и кругом. «Здесь, — думала Шарлотта, — я должна чувствовать себя как дома». Однако сегодня каждая картина смотрела на неё с осуждением. Она чувствовала себя такой же уязвимой, как портрет, который пыталась реставрировать, — всего лишь тонкий слой краски между нею и пустым холстом.

Даже «Идеальный город» не смог успокоить её; его аура безмятежного покоя лишней раз напомнила ей о молчании, которое она предала. Шарлотта смотрела на толпу праведных христиан на полотне Учелло «Чудо с осквернённой просфорой», выбившую дверь жилища еврея и сжигающую его и его семью на костре, а видела собственную свою неспособность действовать, когда полиция вытаскивала Муту из её убежища, избивала её. Она села на белую пластиковую скамью напротив фрески тринадцатого века, изображавшей женщину, из которой изгоняли бесов, — изгоняющий буквально вытягивал клубок чёрных злобных бесов изо рта несчастного создания. Маленькие чёрные дьяволята сами вырвались из её собственного рта... «Если бы я не проговорила... если бы не упомянула о Муте и Прокопио в разговоре с графом... Не он ли послал полицию?»

Она думала о своём таланте к реставрации, профессии, которая, как она могла рассчитывать, обеспечит ей будущее. Но всё всегда разлаживалось и требовано исправления... не хватало дара человеческих отношений. Годы жизни с Джоном, казалось бы такие стабильные, надёжные, — достаточное тому доказательство. «Где-то я сбилась с дороги, потеряла направление, — подумала она. — Не так всё должно было быть, и я — не такой. *Добрая сестра Шарлотта*».

По полу музея прокатился красный мячик и остановился у её ног. Шарлотта хмуро посмотрела на серьёзного мальчугана, подбежавшего за мячом. Он заплакал, и его беременная мамаша, державшая за руку другого ребёнка, заметив недовольное выражение на лице англичанки, позвала: «Vieni, caro! Georgio, vieni! Non disturba la donna!»¹¹⁹ Шарлотта сама была потрясена яростью, какую вызвала в ней милая молодая женщина своим таким легкомысленным деторождением. «Потому что *деторождение* — это главное, — с горечью думала она. — Не творчество, а наша порода!» Дети были обещанием продолжения, они возрождали мир, с которым ей хотелось иметь мало общего, мир новых мужчин, способных поступать со старыми женщинами так, как она видела это сегодня, новых женщин, кутающихся в покрывало во имя религии или обнажающих своё тело ради денег, новых молодых людей, готовых служить пушечным мясом. Откуда взялась она, эта бездумная вера в то, что люди могут измениться, *что люди могут научиться дышать, а затем петь?*

Она ещё несколько минут сидела и не отрываясь смотрела на картину перед ней. Избиение невинных со всегдашней жестокостью, совершаемое всегдашними подозреваемыми — мужчинами, опорой которым их жёны и матери, мужчинами, которых вскормили, вырастили и ублажали женщины, убийцами, кому женщины рожали сыновей и наследников.

¹¹⁸ Псалтирь, 140:3.

¹¹⁹ Иди ко мне, дорогой! Джорджо, иди ко мне! Не мешай даме! (*ит.*).

Ласковые мужчины, уничтожаемые сильными, если они не очень хитры или достаточно быстры, чтобы спастись. Дети одного племени, убиваемые отцами другого, чьи матери и религиозные лидеры если не являются непосредственными участниками преступления, то, несомненно, потворствуют, подстрекают.

Насмотревшись на обвиняющую картину, Шарлотта вышла из музея и побрела по узким улочкам и галереям между дворцом и виа Мадзини, пока не оказалась у спирального пандуса. «Я не была тут несколько недель, — подумала она, — с первого своего дня в Урбино, когда хотелось всё увидеть, всё обойти. Каким далёким это кажется!» Она вошла в калитку и стала медленно подниматься по широким, едва выступающим ступеням и почувствовала, как её охватывает горе. Глаза наполнились слезами. Какая-то участливая женщина смутила её, спросив, не плохо ли ей, не нужна ли помощь? Онемев от стыда, Шарлотта помотала головой и отвернула лицо, чтобы кто-то ещё не увидел её слёз. Она оперлась о бледно-розовый кирпич стены, чтобы успокоиться, и шаги идущих мимо, тихий говор и весёлая болтовня, свист и смех — все эти звуки слились в один голос. Голос Прокопио. Что он сказал ей? Видеть жизнь за пределами картины. Возможно, в этом весь секрет.

Мэр беспокойно спал по ночам, наверняка из-за диеты, наверняка из-за жены. Её реакция, едва он рассказал историю с ней, была немедленной: «Ты должен что-то *сделать*, Примо!»

Мэр обожал свою жену; она была его умным, неистовым товарищем по оружию. Но в таком, как сейчас, настроении она пугала его до полусмерти, и в нём возникало желание мчаться назад, в бар «Рафаэлло», дозаправиться граппой для храбрости, так что он осмелился спросить: «И что, дорогая, ты хочешь, чтобы я сделал?»

Что он не оправдал ожиданий жены, было заметно по её пренебрежительному взгляду и ещё более пренебрежительному отношению к готовке. Чеснок если и появлялся на столе, то подгорелый до горькой черноты, макароны вечно слипшиеся, пересоленные и пере- или недоваренные. Она извела его своей отвратительной стряпнёй, казнила своим молчанием, эта женщина, от которой его было не отделить, как краску от стены, которую он любил, которая вырастила его детей вместе с детьми его умершего брата, которая продолжала ухаживать за его больной, раздражительной матерью без единой жалобы, которая с ним, молодым коммунистом, нацарапала свои инициалы на средневековой кирпичной стене дворцового пандуса, потом отправилась с ним взрывать бомбу, а позже отдалась ему со взрывной страстью.

Теперь, когда пришло его время проявить характер... Но господи помилуй! Он один как перст, не может он в одиночку сражаться со всем городом!

— Начни с одного человека, Примо, — сказала она. — Найди ей честного магистрата, следователя прокуратуры, для слушания, которое затевается. Одного из тех смелых, пронизательных, независимо мыслящих людей, которых наша несчастная страна ещё умудряется рожать, несмотря ни на что. Одного из тех, кто имеет дар убеждать таких людей, как Прокопио, освободиться от многолетнего груза лжи.

— Только посмотри на список смельчаков, погибших за два последних года, которые заговорили о таких вещах, любовь моя, — взмолился он. — Фальконе, убитый в прошлом году вместе с женой и тремя телохранителями! Вспомни, что он сказал за четыре дня до того, как эти ублюдки взорвали его машину: «Враг повсюду и готов нанести удар!» Амбросоли — а он был назначен правительством, не забывай! — убит американской мафией по завещанию Микеле Синдоны, того самого человека, дело которого он расследовал! Да ради Христа! Сам Синдона, несмотря на его связи с Ватиканом и Андреотти, дважды премьер-министром, — сам Синдона был отравлен в тюрьме! И где мне искать этого честного следователя, если исполняющий обязанности председателя миланского суда посажен в тюрьму за взяточничество! Я мог бы продолжать, но...

— Ты уже много наговорил... и из твоего перечисления имён в телефонной книге я делаю вывод, что ты не намерен ничего предпринимать, чтобы помочь бедной женщине?

— Мы даже не знаем, кто она такая, любовь мо...

— Ты родом из этой долины. Любой человек оттуда может догадаться, что произошло в Сан-Рокко!

Даже не взглянув на вино, которое он налил ей, она в сердцах так грохнула перед ним тарелкой с макаронами, что стакан подскочил, плеснув содержимым в соус, что очень не понравилось сыру, как её негодование его желудку. Аппетит пропал; ещё не попробовав обед, При-мо знал, что его ждёт худшее. Макароны не накручивались на вилку, явно недоваренные, соус с плёнкой застывшего сыра имел угрожающе лепрозный вид.

— Полагаю, ты собираешься следовать официальной версии и притвориться, будто ничего не произошло, — сказала она.

— Что я могу сделать? Архивы по Сан-Рокко, вернее всего, находятся в Британии, насколько я знаю. Наше правительство не одиноко в желании не разглашать тайну. Какой стране хочется услышать, что она связана с людьми, виновными в таких же злодеяниях, какие совершали немцы?

— Кружевное бельё, — предложил Франко, которому позднее Примо принёс свои доводы, не убедившие супругу — Подари ей, чтоб забыла о Сан-Рокко, осчастливь её... и себя заодно, дружище!

— Считаешь, она права, Франко? Считаешь, я не должен молчать?

— Не знаю, Примо, считаю...

Стоит заговорить о Сан-Рокко, напомнил мэр Франко, и волны скандала разойдутся далеко за пределы их придворного города на его двойных холмах. Они могут запачкать грязью костюмчик от Версаче талантливого музыкального продюсера в Риме и лаковые штиблеты одного из самых знаменитых лондонских банкиров, могут обрызгать фартучек очаровательной мамы четверых невинных малюток, помешать многообещающей карьере членов пяти из десяти крупнейших итальянских политических партий («Одну из этих партий поддерживает подавляющее большинство мафиозных кланов, а также Банк Ватикана!» — подчеркнул Примо), спутать карты трём епископам, двум кардиналам, мелкому немецкому аристократу, стае итальянских графов и двум Папам. Не говоря уже о бывшем мэре-коммунисте небольшого университетского города в Марке, зависящего от туризма (мэра, который *точно* знает, что чудес не бывает, и Галилеев закон падения одинаков как для невинного, так и для порочного). Скандал может перекинуться через Альпы в Германию, а его опасные отголоски — пересечь Атлантику, он способен приостановить работу итальянской автомобильной промышленности и даже отменить следующий футбольный матч в Милане!

Франко заволновался.

— Дело в том, — сказал Примо, — что история с Сан-Рокко в прошлом, она забыта, никто больше не желает слышать о ней! В конце концов, нам нужно думать о будущем Урбино! Как такая история отразится на нашем городе?

Его приятель кивнул, соглашаясь:

— Ты считаешь, немая может теперь заговорить, чтобы спасти свою жизнь, Примо?

Всё ещё беспокоясь, что миланский футбольный клуб возьмёт да и откажется играть, Франко подошёл к посетительнице предложить ещё вина.

— Как, нравится наше вино? — спросил он на ломаном английском.

— Да, спасибо.

— Ещё хлеба или оливок?

Она вежливо отказалась, улыбаясь ему. Вот приличная английская леди, не как некоторые тут.

— Но позвольте спросить, синьор... вы, случаем, не знаете о месте, которое называется Сан-Рокко, в долине где-то поблизости?

— Сан-Рокко? — Он отрицательно помотал головой. — Никогда не слышал. Извините.

— А мне показалось, я слышала, как вы упомянули...

— Вы слышали: *Дан* Рокко. Это мой старый друг.

Его ложь не удивила Шарлотту. *Все эти старики в кафе* — так сказал Прокопио. И после оливок, хлеба и вина в разных урбинских кафе она усвоила: достаточно лишь упомянуть о Сан-Рокко, чтобы люди определённого возраста вокруг замолкали. Она видела, как менялись их лица; название деревушки было словно камень, что прыгает по воде, оставляя за собой смыкающиеся круги ряби. Часто люди с готовностью отвечали, но только чтобы что-то соврать, увести в сторону, как этот бармен. Им помогал в этом итальянский язык, который, имея меньше скрытых, непроизносимых согласных, нежели английский, придавал речи его обладателей обманчивое впечатление ясности, которой в ней не было. Она пробовала звонить в государственный архив, желая узнать о Сан-Рокко, и ждала по пятнадцать минут, чтобы в конце концов услышать, что до 1960-х годов у них нет документов о селении с таким названием. Она обратилась к пожилому продавцу в академической книжной лавке, и тот выложил перед ней трактат о самом святом — *сан* — Рокко, с очаровательными гравюрами на дереве, изображавшими крестьян девятнадцатого века, и отдалённо не связанными ни с названным местом, ни с её вопросом.

В отличие от Шарлотты Паоло предпринял конкретные шаги во искупление своей вины. Когда она не появилась во дворце, чтобы продолжать работу по реставрации Рафаэля, и перестала отвечать на телефонные звонки, он пошёл к ней в пансион «Рафаэлло», однако консьержка сказала, что англичанка ушла и не оставила для него никаких сообщений.

— Вы что-то хотели?

— Просто скажите, что я... нет, нет, передайте, что я надеюсь скоро увидеть её.

На другое утро он отправился в полицейский участок навестить Прокопио. Возможно, владелец кафе, которого Паоло знал благодаря своему деду, больше расскажет о том, что случилось с Шарлоттой.

Дежурный офицер, собутыльник Луиджи, отпер дальнюю комнату, обычно используемую для допросов. Здесь стоял застарелый запах хлорки и ещё чего-то такого, чего не убить дезинфекцией. Лампы над головой жужжали, как злые мухи. Но гигант мороженщик, похоже, не замечал всего этого. Он дремал на стуле, тяжело уронив голову на руку, на висках виднелись чёрные кровоподтёки. Оба глаза заплыли, на сломанном носу гипсовая повязка. Паоло захлестнула жалость, тем более удивительная, что он всегда относился к Прокопио как к какому-то клоуну. Марксист-мороженщик: звучит так же нелепо, как анархист-архитектор. Людям поколения его деда марксизм был понятен, но теперь он был полностью дискредитирован. «Политика — рискованное занятие, — подумал Паоло, — а особенно в Италии».

Прокопио нехотя приподнял тяжёлые веки и заметил Паоло. Молодой человек наблюдал за тем, как он в буквальном смысле заставляет себя собраться: каждая часть его тела клянётся в верности своему флагу, руки и ноги — как не желающие подчиняться новобранцы. Сперва выпрямилась мускулистая шея и подняла разбитую прикладом голову; он убрал руку от кровоподтёков и опустил вместе с другой на колени. Отдохнув от усилий, которых это ему стоило, он пошевелил пальцами, распрямляя их, — суставы тоже в кровоподтёках и вздувшиеся, — и гримаса боли исказила его лицо.

— Вижу, вы справитесь, синьор Прокопио.

Паоло достал из бумажного пакета бутылку вина, большой свёрток с собственной прокопиевской ветчиной и коробку с пирожными, лишь чуть-чуть помятыми от поездки на заднем сиденье его «ламбретты».

— Это вам от ваших официантов.

Прокопио выдавил слабую улыбку и потянулся за бутылкой.

— Как там они, негодники, небось бездельничают, пока их босс под замком! — Он

изучил этикетку и язвительно прошёлся насчёт того, что лучшее вино его коллеги приберегли для себя.

Паоло раздумывал, как половчее спросить о том, что его интересовало.

— Луиджи, один из копов, которые арестовали вас...

— Тот, что прихватил птицу?

— Никуда не годный коп — хотел стать оперным певцом. Мой друг со школы. Как бы то ни было, он сказал мне, что вы подписали бумаги, где говорится, что вы были пьяны, когда вы и полицейские... и ни слова о том, что пытались защитить немую. Почему?

— Скажем так, мне... посоветовали. Некие лица дали понять, что чем меньше я буду болтать об этом, тем будет лучше для меня.

— Луиджи рассказал, что вам угрожали превентивным заключением.

Прокопио открыл коробку с пирожными, избегая смотреть в глаза Паоло.

— Твой друг Луиджи слишком много болтает.

— Но что теперь с вами будет?

— Штраф, может, несколько месяцев в тюрьме, не более того. Почему тебя интересует моя судьба?

Паоло помолчал в нерешительности, а потом выпалил:

— Из-за Шарлотты. — Прежде чем Прокопио высказал то, что уже отразилось на его лице, Паоло добавил: — В этом аресте нет её вины. Вот почему я пришёл, по крайней мере поэтому тоже. Не Шарлотта выдала немую полиции, это сделал я... то есть не в буквальном смысле, но... это случилось, возможно, из-за того, что я проболтался... — Он опустил глаза и принялся ковырять щербатый стол испачканными в краске пальцами.

— Молодой канадке?

Паоло поднял глаза.

— Чтобы произвести на неё впечатление тем, как много ты знаешь? — Тень улыбки пробежала по лицу Прокопио. — Смазливая девчонка... Пытаешься привлечь её внимание, а она тебя не замечает, я прав?

— Откуда...

— Мне знакомо это чувство. Старо как мир. Всё у тебя получится, такой симпатичный паренёк, хорошее образование, хорошие перспективы.

— Хорошие не значит отличные.

— Так ты думаешь, что девчонка рассказала полиции о Муте?

— Может, Фабио... — Юноша пожал плечами. — Не знаю. Кто-то сказал кому-то, кто рассказал им... Главное то, что... если это *была* она — а я ни секунды не верю в это! — но если это была она, то она не желала ей зла.

Разбитое лицо Прокопио застыло маской недоверия.

— Вот так и совершается множество зла. Ради её же блага, скажи, чтобы она больше не вмешивалась. И ты тоже. Держись подальше.

— Что значит «не вмешивалась»?

В окошке появилось лицо Луиджи.

— кажи ей, чтобы была осторожна, и всё, — ответил Прокопио. — В будущем не давала воли языку — и ты своему.

Луиджи постучал в зарешечённое окошко, и Паоло встал.

— Принести ещё чего-нибудь?

— Нет, — ответил Прокопио. Потом, когда Паоло был уже у двери, скупо спросил: — Всё же, как она?

— Немая?

— Англичанка... Шарлотта.

— Очень плохо. Хотите что-нибудь передать ей?

— Скажи ей... Скажи, что я... — Он покачал головой. — Нет, ничего не говори. Вот что, Паоло, будь добр, если я не... если не получится так, как я рассчитываю, не мог бы ты позаботиться, чтобы Бальдассар попал к этому шельме Примо?

— Ваша старая охотничья собака? — Даже Паоло слышал, как Прокопио любил пса.

Прокопио кивнул:

— Прямо обожает трюфели и... Короче, моей старой тётке будет не по силам справиться с Бальдассаром.

Паоло хотелось о многом спросить Шарлотту, многое ей рассказать, когда она наконец появилась на работе во дворце, но по её лицу и поведению он понял, что ещё рано, она не вполне пришла в себя. Мало того что никак не объяснила своё отсутствие, но и была необычно тиха. Под лёгким загаром, появившимся после нескольких недель пребывания под итальянским солнцем, её кожа была землистой, стянувшейся вокруг губ и у спокойных голубых глаз, от румянца на щеках не осталось и следа.

— Приятно видеть вас снова, — встретил он её осторожными словами.

— Я заварю вам чаю, — обрадовалась ей Анна.

Пока Анна заваривала наверху чай, Паоло сказал Шарлотте, что ей нужно пойти проведать Франческо Прокопио.

— Он очень переживает из-за того, что наговорил вам.

— Как я могу начать...

— Вам не придётся ничего объяснять. Я признался ему, что вина за арест целиком лежит на мне, потому что я... потому что я разговаривал с... другом... Представить не мог, что они выдадут мой секрет.

«И я не могла», — подумала Шарлотта.

— А теперь подбодрю вас! Знаете, что Луиджи спас ту певчую птичку, которая была в подвале у немой? Так вот он говорит, она щебечет не переставая и все в полицейском участке уже с ума сходят, но не знают, что с ней делать. В полицейском уставе нет ничего о канарейках.

Его попытка поднять ей настроение не возымела успеха.

— У Прокопио достаточно других друзей, коллег по работе, которые навещают его, — ответила она.

— Словами делу не поможешь, так говорят у вас в Англии? Таково отношение к закону у многих в Италии, не только людей старшего поколения. Мы неспроста опасаемся даже приближаться к тюрьме. Никогда не знаешь, как это отразится на тебе. Однако если решите навестить Прокопио...

— Я подумаю над этим, Паоло... Но сначала мне нужно сделать кое-что ещё.

— Дело вот в чем... Не хотелось упоминать об этом раньше, но Прокопио... ну, если ждёте от него свидетельских показаний, подтверждающих то, что произошло при аресте немой, то он не станет давать их.

— Что вы имеете в виду? Почему не станет?

— Он даже не собирается оспаривать обвинения, выдвинутые против него, только и скажет, что был пьян, потому что иначе ему угрожают *custodia caasterale*... превентивным заключением... что означает, его могут держать в тюрьме три года без предъявления обвинения.

— Но это невозможно! А как же?..

— азве вам не известно, Шарлотта? Здесь, в этой Италии, которую вы так любите, действует свод законов, сохранившийся с фашистских времён... никакого вашего хабеас корпус: ¹²⁰ по итальянским законам дело задержанного преступника не обязательно рассматривать в суде.

Достаточно найти несколько свидетелей, чтобы заподозрить Прокопио в терроризме, и его практически могут засадить за решётку и выбросить ключ. Даже если дойдёт до суда, система устроена так, что дело рассматривается в три этапа и на одно уходит в среднем три

¹²⁰ Английский закон от 1679 г. о неприкосновенности личности.

года а накопившихся дел около трёх миллионов.

— Терроризм! Но это абсурд! Прокопио только пытался защитить...

— ...человека, которого они не хотят, чтобы кто-то защищал, — это очевидно.

ЧУДО № 36 ЗВЁЗДНЫЙ ВЕСТНИК

В женщине, лежавшей на больничной койке, плоти осталось не больше, чем краски на чешуйке фрески, отслоившейся от стены. Её кожа была припудрена дешёвой апельсиновой пудрой, розовевшей на ввалившихся щеках, а губы походили на лопнувшую вишню — после того как сердобольная медсестра попыталась придать ей более человеческий вид, помада потрескалась, как эмаль на губах дешёвой сувенирной фигурки святой. Шарлотта слышала страдальческий хрип в её горле, когда она пыталась глотать, но у этой святой не было слёз, не было слёз.

— Результат исследований, проведённых в предыдущей больнице, — поспешил объяснить врач, — они могут быть причиной сухости в горле больной...

Чувствовался лёгкий запах мочи, по мере того как судно рядом с койкой медленно наполнялось через катетер.

— Её лицо очень сильно избито, сплошной синяк, — сказала Шарлотта, стараясь не обращать внимания на запах.

Она была потрясена. «Что я наделала! Неужели это та самая яростная *живая* женщина, которую при мне волокли из её подвала, как дикого зверя? В какой пещере сознания скрылась та, другая?»

— Синяки от полиции. Там разыгралось настоящее сражение, когда...

— Я знаю, что произошло.

Глядя на неподвижное, как маска, лицо немой, Шарлотта отчаянно искала слова, способные выразить её раскаяние, утешить и поддержать её. Но какие слова способны тут помочь? Что она может сказать, чего уже не сказали врачи?

— Вы сделали всё, что могли, — проговорил врач, дав молчаливой посетительнице постоять ещё несколько минут возле такой же молчаливой пациентки.

Эта женщина лишь укрепила его во мнении, что англичанки плохие сёстры милосердия. Мастерницы кроить платье и фразы, но безнадёжны в том, что касается способности выразить подлинное душевное участие. Вот бы дали ему когда-нибудь африканку!..

— Надо бы... — пробормотала Шарлотта. — Я бы...

— Нет, синьора. Поверьте, бывает, что в случаях, подобных этому, пациент контролирует нас, а не наоборот. — Ему не терпелось вернуться к своим делам.

Шарлотта вспомнила о картинке, которую принесла с собой.

— У меня тут... не знаю, возможно, не стоило... — Она извлекла из кармана открытку с изображением Рафаэлевой немой и протянула ему, чтобы он взглянул. — Такая же открытка была у неё... — она едва не сказала «в норе», — у неё дома.

Он показал открытку немой на койке, проверяя её реакцию. Ни малейшего проблеска интереса.

— Ну, не уверен, что это даст какой-то эффект, синьора Пентон, но и вреда никакого не вижу. Решать вам.

Он вернул открытку Шарлотте, которая наклонилась к немой, вложила в вялую руку открытку и прошептала:

— Твою птичку спасли, ты этого не знала? Твоя птичка в безопасности. — Она неуклюже попыталась изобразить птичку. — Хочешь, я попробую, может, полиц... может, удастся принести её сюда? — Она обернулась к врачу и сказала о любимице немой. — Если я принесу птичку, это поможет?

— Кто знает? В её положении я готов попробовать всё, что угодно.

— Хочешь, чтобы я принесла твою птичку... Габриэлла?

Имя появилось на её губах прежде, чем она прошептала его. Шарлотта была уверена, что заметила слабый свет в этих глазах-зеркалах, соединяющих внутренний и внешний миры. Ей необходимо было верить в это.

Вскоре после того, как шеф полиции проводил Шарлотту в комнату для свиданий с заключёнными, он имел честь принять другого посетителя.

— Какое огромное удовольствие вновь видеть вас у себя! — воскликнул он. — В моём участке!

— Как поживает отец? Надеюсь, здоровствует?

— О, прекрасно поживает, прекрасно... Теперь он целыми днями дремлет на солнышке со своими приятелями в кафе «Национале». Вспоминает старые добрые времена... Так чем могу быть полезен?

Знатный посетитель, усевшись напротив, объяснил, что чувствует всё возрастающий интерес к делу немой женщины, арестованной в Сан-Рокко.

— Знаю, моя просьба не вполне обычна, но не могли бы вы сообщить любые, какие вам известны, подробности о её происхождении? Я обещал её врачам использовать своё скромное влияние, чтобы помочь её выздоровлению.

«*Скромное влияние*, ха!» — подумал шеф.

— Полагаю, я уже сообщил всё...

Посетитель продолжал, подняв брови, смотреть на него с холодным, но настойчивым интересом, из чего шеф заключил, что ему не удастся отделаться обычными отговорками, чтобы оправдать своё бездействие. Он принялся методично перебирать взглядом папки в застеклённом шкафу, пропуская самые тонкие.

— Похоже, тут ничего нет о местечке, где её арестовали... — задумчиво пробормотал гость. — Сан-Рокко, кажется?

Шеф поёрзал в дорогом кресле чёрной кожи, поудобнее устраивая свою тушу.

— Секретный военный материал. Даже у меня нет к нему доступа.

— А как насчёт хозяина кафе — этого Прокопио? Он наверняка и раньше знал бедняжку немую... Есть какие-то сведения об их прежних отношениях? Насколько я понимаю, у него дурное прошлое... уж не уголовное ли?

— Забавно, что вы упомянули об этом, потому что женщина, которая сейчас у него, спрашивала о том же. Похоже, она не имеет совершенно никакого представления о том, какая у него репутация; никогда не подумаешь, глядя на неё, настоящую леди, что она...

— Какая женщина?

— Англичанка реставраторша — синьора Пентон.

— Значит, они... хорошие знакомые, если она навещает его...

Чтобы угодить гостю, шеф с охотой принялся расписывать отношения, о которых мало что знал помимо сплетен, слышанных от двоюродной сестры жены, консьержки в пансионе «Рафаэлло».

— Любопытно, что могут обсуждать два таких... разных человека? — спросил гость словно бы сам себя. — Но... если позволите вернуться к вопросу о его досье: насколько я понял, вы считаете, что англичанка не заглядывала в него?..

— Она не смогла бы этого сделать, даже имея на то разрешение. — Шеф объяснил, что досье Прокопио, где содержались сведения о всех его предыдущих конфликтах с законом, было утеряно при переезде в эти более просторные помещения. — Десять лет назад — ещё при моём отце. Но, разумеется, каждому известны политические взгляды Франческо.

Птичка Муты выбрала этот момент, чтобы запеть свою затейливую праздничную песенку.

— Прелестно, — заметил гость без тени иронии. — Кто бы мог себе представить канарейку в полицейском участке!

- Это всё дурень Луиджи! Вытащил её из подвала немой в Сан-Рокко.
- Неужели? Так, говорите, она принадлежала глухонемой?
- Проклятая птица доконала нас. Думаю, формально она собственность немой. Мы не знаем, что с ней делать.
- В таком случае, может, позвольте предложить совершенно законный выход?

Шарлотте казалось, что у неё хватит сил выдержать эту встречу, но ошиблась. Она нервно тербила свою серую шерстяную юбку на коленях и в беспощадном свете неоновых ламп впервые по-настоящему разглядела, какая сухая и потрескавшаяся стала кожа на руках. Она предпочитала думать о том, что стареет, да о чем угодно, но не встречаться взглядами с человеком, сидевшим напротив неё.

Сейчас он ничем не напоминал кентавра. Это была марионетка, небрежно брошенная на стул вместе со своими перепутавшимися нитями, пока кукловод занят другой. Рыжеватые седеющие волосы грязны, плохо выбрит, или это кто-то так постарался; и седые клочья на подбородке, и синяки старили его. На нём была та же одежда, что в день ареста, и голубая рабочая рубашка была вся в тёмных пятнах — на сей раз в его собственной крови. Шарлотта всегда думала, что он слишком огромен, чтобы его когда-либо ограничили и умилили подобным местом, однако это случилось, и в ответе за это была она, как бы ни оправдывал её Паоло.

— Простите, — прошептала она. Бледное слово, никак не выражающее то, что она чувствовала. — Это моя вина. Если б... если...

— Паоло сказал мне, что это не вы навели копов.

— Но если б я не говорила...

Прокопио пробормотал что-то невнятное, и его покрытая синяками рука сжалась в кулак.

— Без толку теперь сожалеть об этом.

— Что я могу сделать для вас?.. Пожалуйста... я...

— Ничего. — Заплывшие глаза скользнули по её лицу. — Тем не менее приятно видеть вас, Шарлотта. Приятнее, чем моих привычных стражей, почти так же приятно, как этого бездельника Паоло!

Она достала из пакета коробку с ореховыми меренгами, присланными работниками его кафе. Он взял одну и откусил.

— Недурно. Вы пробовали? Не так хороши, что получаются у меня, но мой помощник делает явные успехи.

— Паоло говорит... вы не собираетесь рассказывать о том, что случилось с вами и с немой в Сан-Рокко.

Он принялся за вторую меренгу.

— Пуканье монашки — так это у нас называется, слышали?

— Могу я чем-то помочь?

— Ну хорошо, можете. Найдётся клочок бумаги, карандаш?

Шарлотта терпеливо ждала, пока он быстро[object Object]-то.

— Вот, — через несколько минут сказал он, возвращая её записную книжку. — Отдайте это Козимо, а он найдёт, кому это пригодится.

Она просмотрела несколько страничек, покрытых ям удивление умелыми рисунками и подписями к ним, написанными чётким почерком.

— Что это? Я не понимаю.

— Это очень важно и совершенно секретно, — улыбнулся Прокопио.

— Но всё же, что это такое?

— План участия моего кафе в ежегодной сельскохозяйственной ярмарке.

— Сельскохозяйственной ярмарке!

Он принялся объяснять наброски, она внимательно слушала, сначала думая, что это какой-то шифр, секретное послание, которое он хотел передать на волю. Но, поняв, что весь секрет состоит в пропорциях молотого миндаля и сахара, почувствовала гнев, поразивший её саму, но с гневом пришло ещё более поразительное чувство благодарности за то, что она ещё способна на гнев, а не только на тупую, молчаливую злость, которая так долго наполняла её. «Гнев — это живая, громогласная, даже созидательная сила, — говорила она себе. — Если я могу чувствовать гнев, значит, я ещё не стара, какие бы фокусы ни вытворяла природа со мной, суша и морща кожу на руках, добавляя седины в волосы».

Так что на сей раз она не стала сдерживать гнев. Ей хотелось пробудить Прокопио и заставить осознать положение — положение Муты, если не своё собственное.

— Думаю, Паоло сообщил вам о давлении, которое оказывают на врачей Муты, чтобы те перевели её в закрытую больницу для душевнобольных?

В ответ на её тон он сузил глаза и парировал:

— Не этого ли вы добивались?

— Нет, нет... я... — Пузырь её гнева лопнул. — Просто... вероятно, вы ещё не знаете худшего... — Медленно, казня себя каждым словом, Шарлотта рассказала о состоянии Муты, по сути растительном.

— Ублюдки! — Прокопио встал, отвернулся от неё и уткнулся лицом в ладони.

— Вы правы, действительно ублюдки. И вы теперь — единственный голос Муты. Вы обязаны рассказать кому-то обо всём, что бы за этим ни стояло, Франческо! — Его имя вырвалось у неё невольно. — Заставить полицию понять, почему Мута так отчаянно сопротивлялась.

— Нет! — Он с такой силой стукнул ладонью по столу, что Шарлотта и коробка с меренгами подскочили. — *Я не могу* ни с кем говорить об этом! Вы знаете, что это никому не поможет, — никому, понимаете! Потому что, моя дорогая, милая, наивная леди, если я заговорю — это будет БОМБА! Не только мне не избежать *custodia caustelare*, которым мне грозят, но и получится так, будто союзники никогда не обезвреживали мин, заложенных немцами под фундаменты Урбино. Если я заговорю, мне конец... и Муте, вероятно, тоже. — Он поднял руки и вновь уронил их. — Будь я богатым или влиятельным — даже тогда я был бы в опасности. Когда-то давно мне сказали: «Не раскрывай пасть, Франческо, старина, и, может, проживёшь лишний денёк». И Франческо Мадзини замолчал навсегда. Кем он был, что он делал — всё похоронено. Я сменил свою жизнь, сменил имя.

— Если это была мафия, если...

— Мафия, мафия! Вы, англичане, только и думаете о мафии! К мафии это не имеет никакого отношения! Не в том смысле, в каком вы думаете. Или вы не знаете, что Италия — страна, где мораль очень мало чего стоит при той *spregiudicatezza*¹²¹ о которой я вам толковал? Той всеобщей бессовестности? Пока «Чистые руки» в Милане не начали свои судебные разбирательства, люди, занимавшие высокие общественные посты, которые считали себя ярыми врагами взяточничества и коррупции, относились как к невинным пустякам к подаркам в виде лимузинов или «ссуд» от деловых друзей. А почему им относиться к этому иначе? Разоблачения подобной практики не влекли за собой ни санкций, ни общественного осуждения. «Один из нас!» Ему не выказывали недоверия. «Такой, как я!» Думаете, люди когда-нибудь перестанут есть моё мороженое из-за моих моральных убеждений? Послушайте, я был хвастун, пьяница, игрок, распутник, брал взятки — да! Разве это остановило вас! Крупно задолжал очень важным людям и не спешил расплачиваться с долгами. Но считал себя умным малым, думал, смогу выпутаться, доказав, как плохо они вели себя во время войны... словно это кого-то волнует, когда половиной Европы правят бывшие фашисты! В конце концов, мне ещё повезло. Они согласились забрать в качестве платы отцовскую ферму. Да, мне повезло — но это убило отца. Ферма, своя земля были для него всё.

¹²¹ Беспринципность (*im.*).

— Граф Маласпино... — заговорила Шарлотта, не сумев удержаться. — Он сказал, что Сан-Рокко был уничтожен партизанами в отместку за пособничество жителей немцам.

Прокопио резко опустился на стул, будто кукловод снова отпустил нити, державшие ноги марионетки.

— Граф сказал вам, что они были пособниками? Хорошо, пусть они будут пособниками!

Покидая участок, Шарлотта задержалась, чтобы попросить у Луиджи позволения забрать канарейку.

— Извините, синьора Пентон, но канарейки нет.

— Как нет? Я слышала, как она поёт, когда пришла сюда час назад.

— Может, она надоела боссу, не знаю.

— Не спросите у него, куда он дел её, Луиджи?

— Босс вышел на несколько минут, синьора.

Как ни ненавидел Луиджи шефа, он не осмелился признаться симпатичной даме-англичанке, что никто ещё не слышал, чтобы его начальник отсутствовал в это время дня, разве что когда за ним приходила жена, женщина с лицом как дверь тюремной камеры. Равно как никто не слышал, чтобы он *присутствовал* в спальне маленького домика на крутом склоне в одном из менее аристократических предместий Урбино, куда он наверняка и нёс в этот самый момент канарейку.

— Когда вернётся, спрошу.

— Донна? — сказал Паоло девушке, молча сидевшей напротив. Они не разговаривали с тех пор, как он позвонил ей после ланча в поместье графа. — Донна, ты...

— Нет, ты не можешь винить копов. Я имею в виду, что та немая старуха была как безумная тогда во дворце.

— Держать её под замком, однако... именно этим они грозят. — Он подождал секунду, чтобы она осознала последствия своего поступка, затем спросил: — Пойдёшь со мной навестить её?

— Ненавижу больницы. Там пахнет мочой и дезинфекцией.

Паоло рассказал, насколько красива больница, больше похожа на музей, с фресками на стенах, посмотреть на которые приезжают издалека множество людей.

— Множество людей приезжают издалека, чтобы увидеть нетленный язык святого Антония Падуанского, — ответила Донна, — а вблизи это просто что-то сморщенное и чёрное в толстом золотом обрамлении. Противно смотреть.

Последние три дня она провела в постели, глядя в телевизор и то засыпая, то просыпаясь. Не боля, но в каком-то муторном состоянии, неожиданно овладевшем ею, похожем на летаргию, тело ломило, как при гриппе. Джеймс на её звонки не отвечал, а вчера у неё состоялся непонятный разговор с его помощником, что-то насчёт пунктов мелким шрифтом в её контракте. Ни в коем случае Донна не позволит Джеймсу расторгнуть его. Она позвонила продюсеру в Рим, но тот уехал на неведомый кинофестиваль в какой-то неудобопроизносимой стране Восточной Европы. Она позвонила отцу, спросить, разбирается ли он во всяких юридических тонкостях, но отец был на рыбалке, а мама на неизменном собрании РТА,¹²² наверняка похваляясь своей Дочерью, Сделавшей Карьеру на Телевидении. Вернётся в девять вечера. Донне думать не хотелось обо всём этом.

Паоло говорил так мягко, так убедительно. Рассказал, что он тоже ненавидит больницы с того времени, как его бабушка долго умирала там, признался, что ему нужна её моральная поддержка, нужно, чтобы рядом был кто-то сильный, что хочет видеть её, говорить с ней, что

¹²² РТА — родительский (школьный) комитет.

ему её не хватает. В конце концов она согласилась:

— Ладно, ладно, так и быть, пойду с тобой туда... но если это будет чересчур... ничего не обещаю, вот всё, что могу тебе сказать.

Донна могла не тревожиться. Больница была закрыта для посетителей, пускали только духовенство и лиц, имевших разрешение. Они с Паоло оказались в огромной толпе, размахивавшей открытками с расплывчатым и раскрашенным вручную изображением живой Муты. Профессор Серафини стоял, загораживая собой двери больницы, и кричал на толпу, пытаясь убедить людей, что эта Мута (как они теперь называли живую немую) никакая не святая, а просто бедная больная женщина. Он также упомянул Галилея и его «*Sidercus Nuncius*»,¹²³ о котором никто не слышал, кроме Паоло и нескольких наиболее образованных врачей, собравшихся на больничных ступеньках и изумлявшихся тому, с какой свирепостью рыжий коротышка защищал науку от суеверия.

— Вы можете оспаривать существование гор на Луне, — кричал Серафини, — как иезуиты спорили с Галилеем, но не сможете доказать, что я не прав, так же как они не могли поспорить с Галилеевым телескопом, его звёздным вестником!

— Теперь он Галилей! — пошутил торговец открытками, с большой для себя выгодой продававший открытки с немой. — Быстро! Посадите профессора под домашний арест!

— *Eppur si muove! Eppur si muove!*¹²⁴ — завопил Серафини в ответ. — Если суждено совершаться чудесам, то почему здесь, в Урбино?

— А почему Вифлеем? — крикнула женщина в толпе.

— О чем это он? — спросила Донна у Паоло.

— Им не понять. Галилей опубликовал памфлет, называвшийся «*Sidercus Nuncius*», то есть «Звёздный вестник», где утверждал, что Земля вращается вокруг звёзд, а не наоборот.

— А это «япур сии мвови», которое он повторяет, что значит?

— Это, по слухам, фраза, которую Галилей сказал, когда покидал суд инквизиции после того, как отрёкся от всех своих теорий. «*Eppur si muove*» — «И всё же она — Земля — вертится». Хотя не знаю, какое отношение эти слова имеют к данному случаю.

Единственное, что Донна помнила о Галилее, — это слова школьного учителя о «синдроме Галилея» по отношению к тем ученикам, которые пропустили урок, когда он сказал, что мир не вращается вокруг них. Она думала об этом, пока Паоло проталкивался сквозь толпу к больнице, узнать, почему её закрыли. Вернувшись, он объяснил, что прошлой ночью один предприимчивый фотограф ухитрился проскользнуть мимо охраны внутрь. Оказавшись один в палате немой, он раскинул её волосы по подушке, отвернул простыню, снял сломанную руку с перевязи и скрестил ей руки на груди, вложив в ладонь лилию. Две отснятые плёнки он отнёс подпольному печатнику, который замазал шрам, оставшийся на лице Муты от удара прикладом, придав ей ранее не существовавшее сходство с рафаэлевской немой. Над головой поместил надпись: «*Nostra Donna da San Rocco*».¹²⁵ Позолоченные буквы подняли цену каждой открытки до пяти тысяч лир. Другие варианты открытки продавались по бросовым ценам, потому что руки немой, на которых вообще не осталось мышц, не держались в таком, напоминающем икону, положении и постоянно соскальзывали при съёмке, так что на последних кадрах они лежали вдоль тела, ладонями вверх, на волнах смятой простыни, как руки утонувшей Офелии с картины Милле, в смертельном скольжении в безумие.

— Пять тысяч! — воскликнула Донна. — Господи! Да это почти пять долларов! За открытку!

¹²³ «Звёздный вестник» — вышедшее в 1610 г. небольшое сочинение Галилея, содержащее обзор всех его астрономических открытий.

¹²⁴ «И всё же она вертится!» (*лат.*) — слова, которые, по легенде, прошептал Галилей на суде инквизиции.

¹²⁵ «Наша Мадонна Сан-Рокко» (*ит.*).

Паоло купил две иконописные открытки; торговец предлагал ещё воздушный шарик с рафаэлевской Мутой, какие многие паломники-иностранцы покупали в ошибочной вере, что это изображение живой немой до нанесённых ей побоев.

Следующий привилегированный посетитель без труда вошёл в больницу — осторожно, через чёрный ход, который паломники ещё не обнаружили. Сиделка, кивнув на подарок, который он принёс, сказала:

— Какое внимание! Но знаете, что она не услышит, как птичка поёт?

Мута открыла глаза и увидела его, сидящего рядом. В тот же миг канарейка запела, и Мута не смогла сдержать улыбку.

— А, ты довольна, да? — спросил посетитель. — Интересно знать, слышишь ты её или только чувствуешь, что она поёт...

Его разозлило то, как Мута закрыла лицо, когда он извлёк канарейку из плетёной клетки и, зажав в кулаке, погладил большим пальцем торчащий клюв. Он чувствовал, как птичка беспомощно барахтается в тюрьме его Руки.

— Такое хрупкое создание, — сказал он и принялся Рассуждать о хрупкости жизни, о том, как легко неверные слова могут переломать кости или погубить жизнь. Добрые могут попасть в объятия дьявола, который всегда ищет изменников. Откроешь рот, и вербовщики дьявола проникнут в тебя и навсегда закроют дорогу к Праведности.

Она смотрела, как шевелятся его губы, показывая белые зубы, как открывается и закрывается рот, шипя и шепча.

Он кивал на фреску у неё за спиной, где животных омывали перед закланием, и говорил о жертвах, которые будут принесены.

Крохотная птичка всё слабее трепыхалась в его кулаке.

Он не собирался заходить так далеко. Близость смерти ужасала его не меньше, чем близость жизни. Поняв, что случилось, он выскользнул из палаты так же тихо, как вошёл. В коридоре увидел сестру, с которой говорил раньше.

— Там произошла неприятность, — сказал он. — Я виноват, что позволил больной...

Они вместе вернулись в палату, и сестра охнула, увидев неподвижную канарейку, лежавшую рядом со столь же неподвижной рукой Муты. На клювике кровь, шея вывернута.

— Гадкая, гадкая женщина! — закричала она на Муту. — Убить такое беззащитное создание! Придётся звать доктора.

Посетитель вышел так же незаметно, как вошёл. Сиделка подняла мёртвую птицу и отнесла на дорожку за больницей. Бедняжка! Слишком сердобольная, чтобы выбрасывать её в мусорный бак, сиделка собиралась похоронить её под бурьяном, разросшимся у запасного выхода. Но тут заметила какое-то движение, тень, поднимавшуюся над ней на стене. Огромная и странно знакомая — силуэт существа из страшной сказки. Суеверный человек на её месте бросился бы назад и захлопнул за собой дверь. Но сиделка была не суеверна. Обернувшись посмотреть на странную игру ветра, бурьяна и света, она увидела тощего, покрытого шрамами серого зверя и раскрыла рот, чтобы в ужасе закричать, и волк устремил на неё взгляд жёлтых с чёрным ободком глаз. Промычав что-то нечленораздельное, сиделка выронила канарейку и бросилась бежать. Позже её нашли сидящей в парке в начале виа Рафаэлло, почти не способную говорить от потрясения.

Другая, сменившая её сиделка удивилась пустой птичьей клетке и отнесла её в комнату забытых вещей, где и оставила среди кучи одноглазых плюшевых медвежат, резиновых мячиков, игрушечных машин, зонтиков и потрёпанных детективных романов. И тут же забыла о ней в суете напряжённого дня.

ЧУДО № 37 ВОСПОМИНАНИЯ О БЫЛОМ

Паоло остановил свою «ламбретту» на пьядца Република и выключил мотор. Не хотелось двигаться, пока он ощущал уткнувшуюся ему в плечо голову девушки. За всю дорогу от больницы она не сказала ни слова.

— Выпить хочешь? — мягко спросил он.

Донна перекинула длинную ногу через седло мотоцикла и встала на асфальт.

— Донна?

— Знаешь, меня это, вроде того, задело, та открытка, как она лежит там плашмя, будто уже мёртвая. Ни к чему было копам применять такую силу. То есть, хочу сказать, неужели нужно было использовать всю *мощь* современной полицейской техники, слезоточивый газ и прочее, чтобы сладить со старой женщиной? Похоже, они вообще не способны на переговоры. — Она подняла лицо к небу, не давая слезам потечь из глаз, — актёрская уловка, чтобы тушь не расплылась.

Он заметил чёрные солёные следы предыдущих слёз на её щеках, и ему захотелось лизнуть палец и стереть их. Он предложил ей платок, она взяла и громко высморкалась.

— Пошли, Донна, выпьем. Я встречаюсь с Шарлоттой перед...

— Нет... Я, наверно, пройдуь или ещё что. — Только этого ей не хватало, добавочного груза вины перед Сестрой Шарлоттой! — Обдумаю всё...

Она повернулась, и волна её волос прошла по щеке Паоло, который, быстро подняв руку, окунул пальцы в её пряди. Он любил это ощущение её, эту её текучесть, но она всегда ускользала от него.

— Донна! Эй, Донна! — позвал он, просто чтобы произнести её имя. — Встретимся в шесть в «Републике», хорошо?

Она, не оглядываясь, подняла руку в знак согласия и зашагала прочь.

Шарлотта, сидя с Паоло в кафе «Република», слушала городские колокола, звонившие или бившие шесть часов, с задержкой в несколько секунд относительно друг друга. Это был один из часов, когда здесь мистическим образом начинала собираться молодёжь.

— Как вы выбираете, в какое кафе лучше идти? — спросила она Паоло и его друзей. — По местоположению? Постоянным посетителям? Вкусу кофе?

— Очень сложный вопрос, *cara*, — ответил Паоло, блестя глазами. Вид у него был возбуждённый, предвкушающий. — Один из самых сложных, какие вы вообще задавали! — Он обернулся к девушке, сидевшей рядом. — Мадалена, над этим надо серьёзно подумать, как считаешь?

Девушка, студентка физического факультета университета, улыбнулась, готовая подхватить любую игру, которую он затеял, и ответила:

— Дорогой! И конечно, сперва мы должны исключить себя, зная, что объект исследования не может заниматься этим сам.

— Тогда обратимся к моему отцу.

— Ну, твой отец настолько увлечён футболом, что всё свободное время проводит в «Спортивном баре», с тех пор как мой дядюшка Пьетро установил там большой телевизор.

Несколько минут они подбрасывали в воздух имена родственников и друзей и посылали друг другу, словно лёгкие воланы ракеткой, имена фанатов отдельных футбольных клубов, связанных с определёнными кафе и районами города. Говорили о политических и других, более тонких предпочтениях, связывавших их отцов и дедов. Обсуждали излюбленные кафе журналистов, работавших в местных газетах, «Пезаро» и «Коррьере Адриатикой, и кому эти газеты симпатизируют — левым, правым или ни тем, ни другим. «Вообще никому», — сказал Паоло. Это вопрос местного патриотизма, как они объяснили. Верности своей колокольне.

Игра в словесный бадминтон менялась с ветерком приходов и уходов.

Ушла Мадалена, пришла Анна.

Ушла Анна, пришёл Фабио.

Затем, словно почувствовав растерянность Шарлотты, которая не могла настроиться на переменчивую игру, молодые люди начали исчезать поодиночке, и Шарлотта осталась с Паоло, который горбился рядом на стуле; бодрое его настроение улетучилось. Он несколько раз посмотрел на часы, но не делал попыток уйти.

— Ждешь кого-нибудь? — спросила она.

— Нет... не то чтобы...

Пёстрая, многоцветная *passigiata* занимала его не больше, чем её. Он не обращал внимания на проходящих девушек, которые заигрывали с ним — смело и спокойно или хихикая, бросая на него манящие взгляды, но делая вид, что болтают с подружками. Они были для него всё равно что прохаживающиеся голуби, он их вовсе не замечал.

Шарлотта коснулась его руки:

— Паоло...

— Да, *cara* ?

— Если бы я захотела разыскать кое-какие местные семейства, которые исчезли во время войны, с чего мне надо было бы начать?

— А зачем?

— Думаю... думаю, что, возможно, что-то тут такое... таится, если уместно это слово, в этом умалчивании о семьях Сан-Рокко. — Она улыбнулась. — Иными словами, это дело как раз для нашей профессии. Когда я спрашиваю о Сан-Рокко, то последовательно наталкиваюсь на тёмные слои.

— А я эксперт по снятию слоёв старого лака, так? Но что вы пытаетесь раскрыть?

— Сложно сказать — наверно, всё, что сможет помочь этой немой... и Прокопио, если ему придётся плохо. Дело может не разрешиться так просто, как ему представляется, и если он ничего не сделает, чтобы помочь себе, тогда...

Паоло понимающе кивал, лицо его было задумчиво.

— Возможно, стоит поискать на кафедре генеалогии в университете...

— О нет, не хочу, чтобы ты был замешан, Паоло!

Он не обратил внимания на её протест и продолжал:

— Когда в прошлом году я занимался реставрацией портрета, того, на котором лицо было очень повреждено, — помните, я показывал вам его уже отреставрированным? Ну так вот... через факультет я разыскал всех живых родственников той женщины, а также некоторых умерших — там были старые фотографии. Я решил, поскольку других картин с её изображением нет, придать ей некоторое сходство с одним из её современных потомков...

— Ужасный грех, Паоло.

На его лице тут же появилось выражение притворного раскаяния.

— Да, знаю, вы не раз повторяли: «Субъективность — один из тягчайших грехов реставраторов старого типа», так?

Она засмеялась над тем, как, подражая ей, он важно повторил её давнишнее наставление.

— А военные архивы, Паоло?..

— *Mio Nonno*, мой дедушка, он очень интересуется историей военного Урбино... жутко надоедает разговорами на эту тему, если честно, *cara* ! Лично я даже рад, что он отказался покинуть наш старый тёмный и сырой дом и переезжать в солнечный новый, который папа подыскал в той чудовищной меланоме, что выросла за городскими стенами.

Значит, словцо, брошенное графиней, до сих пор язвит.

— Могу я с ним встретиться?

— Он будет в восторге! Зайдите позже на стаканчик чего-нибудь... — Он снова глянул на часы. — А не то, пожалуй, сейчас, до обеда. Потом у нас будет предлог, чтобы уйти, прежде чем он заведёт нас слишком далеко в прошлое. Но берегитесь, спрашивая его о чем-то: там, где можно ответить за секунду, *mio Nonno* будет распространяться целый день. Да ещё новые вставные зубы мешают ему говорить, так что, наверно, придётся мне быть за переводчика.

Дед Паоло жил за Рыночной площадью, в крохотной квартирке на узкой улочке, прижатой к городской стене и настолько крутой, что мостовая шла невысокими ступенями, а её булыжник, вытертый за столетия, был гладкий и скользкий, словно леденцы, — подобно сиденьям под окнами Каза Рафаэлло. Перед домом, почти перекрывая узкий проход, стоял трёхколёсный грузовой мотороллер с кузовом, полным лука-порей и цветной капусты; когда Шарлотта с Паоло подошли ближе, из-под колёс брызнула тощая, как скелет, кошка.

— У *Nonno* три комнатёнки на верхнем этаже, — предупредил Паоло. — Я остаюсь здесь, когда мы слишком поздно заканчиваем работать или выпью слишком много... если хватает сил забраться туда! — Он достал старинный ключ. — Не могли бы вы минутку подождать в прихожей, пока я объясню ему, зачем вы пришли? Так мы потеряем меньше времени.

«Прихожая» с единственным, закрытым ставнями окошком была до того тесной, что они едва поместились в ней вдвоём. Шарлотте пришлось прижаться к тёмной каменной стене, чтобы Паоло смог открыть дверь к деду. Старый замок нехотя, с громким скрипом поддался, и Шарлотте почудилось, что она оказалась в узком проходе, ведущем скорее в пещеру, нежели в квартиру. Даже когда Паоло вошёл в гостиную деда, полуприкрыв за собой дверь, она отчётливо слышала раздавшийся в то же мгновение ворчливый голос старика, его речь, неразборчивую и густую, как картофельный суп, и обильно уснащённую диалектными словечками, которых она не понимала:

— Кто такой этот Серафини и почему он спрашивает о тебе?

— Ш-ш-ш, *Nonno*, незачем кричать, — ответил Паоло. — Серафини, он что, был здесь?

— Я не кричу! — проорал старик. — Конечно же был! О чем я тебе толкую!

Чтобы дать им возможность, весьма условную, поговорить наедине, Шарлотта открыла окошко в прихожей и выглянула наружу. Две каменные горгульи сердито смотрели на неё с углов длинного дома. Голоса внутри были по-прежнему хорошо слышны.

— Что ты рассказал ему, дедушка?

— Ничего! Ничего я ему не рассказал! — прокричал старик. — Этому чужаку, думаешь, я ему что-то скажу? Какое его дело, откуда кисти, гипс да прочее, я не обязан говорить даже своему сыночку-капиталисту, что ты бываешь здесь и сколько раз... И потом, все эти даты... Что он там говорит о всех этих датах, когда случились чудеса, и что моя квартира находится позади ораториума?... Разумеется, говорю ему, находится. Ведь это бывший дом зрителя... и не я ли по вторникам продаю билеты в ораториум?

— Ты не упоминал о Фабио, *Nonno* ?

Шарлотта высунулась в окно, чтобы не слышать разговор Паоло с его дедом.

— Думаешь, я старый маразматик? Конечно не упоминал! С какой стати я стал бы докладывать этому человеку, кто спит здесь, а кто нет и когда это было, до или после чудес, в которые я не верю? Я не знаю этого человека! Он не мой приятель, чтобы задавать такие вопросы и ждать ответа.

Слуховое окно пряталось под самой крышей, примыкавшей к ораториуму святого Иоанна Крестителя. Шарлотта могла бы дотянуться до его черепиц. Это был тот ораториум, где неделю назад закровоточили раны — на фреске с изображением святого Себастьяна. Она высунулась ещё дальше и заметила островок ярко-зелёной листвы на холме за ним. Виден был и кусок примыкавшей к ораториуму стены общественного парка, посвящённого Сопроотивлению. Гибкий, ловкий человек легко мог попасть из этого окошка в окно ораториума или же пробраться по крышам, а там спрыгнуть на стену. Тут каждая постройка органично вырастала из другой, одна поддерживала другую в симбиотическом сосуществовании, не свойственном тем, что возведены архитекторами или проектировщиками. Об этом говорил Прокопио, описывая Сан-Рокко.

— Парк Сопроотивления. — (Шарлотта вздрогнула, услышав Паоло, и отступила от оконца.) — Вот почему *Nonno* не уезжает из этой дыры. Потому что участвовал в Сопроотивлении, о чем, боюсь, не преминет поведать во всех подробностях.

Старик, чьё сморщенное, как грецкий орех, лицо наполовину скрывал полосатый шерстяной шарф, с нетерпением ждал их в крохотной комнатёнке, в которой выглядел на своём месте как кукла в витрине. На столе рядом с ним стояла бутылка фиолетово-розового ликёра, какой Шарлотта пила с Прокопио. С поддельным энтузиазмом она приняла рюмку и выслушала длинный тост за её здоровье. Она отнеслась к этому как к неизбежной плате за то, что он извлечёт из копилки своих воспоминаний.

Появился альбом драгоценных военных фотографий, и следующие полчаса Шарлотта кивала и улыбалась, разглядывая открытки от соратников старика, которые эмигрировали в Америку, Канаду, Британию. Восторгалась подписными, из паба в Эдинбурге, подставками под пивные кружки, читала отчёты о матчах чикагской футбольной команды, которую тренировал бывший коммунист из Урбино.

— Брат Франко, который барменом в «Рафаэлло», знаете его? — прокричал старик.

Шарлотта кивнула:

— Франко, да, знаю более-менее.

— Там другой футбол, в Америке, — знали вы *это*, синьора?

— У моей уважаемой коллеги назначена очень важная встреча, *Normal* — нетерпеливо сказал Паоло. — Она пришла сюда не затем, чтобы провести всю ночь с твоими умершими товарищами!

Но старик не слишком спешил, как ни подгонял его Паоло. Он весело хмыкнул в ответ на намёк, что у Шарлотты могут быть более важные дела, и продолжал листать альбом за альбомом. Он был убеждённым коммунистом, сказал он ей. И остаётся им, чего этот подонок, мэр Примо, не может сказать о себе! Тут она имела удовольствие выслушать долгий пассаж о последних урбинских политиках, пока Паоло не перевёл разговор на Сан-Рокко.

— Сан-Рокко далеко отсюда! — осторожно проговорил старик. — Эта леди сказала, что её интересует Урбино в военные годы.

— Да, *Nonno*, интересуется, но... — Паоло двинул чёрной бровью, подавая сигнал Шарлотте.

Она объяснила, что её также интересует женщина из Сан-Рокко, работавшая в герцогском дворце.

— По крайней мере, она могла быть из Сан-Роко она жила там много лет.

— Ты говоришь о Муте, этой сумасшедшей, которую арестовал наш идиот шеф полиции?

Даже Паоло удивился:

— Ты знаешь её, *Nonno* ?

— Всякий знает о ней.

— *О ней*, да... Но знали ли вы её лично — когда она была молодой? Её семью? — спросила Шарлотта и подумала: «Неужели всё будет так просто?»

— Её — нет. Но все говорят, она как-то связана с семьёй Бальдуччи и их родственниками, их семьями из Сан-Рокко, так?

— С семьёй Бальдуччи, так, — повторила Шарлотта.

— На одной неделе они были в городе, торговали своим товаром, а на другой их уже не было, и больше они не появлялись никогда. Люди отправились в Сан-Рокко и увидели весь тот кошмар.

— У вас есть какое-то соображение, что случилось с ними? Их убили?

— У меня много соображений, синьора, — ответил он, игнорируя вторую часть вопроса. — Вы знаете, что в той долине существовало сильное сопротивление фашистам? Многие в Сан-Рокко были анархистами, диссидентами, коммунистами, хотя Сталин не одобрял их политику, потому что для них коммунизм состоял не в том, чтобы воевать и погибать, а в том, чтобы вместе растить латук и бобы, пить домашнее вино и веселиться с друзьями.

— Почему именно в этой долине? — спросила Шарлотта.

— Не именно в этой — то же самое было по всей Италии. В те времена, когда мы меньше

ездили, когда не было столько машин, обыкновенно в одних местах хозяйничали фашисты, в других анархисты, а где-то партизаны-коммунисты. Наш ландшафт в этом смысле способствует идейной обособленности.

— Об идеях в другой раз, *Nonno*. — В голосе Паоло было столько любви, что старик лишь добродушно нахмурился.

— Энрико и Чезаре Бальдуччи были коммунистами-партизанами? — спросила Шарлотта.

— Коммунистами они не были. Это я знаю, поскольку сам пытался агитировать их. А партизанами... Я бы назвал их скорее сектантами. Они были сами по себе, ни к кому не присоединялись. Обычно приезжали сюда продавать свои сыры и окорока Теодоро Мадзини...

— Мадзини... не родственник Франческо Прокопио? Его фамилия тоже, кажется, Мадзини?

— Его отец. Их земля годилась только на то, чтобы разводить овец, коз да свиней. Вино ужасное, кислое, как церковное пойло, но Бальдуччи делал очень хорошие сыры, а Мадзини — знаменитые окорока... Да ведь он был из Норчии, а норчийцы славятся умением забивать скот.

— Я это слышала, — сказала Шарлотта. — Они привезли с собой семьи?

— Конечно! Без сыновей некому было бы торговать окороками.

— Дочерей у них не было?

— Кто помнит дочерей, если только они не красотки?

Она попробовала зайти с другой стороны:

— Паоло говорил, что вы были одним из вожаков *Federaterra*, сельскохозяйственного профсоюза...

Он гордо улыбнулся:

— Да! Конечно! Мы создали его! Мы, коммунисты! — Он похлопал себя ладонью по груди. — Построили на фундаменте, который заложили во времена Сопротивления. В книгах по истории всегда говорят о французском Сопротивлении, но мы тоже сопротивлялись! — На минуту старик показался не столь беззащитным, способным постоять за себя. — Мы ходили от фермы к ферме, организуя собрания. Нарушая велью, используя её как прикрытие. — Его глаза наполнились слезами. — Бедный Энрико! Он был из тех, кто так и не усвоил, что можно быть хорошим и справедливым и, несмотря на это, побеждённым. Он хотел разрушить все дворцы...

— Тогда кругом остались бы одни руины, — отозвался Паоло. — Тем лучше для реставраторов вроде меня.

— Мы не боялись руин, только не мы! Мы, кто всегда жил в трущобах и дырах в стенах, справились бы, мы мечтали о новом мире! — Паоло возвёл очи к потолку, но старик не заметил скептической мины внука. — Мы возвели эти дворцы, кирпич за кирпичом, и мы могли бы возвести их опять или построить на их месте новые! Так говорил Дурутти!¹²⁶

Несколько минут он бормотал себе под нос что-то невнятное, пока внук не вернул его в настоящее громким:

— *Nonno* !

— Может, оно и к лучшему, что Энрико пропал, — продолжал старик, — потому как в результате всё, что сделали он и я, чтобы вернуть землю, пошло насмарку! Посмотри на бедного Франческо Мадзини, сына Теодоро! Теперь зовёт себя Прокопио. Такая же земля, как у Энрико, и годится только свиней разводить! Видно, старый граф знал всё заранее, потому и уступил их требованиям...

— Старый граф?

¹²⁶ Дурутти Буэнавентура(1896–1936) — лидер испанских анархистов, сыгравший значительную роль в организации сопротивления франкистам и фашистам во время гражданской войны в Испании.

— Папаша Маласпино — фашистский ублюдок, хитрющий, как тосканцы. Посмотри, как он после войны быстро заделался большим другом британцев и янки! Делает за них грязную работу, помогает перестроить Европу, чтобы была без коммунистов.

— Я не очень поняла, синьор. Что сделал старый граф? Какие требования Энрико Бальдуччи и Мадзини удовлетворил?

— Разумеется, он владел землёй, которую они обрабатывали! О чем же я ещё толковал! За которую мы и сражались! Всей этой землёй — в Марке, Умбрии, Тоскане, — сказал он, широким жестом раскидывая руки, словно сметая и стены собственной квартиры, и дворцы, и ораториумы, и соборы Урбино, чтобы она увидела эту землю. — Всю её обрабатывали испольщики.

— То есть... — недоверчиво сказала Шарлотта, — братья Бальдуччи сражались против интересов старого графа.

— Но земля-то, я вам говорил, была никудышная! Слишком каменистая, слишком пересечённая. — Вновь его утонувшие в морщинах жёлтые глаза наполнились слезами. — Как подумаешь, как мы боролись за эту землю, а потом молодое поколение оказалось не готово работать на ней. Мой собственный сын должен был заниматься керамикой, разрисованные горшки продавать.

— Зато тогда Паоло, наверно, и приобрёл своё мастерство художника, синьор.

— Теперь у нас нет занятий для мужчин, только туристов обслуживаем. — Он употребил словцо, которого Шарлотта не поняла.

Она взглянула на Паоло, который прошептал ей, что это местное вульгарное выражение.

— Смысл примерно тот, что итальянцы — укрощённые быки, обслуживающие корову туризма.

— Что такое? — закричал старик. — Что ты там говоришь, парень?

— Перевожу твоё ругательство, *Nonno*. — Паоло закатил глаза и постучал по часам. — Это всё, что ты можешь вспомнить, *Nonno*? Никаких убийств и интриг?

— Вся молодёжь, — сказал дед, не слушая его, — подалась в города, а стариков оставили среди скал да грязи.

— Насчёт Франческо Прокопио, *Nonno*: его арестовали за то, что он помогал этой немой, и он ничего не говорит в свою защиту...

— Бедный Франческо. Когда-то был хорошим товарищем, но сдался, проиграл сражение. — Дед Паоло пожал плечами и приблизил крохотное сморщенное личико к Шарлотте. — Потому что это будет последнее великое сражение, синьора, будьте уверены! Сражение между теми из нас, кто верит...

— Не начинай, — сказал Паоло.

— Я говорю о тех, кто верит, что мир можно улучшить, и о тех, кто в это не верит, вроде тебя!

— Синьора большая почитательница моего таланта, *Nonno*!

Старик нехотя улыбнулся:

— Но он такой циник, синьора, для него нет *ничего* святого! Всё его поколение такое.

— В его возрасте вы, синьор, тоже были циничны...

— Мы хотя бы голосовали! Верили, что можно что-то изменить! А этот... — Любяще, но довольно сильно старик ткнул Паоло в бок. — Он *ни во что* не верит!

— Извлекли что-нибудь из этого урока истории, Шарлотта?

— Подтвердилось одно имя... и, пожалуй, появился повод снова поговорить с графом Маласпино... хотя не понимаю... Было бы полезно, если бы ты смог...

Она засомневалась, стоит ли вовлекать его дальше, боясь за него. Боясь и за себя. Она уже получила достаточно предупреждений не вмешиваться. Однако бывшее в её характере упрямство заставляло сопротивляться попыткам сохранить эту историю — какова бы она ни была — в тайне, запрятать подальше эту немую женщину и не дать ей беспокоить туристов, самодовольных богачей, счастливых-супругов-с-милыми-детками. «Это у меня от моего

сурового папочки-солдата», — думала Шарлотта. Обычно она ограничивала своё упрямство сферой работы, не отступая, пока не завершит реставрацию произведения, сделав всё, что в её силах, не считаясь со временем и экономическими ограничениями. «Прокопио, — подумалось ей, — был прав, назвав меня неизлечимым реставратором».

— Договаривайте, Шарлотта! У вас такой таинственный вид!

— Не смог бы ты попросить своего дедушку написать имена всех, кого он помнит из людей, входивших в группу вместе с Энрико Бальдуччи и Теодоро Мадзини? Если сам не вспомнит, может, друзья подскажут. А я пойду в университет и поищу, не сохранились ли сведения о тех, кто жил в Сан-Рокко в то время, когда его уничтожили.

— Вы хотите, чтобы я поспрошал по кафе, хотите посмотреть, что мне удастся узнать о тех, кто дожил до нашего времени? Старики скорее разговаряются со мной, чем с вами. По крайней мере, старые коммунисты. Из-за моего деда.

— Узнаешь? Но... будь осторожнее. Не спрашивай ни о чем таком, что... может навлечь на тебя... или на Прокопио беду... *ещё большую беду.*

ЧУДО № 38 РЕЦЕПТ СЭНДВИЧА «ВИКТОРИЯ»

Чтобы собрать сведения об Урбино военных годов, Шарлотта сначала отправилась в университет на кафедру генеалогии, а затем в публичный архив. Перебирая фотографии красивых мужчин и женщин, выдавших ближайших друзей и многих других, которые умерли, спасая совершенно посторонних людей, она начала задаваться вопросом, на что похоже предательство. Как можно его изобразить в портрете? Оставляет ли оно след в выражении или чертах лица?

Она нашла много фотографий и газетных вырезок, относившихся к отцу графа Маласпино, человеку, чьё привлекательное неулыбчивое лицо заставило её вспомнить пресловутый ланч на вилле «Роза», постройки и экзотические блюда, похожие на что угодно, только не на то, чем они были на деле. «Старый граф», по-видимому, всегда был хамелеоном, человеком, который менял окраску в зависимости от политической конъюнктуры. Как второстепенного политика в области Марке в пятидесятые и шестидесятые годы его регулярно цитировали в местной печати, но язык политики, который он и дру'гие итальянские политические деятели употребляли, как и язык Католической церкви, у которой он по большей части был заимствован, представлял собой зашифрованную форму обращения главным образом к собратьям на местах. Чтобы пробраться сквозь дебри «клаузул возможного отказа» и ловушек, которыми изобилывал этот непостижимый жаргон, требовалась шифровальная книга, отсутствовавшая в архивах. Британцы и американцы жаловались на отсутствие политической ясности, искренности и примирения, но, как увидела Шарлотта, стремление к этому стало лишь поводом ещё больше всё затемнить. Конкретные соглашения, заключённые союзниками (гарантировавшие неприкосновенность таким фашистам, как старый граф, в обмен на информацию), часто нигде не упоминались, нигде не фиксировались. Тем не менее удалось собрать по крохам достаточно материала, чтобы ей предстала весьма удручающая картина. Если где-то в глубине её сознания жило понимание того, что целью Британии и Америки сразу после окончания Второй мировой войны было не искоренение фашизма в Италии, а, скорее, предотвращение новой революции — краснорубашечников¹²⁷ вслед за разгромом чернорубашечников, то масштаб, с которым это осуществлялось, стал для неё шоком. Как и то, до какой степени и как долго сама она не замечала итальянского настоящего, пряча голову в песок итальянского искусства и культуры четырёхсотлетней давности.

— *Carta canta*, — сказал Паоло, когда она показала ему фотокопии своих скудных

¹²⁷ Когда-то краснорубашечниками называли гарибальдийцев.

находок в архиве.

— Бумага поёт?

Шарлотта не была в этом уверена. Единственным найденным ею реальным свидетельством была записка, подтверждавшая, что человеком, кому союзники рекомендовали расследовать «инцидент» в Сан-Рокко, являлся сам же старый граф.

— Что-то такое отец говорил об этом несколько лет назад. Папаша Маласпино должен был убедиться, что не оставил никаких следов.

— И следов почти не осталось. Ничего, что свидетельствовало бы о бесчестности его расследования. — Она с интересом посмотрела на сияющее лицо коллеги, — Паоло, в чем дело? Тебе повезло больше, чем мне?

Летучие сны, паутина по углам заваленной хламом памяти *Nonno* — так Паоло всегда относился к дедовым историям о войне, которые он давно уже слушал вполуха. Они принадлежали ему не больше, чем картины и статуи, которые он реставрировал, — пока он не занялся поисками ключа к тайне Сан-Рокко. Сопровождая *Nonno* от одного кафе, заполненного ветеранами, к другому, слушая людей, говоривших о подвигах деда, Паоло почувствовал, что впервые война в Италии становится для него конкретной реальностью, её участники обретают вес, объём и цвет. Худые усатые старики рассказывали о своих возлюбленных, юных женщинах, носивших носки, поскольку не было денег на чулки, а вместо сумочек на плече у них висела винтовка. В те дни не нужна была никакая диета — многие из них и так ходили голодные, если буквально не подышали с голоду.

— Продуктов не хватало из-за *ammassi*, госзаготовок, — объяснил один. — Нас заставляли сдавать зерно.

— Едва сводили концы с концами. После немцев на полях было полно мин.

— А собирать урожай всё равно надо было, чтобы не голодать.

— Мы вкалывали как могли, но власти следили, чтобы у нас оставалось в обрез, не говоря уже о бродягах.

— Бродягах? — переспросил Паоло.

Слово там, фраза здесь, и постепенно у него начала складываться подлинная картина того времени.

— Она могла быть одной из них, эта немая, — сказал человек, молчавший до сих пор.

Бродягами, объяснил он Паоло, они звали цыган, лоточников и нищих, старьёвщиков и беженцев евреев, итальянцев, которые скрывались от мобилизации, объявленной фашистами 8 сентября 1944 года, — как и тех из семидесяти тысяч военнопленных по всей Италии, половина из которых бежала с помощью таких мужчин и женщин, как эти друзья *Nonno*. Всех тех, кого испольтчики пускали спать на сеновал, давали хлеб и масло.

— В обмен на новости, *правдивые* новости, — сказал человек в баре «Рафаэлло». — Когда политики, банкиры и рекламщики контролируют новости, разве услышишь правду?

— Она могла быть ребёнком таких скитальцев, как наш мэр, — сказали ей в «Спортивном баре». — У них не было ни земли, ни дома, не то что у нас, *mezzadri*.¹²⁸

Старики дали Паоло не только ощущение собственного прошлого, но одарили богатством древнего наречия, не выхолощенного даже современным телевидением. Деду часто приходилось объяснять ему многие слова: ледящий кровь ветер с Апеннин, который сотрясал колокола Сан-Рокко, они называли бореем, бурианой, барбураной, но не трамонтаной, как Паоло. Некоторые из них, прадеды из окрестностей Урбино, проглатывали конечные гласные, отчего слова больше походили на французские или испанские. В словах присутствовала тайна, они хранили архаичный смысл, двойной смысл, так что Паоло, услышав, как кто-то сказал: «Он был не виллан, тот человек, которой сделал это с Сан-Рокко!» — решил поначалу, что говорящий одобряет происшедшее там, раз называет его не *злодеем*.

¹²⁸ Исполщиков (*ит.*).

Но нет. Человек употребил слово «виллан», *el vilun* («il villano», — перевёл ему *Nonno*), в его старом значении — крестьянин, деревенщина, мужик.

Он был не крестьянин, человек, сделавший это с Сан-Рокко.

— Этого недостаточно, — сказала Шарлотта. — Слушания состоятся уже послезавтра.

— Мы могли бы завтра весь день провести, расспрашивая...

— Что мы можем сделать за день, Паоло? За сегодня удалось только уточнить список жителей Сан-Рокко — никакой Габриэлы...

— Это ничего не доказывает. Многие в тех отдалённых долинах даже не удосуживались записывать родившихся детей. Я всё же хочу ещё раз расспросить мэра. Его дядя работал на ферме близ Сан-Рокко.

— Думаешь, мэр что-нибудь знает о случившемся?

— Думаю, да, но ни в чем не признается. Он очень предан Урбино. Не захочет бросить тень на репутацию города.

— Итак, мы зашли в тупик.

Отбросив мысль о сне, Шарлотта надела толстые шерстяные носки, в которых вместо тапочек ходила дома, укуталась в стёганный халат и с чашкой ромашкового чая села за письменный стол, чтобы внимательно пересмотреть сделанные Паоло детальные снимки повреждённого полотна Рафаэля.

Шрам «Муты» снова был ясно виден. Все их старания скрыть пентименто пошли насмарку, ретушь сорвана, повреждения более сильные, чем были до начала их работы. Местами даже холст продрался насквозь. Если бы сейчас им отдали картину на реставрацию и она сделала бы то, чего желал городской совет, от Рафаэля не было бы ничего, ничего от подлинника, только работа Шарлотты — мазок за мазком, слой за слоем. Лучше просто оставить картину как есть и упрятать под стекло — пусть видят раны. «Теперь и *меня* можно винить в суеверном вздоре, как Анну, — с раздражением подумала она. — В этом месте я становлюсь самой отъявленной романтической душой».

Она принялась писать: «В наше время, с его широкой доступностью таких уникальных инструментов, как компьютеры, фотография, спектральный анализ и синтетические термопластические адгезивы, нам хочется думать, что „научность“ современной реставрации выше всяких подозрений. Мы верим, что наука располагает конечной истиной; практика „творческого“ вмешательства, существовавшая в эпоху Возрождения, представляется нам неприемлемой. Однако, реставрируя это произведение Рафаэля, я продолжила её, прибегла к обману...»

Она отложила перо. Деревянные ставни окна были широко распахнуты, и серебряный луч луны, поднимавшейся, как огромный пузырь, над противоположной черепичной крышей, упал на открытку с изображением живой немой, что дал ей Паоло. Она заставила себя отвести глаза от открытки, скомкала исписанный лист и взяла новый: «Самое большее, на что можно надеяться, — это консервация, защита произведения искусства от дальнейшего разрушения. „Реставрация“ — неверный термин, предполагающий возвращение в воображаемое „безупречное“ состояние. Разумеется, ни о какой безупречности говорить не приходится, тем не менее требуется несомненная честность, прежде...»

Она снова остановилась, и её взгляд медленно вернулся к открытке, на которой Мута лежала в позе жертвы заклания. «Мы стали так близки, — подумалось Шарлотте. — Единственное, чего я хочу, — это чтобы кто-то рассказал мне правду, рассказал, что в действительности произошло в Сан-Рокко. Мне нужно услышать открытое признание. Почему Мута ненавидит графа или Рафаэля настолько, что совершила это варварское

преступление против картины? Хочу услышать графа, если он знает, что его отец был ответствен за расследование инцидента в Сан-Рокко. И если знает, то что он знает об этом *ещё* — и почему угрожал мне?» В глубине сознания мелькнуло: «Потому что мне кое-что известно о нём». Разумеется, она никогда не помышляла публично упоминать о той истории! Но бесёнок шепнул: «Ты бы не удержал...»

«Один телефонный звонок, — решила она. — Завтра я сделаю ещё один звонок, и всё закончится». Взяв перо, она написала: «Не может быть ни примирения, ни реставрации, если прежде не узнать правду. Иначе мы ничем не лучше похоронных дел мастеров, рисующих улыбки на мёртвых лицах».

— Какая-то англичанка, — сказала Паоло мать, протягивая ему трубку. Дело было поздно ночью. — Должно быть, ненормальная. Звонить в такое время! Впечатление, что ненормальная. — Она пожала плечами и воздела глаза. — Теперь мой сын водит компанию с ненормальными женщинами. Мало ему, что лучший друг у него парень, который не способен найти работу и вынужден просить милостыню, ох, прости, работать живой статуей, а чем отличается такая работа от попрошайничества, хотела бы я знать, но никто не скажет этого, твой отец, он скажет? Никто ничего мне не говорит, мой собственный сын, которого я вырастила...

Не переставая сетовать, она удалилась.

Это было не похоже на Шарлотту, звонить ему домой, да ещё после полуночи. Должно быть, изменила решение или случилось что-то серьёзное.

— Извините, мама неважно говорит по-английски... Алло? Что?..

Его перебил несколько истеричный голос:

— А то, что я знаю, все вы, ребята, считаете, это вроде того моя вина, что вроде бы я рассказала кому-то, растрепала Чёртову Страшную Тайну, но это не так, я никому не говорила, ни...

— Донна...

— ...потому что единственный, кому я... в любом случае, никто, кому я сказала, не был заинтересован, ну, в аресте этой немой, и мне *жаль*...

— Донна...

— ...действительно жаль, она выглядит ужасно, и я бы никогда, я этого не хотела и собираюсь доказать тебе, у меня есть идея и...

— Донна, не волнуйся, всё в порядке, никто не считает, что ты хоть в чем-то виновата.

— Ну конечно! Ты говорил, что Сестра Шарлотта так не думает и, того, делала какие-то чёртовы намёки, мол...

— Нет, Шарлотта ничего не говорила о тебе. — Он слышал, как девушка тяжело дышит, готовая расплакаться. — Донна... пожалуйста... Позволь, я приеду к тебе.

— Да... хорошо... не знаю...

— Выезжаю прямо сейчас.

— У тебя усталый вид, Паоло, — сказал ему дед на другое утро. Они направлялись в бар «Рафаэлло» ещё раз поговорить с барменом, старым боевым другом деда. — Усталый и...

— Счастливый, — опередил деда Паоло, чтобы не слушать целую лекцию. — Счастливый, потому что иду с тобой таким прекрасным утром.

Старик насмешливо хмыкнул, верно предположив, что причина хорошего настроения внука в чем-то другом.

Донна проснулась с улыбкой. Перевернулась на живот, заняв вмятину в постели, оставленную телом только что ушедшего Паоло. Как тепло! Прижалась бёдрами к простыне, а носом — к подушке, ещё хранящей его запах. Её кожа тоже пропиталась его запахом. Не

желая расставаться с ночными ощущениями, она всё же неохотно приоткрыла глаза и прочла записку, лежавшую на стуле рядом: «Сегодня в шесть вечера. Не забудь о своём обещании!» Встретиться с Шарлоттой: Донна уже жалела об этом. Что она может сказать ей? Всё казалось намного проще, когда Паоло гладил её волосы и называл своей *bella bambina, angelina*,¹²⁹ своей храброй красавицей. Донна снова улыбнулась, вспоминая и другие удивительные новые слова, которые узнала ночью, и тому, что они рассказывали о себе друг другу. Теперь она знала, за что он платил тому человеку возле цирка. Это была взаимная исповедь: ты рассказываешь мне об этом, а я тебе о том. Паоло уже столько знал о ней, что она не могла поверить.

— Как ты узнал, что я говорила с Сегвитой?

— Фабио видел тебя.

— Где? Что ты имеешь в виду?

— Когда ты входила в епископский дворец и выходила из него... Ты ведь знаешь, Фабио всегда там поблизости. Люди настолько привыкли видеть его, что забывают, что он не настоящая статуя.

Паоло простил ей всё, всё. Обещал, что Шарлотта тоже простит, но Донна не была так уверена. У Шарлотты непреклонный английский характер. Но должен быть способ внести ясность в их отношения, размышляла Донна. Она хотела доказать Паоло, что он не напрасно верит в неё. Хотела, чтобы он поразился её смелости. Чтобы он снова поцеловал её и назвал своей храброй, отважной девочкой. Неделю, даже всего несколько дней назад она думала только о карьере, о том, чтобы произвести впечатление на родителей или на Джеймса. Джеймс... Сказал ли Джеймс кому-то, кроме людей в съёмочной группе, что отпустил её на все четыре стороны? Если не сказал, то она располагает более мощным оружием, чем Паоло или Шарлотта. Кто мог узнать, что Джеймс уволил её, а если они всё же знают, то уверены ли, что она не пойдёт с этой историей куда-нибудь, в газету или на радио, и они всё равно пострададут?

— Ни о чем не беспокойтесь, — сказал бывший военный. — Что он там нарасследует, этот так называемый честный следователь, которого нашёл мэр? Много ли вы знаете таких следователей в прокуратуре, которых нельзя было бы обработать?

— Это было давно, Лоренцо, — с ностальгией сказал самый старший в компании. — Времена меняются.

— Ну а взять свидетелей? Одна из них, *если* считать её свидетельницей, молчала пятьдесят лет. К тому же слабоумная. Двое знают, что если заговорят, то они покойники.

— Но одна из них, — подытожил старший, — одна из них не заткнётся, даже ради спасения собственной жизни. Если она так откровенно говорила с монсеньором[object Object] с кем ещё может поговорить? Что ещё она знает?

Паоло появился во дворце только после четырёх. Усталый, но довольный собой, он прошагал мимо охранника и Анны, направляясь прямо к Шарлотте.

— Прочтите! — сказал он. — Не так уж много, но для начала, для того, чтобы заставить следователя прислушаться, достаточно.

Шарлотта просмотрела его короткие записи и фотокопии старых газетных статей.

— Как удалось узнать об этом?

Юноша пожал плечами и отвёл глаза:

— От профессора Серафини. Мы заключили сделку. Я продал кое-какую нужную ему информацию, а он мне — какую просил я. Франко навёл меня на него — Франко из бара

¹²⁹ Дивной девочкой, ангелом (*ut.*).

«Рафаэлло». Они связаны дальним родством. Оба рода из Карпеньи, и Франко рассказал, что во время войны у них были кое-какие дела с людьми из Сан-Рокко.

— Серафини знает что-нибудь о Муте, кто она?

— Нет, но если она из Сан-Рокко, то становится понятна вероятная связь между ней и рафаэлевским портретом. — Он забрал у неё вырезки.

— Это всё очень неопределённо, Паоло.

— Но всё же кое-что! Мы можем поменяться ролями с теми, кто заставляет Прокопио молчать. Можем превратить Прокопио из преступника, задержанного полицией, в одного из свидетелей. Я хочу показать всё это Прокопио, дать ему ещё один шанс рассказать нам, что ему известно.

— Позволь, я это сделаю.

Паоло изобразил искреннее удивление.

— Позволить вам, синьора? *Вам*? — Шарлотта густо покраснела, и он мягко добавил: — Он вам нравится, не так ли?

— При чем тут нравится или не нравится, Паоло, я...

— Конечно, совершенно ни при чем. — Он потрепал её по плечу и вернул газетные вырезки. — Желаю удачи, *cara*. Знаете, что моя сестра говорит об итальянских мужчинах? Моя старшая сестра, которая вышла за американца и теперь живёт в городе с труднопроизносимым названием Таллахасси? Так вот, она говорит подругам: итальянские мужчины очень обаятельны, они любят женщин. Крутите с ними любовь, делайте всё, что хотите, — и она имеет в виду действительно *всё*! Кроме одного: не выходите за кого-нибудь из них замуж. — Слушая протесты Шарлотты, он широко улыбался и согласно кивал, ни на секунду не веря ей.

— Лучше поделитесь какими-нибудь приятными новостями, Шарлотта! — сказал Прокопио, отбрасывая записи Паоло, едва взглянув на них. — Вместо того, чтобы подсовывать это старьё.

— Вы знали об этом?

Он пожал плечами, на мясистом лице написано равнодушие.

— Что это меняет?

— Но... это могло бы объяснить все те открытки, которые Мута хранила в своём подвале.

Он схватил бумаги и хлопнул ими о тюремный столик:

— Если воображаете, что в этом вся суть истории, вы опасно ошибаетесь. Как отреагировал Маласпино, когда вы упомянули об этом в телефонном разговоре с ним?

— Что его это... не касается.

— Меня тоже, — засмеялся Прокопио, — меня тоже не касается. Прекрасная позиция, безопасная. Не высовываться, усердно работать, сытно есть.

— Но так можно и оскотиниться...

— А я и есть в каком-то роде животное, Шарлотта.

Она не поверила ему. Те древние поваренные книги, которые он собирал, они явно свидетельствовали о жажде чего-то, выходящего за пределы простого удовлетворения потребностей плоти. В конце концов, кому нужны тысяча рецептов пасты и блюда, придуманные так, чтобы разбудить в вас шаловливого ребёнка?

— Жизнь в довольстве — лучший реванш, таков теперь мой девиз, — продолжал Прокопио, словно отвечая на её мысленное возражение. — Это прекрасно, небольшой крестовый поход против несправедливости. Когда закончится слушание дела, вы можете вернуться домой, к той жизни, какую вели в Лондоне, в искусстве и книгах и... чем вы там, люди больших городов, заполняете свои дни. Но я-то останусь тут. Я принадлежу этому городу, этой стране, этой истории. И не могу уехать.

— Вы не правы! — взорвалась она. — Я не могу уехать отсюда, не изменившись, после того, что видела. Вы не можете знать, что я чувствую... — Она запнулась, не уверенная, куда

заведёт её признание.

— Что, Шарлотта, что вы чувствуете?

— Я чувствую...

Она чувствовала это давно, с тех пор как примирилась с первым из «маленьких приключений» Джона на стороне, не позволила себе переживать, прикусила язык, чтобы не высказать настоящих своих мыслей, наступила на горло своему «я», улыбочивой, открытой душе, которая была видна на старых фотографиях. Мало что осталось от прежней Шарлотты, не больше чем след на песке, и процесс окаменения должен был окончательно завершиться с арестом Муты. Но произошло обратное: она словно лишилась кожи, превратилась в сплошную саднящую рану. И тем не менее, какое бы страдание ни доставляло это возвращение способности остро чувствовать, она была не в силах уехать в Лондон, чтобы начался обратный процесс.

— Не знаю, вы ли дёргаете за ниточки, но если так, тогда вы решили меня убить.

— О нет, я...

— Полицейские тянут в одну сторону, требуя от меня молчания, а теперь магистрат, судья первой инстанции, которого нашёл Примо, тянет меня в другую. Благодаря ему и этому дерьмовому видео, которое снял ваш приятель Джеймс, всё выглядит так, будто меня в конце концов заставили выступить на суде по делу Муты, чтобы я заявил, будто считаю её сумасшедшей.

— Но она не сумасшедшая, так ведь? Во всяком случае, не была, пока я...

— Расскажите мне какие-нибудь хорошие новости, Шарлотта, — мягко попросил Прокопио, сжалившись над ней. — Мне необходимо услышать что-нибудь хорошее. Что сказал Козимо о моих предложениях к сельскохозяйственной ярмарке? Понравились они ему?

Она вздохнула одновременно с облегчением и разочарованием.

— Его беспокоит, что основание торта не выдержит веса шоколадного моста, который вы придумали... По правде говоря, я считаю, он прав. Бисквитный торт не обладает достаточной плотностью. Если вам так необходим шоколадный мост, то миндальное основание, пожалуй, более...

— Вы разбираетесь в тортах, Шарлотта?

— Не то чтобы... А впрочем, да, думаю, когда-то они неплохо у меня получались, хотя... Последние годы не часто выпадала возможность продемонстрировать своё умение. — Удивительно, из всей её замужней жизни это была одна из немногих вещей, которых ей теперь больше всего не хватало, — печь для кого-нибудь. — Моя мама была провинциалкой из Йоркшир-Дейлс и считала, что для девушки важно уметь испечь пирог с хрустящей корочкой и настоящий сэндвич «Виктория».

— Сэндвич «Виктория»! Звучит по-королевски.

— А на самом деле, — улыбнулась Шарлотта, — это просто сливочный бисквит, прослоённый джемом.

— Отчего вы так любили что-то печь, Шарлотта?

— Оттого, наверно, что это требует точности, ритма и чувства меры, знания, что можно делать, а что нельзя.

— Как в вашей работе.

— О нет! Это вещь более эфемерная. Торты в конце концов съедаются, а картины ещё долго живут, если о них немного заботиться.

— Но также и люди, которых вы угощаете тортами.

— Пожалуй, вы правы, никогда не приходило в голову. — Шарлотта рассмеялась.

Какой странный у них получается разговор! Паоло всё же не ошибся, ей нравился этот человек. Нравились его земной юмор и массивная фигура с лицом цвета красной земли, не то что городская бледность Джона. Прокопио казался надёжным, как кирпичный фермерский дом на прочном фундаменте.

— И я, я тоже люблю точность, — сказал он. — А запах, когда печёшь что-то? Что за дивный запах, правда?

— О да, запах пекущегося печенья или торта ни с чем не сравнить!

Он изучающе смотрел на неё.

— У вас хорошее лицо, Шарлотта. Не сказать, красивое, но милое, открытое лицо, сразу видна благородная душа.

— Ну что вы... — смутилась она и покраснела. — Спасибо... право, вы...

Она бросила взгляд на часы и принялась собирать заметки Паоло. Прокопио взял её руки в свои, и она заметила, какими белыми выглядят старые шрамы на его запястьях, покрытых синяками.

— У вас холодные пальцы. Такими хорошо готовить пастри, не хлеб.

Волной накатило волнение. От тепла его крупных рук хотелось уронить голову на стол и расплакаться. Она поняла, и уже не в первый раз, что это означает новую тяжесть на сердце, но теперь не тяжесть потери, как было после расставания с Джоном, а тяжесть сладостно-горького обретения, нового и небывалого.

— Простите, Шарлотта. Если вы пришли сюда, надеясь увидеть героя, то я не тот человек. Я бы хотел быть героем, но, как говорится, *aurum di stercore...* из дерьма золота не сделаешь. — Он ещё раз сжал ей руки и встал. — *In bocca al lupo, cam, in bocca al lupo*. Ни пуха ни пера, дорогая.

Старинное пожелание удачи в опасном деле было единственное, на что он осмелился, прощаясь с ней.

ЧУДО № 39 ЧАСОСЛОВ

— Повторите ваши угрозы, синьорина Рикко, что именно вы сделаете с этим так называемым доказательством? Загибая изящные, украшенные кольцами пальцы, немка перечислила обвинения Донны:

— Вы сказали об уничтожении деревни, которое, возможно, расследовал отец моего мужа. Сказали, что жители той деревни были его испольщиками и, вероятно, коммунистами, партизанами, агитаторами — что вполне обычное дело для того времени, уверяю вас. А не приходило вам в голову, что они могли быть просто дезертирами, людьми, которые отказались сражаться за свою страну? В таком случае долг отца моего мужа был доложить об этом, и тогда их арестовали бы. Что же до... как вы сказали? Что-то насчёт того, что вилланы «сделали» с Сан-Рокко? Извините меня, *не* вилланы, то есть не злодеи, не так ли? Думаю, ваше знание итальянского не распространяется на местный диалект.

Сбитая с толку железным хладнокровием графини, Донна решила, что, очевидно, её подвела память, что-то она забыла в записях Паоло — или же сам он. Всё выглядело не таким убедительным, каким казалось ночью в постели.

— Но ведь неспроста же немая бросилась на графа! — выпалила она.

Графиня подняла плечи с видом полного безразличия:

— Даже если допустить, что она бросилась на моего мужа, а не на картину Рафаэля, как утверждают все, кроме вас, чем это повредит Дадо?

— Значит, вам всё равно, если Джеймс передаст по телевидению материал о старом графе? — в отчаянии спросила Донна.

— Я мало уважаю телевидение, — ответила графиня, сохраняя спокойствие, — но уверена, что Джеймс не рискнёт затевать судебную тяжбу, выдвинув какие-то обвинения, которые основаны всего лишь на предположениях.

В дверях появился граф Маласпино. С извиняющимся смешком жена объяснила ему причину столь неожиданного визита.

— Моя дорогая Донна, — сказал граф, глядя на неё с выражением неподдельной озабоченности, — понимаю, что ты чувствуешь себя оскорблённой после нашей... размолвки, но это не способ разрешать конфликты.

— Да пошёл ты! Дело не в этом! — Хотя, конечно, дело было в этом, и, несмотря на всю

свою браваду, она готова была расплакаться. Она-то представляла себе совершенно иную сцену: она выкладывает информацию, полученную от Паоло, графиня бледнеет, как в тот первый раз, граф раскрывает свою позорную тайну (какая бы она ни была) и — алле-оп! — самолюбие Донны удовлетворено! Теперь она поняла, что пришла не подготовившись и снова не сдала экзамен.

Графиня довершила унижение, налив ей чашку чаю:

— Один из особых травяных сборов мужа. Очень успокаивает.

— Я велю своему водителю отвезти... — начал граф.

Донна со стуком поставила чашку на стеклянный столик.

— Не трудитесь! Я приехала на такси, на нём и уеду. Оно ждёт меня.

— Вы в порядке, синьорина? — спросил водитель, когда они мчались прочь по дороге, исчерченной, как тюремная роба, тёмными тенями кипарисов.

— Я отлично, — ответила Донна. Ей так и слышался голос графа, позвонившего Джеймсу, как только она покинула дом. Какой же идиоткой она выглядела! Больше чем идиоткой! Нет, не может она вот так вернуться и посмотреть в глаза Шарлотте. Просто *не может* !

— Тут должна быть разрушенная деревня с церковью, Сан-Рокко, — знаете, где это? В долине где-то поблизости?

Водитель кивнул:

— Конечно знаю. Несколько миль в сторону от дороги на Урбанию.

— Можете отвезти меня туда?

— Плохая дорога, синьорина, белая, гравий да пыль. Жалко машину.

Донна полезла в сумочку и достала смятые банкноты.

— А если заплачу... вдвое?

Граф смотрел на жену, которой много лет назад признался в своём участии в событиях в Сан-Рокко, хотя и представил его в сильно искажённом свете.

— Ты была права, дорогая. Джеймс не осмелится повторить её утверждения.

Жена закурила сигарету и крепко обхватила себя руками, словно удерживая в себе свою женскую привязанность к мужу.

— Только не с *экрана*.

— Тогда... что тебя беспокоит, дорогая?

— Сперва Шарлотта Пентон по телефону, теперь эта шлюшка...

— Я говорил тебе, Грета, что всё уладил с синьорой Пентон. Поначалу я не воспринял её всерьёз, но потом...

— Слишком много было промашек вроде той, недавней, Дадо.

— Знаю, дорогая, прости. Я... слаб. Но Шарлотта Пентон никогда не посмеет...

— Может, не посмеет, а может, тебе только кажется, что не посмеет, но *эта* ? Эта твоя шлюшка чувствует свою силу, она *пойдёт* слишком далеко, не считаясь с последствиями. Мы уже имели случай убедиться в этом, так ведь? Пусть она безнравственна, но она и очень решительна, смела — и очень разозлена.

— Не думаю...

— Ты рассказал мне *не все* о той ночи в Сан-Рокко, так, Дадо?

— Почти все, дорогая. Ты должна позволить мне иметь свои маленькие секреты.

— Нет, Дадо, — сказала она, выпустив кольцо дыма, — лучше тебе рассказать всё до конца.

Он сжал ладонями её щёки и заглянул в холодные голубые глаза, которые так любил. Они неподвижно смотрели на него.

— Ты всегда говорила, что лучше не знать слишком много, Грета... Полагаю, ты имела в виду своего отца...

— О нём я и думаю... или, во всяком случае, о моей семье. Братья и я много потрудились,

чтобы стереть прошлое. В них многие вкладывали — и *они во многих вкладывали*, как тебе должно быть известно.

— Я прекрасно знаю, что держался благодаря деньгам твоих братьев, пока...

— Моим братьям и их компаньонам в Германии не понравится, если создастся впечатление, будто они попустительствуют чему-то такому, что связано с военными преступлениями... или любыми другими — особенно недавними.

— Нет, нет, разумеется. Бизнес, по крайней мере внешне, должен производить впечатление честнейшего. — Ему с трудом удалось подавить иронию. — Однако маловероятно, что эта история...

— Я выросла в маленьком немецком городке, Дадо. Никогда не надо недооценивать то, какой властью обладают слухи в маленьком городке. Ты видел это? — Она извлекла из кармана листовку и, развернув, показала ему. — Когда я утром приехала в Урбино, это находили повсюду — и, как мне сказали, на итальянском тоже. По слухам, это дело рук жены мэра и её дружков-коммунистов, а с переводом на английский постаралась наша приятельница Шарлотта Пентон.

Муж взял отпечатанную на дешёвой бумаге листовку и прочитал следующее:

◆ *Мы, женщины Урбино, клянёмся не закрывать глаза на творящиеся беззакония, не попустительствовать им только потому, что *così fan tutte* — «так поступают все».*

◆ *Мы клянёмся отвергать любую выгоду, которую может принести связь с мафией или её покровительство.*

◆ *Мы клянёмся признавать равенство всех перед законом превыше частных интересов.*

◆ *Мы клянёмся не забывать людей Сан-Рокко и всех, кто пострадал за нас, борясь с несправедливостью, помнить их, будто они члены нашей семьи, отдавшие жизнь за нас.*

Граф встретился глазами со взглядом жены.

— Но это всего лишь слабое подобие клятвы, произнесённой в прошлом году на Сицилии на похоронах Фальконе и его телохранителей. Только в Палермо клялись «не забывать Джованни Фальконе и всех, кто погиб, борясь с мафией». Это ерунда, Грета. Я не имею никакого отношения к мафии...

— Это не ерунда, Дадо! — оборвала она его. — На похоронах в Палермо присутствовало сорок тысяч. Сколько соберётся здесь? Люди объединяют силы. Это не ерунда, это повторение ситуации, в которой мы оказались много лет назад. А теперь скажи мне точно, с чем мы боремся?

Он помолчал в нерешительности. Она была не просто источником финансов, судьёй его вкуса, именно она возродила в нём почти угасшее желание жить. Без неё он был ничем. Она его путеводная звезда, так думал он, глядя ей в глаза, чей холодный блеск оставался почти таким же ярким во всё время его рассказа о трагедии. Он говорил по-итальянски, изредка переходя на немецкий. Ему и сейчас не хватило духу рассказать ей всё, и он цитировал дантовский «Ад», прибежал к литературным аллюзиям, замещая правду, потому что было свыше его сил говорить о том инциденте прямо и без утайки. Ощущение было такое, будто всё это случилось не с ним, а с кем-то другим, а он присутствовал лишь как свидетель. За прошедшие годы чувство вины прогрызло в нём путь наружу, как жирный червь в мешке с зерном.

— Это всё? — спросила она, когда он закончил. — Ни о чем не умолчал?

«Не всё, но достаточно», — подумал он.

— Это станет известно так или иначе, Дадо.

— Прокопио не заговорит... Ты слышала, что эта девица...

— Не он, так другой. Слишком далеко зашло.

— Мы можем снова уехать, Грета. — Ещё не договорив, он увидел по её глазам, что она против его предложения. — Почему бы не поговорить со следователем, позвонить ему прямо сейчас? Он может поверить...

— Нет, Дадю. Это будет выглядеть так, будто я всё это время знала обо всём, будто оправдывала то, что совершили ты и твой отец. Мои братья достаточно пережили, когда открылось папино прошлое. В этом военном преступлении немцев не обвинят. Ты должен сознаться публично.

Она закурила другую сигарету и задумалась, на каких условиях это сделать.

— Лучше покаяться сейчас и признать свою вину, пока тебя не вынудит к этому пресса. Посмотри, что происходило в Милане, — по крайней мере тем, кто пошёл на добровольное признание, удалось выкарабкаться. Нет, когда завтра пойдёшь на слушание по делу этой немой, нужно всё объяснить, как только что объяснил мне. В конце концов, ты был мальчишкой... — Её губы скривились в горькой усмешке. — Бывало, прощали и худшее.

«И выносили более мягкий приговор», — успокаивал он себя, вспоминая подробности той истории, о которых было невыносимо говорить или даже думать. Он слишком хорошо знал, что произошло, когда в своё время вся эта история грозила выйти на поверхность. Прокопио сломали легко. Других не удалось. И о них он не любил думать.

— А если я не дам показаний?

Она раздавила сигарету в пепельнице:

— Тогда это сделаю я.

— Но хотя бы поддержишь меня? Не оставишь одного?

— Если ясно дашь понять, что моя семья и я не знали правды о случившемся.

Хотя всюду сияло солнце, водитель такси не хотел отпускать Донну одну. Яркий свет лишь обнажал каждое пулевое отверстие в дверях церкви — свидетельство давнего зверства, и это заставляло его нервничать.

— Как вы вернётесь, синьорина?

— Могу пешком. А ещё есть автобус.

— Автобус ходит по дороге на Урбанию, синьорина, а это в пяти-шести километрах отсюда. Такая плохая дорога не для него. — Ходить пешком — это для бедняков, как его отец и дед, а не для американцев. Только ненормальные англичане да немцы любят ходить для удовольствия. — Вы уверены, что не хотите, чтобы я подождал? — В нём говорила совесть. — Я отработал только половину того, что вы... — Она уже заплатила ему вчетверо против того, что дал бы любой итальянец.

— Я прекрасно обойдусь. — Донна вынула из сумочки небольшой фонарик; мыслями она уже была в подвале Муги. Наверняка там можно *что-то* найти. — Спасибо.

Водитель грустно запустил мотор. Будь она его дочерью... но она ему не дочь, и эти современные американские девчонки такие сильные, пышущие здоровьем, на них просто написано, что они способны сами позаботиться о себе. Он предпочитал, чтобы его женщина выглядела немножко незащищённой. Тогда мужчина чувствует себя сильным.

«Дуу-да, дуу-да», — горестно напевал Анджелино в своём лесном укрытии. Мулы щипали травку на поляне, и мягкий звон их колокольцев сегодня не утешал его. Он смотрел на ангела внизу. Анджелино знал об ангелах, мать рассказывала ему о них, как они лишились крыльев и упали.

Водитель серой машины упорно следовал за Донной от Урбино до поворота к вилле «Роза», там он остановился за рощей и стал дожидаться, пока не проедет возвращающееся такси. Второй человек, сидевший в машине, глядел на расстилающуюся перед ними живую картину: девушка (объект, модель художника, жертва), идущая по залитой солнцем долине навстречу своей неведомой судьбе, а вокруг колючая стерня сжатых полей. Ему подумалось, что это похоже на метафорическую средневековую фреску или иллюстрацию к Часослову. «„Вера в Действенность Человеческих Усилий“, — пробормотал он, потом поправился: — Или, может, „Наказание за Пренебрежение Историей“». Всё заливал яркий и в то же время как

бы подводный свет лунного затмения; такой свет исходит от ангелов, несущих видения Апокалипсиса.

Он не стал делиться этой мыслью с сероглазым водителем, серым существом, который не понял бы его. Вместо этого он мысленно обратился к незримому художнику, Творцу этого шедевра: «Откуда этот апокалипсический свет, Боже?» И сам ответил на вопрос: «От нас, он исходит от нас». Он чувствовал, что в душе он хороший человек, но к концу этого дня его моральное сближение с теми, другими людьми перестанет быть лишь кажущимся. Потому-то сегодня утром ему позвонили и потребовали его присутствия здесь. Чтобы сделать соучастником, повязать его ещё больше. Потому что он знает *всё* о Сан-Рокко, давно знал. Если и не сторож брату своему, то сторож его секретам. Белая гравийная дорога на Сан-Рокко была меловой чертой, пересёкшей другую, невидимую тропу в единое мгновение времени, призрачное «быстротечное мгновение», в котором исчезла его жизнь. Он получил урок на будущее. Прямая, верная дорога потерялась из виду...

Такой большой кусок жизни он прожил, оглядываясь назад, что теперь казался себе одним из дантовских волшебников,¹³⁰ странно скрученный так, что лбом был повёрнут к спине, и должен был двигаться, пятясь задом, лишённый возможности видеть прямо. Когда он утром спросил звонивших, а что, если кто-нибудь увидит его там, в Сан-Рокко, они засмеялись и ответили: «Много людей, если хочешь, можем назвать, с готовностью поклянутся, что видели тебя в это время на исповеди или в больнице, в частной лечебнице — в любом другом, нежели Сан-Рокко, подходящем святом или почтенном месте».

«Я здесь только как свидетель, — говорил он себе. — И может, моё присутствие предотвратит худшее».

Водитель с глазами цвета шифера отпустил сцепление, и машина беззвучно скользнула вниз с холма и покатила к Сан-Рокко.

Донна осторожно опустила сначала одну, потом другую ногу, и под подошвами захрустели осколки стекла, усеивавшие пол подвала. Она остановилась в ярком квадрате света, падавшего сверху в откинутую крышку люка, неуверенная, как актриса, которая пропустила репетиции и ожидает подсказки суфлёра.

В подвале стояла вонь от дыма, подгоревших сковородок и гниющих продуктов. Донна не решалась шагнуть из пятна спасительного солнечного света в эту смрадную тень и, шаря лучом фонарика по царившему в подвале хаосу, видела разбитые банки и бутылки, их растёкшееся содержимое, стены, оклеенные газетами, — рваными, за многие годы потемневшими от жирного чада печки. Морщась от отвращения, она стала пробираться вперёд среди этого кошмара, обходя упавшие полки. Слыша сонное жужжание мух, облепивших куски маринованной рыбы, она переступила через валявшуюся на боку корзину, из которой вывалились поношенная одежда и непарная обувь. Носком туфли она ткнула эту кучу и увидела маленькую кожаную перчатку с изящными вышитыми цветами. Наклонилась, чтобы поднять её, и обнаружила внутри горсть пуль и пожелтевших зубов и тут же с содроганием отбросила.

За спиной послышался шум, и Донна мгновенно обернулась — продукт телевизионной эры и кинотеатров под открытым небом, она знала, что в каждом подвале прячется свой неизменный серийный убийца. Она увидела лишь крысиный хвост, исчезающий за самодельной печуркой, но и этого было достаточно, чтобы ей нестерпимо захотелось снова оказаться на свежем воздухе, и она вернулась тем же путём назад к лестнице. Она с трудом пробралась по обломкам и поднялась по лестнице, и, когда голова её оказалась на уровне земли, её взгляд привлекло что-то белое и круглое в нескольких футах от неё, лежавшее в примятой траве. Кто-то, стоявший там, обронил эту вещицу. Балансируя на верхней ступеньке, она дотянулась до неё: это оказалась маленькая косточка величиной не более косточки

¹³⁰ См. Данте. Божественная комедия. Ад. Песнь XX.

полевой мыши, гладкая и желтоватая оттого, что её постоянно крутили в пальцах. Или *ласкали*: в памяти Донны всплыли его длинные тонкие пальцы, прижавшие косточку к ладони, и большой палец медленно поглаживал её, словно любимую птичку. Она проделала то же самое, и это, вместе со странной кладбищенской тишиной Сан-Рокко, напомнило ей о первом разговоре с графом Маласпино. Как он сказал об этом месте? Огромное кладбище, пейзаж, усеянный костями, где белые камни напоминают коленные чашечки или рёбра, торчащие сквозь кожу травы. Рука вспомнила ощущение хрупкой глиняной статуэтки, которую она разбила.

Жужжание насекомых и голоса птиц зазвучали приглушенней, её дыхание — тише, развалины деревни мерцали, окружая её. На пять или шесть минут она словно окунулась в иную жизнь, забыв свою. Катая в пальцах косточку, Донна вспоминала имена, случайно подслушанные в тот катастрофический день на вилле Роза, имена, которые теперь кое-что говорили ей. Карло Сегвита (брат её монсеньора). Лоренцо. Консорциум свиноводов.

Думая о всех когда-то звучавших здесь голосах, она сидела, глядя через долину на тёмный лес на другой стороне, пока звук или движение позади неё не заставили её обернуться. Тогда она увидела его, стоявшего в отдалении, отстраняясь от того, что должно было произойти. Затем что-то тяжёлое обрушилось на её череп, и она боком повалилась в подвал, буквально хватаясь за соломинки и увлекая за собой камни и комья дёрна, в ноздри хлынул запах земли и острый — осенних листьев, пока она падала мимо всех этих слов: MASSACRATI, ASSASSINIO, OMICIDIO, VIOLENZA CARNALE, VIOLENZA SU DONNA.¹³¹ Она почувствовала, как легко переломилась лодыжка, попав между перекладин лестницы, потом её тело и голова со стуком упали на твёрдую утоптанную землю, усеянную осколками стекла, как говяжий бок на колоду мясника. Последнее, что уловило её сознание, был звон колоколов и гром, грохот копыт, грохот сердца... и тьма поглотила, затянула, затопила её. И всё тот же яркий, апокалипсический свет освещал её падение.

ЧУДО № 40 В ПАСТИ ВОЛКА

С вечера Урбино накрыла плотная серая туча, пришедшая с Апеннин. Из тучи, частью её, возник волк, крадущийся по улицам невидимо для Шарлотты, для которой всякая лампа светила сквозь туман, как глаза зверя, выхваченные из ночной тьмы фарами автомобиля. Она осторожно шла, направляясь к магистратскому суду, и уже могла бы заявить под присягой о реальности скачущих дельфинов, затянутых паутиной кораблях, летящих на всех парусах, ангелов, найд, сирен. Перебираясь через облачные озёра на площадях, она скользила рукой по стенам и домам, с облегчением чувствуя под ладонью замшелую чешую рептилий, но, чтобы пересечь пустоту улочек и дорог, требовалось, положась на удачу, прыгнуть в неведомое; Призрачный, отрезающий от внешнего мира туман, булыжник мостовой под ногами, блестящий и скользкий от осевшей влаги, — всё это создавало впечатление, будто она взбирается по каменистому склону гористого острова, а не по городской улице.

Серый человек, походящий на смутную тень, который следил за ней, поднял воротник пиджака и подумал: хорошо бы сейчас оказаться в Риме. Туман сгустился вокруг него, стирая его контуры, делая его бледным и размытым, как лёгкий акварельный набросок, и он двинулся за Шарлоттой; струи тумана потянулись за ним, как разматывающиеся нити его шерстяного костюма.

— Эта погода его обезглавила, — сказал мэр жене, выходя из дому и увидев, как низко стелющаяся туча закрыла голову живой статуи Рафаэля. — Чао, Фабио! — крикнул он, но статуя не услышала его: все звуки, как и краски, глохли, искажались в тумане. Осиная жалоба мопедов и трёхколёсных грузовых мотороллеров отскакивала в лицо их водителей, а шаги

¹³¹ Бойня, политическое убийство, убийство, изнасилование, насилие над женщиной (*ит.*).

прохожих, казалось, раздавались ближе, чем на деле, отражаясь от тумана. — Словно у всех в Урбино пустота под ногами, — пробормотал мэр.

Бледный прибор накатывал на здание суда и отступал от него. Шарлотта дважды прошла мимо, пока не увидела в редком разрыве тумана входные двери. Вдруг раздался звук мопеда, и она едва успела отскочить в сторону от пронёсшейся «ламбретты», полностью, кроме мокасин седока и нижней части колёс, скрытой влажным облаком тумана. Тоже почти ничего не видя, Паоло обругал женские туфли на низком каблуке (не узнав в них туфли Шарлотты) и тёмно-синий костюм, обрезанный сверху по талию. Его мысли были далеко от дороги. Вчера вечером он почти три часа прождал Донну. Закончилась одна *passeggiata* и началась вторая, прежде чем он покинул кафе, в котором они условились встретиться. Регистраторша в отеле, где жила Донна, заявила, что не видела её тем вечером, но она лишь час назад заступила на службу. Разумеется, она передаст, что заходил Паоло. «Если девушка позвонит». По её скучному голосу было ясно, что вряд ли она выполнит обещание.

В полночь, сделав хмельной круг по всем урбинским кафе, Паоло вернулся в отель. На сей раз регистраторша, ничем не обрадовав, удостоила его покровительственным взглядом, каким соблазняли всякие уродины, не чета Донне. Паоло сделал ещё один круг по кафе и отправился домой, чтобы провести несколько предрассветных часов без сна, раздираемый сомнениями: один внутренний голос защищал Донну, другой, голос адвоката дьявола (удивительно похожий на голос Фабио), выдвигал более вероятные варианты: ведь не в первый раз такое случается, да? Но сейчас что-то иное! Богатый поклонник? Предложение сниматься в интересном фильме?

Этим утром он встал раньше матери. «Впервые с тех пор, как ты был полугодовальным! Эти чудеса уже случаются и в моём доме, Паоло!» Первым делом он поехал в отель Донны. Новая регистраторша, отвлекаемая телефоном, трижды переспросила его и Донны имена. Да, наконец решила она, кажется, американка звонила. «Может, из Рима?»

— Из Рима!

Ну, не знаю. «Или какая другая американка». Но тут её блестящие ногти потребовали немедленного к себе внимания.

Насколько было известно Паоло, единственным знакомым в Риме у Донны был продюсер, устроивший ей эту работу у Джеймса, поэтому Паоло позвонил Джеймсу и устроил скандал, но так и не узнал ни имени продюсера, ни номер его телефона. Джеймс сказал, что пора ему повзрослеть, девица, наверно, у Антонио, оператора, и в эту самую минуту они... Паоло швырнул трубку и сел на «ламбретту» с намерением обшарить все отели и пансионы в Урбино и вокруг.

Такой невероятный туман изображали Уистлер и Тернер, но Рафаэль — никогда; небо на его картинах неизменно сияюще ясное, размышляла Шарлотта, разглядывая свидетелей и других зрителей, медленно возникавших на ступеньках суда, моргающих и неуверенных, как паломники, что сходят на причал затянутого туманом порта. Они не отбрасывали тени в этом бледном свете и казались бесплотными, как дантовские потерянные души в лодке.

Ещё более призрачной была фигура человека с глазами цвета шифера и в сером костюме, который расположился в кафе напротив суда, заплатил, чтобы к нему за столик рядом с телефоном-автоматом никого не подсаживали, и, развернув римскую газету, принялся терпеливо ждать.

Войдя в здание суда, Шарлотта увидела, что слушание должно проходить в зале таком тесном, что, кроме непосредственных свидетелей нападения на картину Рафаэля, там могли разместиться лишь ещё несколько человек. Паоло объяснял ей, что на подобном *udienza*

preliminare, предварительном слушании, свидетели не обязаны присутствовать, и магистрат будет опрашивать только тех, кто непосредственно причастен, — арестованного, полицию и пострадавшего. Однако, принимая во внимание, что пострадавшей здесь является картина, а нападавшая — полубезумная глухонемая, общение с которой ещё более затруднено из-за действий полиции, в обычную процедуру внесены изменения с учётом этих обстоятельств.

За исключением немой, сопровождавшей её медсестры и графини, в зале были одни мужчины в костюмах. «Сила единообразия», — подумалось Шарлотте, оглядывавшей этот действенный камуфляж тёмно-серых и тёмно-синих тонов. Уплотнившийся уличный туман. «Должность не позволяет, старина», — представилось ей, говорят безликие костюмы, когда их просят постоять за какие-то застарелые принципы, оставшиеся после последней химчистки.

Она узнала деда Фабио, Лоренцо, неторопливо прошедшего мимо неё в первый ряд, где сидели граф с женой.

— Дадо, не возражаешь, если я присяду рядом с тобой и Гретой? — сладко сказал он, отчего взгляд графа стал ещё напряжённее.

— Чтобы ты чувствовал поддержку старинного друга семьи, — добавил Лоренцо.

— Не возражаю... я... пожалуйста, доктор, присаживайтесь.

Лицо графа ещё больше побледнело — будто слова Лоренцо означали угрозу, а не солидарность, решила Шарлотта. Она думала о Паоло, опаздывавшем, по своему обыкновению, и об отсутствии Донны, главной свидетельницы. Однако никто не ждал, что это предварительное слушание будет чем-то большим, нежели пустой формальностью, бумажным отчётом, что судебная процедура осуществляется должным образом. Не было предпринято никаких мер безопасности для защиты свидетелей, которые, как предполагалось, своими показаниями подтвердят почти неизбежное заключение: что нападение немой на картину вызвано её паранойей, а её немота есть результат одиночества или слабоумия.

То, как Мута появилась в зале суда, было обусловлено предварительным медицинским заключением. Врач вкатил кресло-каталку, в котором она сидела будто каменный истукан. Погруженная в непроницаемое, непробиваемое молчание, она походила на восковую или фарфоровую раскрашенную фигуру, одетую в настоящее платье и вывозимую на публику в особых случаях.

Профессор Серафини появился чуть ли не последним, протиснувшись внутрь, когда уже закрывали двери.

Магистрат, которому доложили об отсутствии Донны Рикко, проверил списки и решил тем не менее начинать. Не глядя ни на кого, он разъяснил, что «благодаря особому разрешению» сегодняшнее заседание отличается от обычного. Затем ему зачитали обстоятельства повреждения картины Рафаэля и письменные показания многочисленных второстепенных свидетелей, включая Шарлотту, у которой никаких показаний не брали. Вслед за этим шеф полиции долго расписывал, как при его мужественном участии арестовывали необузданную женщину; при этом Прокопио, который всё это время не сводил глаз с Муты, не опроверг его ни словом.

«При таком темпе, — подумал магистрат, — можно будет пораньше сделать перерыв на обед». Перед глазами всплыла приятная картина ресторана, который запомнился ему по прежнему приезду, старомодное заведение, где повар и слыхом не слыхивал о холестерине, и, когда граф Маласпино поднялся, чтобы дать свои показания, магистрату грезился дикий кабан, плотно нашпигованный салом и трюфелями.

— Вы хотите что-то изменить в показаниях, которые вы прежде давали полиции, граф? — спросил он голосом, шёлковым от предвкушаемого сала.

А что он будет пить, чтобы уравновесить фазаний аромат трюфелей? Не поклонник лёгких местных вин, магистрат представил себе что-нибудь из более насыщенных красных пьемонтских. Можно даже позволить себе «бароло», отличное средство от молочно-белого тумана, застилающего вид из окон.

Граф продолжал молчать, и магистрат с неохотой оторвался от мыслей о ланче.

— Вы слышали меня, граф Маласпино?

— Да, я... То есть... да, я, пожалуй, могу... могу представить, почему эта женщина набросилась на меня.

— На вас? Но ведь полиция полностью исключает вероятность того, что она целила в вас?

— Полиция не располагает всеми фактами. Мой отец надёжно застраховался.

— Какое отношение может иметь ваш отец к этому делу, граф Маласпино? — «Ну и сыновья пошли, — подумал судья. — Если мы возьмёмся за отцов (и умерших тоже), то кем закончим!»

Граф снова заколебался и на этот раз бросил быстрый взгляд на Лоренцо. Ночью был телефонный звонок, его подбадривали: «Тебе нужно лишь не терять хладнокровия, Дадо». Он долго ломал голову над тем, какие крохи той истории может бросить голодному магистрату.

— Полагаю, она, эта немая женщина, набросилась на меня из-за... инцидента, происшедшего в Сан-Рокко во время войны.

Некая нотка в голосе графа насторожила магистрата, он глубоко вздохнул и спросил:

— Какого рода *инцидент*, граф?

— Я... вероятно, эта немая женщина... пряталась в Сан-Рокко и могла услышать...

— Могла *услышать!* Да она глухонемая, разве не так?

— Могла увидеть...

Едва сдерживаясь, чтобы не закричать: «Да говорите же, наконец, по существу!» — судья подстегнул его:

— Могла увидеть *что* ?

Граф старался успокоиться. Он посмотрел на свои руки, стиснутые так, что побелели костяшки пальцев, и с усилием распрямил ладони, которые, как две морские звезды, отцепились от скалы его чёрного костюма.

— Мне было десять лет... — медленно заговорил он, — когда... когда я впервые начал выступать в качестве переводчика для немецких и итальянских должностных лиц, которые бывали у моих родителей. Ни мать, ни отец не говорили по-немецки, но у меня до войны в течение шести лет был домашний учитель-немец — Дитер, старший брат моей жены. — «Ставший мне ближе брата», — мелькнуло у графа, когда он поймал улыбку жены. — Немецкие офицеры, некоторое время квартировавшие в нашем доме, любили послушать песенки, которым Дитер научил меня. В то время у меня был красивый голос.

Магистрату казалось, что туман с улицы проник в зал и обмотал серой шерстью язык говорившего.

— Да, да, продолжайте, граф... Надеюсь, ваш красивый голос скоро заговорит о более существенном.

— У меня... понимаете, были друзья — *близкие* друзья — среди арендаторов моего отца в Сан-Рокко. Не помню, когда я обнаружил, что большинство из них дезертиры или вообще скрылись от призыва. Они полностью доверяли мне, уверенные, что я их не выдам, потому что мы дружили много лет... тайно... Мой отец... он не знал об этой дружбе... пока как-то вечером... — Заметив, как изменилось выражение лица магистрата, граф забормотал, запинаясь: — Как-то вечером... как-то вечером... мне было двенадцать... как-то вечером...

— *Право же*, граф Маласпино, я не могу заставлять суд ждать, когда вы...

— Как-то вечером отец узнал, что я общаюсь с теми дезертирами в Сан-Рокко, и... и очень разгневался... — Поймав хмурый взгляд Лоренцо, граф снова потерял власть над руками, которые то взмахивали, как крылья, и, трепеща, тянулись к его жене, то тяжело повисали вдоль туловища. — Тогда я рассказал ему. — Он овладел собой и крепко сцепил руки; лицо его не выражало никаких чувств, разве что левый глаз едва заметно подёргивался.

— Рассказали ему что?

— Всё, всё, о чем знал... — *Всё, лишь бы он перестал орать*. — Когда он понял, как много я сообщил...

— Его партнёры вряд ли позволили *ребёнку* переводить что-либо важное, граф.

— Ах, но это были люди, которых они считали изменниками! Поэтому отец отправился... отправился с друзьями в Сан-Рокко. — На щёку графу села муха и поползла к глазу.

— На поиски дезертиров? Чтобы арестовать их?

— Нет... я... Да, арестовать то есть. Да.

— Они арестовали дезертиров, и вы полагаете, что это и видела немая женщина? — давил судья.

Шарлотта не могла оторвать глаз от мухи, которая теперь сидела под носом графа, как крохотные усики.

— Да... Хотя... было ещё... я... они бросали гранаты... в Сан-Рокко... чтобы преподать урок. — Он почувствовал внимательный взгляд Лоренцо и быстро добавил: — Женщин не было... другая велья... — Он прижал пальцем веко — дёргалось уже всё лицо, заставив муху слететь.

— Шла война, граф Маласпино, война, во время которой было много подобных трагических инцидентов. Простите, но вы ещё не убедили меня, что это стало причиной нападения немой женщины *лично* на вас пятьдесят лет спустя.

— Я был там... отец заставил меня пойти с ним, чтобы я видел...

— Там были и другие, — сказал магистрат вновь шёлковым, теперь от подозрения, голосом. — Наверняка кое-кто из пособников вашего отца ещё жив, не так ли? Напала ли эта немая на кого-нибудь из них?

— Нет, но понимаете... я был другом Сан-Рокко... я...

— Почему бы вам не перечислить имена тех, кто отправился с вашим отцом?

Со своего места в зале Шарлотта увидела, как глаз графа снова задёргался.

— Я не помню никаких имён.

— Ни одного?

— Нет.

— Даже тех, кого вы описали как друзей вашего отца?

— Нет. Они... все уже умерли...

— Вы знаете, что они умерли, но не знаете их имён? Понятно. — Магистрат поджал губы. — Итак, мне ясно, что вы хотите освободиться от чего-то, что бременем лежит на вашей совести, но, откровенно говоря, никак не могу понять, какая связь... Да, в чем дело? Хотите что-то добавить, профессор Серафини?

Маленький рыжий профессор поднялся со своего места:

— Думаю, я смогу пролить кое-какой свет на то, почему граф Маласпино, стоявший перед картиной Рафаэля, мог оживить трагическое воспоминание в этой глухонемой. Моя семья родом из Карпеньи, что находится к северу отсюда и во время войны использовалась как тайное хранилище произведений искусства — картин, скульптур — со всей Италии. Когда началось отступление немцев, друг моего отца узнал, что они намерены устроить в Карпенье опорный пункт СС. Потому он организовал перевозку всех произведений обратно в Урбино и распределение их по надёжным домам. Возможно, Сан-Рокко был...

— Включая рафаэлевский портрет?

— Не знаю. В любом случае на ферме семейства Бальдуччи могли быть...

Негодование судьи из-за того, что рушатся его мечты насладиться неспешным ланчем, наконец прорвалось:

— Может быть, возможно, вероятно! Если мы намерены двигаться дальше, мне необходимо услышать что-то конкретное! — Он раздражённо взглянул на секретаря. — Что там за адский шум в коридоре?

Тот подошёл к нему что-то сказать, и судья сердито переспросил:

— Срочное сообщение? Относящееся к этому делу? Потому что если не относится...

— Она уверяет, что относится, ваша честь.

— Очень хорошо, впустите её.

Его попросили дать слово непредусмотренному свидетелю, но, право, это слушание и без того превращалось в настоящий цирк!

В дверях показалась тётка Прокопио со своим сыном, Анджело. Насторожённо глянув на Прокопио, который при её появлении откинулся на спинку стула и тихо выругался, старушка подошла к судье и зашамкала что-то, чего остальные в зале не могли разобрать. Единственное, что уловила Шарлотта, — это слова: «Sepolty vivi». «Заживо похороненные». Насколько она помнила, так итальянцы называли секту монахинь, никогда не покидавших монастыря, но также и тех евреев, партизан и сбежавших военнопленных, которые прятались по подвалам и чердакам.

Анджелино забормотал:

— Мама говорит, мы не можем держать ангела, она говорит, надо отнести ангела обратно, не то люди подумают, люди подумают, мама говорит...

— Ш-ш-ш, помолчи! — сказала тётка Прокопио и положила руку на плечо сына; она едва доставала головой ему до груди. — Потом, Анджелино, потом расскажешь.

ЧУДО № 41 НЕТЛЕННЫЙ ЯЗЫК

Если бы магистрату устроили перед слушанием перекрёстный допрос, он, наверное, процитировал бы Галилея, который сказал, что в природе человека пользоваться всяким поводом для притеснения ближнего, как бы это ни было отвратительно. Магистрат, через чьи руки прошло множество коррупционных дел, не ставших достоянием общественности, мог бы поклясться, что люди больше ничем не способны разгневать или удивить его, слишком он для этого стар, толст, слишком устал. Какие только мелкие прегрешения и извращения они не норовят утаить и в то же время изо всех сил цепляются за тяжкие грехи, которые не доставляют им ни малейших хлопот.

Туманные намёки его старого приятеля Примо говорили, что это конкретное дело ничем не отличается от других, так что магистрат был готов к осторожным попыткам сделать ему разнообразные выгодные предложения и к завуалированным угрозам, которых было достаточно в последние несколько дней и которые ему удалось благополучно отклонить или проигнорировать. Пока. К счастью, у него не было семьи. Ни жены, ни детей, ни любимых родственников, на которых они могли бы оказать нажим.

— Гомик! — злился Лоренцо, сидя с друзьями в кафе «Национале». — Но даже мальчиков не сыщешь, чтобы использовать против магистрата. Что сделаешь с таким человеком? Да ещё эта непривычная быстрота, с какой устроили слушание. Хотя официально предварительное слушание должно было проводиться на второй или третий день после ареста, в сложных случаях, таких как этот, обычно можно было рассчитывать, что пройдёт несколько месяцев, пока дело ляжет на стол судьи, а к тому времени многое удавалось сделать.

Впрочем, Лоренцо почувствовал себя увереннее, когда старуха закончила шептать судье (который, не зная её неведомого диалекта, вряд ли понял её). Лоренцо почти ничего не слышал из того, что она сказала, но по выражению и жестам магистрата сделал вывод, что скоро его можно будет заменить на более приемлемого человека.

Пока же человек мэра снял очки, прикрыл глаза, чтобы не видеть зала, и, словно оттуда тянуло смрадом, сжал нос большим и указательным пальцами. Его охватила страшная усталость, нестерпимо хотелось выкурить сигару. «Я никогда не претендовал на лавры храбреца, — думалось ему. — Я не Фальконе, чтобы платить жизнью ради того, чтобы засадить в тюрьму нескольких мафиози. Меня прекрасно поймут, если я выпровожу эту старую женщину и её сына, несущего непонятно что, и передам дело кому-нибудь другому. Знал бы, что всё зайдёт так далеко, не согласился бы помогать».

Магистрат несколько секунд обдумывал свои доводы, пока его внутренний суд не был прерван каким-то гудением, звуком, отдалённо напоминавшим пение; и Шарлотте показалось, что она тоже что-то слышит. Бессмысленные слова, звучавшие уже громче, казалось, неслись

из ниоткуда:

— *Дуу-да, дуу-да.*

Анджелино знал об ангелах, его назвали в их честь. Мать рассказала ему, что все люди Сан-Рокко, кроме одного, ушли, а потом они Стали ангелами и теперь возвращаются по одному. Он понял, что это ангелы, когда увидел их и дьяволов; он понял это, когда увидел, как ангел упал на землю, и он погнал своих мулов вниз с холма, как гром, на двух дьяволов, серого дьявола и дьявола в одежде священника, двух псов ада, вылетевших из-за колоколов. Он нашёл её, откопал её. Своего ангела, лёгкую как пёрышко, когда он поднял её, безвольно повисшую у него на руках, как мёртвый щенок. Он отнёс её домой. «Ангелы», — сказал он, и мама была рада ещё одному и положила её в грузовик, и они поехали, и в грузовике были яйца. Ему нравился грузовик. А больница не понравилась, и эта комната тоже не понравилась. Люди в ней напомнили ему о том, что заставило его раскачиваться под песенку, которую он помнит, что пел, когда пришли дьяволы. *«Дуу-да, дуу-да».*

Прежде чем магистрат успел крикнуть, чтобы он замолчал, Мута оперлась здоровой рукой о подлокотник каталки и заставила себя подняться. Весь зал, даже Анд-желино, затаил дыхание, повисла тишина, в которой даже слабый звук казался оглушительным.

С лицом, искажённым болью, немая открыла рот и произнесла что-то нечленораздельное. Шарлотта услышала, как Прокопио громко сглотнул. Тишина в зале ещё больше сгустилась, каждый атом звенел в напряжённом ожидании. Наконец скрипучий голос тётки Прокопио нарушил всеобщее молчание:

— Меня не упрячешь в тот глубокий колодец, который крепко держит Иуду и Люцифера!

— Что ваша тётя имеет в виду, синьор Прокопио? — закричал магистрат. — «Меня не упрячешь в тот глубокий колодец». Что она хочет этим сказать?

Прокопио, не отрывая глаз от Муты, медленно поднялся.

— Моя тётя родом сицилийка, — проговорил Прокопио таким тоном, словно это всё объясняло. Его лохматая, вся в синяках, голова тяжело повернулась к магистрату. — Хотя она переехала в Сан-Рокко ещё молодой, она готовит, как на Сицилии, говорит, как сицилийцы, думает по-сицилийски... Всё, что она знает по-итальянски, — это диалект нашей долины и язык священника, которого помнит по детским годам.

— Но вы понимаете её?

— Некоторые слова понимаю, но её? Нет, не понимаю.

— Спросите её, что связывает эту немую женщину с Сан-Рокко.

Мута могла чувствовать слова, они были почти готовы прозвучать, она катала их на языке, как зёрнышки.

Прокопио прокричал тётке что-то, совершенно невразумительное для постороннего уха, старушка сердито замотала головой и ответила непреодолимой колючей изгородью крестьянских метафор, опутанной диалектом Сан-Рокко, барочными нитями латинского, переплетающимися с цветущими плетями дантовских выражений в искажённых переводах на современный итальянский.

— Не могли бы вы пояснить, что она только что сказала, синьор Прокопио?

Шарлотта увидела, как напряглось лицо Прокопио и тяжело опустились его массивные плечи.

— В приблизительном переводе она сказала мне, что ей больше нечего терять. — Помолчав, Прокопио добавил: — Но поверьте, то, что ей известно о Сан-Рокко, не имеет никакого отношения...

— Шоколадный человек... — проговорил Анджелино.

Все присутствующие, привстав, смотрели на погонщика мулов, только Шарлотта сильнее вжала плечи в спинку стула, как пассажир машины за миг до аварии. Шарлотта, все последние дни настойчиво стремившаяся выяснить правду, вдруг почувствовала нестерпимое желание не знать больше ничего и больше ничего не слышать. Она говорила себе, что

Прокопио был ещё слишком мал и никак не мог быть связан с тем, что произошло в Сан-Рокко. Но потом, что он сделал потом? Она похолодела, бессильная предотвратить крах.

Прокопио сказал извиняющимся тоном:

— Мой кузен, но, должен признаться, дурачок.

Старушка обрушила на него поток слов, который остановило только вмешательство магистрата:

— Насколько я понял, она настаивает на том, что её сын имеет такое же право находиться здесь, как любой другой, потому что он тоже... он тоже... *был у самых ворот, куда упал Люцифер ?*

— Ворота Люцифера... — сказал Прокопио. — Так люди в наших местах называют дыру в Сан-Рокко, в которую были брошены гранаты или бомбы... Но если вы хотите знать, известны ли ей и её сыну имена людей, ответственных за... аресты в Сан-Рокко, то нет, неизвестны!

— Аресты?! — закричала старушка. — Никто не был арестован!

И Мута — издала звук, будто прочищая горло. Зал снова как парализовало, в давящей тишине тревожной сиреной жужжала муха. Она села рядом с Лоренцо, который с удивительной ловкостью поймал её и с лёгким щелчком раздавил в пальцах.

В ушах звучал шум воды, журчащий, булькающий голос рек, потоков, ручьёв. Она была под водой и стремилась вверх, к свету.

Она подняла руки, словно дирижируя хором:

Той ночью беглые пленные выбрались из-под земли на велью.

Она видела хриплый голос, проплывший мимо, как вернувшаяся тень погибшего. Даже ребёнком она всегда была спокойной, всегда была среди слушателей. Столько секретов надо хранить; чем меньше она говорила, тем наполненнее чувствовала себя. Теперь её старая голова была запутанным лабиринтом слов из книг, которые читал ей священник, любивший её и учивший, из историй в газетах на стенах её подвала, их она разбирала по слогам, фразу за фразой, годами, и с их помощью поняла, чему стала свидетельницей, повторяющиеся истории, на которых кружащая *rasseggiata* её пальца оставила торные тропы. Велья, ночное бдение. О, она не смыкала глаз в такие ночи, видела, как ушёл покой этих зимних ночей, изменились истории, которые тогда рассказывались, истории об объединении и сопротивлении, передававшиеся от фермы к ферме. До самой той последней ночи.

— Похоронная велья.

Мута ощущала буквы этих двух слов, висящие в воздухе, видимые всем.

Но произнесла их не она, Мута оставалась безмолвной; говорили Прокопио и его тётка, хотя губы немой двигались в такт их губам. Это были её два слова, произнесённые их голосами. *Похоронная велья*: последний час бдения, предутренний. Даже сегодня ей помнился запах мушмулы, подгнившей и потому отдававшей шоколадом.

— Нет, у нас не было шоколада... по крайней мере, пока не появился американец со своей жвачкой, шоколадом и сигаретами. Мы никогда не видели таких тёмных людей. Тёмных, как шоколад.

— Шоколадный человек, — снова пробормотал Анджелино, и Шарлотта почувствовала огромное облегчение.

Не Франческо, подумала она. Это был не Франческо.

— Военнопленный, увидев в первый раз наволочки с отверстиями для глаз, сказал: «Господи Иисусе! Я уж подумал, куклуксклановцы пришли, чтобы потащить меня на костёр». Англичанин перевёл нам его слова, и мы засмеялись. Мы были втроём в ту ночь: третьим был Дитер, немец, — его мы знали с довоенных времён...

Все в зале суда услышали, как графиня охнула, тут же заглушённая двумя голосами, Прокопио и его тётки, которые теперь говорили почти в унисон. Великан, казалось, рассказывает историю, слышанную так часто, повторяющуюся так часто, что она стала его историей:

— Тогда у нас скрывались англичанин, человек спокойный, и американец, очень

шумный, очень забавный. Трудно было долго скрывать такого шумного американца. Большинство бежавших из плена оставались в подвале только на одну ночь и двигались дальше, но англичанин и американец, когда попали к нам, были больны, сильно отошдали, а у немца была сломана нога. Англичанин, тот всегда рвался пойти порыбачить, он это любил. Американец обыкновенно играл на скрипке Бальдуччи, которую они называли по-другому, как там, откуда он родом. — (Тётка Прокопио сказала: «feedle». ¹³²) — Он учил нас той дурацкой песенке, которую напевает Анджелине... *Камтан интром дом-дом-дом, дуу-да, дуу-да, Кам-тан интром дом-дом-дом, дуу-да, ох, дуу-да-день...* Той ночью на велье было шесть семей из Сан-Рокко, несколько гостей, которых я не знал, а ещё священник и трое военнопленных. Я помогал матери Муты готовить frascarelli, поленту, приправленную помидорами, которые она заготовила летом, и паслёном с виноградным жмыхом. Мужчины играли в карты, рассказывали всякие истории и пили бальдуччиевскую крепкую, с айвой, жжёнку, и он жаловался, что ничего не остаётся его собственной семье, все выпили крепкоголовые англичанин с немцем и американец, которому понравилась эта, как он сказал, «самогонка». Мута постоянно ускользала с кухни, наверно посмотреть, не появился ли Дадо. Она всегда ходила за ним как тень. Она была тихой, доверчивой девочкой.

— Тихой? — переспросил магистрат. — Вы имеете в виду её немоту, синьор Прокопио? Прокопио очень осторожно повернул голову, ища глазами Шарлотту.

— Синьор Прокопио? — повторил вопрос магистрат.

Но Прокопио не отрываясь смотрел в глаза Шарлотте. Внимательно изучал её лицо, словно она была страна, спокойная гавань, которую он покидал, и в эти несколько мгновений молчания заставил её отчётливо увидеть, что она теряла. Поэзию иного рода. Терпкий аромат и вкус его жизни. *Выберешь эту дорогу,* поняла она наконец, *и кара неизбежна.* Не сейчас, так завтра. Не завтра, так послезавтра, через месяц, через год. Ей хотелось сказать ему: остановись, спаси себя, спаси нас, но не успела она найти нужные слова, как Прокопио повернулся к магистрату и сказал:

— Она никогда не была немой... или глухой.

Той ночью Мута первая увидела светляки факелов, роящиеся в лесу на холме над их фермой. Она подумала, что это, наверно, охотники, потому что они двигались так бесшумно, или партизаны. Встревоженная, она побежала назад к амбару, чтобы рассказать об огнях отцу и братьям, которые знали, что делать. Но они не слушали её, играя на скрипочке американца, смеясь и хором подпевая:

— *Дуу-да, дуу-да...*

Она побежала к кухне, но матери нужно было ещё помешать томатный соус, а когда она вышла за ней наружу, то увидела, что факелы уже близко. А потом факелы погасли, и видны были только винтовки, чёрные на фоне неба.

Синьора Бальдуччи прижала одну руку ко рту, а другую к груди, выдающейся как у фигуры на носу корабля, говорил Дадо, и, как корабль, поплыла к людям в амбаре, и Мута за ней в кильватере. Остановившись в воротах амбара, она крикнула: «Пугала идут!» Так между собой они называли коллаборационистов. Все замолчали, только Анджелино продолжал петь. Мать не стала ждать, крепко схватила её, побежала с ней к подвалу и с крестьянским инстинктом выживания (как хранила кое-какие припасы про чёрный день) толкнула свою единственную дочь вниз, на ступеньки лестницы. *Закрой глаза, зажми уши, Габриэлла, но молчи. Чтобы спасти свою жизнь. Ни крика, ни плача, чего бы ни увидела. Чего бы ни услышала.*

Крышка люка никогда не закрывалась до конца, и сквозь щель шириной в палец Мута ясно видела, как старый граф и его люди подошли к отцу, который поздоровался с ними с должным почтением. Старый граф дождался, когда отец закончит приветствие, и застрелил

¹³² Правильно: fiddle — скрипка (англ.).

его. Мута слышала выстрел и видела, как упал отец, медленно, словно тяжёлое дерево. События разворачивались со стремительной быстротой. Дитер, перекрывая вопли её матери, принялся объяснять, что это ошибка, что люди Сан-Рокко не подозревали, что укрывают военнопленных. «Разве вы не помните меня, граф Маласпино? Я Дитер, учитель Дадо!» Он запротестовал ещё отчаяннее, когда схватили англичанина.

— Возьмите лучше меня, — сказал здоровенный американец и выступил вперёд. — Этот парень болен. Возьмите меня!

— Сначала негра, — скомандовал старый граф.

Тито всегда нравилось убивать. У него были отличные охотничьи собаки, говорили Муте братья, он хорошо выслеживал кабанов, но мясник из него был никудышный. Вот кастрировать у него получалось. Он подвесил шоколадного человека на дерево рядом со свиньёй, которую они в тот день закололи, называл его большим чёрным боровом и взялся за нож, и все те люди кричали: «Ewiva il coltello! Да здравствует нож!»

Было столько крови, что Мута думала, что не выдержит, закричит и тогда они придут за ней тоже, и зажала уши и стала вспоминать, как американец играл на своей скрипочке. Так необычно, весело и быстро, не как играли в их долине. Но умирал он очень долго, очень громко. А вот англичанин, рыбак, очень спокойно, как всё, что он делал. Его вспороли, как рыбу, и так же беззвучно, как рыба, он уснул.

— Дуу-да, дуу-день, ох, да дуу-да-день...

И всё время, пока они убивали, Анджелино продолжал напевать бессмысленный припев, а Мута слышала сквозь узкую щель, как священник, который был другом и Дадо, и ей, молился: «Как упал ты с неба, о Люцифер, сын зари!» — и видела вспышки выстрелов. Потом они схватили Дитера, высокого, светловолосого, с голубыми глазами, как у его сестры. Его заставили подняться на колокольню, обзывая предателем своей страны и их дела, и столкнули вниз вместе с худенькой женщиной к дальней долины, которая не была ни коммунисткой, ни партизанкой, а всего-навсего хорошим сыроделом. «По смотрим, кто упадёт быстрее», — сказал образованны Карло.

— Несколько лет спустя Тито перебрался жить в Ур бино, — закончил Прокопио переводить свидетельство своей тётки. — На челюсти у него выросла огромная шишка, и вся рожа сгнила. Под конец он говорить не мог, только лаял, как собака. Говорили, это у него от сигар, но мы-то знали, что это не так. Пусть ему вечно гореть в аду! Тито не знал, что его жена и Анджелино были в ту ночь в Сан-Рокко на велье, пока они не окружили всех. Этих двоих отпустили, потому что они были жена и сын Тито. Моя тётка говорит о Тито, что если бы она знала, какой он был «un fiog di diavolo», то есть «цветок дьявола», то никогда не вышла бы за него. За Тито, брата моего отца. Но мой отец больше никогда не разговаривал с ним после того, как она рассказала нам об этом, пусть и мало.

— Так, значит, вы и ваша семья много лет знали об этом... *инциденте*.

Ewiva il coltello, подумала Шарлотта. *Evviva il coltello*.

— Мы знали одно! — Крупное лицо Прокопио вспухло, налившись кровью от допроса магистрата, и наконец он не выдержал, закричал: — *Спросите Маласпино, кто убил священника и Дитера! Спросите, кто убил его хорошего друга, его учителя, человека, который был ему братом!* — Он сделал шаг к графу, и Лоренцо резко дёрнулся вперёд, связанный с Прокопио невидимой нитью.

Графиня горько зарыдала, и странно было слышать это от всегда столь уравновешенной женщины. Муж попытался взять её за руку, успокоить, но она отдернула её.

— Это один из... один из... один из... — заикаясь, бормотал граф, — один из... тех людей... который с тех пор... который... умер.

— Ложь! Ты убил священника! Тито похвалялся перед моим отцом, как Карло взял тебя за руку, когда ты просто стоял там, и вы вместе загнали Дитера на верхушку колокольни...

— Да, — признался наконец граф. — Да, это правда. Понимаете, я ненавижу своего

отца, действительно ненавидел. Всю жизнь он называл меня тряпкой, трусом, потому что, в отличие от него, я не любил охотиться. Он постоянно... издевался надо мной. Той ночью в Сан-Рокко это зашло слишком далеко. Я сказал, что все его крестьяне тоже ненавидят его и каждый в Сан-Рокко говорит, что война скоро кончится, а когда она кончится, людям вроде него воздадут по заслугам. Тогда папа сказал, что я не сын ему и «я сделаю из тебя мужчину», и ударил меня так, как никогда ещё не бил, и я боялся, что он убьёт меня. Потом мы пошли в Сан-Рокко, и Дитер упал.

В памяти Шарлотты всплыли слова Паоло: «Он был не *крестьянин*, человек, сделавший это с Сан-Рокко».

— Карло? — переспросил магистрат, словно вовсе не слушал Маласпино. — Кто такой этот Карло?

Граф мгновение помолчал, а потом ответил:

— Карло Сегвита, десятник моего отца. Теперь он банкир, живёт в Лондоне. Я недавно разговаривая с ним. Карло Сегвита, «Банка интернационале»... Я говорил вам, что до войны Дитер был моим лучшим другом? — Голос графа стал тоньше, моложе. — Мы увлекались археологией. Об этом я думал, когда Карло поставил священника и Дитера к двери церкви и вложил мне в руки винтовку. И сказал, что так мы все будем замешаны, сказал: «Выбирай, в кого стрелять». Когда мы... когда я... нажал спусковой крючок, отец сказал... папа сказал... Он сказал: «Теперь ты мужчина...» Дитера они, конечно, всё равно убили и всех остальных, женщин и детей тоже.

— И кое-что ещё они сделали, — проговорила тётка, — с помощью Дадо. Мерзкие вещи, на которое способны люди, когда Бог отворачивается от рода людского. Вещи, о которых мне стыдно говорить. После этого Анджелино и повредился разумом.

— Отвратительные, — подтвердил граф звонким мальчишеским голосом. — Невообразимые. Папа велел нам снести мёртвых в одну кучу и бросал в них гранаты. — Чтобы даже кости не могли послужить свидетельством. Одна земля могла рассказать обо всём и статуэтка, которую выбросило взрывами, и она чудесным образом не разбилась. Он взял её с собой в память о Дитере, своём друге. — Насколько мне до сих пор было известно, в самом Сан-Рокко не осталось ни одного живого свидетеля.

— Ещё нескольких детей спрятали, — сказала тётка.

Тётка Прокопио заканчивала своё показание, а мэр то скрещивал руки на груди, то опускал их. *Ничего того он не слышал, не видел, был слишком мал, был слишком далеко оттуда, он никого бы не узнал, ни в чем не мог бы поклясться.*

— Маленьких детей, — продолжала она, и пальцы скрещённых рук мэра впились ему в предплечья. — Не знаю, кто они были и убежали ли после всего этого. Надеюсь, что убежали. Такие крохотные и нежные, что их могло унести в ночь, как пёрышки.

— Я даже не помню, видел я эту женщину и её сына или нет, — бормотал граф. — Всё было в дыму... Всех они убили, понимаете, а потом всё обшарили... искали везде, кроме подвала...

И колокольни. Мэр закрыл глаза и тут же вновь широко открыл, чтобы избавиться от старого видения колокольни, чью дверь с грохотом осыпали пули, колокольню, с которой падали тела, одинаково — что большие, что маленькие, что тяжёлые, что лёгкие. Закон Галилея.

— Почему ваш отец и его подручные не заглянули в подвал, граф?

— Я не сказал им. А они все были слишком возбуждены, не догадались.

— Ему было лишь двенадцать лет! Ребёнок! — Это говорила графиня, поднявшись со своего места. — Отец постоянно бил его! Старый граф был садистом! Хотите доказательств? Вам необходимо увидеть его шрамы! Чего вы, люди, ждёте от нас? Сколько ещё должны продолжаться эти взаимные обвинения?

Граф поднял дрожащую руку, успокаивая её;

— Не волнуйся, Грета. Понимаете, я надеялся... кто-то, может, ещё есть там, внизу, живой.

Магистрат, глядя на страдающего от сознания своей вины человека, который разваливался у него на глазах, попытался найти в себе чувство жалости к нему, но из-за того, что Маласпино так долго всё отрицал, это оказалось трудным делом.

— Какими мотивами руководствовался ваш отец, совершая столь варварский поступок?

— Мотивы? — повторил граф голосом отстранённым, почти безразличным, как у священника, говорящего об умершем прихожанине. — Думаю, он уничтожил Сан-Рокко, просто чтобы доказать: его способ — единственный способ избавиться от инакомыслящих. И он оказался прав, разве не так? Ни у кого не хватило смелости сказать ему слово против, во всяком случае после Сан-Рокко. Он умер в своей постели в шестидесятых годах прославленным европейским политиком, выдвинутым британцами и американцами. Полагаю, он был известен как обладатель прекрасного винного погреба, чем и заслужил восхищение англичан.

Мэр, для которого название Сан-Рокко было проклятием и кошмаром всей жизни, чувствовал молчаливое требование людей вокруг назвать имена. Но не Дедушки и не дорогого дяди Клаудио, в этом он был уверен. Никто представить себе не мог, чтобы отказаться от дохода, который им приносила маленькая сделка его племянника Энрико с нацистами. Ни одна семья не желала слышать о подробностях несчастливого брака праведницы тётки Беллы, как не желала замечать грязь продажности под собственными ногтями. «Мы предпочитаем возлагать вину на наших политиков и крупных бизнесменов, — размышлял Примо и впервые с тех пор, как был мальчишкой, взмолился: — *Владыка наш небесный, пожалуйста, ради моего города, который я люблю, ради всех нас, пусть всё это кончится здесь, не пойдёт дальше*».

После долгой паузы, в надежде на какое-нибудь чудесное вмешательство, не позволившее бы ему продолжать, граф снова заговорил:

— Доменико Монтанья, человек, убитый несколько недель назад на свиноферме консорциума Нерруцци, — спокойно сказал граф. — Он был одним из тех, кто ответствен за происшедшее в Сан-Рокко. Думаю, это стало мучить его. И его сын, человек, которого на прошлой неделе нашли забитым до смерти, он был племянником двоих других. Первого судью, который пытался возбудить дело против консорциума Нерруцци, заставили закрыть дело.

Магистрат услышал звон колоколов, как обычно чуть вразнобой. Три часа, время ланча давно прошло. «Слава богу, — подумал он. — Мне хватило мужества сделать то, что был должен сделать, — и даже *больше*. С чистой совестью...»

— Там были ещё другие, но прежде чем... — сказал граф. — Я бы хотел спросить... на случай, если не...

Он в первый раз за всё время слушания повернулся к Муте и, бессильно опустив руки, стоял в молчаливом ожидании. Узкоплечий и прямой, он напомнил Шарлотте кипарисы вдоль дороги к вилле «Роза», а ещё таким ей виделся священник, стоявший под дулами убийц. Ей хотелось верить, что граф просит прощения за всех них, за каждого в этом идеальном городе, чьё молчание о происшедшем в Сан-Рокко сказало немой женщине: ты не нашей семьи, не нашего племени, ты сама по себе.

При каждом новом факте, упоминавшемся графом, глаза Муты вспыхивали. Она глубоко вдохнула, и зал замер в ожидании. Но слов не последовало, хотя уголки её губ дрожали от усилия. В своём молчании она слышала пронзительный крик мамы, видела её, крупную женщину с сильными руками, оттого что приходилось постоянно месить тесто для хлеба, которая отбивалась и кричала, и она закрыла глаза, зажала уши — *чего бы ни увидела, чего бы ни услышала, молчи*. Они уничтожили все слова, которые помнила Мута, все слова со стен подвала взлетели на воздух вместе с костями, перчатками, обувью, камнями, землёй, деревьями-пугалами. Все газетные статьи о Сан-Рокко были сорваны со стен подвала, пока она ждала, — для того, кто вытаскивал её оттуда. Она была там, в подвале, пока вонь, шедшая сверху, не стала невыносимой, она была испугана, никому не доверяла и потому однажды покинула подвал и потерялась.

Когда она вернулась, той, другой немой уже не было. Кто-то побывал в подвале и унёс её, и Мута больше не видела её до той поры, пока не пошла работать во дворец и не узнала на стенах, в киоске с открытками все те лица, которые прошли через Сан-Рокко много лет назад.

Да, Дадо, эта старая плоть, она простит, но душа, душа...

Она посмотрела на графа. Прочитав свой приговор в её глазах, он покачнулся и упал бы, если бы Прокопио и графиня не подхватили его под руки. Магистрат угрюмо объявил, что делать перерыв уже поздно и продолжение слушания переносится на завтра на десять утра.

ЧУДО № 42 КАК ОЖИВИТЬ СТАТУЮ

Паоло появился в суде сразу, как только закрыли двери зала, и ушёл, когда дежурный секретарь сказал ему, что синьоры Рикко внутри нет. Он вернулся через полчаса после того, как тётка Прокопио вошла в зал, но охранник в форме, стоявший у входа, предупреждённый магистратом не позволять больше никому мешать ходу слушаний, не впустил его.

— Да я только хочу узнать, появилась Донна Рикко или нет, — сказал Паоло. Он был возбуждён, его подвижное лицо выражало тревогу. Видя непонимание в глазах охранника, он добавил: — Девушка с телевидения: высокая, тёмноволосая, красивая.

На деле, охраннику не нужно было описывать девушку. Он прекрасно знал её, поскольку видел, как Паоло шествовал по городу, похваляясь своей спутницей-американкой, словно последней моделью «кадиллака», и теперь получал удовольствие от возможности принизить его. Не отвечая Паоло, он смахнул воображаемую пылинку с обшлага.

— Ну ты, чучело самодовольное! — не выдержал молодой реставратор. — Это-то можешь сказать! Небось не секрет!

«Сам ты чучело самодовольное», — подумал охранник, поминутно поправляя галстук и по-прежнему не отвечая.

Паоло выскочил из здания суда и заметил бесплотный силуэт Фабио, плывущий в тумане.

— Фабио! Ты видел, Донна входила сюда утром?

— Я тут всего десять минут, — пожал Фабио плечами, и его лицо опять скрылось в облаках.

Не зная, что предпринять ещё, Паоло присел за столик в кафе напротив суда и стал ждать. Он обратил внимание на человека за соседним столиком только потому, что в руках у того была римская газета и он читал в ней некрологи: то ли у этого типа привычка начинать с объявлений о смерти, то ли, наоборот, он дочитывал до последней корки, ожидая кого-то, кто сейчас в суде.

— Давно здесь сидите? — спросил Паоло.

Человек взглянул на него, но не ответил.

— Вы не видели, заходила в суд высокая черноволосая девушка?

— Высокая черноволосая девушка?

— Очень красивая, длинноногая — такую нельзя не заметить.

Шиферные глаза слегка прищурились, может, от какого-то приятного воспоминания.

— Я бы заметил. Нет... пожалуй, не видел. Паоло нахмурился и переспросил:

— Не видели?

Но человек опять уткнулся в некрологи.

Допив кофе, Паоло зашёл в соседнюю лавку купить и себе газету. Когда он вернулся в кафе, человек уже ушёл. Паоло не обратил на это внимания. Он никак не мог сосредоточиться на новостях. Всякий раз, как раздавались шаги, направлявшиеся к суду, он вскидывал голову, надеясь, что это Донна. Где же она?

Немного погодя он заметил, что у суда начала собираться толпа. В сером небе появились разрывы, в которые проглянула синева, и остатки тумана легли на площадь толстыми белыми ключьями. Паоло пришлось пробиваться сквозь толпу, быстро собравшуюся, когда из суда

стали выходить небольшими группками люди. Их фигуры возникали на солнце из низко стелющегося тумана, как видения святых или воинов — из дыма сражения.

Первыми появились Лоренцо и шеф полиции с несколькими своими людьми, за ними — сбитый с толку Анджелино с матерью, затем граф, поддерживаемый женой и Прокопио, и рядом с ними Шарлотта. Когда вышел граф, толпа негромко засвистела, но при появлении Муты все на секунду замолчали. Идя между медсестрой и врачом, она подняла руку, заслоняя глаза от вспышек сотни фотокамер, от микрофонов, протянутых к ней репортёрами, которые увидели её на ногах и поспешили сделать ложный вывод, решив, что произошло ещё одно чудо, как решили и в толпе зевак, многие из которых явились в ожидании увидеть ответ Урбино Фатиме. Со всех сторон беспрестанно раздавался один и тот же вопрос:

— Что вы чувствуете? Чего вы хотите?

— После пятидесяти лет молчания — что вы чувствуете?

Шесть десятков голосов: *чувствуете чувствуете чувствуете думаете чувствуете хотите чувствуете чувствуете чувствуете*.

Она безучастно смотрела на них, безгласный оракул. Когда стало ясно, что никаких пророчеств им от неё не дожидаться, журналисты, как свора гончих, бросились к графу. Даже ведущие Муту врач и медсестра переключили своё внимание на него, любопытствуя, что граф скажет за стенами суда. Назовёт ли остальные имена в своей переключке убийц?

Горожане, которых собрала жена мэра, приготовили боеприпасы, а двое её друзей развернули длинное полотнище, на котором от руки было написано по-итальянски:

МЫ ЗНАЕМ, НО У НАС НЕТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В одной руке жена мэра держала очищенное яйцо. Но она помедлила бросать, увидев, как тяжело опирается граф на жену, которая крепко обхватила его, так что, когда первый помидор ударил его в грудь, взорвавшись алым на строгом костюме, графиня пошатнулась и едва не упала под весом графа. Фотоаппараты были наготове, чтобы ухватить его выражение, когда второй помидор ударил его в лоб и сок потёк, как кровь, по лицу, хотя несколько камер засняли третий и четвёртый помидоры, пролетевшие мимо графа, но попавшие в графиню с такой силой, что её голова с элегантно причёской мотнулась набок. Так что полиция и репортёры, врачи, медсёстры и судьи не заметили первого выстрела, графиня тоже. Пуля прошла мимо неё и мимо мужа, поскольку в этот момент пошатнувшаяся графиня резко дёрнула его, увлекши за собой.

Прокопио с комическим удивлением посмотрел на алую черту у себя на руке, ближайшей к графу. Он тронул отметину и увидел, что пальцы мокры от крови. «Господи!» — прочитал Паоло по его губам, и тут Прокопио повернулся, крича что-то графу, — по раскрывавшемуся рту было видно, что кричит. Среди этого шума и хаоса он казался Паоло фигурой из немого фильма или того кошмара, когда кричишь, взывая о помощи, а голоса нет.

Человек в светло-сером, цвета тумана, костюме стоял в тени статуи, рукой опираясь о постамент, когда яростная толпа бросилась к находившейся перед ним телеге с овощами запасаться снарядами, — кто её там оставил, будто специально, не удалось выяснить ни тогда, ни потом. Укрываясь за горой помидоров, сероглазый человек в сером костюме прицелился снова, но его руку задел мальчишка из толпы, схвативший помидор и с невероятной точностью пустивший алый снаряд в цель. Помидор попал графу в грудь, но граф не почувствовал удара, пока через несколько секунд не повис на жене и не начал опускаться на колени.

— Вставай, Дадю! — шептала она, безуспешно стараясь удержать его. — Ты должен встать и смотреть им в лицо!

Она хотела, чтобы он, по крайней мере, не терял достоинства. Не понимала, что происходит. Она думала, что в него попал очередной помидор, даже после того, как его кровь потекла по руке, которой она поддерживала его, и она так закричала, что у звукооператора с национального телевидения едва не лопнули перепонки под наушниками. Он выругался и

выронил микрофон и потому не записал затихающих слов графа: «Всё хорошо, дорогая, мне не больно...» Он чувствовал, будто погружается в холод старого бассейна и тело его немеет, а ноги, такие лёгкие, поднимаются к поверхности. *Не могу достать дна десятифутовым шестом, ох! дуу-да-день*. «Тише, тише, *cara*», — прошептал он, и другие слова, которые знала только она, его единственная женщина, и которые она уже не могла расслышать, как ни напрягала слух. Тяжесть крыльев тянула его вглубь. На лице выразилось облегчение, словно он долго искал старого друга в толпе, кого-то, кого не видел многие годы и наконец только что вновь нашёл.

Воспользовавшись паникой, поднявшейся вокруг графа и графини, как прикрытием, серый человек вышел из тени Рафаэля, чтобы без помех поразить следующую цель. Единственный его свидетель искусно изображал статую, стоя на постаменте, оставшемся на площади после того, как саму её перенесли во дворец для реставрации. Несостоявшийся художник, футболист-любитель, внук фашиста, Фабио не думал об опасности, когда во вратарском прыжке метнулся с постамента, — нелепая, оперная сцена, восхитившая туристов и других зевак, доселе не обращавших на него внимания. Раздался смех, аплодисменты. Спектакль во всей красе! Великая итальянская мелодрама! Оживший бронзовый Рафаэль целился в серого человека, в его руку с пистолетом, и он сумел отбить её, так что пуле не удалось прочертить свою грифельную траекторию через площадь к мишени; вместо этого она пропорола неровную борозду в животе вратаря, прошла мимо сердца и вышла сквозь артерию на шею; из зелёного раскрашенного тела фонтаном ударила кровь, заливая белый булыжник мостовой, и хлестала в такт с биением сердца Фабио, постепенно затихая, пока наконец не остановилась.

К этому моменту к нему успел подбежать Лоренцо и сильными чистыми стариковскими руками поднял голову внука с окровавленного булыжника.

— Прочь от моего сына, ты, дьявол! Убери от него свои руки! — закричат на отца шеф полиции.

Охваченный отчаянием, он проложил себе путь сквозь толпу и оттолкнул Лоренцо.

— Это твоя работа! Не трогай его. Он ненавидел тебя!

Мута не видела, как Шарлотта стиснула здоровую руку Прокопио. Она не знала, что внимание всех было приковано к первому за почти пятьсот лет живому представлению, шедевру искусства в патриотическом красно-бело-зелёном цвете, исполненному здесь! сейчас! на главной площади («Комедия, комедия, комедия», — качал головой мэр), потому что в то мгновение, как Фабио взлетел во вратарском броске и сбил серого человека наземь, она ускользнула от медсестры, затерялась в величавой карусели первой в этот вечер урбинской *passeggiata* и устремилась дальше, по кольцам улиц, мимо пандуса с нацарапанными на его стенах именами героев и злодеев, к Рыночной площади, где автобусы выгружали новые орды паломников. Незаметная одинокая фигурка, быстро шагающая, затем бегущая. Когда она достигла леса за мощёной дорогой, её уже ждал волк, и несколько шагов они пробежали вместе, бок о бок, пока всякому, кто мог видеть их, не показалось бы, что две худые фигуры, более призрачные, чем всегда, слились в одну длинную серую тень, мчащуюся по извилям долины Сан-Рокко, вверх по крутому холму, чтобы исчезнуть навсегда.

ЧУДО № 43 ЧУДЕСА ПОКАЯНИЯ

— Конечно, монсеньор Сегвита всё отрицает, — сказал мэр своему приятелю Франко, когда бармен вернулся после растянувшегося на год медового месяца со вдовой сестрой синьора Томмазо.

Они съездили в Чикаго навестить Беппо, брата Франко, с прицелом обосноваться там. Но Франко слишком скучал по дому, чтобы думать о перспективе стать американцем. У Прямо набралось достаточно открыток с безымянными небоскрёбами, чтобы понять это:

*Здесь очень сильный ветер. Трюфелей нет. Домашней гриппы, о которой
стоило бы говорить, тоже нет.
Франко (и Мона)*

— Против него нет никаких доказательств, так, Примо? — Франко не хотелось бы сообщать плохую новость Моне, ещё более религиозной, чем его первая жена, несмотря на чёрные шёлковые чулки.

— Против его брата — сколько угодно, но ничего конкретного против епископа, пока, — проворчал мэр. — Он убрался в Рим в день слушания. Но когда разыскали брата монсеньора, появилось много вопросов. Слышал о Карло?

— Ещё бы, Примо, ты как думал? Даже в Америке слышали о Карло Сегвите. Да к тому же, как он умер... Это тебе не обычное самоубийство бизнесмена, раз его нашли повешенным под мостом...

— Особенно когда руки связаны за спиной, — сухо поддакнул Примо. — Ничего себе самоубийство. А его братец епископ...

— За спиной? Ты это точно знаешь?

Мэр пожал плечами:

— В любом случае епископ... сперва к нему пришли неофициально, но когда он отказался сотрудничать...

— Кто это предлагает такое?

— Прокуратура, члены отдела по расследованию финансовых преступлений... Так или иначе, как мне рассказывали, ему предъявили ордер на обыск его дома в Риме...

— Ордер! Они предъявили ордер *епископу!* Жене это не понравится.

— Ну да, епископу, а почему нет? — Раздражённый мэр поспешил закончить рассказ, пока Франко снова не перебил его. — Монсеньор Сегвита тут же пригрозил международным скандалом и заявил, что его резиденция подведомственна Папе, на неё распространяется дипломатический иммунитет и она обладает статусом экстерриториальности — может, даже экспанетарности, не исключено. Так что сейчас ситуация патовая, пока правительство и Папа не договорятся. Возьми хоть этого фашиста Личио Джелли — обвинён в торговле наркотиками и оружием, мошенничестве, вымогательстве, — загибал Примо пальцы. — Сел в тюрьму в Швейцарии, бежал и сейчас живёт себе здесь и в ус не дует, несмотря на все обвинения!

Франко налил им ещё граппы.

— А девчонка, Примо, что с ней произошло?

— Как вышла из больницы, поклялась на куче Библий, что ничего не знает, ничего не видела, кроме одного человека, того парня, которого взяли за убийство Маласпино, и не имеет понятия, почему он напал на неё. И стоит на своём. Она вернулась в Канаду. Родители приехали и увезли её, едва только врачи разрешили.

— Моя жена переживает за неё.

— Лучше пусть переживает за Паоло. Бродит словно в воду опущенный, ждёт, что она вернётся. Глядя на него, камень заплачет.

— Он любил её, скажи, Примо? По нему это видно было, когда он пришёл сюда после смерти Фабио.

Оба усиленно заморгали и одним глотком проглотили граппу.

— И больше никаких чудес, как Фабио умер, это точно? — спросил Франко.

— Как Фабио умер, Паоло прекратил свои штучки. Мэр покачал головой:

— А картина?

— Кровь остановилась. Высохла. Но ни Ватикан, ни полиция не знают, что делать. Ватиканские власти, разумеется, запретили своим людям публично высказываться по этому поводу. Обычное поведение, когда раздражается скандал. Так они поступили после того, как

появились сообщения о священниках-педофилах. Они отвергают все просьбы о предоставлении какой-либо информации, отказывают посторонним организациям в доступе к своим документам, живут замкнуто, за закрытыми дверями, и утверждают, что любые неподобающие слухи — дело тех нечестивых душ, которые, как Лютер, прислушиваются к тому, что им нащёптывает дьявол.

Ещё несколько месяцев после возвращения Донны в Торонто ей приходили письма из Урбино. Она не вскрывала их и не смотрела на обратный адрес, не желая и вспоминать об Италии. «Нужно время, чтобы затянулись не только её телесные, но и душевные раны», — рассуждали родители.

Когда к Донне вернулись и здоровье, и речь (падение в подвал вызвало временную дисфункцию гортани), она вновь пошла учиться. Окончила курс французского и итальянского. Современной истории. Искусства Возрождения. Производства телепрограмм. В итоге устроилась на скромную должность на местной телестанции, а через несколько лет её уже взяли вести программы по искусству на кабельном телевидении; так она вновь оказалась в Европе, разумеется в Италии.

Теперь, говоря перед камерой с уверенностью специалиста и от себя, а не читая кем-то написанный текст, она рассуждала о произведениях делла Франчески в Аретцо и Рафаэля в Ватиканском музее. Разглядывая, задрвав голову, плафон Сикстинской капеллы (отчего в 1993 году у неё только шея затекала), она была способна наслаждаться экспрессией мускулистых, страстных фигур Микеланджело. Семь лет спустя Донне не требовался учитель, чтобы указать на резкий контраст между произведениями флорентийской школы и Пьеро делла Франчески, все фигуры которого из-за его одержимости светом и источником света обретали торжественную, мраморную неподвижность.

— Самые скромные персонажи полотен делла Франчески остаются отстранёнными от зрителя, словно они участники действия космического масштаба, — произнесла Донна, обращаясь в телекамеру, — тогда как на картинах Микеланджело и Рафаэля даже ангелы чувственны и осязаемы; эти художники живут в одном дрящемся пространстве с нами; они в той же мере часть нашего мира, как мы — часть их мира.

Донна поняла, что повторяет в точности или очень близко то, что много лет назад говорила Шарлотта, и вспомнила пример, который приводила Шарлотта, — одну из поздних работ Рафаэля, его последнее «Преображение», окончить которое ему помешала смерть, где само это религиозное событие отнесено на задний план, а на переднем изображена волнующая, полная напряжения сцена, значение которой осознаётся не сразу. Христос изгнал демонов болезни, завладевших мальчиком. Не завладели ли вот так же юным графом те взрослые — как бесы? В памяти Донны всплыли другие, более мучительные события, и ей стало открываться, что картина, центром которой, казалось ей, она являлась, на самом деле была портретом кого-то другого. Она же — второстепенная фигура заднего плана, важная для динамичной композиции полотна в целом, не больше того.

— Отлично, — сказал режиссёр. — Донна, ты сама-то довольна? Хочешь вернуться в отель или сделаем ещё дубль?

— Да, — сказала Донна, отвечая на совершенно другой вопрос. — То есть я имею в виду нет, думаю, всё хорошо получилось.

«Да, я хочу, готова вернуться. Что там Шарлотта говорила о том, в чем как она считает, гениальность Рафаэля? Что-то вроде того, что он подчёркивал ценность *человеческого* чувства и страдания, показывая нам, что пока мы — малая часть более обширного полотна, мы неотделимы от него».

Когда Донна наконец собралась возвратиться в Урбино, она отказалась от наиболее простого способа — взять в Риме машину напрокат, а избрала долгий и медленный путь паломника — сначала поездом до Ареццо, вторым классом, в вагоне для некурящих, где было не продохнуть от сигаретного дыма. Курили двое франтоватых солдат, ехавших с их сестрой и крупнотелой мамашей, облачённой в чёрное. Их брат, объяснила на ломаном английском сестра, был недавно убит при восстановлении знаменитого кафедрального собора в Ассизи; трагедия, впрочем, не лишила семейство аппетита. Между сигаретами они беспрестанно подкреплялись — крепким красным вином из оплетённой бутылки, сморщенными маслинами, хлебом с хрустящей коркой, который один из солдат нарезал большим ножом с пилообразным лезвием, прижимая краюху к груди, а мамаша потом натирала свежим чесноком, а кроме того, твёрдой, сухой, черноватой начесоченной колбасой, тугими красными помидорами размером с небольшой капустный кочан — и настойчиво угощали Донну, не слушая её протестов. Постепенно запах чеснока и свиной колбасы заполнил весь вагон, так что, когда Донна сошла в Ареццо, от её одежды разлило, как от коптильни, но ядрёный этот аромат мог лишь вызвать симпатию к ней у пассажиров автобуса, которым она отправилась из Ареццо дальше, через мрачный городок Сансепулькро, а там, едва сдерживая тошноту на головокружительной дороге, через *Alpe della Luna* («Лунные Альпы», — шептала она себе), мимо полупустых деревень и одиноких крашенных известью и охрой ферм, разбросанных среди дикого пейзажа, которые напоминали детский рисунок своей квадратной незатейливостью. Наконец под вечер она добралась до Урбино, на его двух холмах.

Университет несколько разросся в сторону западного склона, а по окраинам появилось больше шале в швейцарском стиле и необрутальных международных отелей, но Урбино, по крайней мере его центр и суть, ничуть не изменился, чего нельзя было сказать о ней самой.

Её удивило, как хорошо она помнит планировку города, невероятно сложную для прежней, молодой Донны. Может, это было потому, что названия улиц — Гарибальди, Возрождения, Мадзини, Маттеоти — теперь, через столько лет, обогатились для неё новыми ассоциациями и смыслами, и ноги сами, почти без участия сознания, находили дорогу. Помня ими хоженные маршруты, они вели её по улицам, пахнущим дымом дровяных печей и розмарином, к узкому проходу за виа Рафаэлло (где пирожные и пастри в витринах старых кафе выглядели ещё более восхитительно барочными, нежели, как ей помнилось, были семь лет назад), а потом за угол к дверям Каза Рафаэлло.

Не зная, что делать дальше, Донна постояла у дома, пытаясь прочесть латинскую надпись на мемориальной доске, висевшей на стене.

— Это дом Рафаэля, теперь в нём музей. — Голос, говоривший по-английски с лёгким акцентом, принадлежал хорошенькой итальянке, может, немногим моложе Донны. — Внутри очень мило. Очень... *simpatica*. Вы можете зайти.

— Да, — сказала Донна. — Знаю. Я здесь недолго работала несколько лет назад.

— Но... — чёрные глаза девушки расширились, — я знаю вас! Вы Донна Рикко, да? Великий наш герой — то есть героиня! Я видела все те статьи в старых газетах. Моя коллега хранит их. Она захочет увидеть вас!

— Коллега?

— Она сотрудничает с Академией Рафаэля, и мне повезло, что я работаю с ней, потому что моя бабушка была сестрой отца Франческо.

Донна улыбнулась. Она первый день как вернулась в Урбино и уже снова закружилась *passeggiata* неясных, сложных связей.

— О, я не уверена, что — ваша коллега? — не уверена, что ваша...

— Шарлотта никогда не простит мне, если я позволю вам уйти! Входите, входите! Я Нина, её помощница.

Шарлотта.

— И давно она здесь... ваша коллега?

— Она появилась перед тем, как случилось чудо, то, которое мы, кто верит в него, давно

называем Чудом Сан-Рокко. — Голос девушки упал. — Не выдавайте Шарлотте, что я так говорю! Она не любит подобные разговоры. Она... человек науки, знаете? Очень дружна с мэром, профессором Серафини и всей их компанией.

Встретяся они на улице, узнала бы Донна Шарлотту в этой улыбающейся женщине, которая устремилась к ней? Теперь Шарлотте было порядком за пятьдесят, и выглядела она не такой тощей и блёклой, как прежде. Работа в Италии пошла ей на пользу: лицо смягчилось и просветлело, стало живее, как портрет, на котором освежили красочный слой. Донне, на которую работа на телевидении оказала противоположное действие, это казалось невозможным. «Я, наверно, романтизирую влияние этих мест», — подумалось ей.

Шарлотта обняла её за плечи и расцеловала в обе щёки. Как это не похоже на прежнюю Шарлотту!

— Донна, до чего же чудесно снова увидеть тебя после стольких лет! Я позвоню Франческо, скажу, что ты здесь, а потом...

— Франческо?..

— Франческо Прокопио, моему мужу. Прости, я так привыкла, что здесь все обо всех всё знают, что забыла, как живут за пределами нашего маленького мирка. Но Франческо захочет увидеть тебя. Ты должна пойти к нам — выпьем по стаканчику, потом обед.

— Ой, прямо не знаю... то есть у меня мало времени...

— Чепуха! Просто необходимо подкормить тебя, пока ты здесь. Слишком ты худая... — Шарлотта засмеялась. — Прости — ещё раз! Я точно итальянские мамы! Но правда, мы бы так хотели услышать, как ты жила все эти годы... и нам тоже есть много о чем рассказать тебе. — Она дотронулась до руки Донны. — Пожалуйста, останься.

— Чем это так восхитительно пахнет? — спросила Донна, поднимаясь в квартиру на виа Рафаэлло, в которой Шарлотта жила с Прокопио.

— Это пахнет из кухни Франческо, — ответила Шарлотта. — Вход в кафе на другой улице. Ужасно опасно для *bella figura* — каждый раз, как прохожу в дверь, тут же разыгрывается аппетит.

Квартира была невелика, хотя благодаря планировке производила противоположное впечатление. Полная света, с высокими потолками, огромными окнами и скрипучими полами с узкими половицами цвета чёрной патоки и свободно стоящей мебелью, стенами, увешанными превосходными карандашными рисунками зданий и статуй.

— Это её работы, — шепнула Нина. — Она состоит в комитете по реставрации памятников Урбино.

— Прекрасные рисунки, — быстро и тактично сказала Донна, хотя в тактичности не было необходимости — рисунки и в самом деле были превосходны. — Узнаю некоторые здания.

— Но, думаю, не торты! — тут же засмеялась Шарлотта, словно смех всегда был у неё под рукой. — Некоторые из тех набросков — выставочные торты, которые я придумала для витрин Франческо и его экспозиции на ежегодных ярмарках. О моих нынешних художественных подвигах ты можешь услышать от Нины, я же пока пойду приготовлю кофе.

Нина дождалась, когда с кухни донёсся звук кофейной мельницы, и сказала:

— Трижды в году Шарлотта перенимает от Франческо бразды правления и создаёт эти потрясающие марципаново-бисквитные пейзажи Урбино для витрин его кафе. Каждое здание настолько точно повторяет оригинал, что невозможно поверить, что они не настоящие, только видимые как бы с расстояния. У Шарлотты, как сказал Франческо, говорящие пальцы, и действительно, в том, что касается пастри, она подлинный художник.

— Ваш английский очень хорош — она вас учила?

— Нет, но благодаря Шарлотте я год училась в Америке. А она помогает мне избавиться от акцента.

Я перебила — вы рассказывали об этих её сладких пейзажах...

— Единственный, кто ей помогает, — это Паоло, профессор консервации памятников в Свободном университете. Красавчик! — усмехнулась Нина. — Его студентки, можно сказать, поголовно влюблены в него, каких только предлогов не придумывают, чтобы пройти мимо кафе Прокопио, когда Паоло и Шарлотта целый день ползают в витрине, будто два Гулливера среди сахарных лилипутов.

— Паоло... Не работал ли он с ней над реставрацией Рафаэля?

Девушка в смятении зажала рукой рот:

— Ой, простите, синьора, совсем забыла, что...

— Ничего, Нина. Это было давно. — Донна улыбнулась той улыбкой, которой обычно подбадривала тех, кто немел перед микрофоном. — Скажи, а Паоло — он женился?

— Ну да, — взхлёб заговорила девушка, — хотя два года ждал, что, может, вы передумаете! Очень романтично, правда? А потом сдался и женился на Флавии. По крайней мере, так рассказывала Шарлотта, женился пять лет назад под Рождество, когда я приехала сюда с Сицилии. Как-то вечером мы с Шарлоттой были на кухне, готовили *tagliatelle*, домашнюю лапшу, которую она делает с корицей, толчёными орехами и шоколадом, — этот рецепт времён Ренессанса она нашла в одной из старинных книг Франческо...

— Тогда она и рассказала о... — осторожно вернула Донна девушку к интересующему её предмету.

— О да... кажется, я спросила её, не впрямую, конечно, почему она осталась тут, а не вернулась, и как вышло, что женщина её достоинств вышла за Франческо, моего дядю, который, может, хороший мороженщик, но нужно смотреть правде в глаза, правда? Скажем так, не самая яркая лампочка в люстре... — Нина остановилась, возможно, вспомнив, что следует хранить верность человеку, которому стольким обязан, но удержаться не могла. — Всё равно, может, вы не забыли, что Шарлотта иногда была способна за целый день не проронить ни слова? Но в тот вечер, когда я спросила, как они встретились... в общем, она начала и, видно, не могла остановиться. Она раскатывала, вытягивала и переворачивала жёлтый пласт теста, каждый раз подсыпая немного муки, и пласт становился длиннее, шире, и тоньше, и эластичнее, и то же самое её рассказ. Всё это время она не переставала раскатывать тесто и резать большим ножом на длинные пергаментно-жёлтые ленты, как фразы. Так, — улыбнулась девушка Донне, — я и услышала обо всём, понимаете... о вас и Паоло, о немой и обо всём остальном. И вы не можете представить, что Шарлотта сказала в конце, потому что на неё очень не похоже быть хотя бы чуточку суеверной...

В дверях появилась Шарлотта, неся поднос с кофе и пирожными.

— Что там Нина нафантазировала обо мне?

Девушка широко улыбнулась и договорила:

— Картина была свидетелем, сказала тогда Шарлотта, единственным, который, не в пример нам, увидел надвигающиеся перемены (или Возрождение, революцию, трагедию — назовите это как хотите), несмотря на то что каждый из нас получил недвусмысленное предупреждение.

В конце концов Донна осталась: посмотреть, как Прокопио переделал кафе, и полюбоваться рисунками тортов для сельскохозяйственной ярмарки этого года. Осталась на стаканчик вина и обед, долгий, но без вычурных блюд, во время которого часто ловила взгляд, устремляемый Прокопио на жену, и тогда вокруг его глаз блуждала лёгкая улыбка, словно он не мог поверить своему счастью, а лицо Шарлотты, смотревшей на него, озарялось изнутри.

«Видно, в нём оказалось больше свечей, чем представлялось», — сказала себе Донна.

Когда Прокопио отправился спать («Завтра мы делаем очень сложное многослойное сицилийское пастри, так что придётся начинать спозаранку!»), Донна осталась послушать историю Шарлотты, начавшуюся на гребне холма, который возвышался над виллой «Роза», на грани между до и после, или-или.

— Может, следовало поступить иначе? — спрашивала Шарлотта. — Если бы я не предпочла лёгкое решение и не повернула назад, когда охотники скрылись за холмом, смогла

бы я остановить или изменить то, что произошло? Была бы сейчас здесь, с Франческо? Был бы граф Маласпино до сих пор жив? А Паоло... — Она переменяла тему. — Что-то я разболталась. Как ты, Донна? Расскажи о своих успехах — у тебя всё хорошо?

— Что «а Паоло»? Продолжайте, Шарлотта, что вы собирались сказать?

— Просто... — Она снова сделала паузу, а потом договорила, несколько смущённо, как прежде: — Он очень сильно любил тебя.

Чувство горечи, которое Донна подавляла в себе все эти семь лет, сдавило грудь, и она наконец-то дала ему выход:

— Не настолько сильно, чтобы навестить меня в больнице!

Глаза Шарлотты расширились.

— Но он приходил! Мы все приходили! Пытались увидеть тебя. Твои родители — твой отец — не пустили нас к тебе, а врачи не разрешили ему. Сказали, что это не пойдёт тебе на пользу.

— Полиции они разрешили довольно быстро.

— Мы ничего не могли поделать.

Донна покачала головой, не принимая извинений Шарлотты. Не могла этого себе позволить. Последние семь лет она жила в полной уверенности, что Паоло отказался от неё, когда она нуждалась в нём больше всего, и эту боль она душила в себе, как терьер кусающуюся крысу.

— И потом, он писал тебе, — продолжала Шарлотта. — Мы оба писали, но Паоло слал письма одно за другим.

— Я их не читала, — сказала она и подумала, что все их выбросила. — Мне казалось...

— Что тебе казалось?

— Что вы обвиняете меня...

— В чем, Донна?

— В том, что я выдала Муту... а потом вы могли решить, что я лгу... ради собственной шкуры... но полиции я рассказала то, как я это видела. Что видела. В то время.

— Ты описала полиции только одного из напавших, — сказала Шарлотта, читая в мыслях Донны, — человека, которого они позже установили, Бенни Стрелка, убившего графа Маласпино. Был ли он один, Донна?

— Это был человек, ударивший меня в Сан-Рокко.

— Но они считают, что там был кто-то ещё. Анджелино в своей путаной манере показал, что видел ещё одного человека в Сан-Рокко. Он назвал его дьяволом.

— Я не могла разглядеть его. Он был далеко от меня. Наблюдал. Не вмешивался. Он бы не ударил... Он не ударил... Просто смотрел. Ничего не говорил. А потом, понимаете, мне было слишком... скакали мулы... пыль поднялась такая... Как я могла быть уверена, что?.. — Донна почувствовала, как Шарлотта накрыла ладонью её руки. — Тот... другой человек... просто был там... он, возможно, спас мне жизнь...

— Анджелино спас тебе жизнь. Он вытащил тебя из подвала, а потом он и его мать отвезли тебя в больницу. Паоло искал тебя с того момента, как ты не пришла на свидание. Всю ночь был на ногах, с ума сходил от тревоги за тебя. Он пропустил суд, потому что пытался найти тебя.

— Надо... позвонить ему... повидать его... — Думаю, лучше будет...

— Что?

— Не делать этого.

— Не говорить с ним? Не видеться?

— Он счастлив теперь...

Донна старалась удержаться, не стискивать кулаки под успокаивающей ладонью Шарлотты. Это больше напоминало прежнюю Шарлотту. Не жалуйся, держи себя в руках.

— ...с Флавией, — выговорила она наконец.

— У них двое сыновей. Чудесные мальчишки. Он очень занят в университете, тем не менее находит время помогать и мне, и профессору Серафини.

Донна молчала, и Шарлотта спросила:

— Помнишь Серафини?

После долгого молчания Донна сказала:

— И всё же я не виню монсеньора Сегвиту, как тогда, когда ещё верила во всемогущество священников. Ему, наверное, не сказали, что... как там его, Бенни? Что замыслил Бенни. У монсеньора Сегвиты, возможно, были свои основания... Возможно, он остановил Бенни, не дал ему...

— Брат Сегвиты был одной из важных фигур в руководстве консорциума Нерруцци и пожертвовал Ватикану миллионы. Полиция подозревает, что твой монсеньор многие годы знал тайну Сан-Рокко и молчал.

— Подозревает?

— Он скончался от сердечного приступа вскоре после того, как Карло Сегвиту нашли повешенным под мостом.

Мягкий свет полной луны падал через окно на лицо Шарлотты, высвечивая тонкие морщинки на нём, похожие на сеть трещинок на фарфоре. Лицо, полное доброты и трудно доставшегося счастья, подумалось Донне. Она заметила на стене за спиной Шарлотты помещённый в рамку фотоснимок Рафаэлевой «Муты», странно расфокусированный, а может, сделанный с двойной экспозицией. Шарлотта, безусловно, в состоянии иметь лучшую копию, чем эта, — почему она держит эту? А может, это лунный свет падает так, что фотография кажется нерезкой. Нет, встав и подойдя рассмотреть её получше, Донна увидела, что, похоже, камера шатнулась в тот миг, когда щёлкнул затвор. Такой снимок мог быть сделан во время землетрясения, к тому же на всей поверхности виднелись линии крохотных точек.

— Это копия спектрограммы «Муты» в инфракрасном свете, сделанная монсеньором Сегвитой, — объяснила Шарлотта. — Он прислал её мне незадолго до своей смерти. И никакого объяснения, кроме записки со словами: «Религия, особенно католицизм, существует, чтобы предложить то, что не подлежит сомнению. Признайте, что служители Церкви виновны в человеческом грехе, и вы рискуете уничтожить великое дело». Предполагаю, он думал, что мне может понравиться свидетельство... Так что после того, как Ватикан забрал картину в свои хранилища, всё, что нам осталось, — вот эта копия, мои рисунки и фотографии, сделанные Паоло в процессе нашей реставрации.

Донна прикоснулась к точкам.

— Эти точки — частицы угля, оставшиеся на холсте, когда Рафаэль переносил на него первоначальный эскиз, — сказала Шарлотта. — По ним можно определить, как он изменил положение руки и головы.

— Это похоже...

— Да, на портрет двух разных женщин.

Луна скрылась за черепичной крышей дома напротив. Шарлотта в раме окна теперь была в глубокой тени — двухмерный силуэт. Чиароскуро, подумалось Донне.

Вокруг разлились тишина и тьма.

— Вы не боитесь, Шарлотта? После того как Прокопио доказал, что знает так много и многих может разоблачить, не боитесь, что люди, виновные в трагедии Сан-Рокко, вернуться?

— Вернутся? Да они никогда и не скрывались. Они всегда здесь. Мы видим их каждый раз, когда идём за кофе на пьядца Република. Но никогда не покупаем у них ни кофе, ни поленту, ни вино.

— Установили своё эмбарго? — не смогла сдержать улыбку Донна. Как это похоже на Шарлотту!

Покидая на другое утро Урбино, Донна намеренно выбрала не самую короткую дорогу и направилась на стоянку автобусов по тихим сводчатым галереям корсо Гарибальди под стенами дворца, где когда-то преследовала тень Муты. Дойдя до входа в спиральный пандус, она заметила, что теперь там появился автоматический лифт. Не желавшие тратить усилия и подниматься пешком могли воспользоваться им за ничтожную плату. Донна, из головы у

которой не шёл вчерашний рассказ Шарлотты, предпочла идти пешком. На лестнице, кроме неё, никого не было, не считая зрителя, всё того же нахохленного старика, что и семь лет назад, который шёл за ней следом. Не обращая внимания на его сердитое бормотание, она вела ладонью по надписям, нацарапанным на поверхности узких розовых кирпичей, ища одно имя. «Кто-то станет уверять тебя, что оно было там много лет, — сказала Шарлотта, — кто-то, что появилось только после суда. Зритель жалуется, что это сделали вандалы — вырезали его на кирпичях, он не знает когда. Какова бы ни была правда, имя там есть, примерно на середине пандуса, в третьем снизу ряду кирпичей».

Габриэлла Бальдуччи, 1932 —

Она нашла его; больше делать ей здесь было нечего, и Донна спустилась по широким спиральным ступеням пандуса в город, на яркое солнце, оставив историю своего приключения в Урбино раскручиваться позади вместе со всеми другими городскими историями. Занимая место в автобусе, она думала о том, что сказала ей вчера вечером Нина: «Трижды в год Шарлотта оформляет витрины, и это всё. На Обретение Святых Мощей в четвёртое воскресенье октября, на Рождество и на Великую пятницу — но не чтобы славить Христа, как можно подумать. Шарлотта говорит, что это в честь Рафаэля, чтобы отметить его рождение и его смерть. Рафаэля, самого знаменитого сына Урбино, который умер в 1520 году в Великую пятницу на Страстной неделе, точно в день своего рождения тридцатью семью годами раньше и чья вера в человечество, по словам Шарлотты, есть единственное несомненное чудо, подлинность которого она может подтвердить».

ОТ АВТОРА

Приношу извинения жителям Урбино и области Марке за то, что я придумала долину Сан-Рокко, как и различные памятники, подобавшие моему повествованию. Расследования, которые проводили *Mani pulite* («Чистые руки»), — реальный факт, и так же реальны Итальянский комитет по исследованию паранормальных явлений, дом Рафаэля в Урбино и его картина «Мута», однако профессор Серафини — фигура вымышленная, как не существует ни скрытого шрама на лице героини рафаэлевского портрета, ни шрама на репутации Урбино, хотя его стены действительно были заминированы во время Второй мировой войны отступающими немецкими войсками, а городская коллекция живописи была вывезена и хранилась за его пределами.

Выражаю особую благодарность Стефании Рамелли и Ренате Уарр за их консультации по итальянскому судопроизводству и селективному мутизму соответственно, а Ренате и за две прекрасные подаренные мне книги по коммуникативным расстройствам: «Селективный мутизм у детей» Клайва Болдуина и «Лингвистическое исследование афазии» Р. Лессера. Весьма полезны для меня оказались и другие книги: захватывающие дневники 1943–1944 гг. «Война в Аль д'Орсии» Айрис Ориго, «Марке, поговорки времён года» Дино Тибери, «Война в Италии, 1943–1944 гг.» Ричарда Лэмба, «История современной Италии» Пола Гизсборга и две книги Патрика Маккарти: «Кризис итальянского государства» и «Италия и её тревоги».

LESLIE FORBES
WAKING RAPHAEL
2003

www.megabook.do.am